

Руслан Галеев Радио Хоспис

«Радио Хоспис»: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46569-9

Аннотация

Темные страшные времена уже наступили: мир окружен Стеной, за которой зараженные люди превращаются в кровососущих чудовищ. Отгородившись от внешней опасности, никто и представить себе не мог, что бояться стоит не только зомби. Внутри самой Стены все не так спокойно и безопасно. Столкнувшись с расследованием серийных убийств, главный герой – детектив Стас Бекчетов – и не подозревает, какую ужасную тайну ему предстоит открыть.

Единственным лучом надежды среди обреченности и мрака становится запрещенное радио «Хоспис» и его таинственный ведущий, который, кажется, знает всё, что скрывает Правительство от уцелевших. Возможно ли избежать Апокалипсиса и где найти спасение человечеству, у которого нет будущего?

Предыдущие романы Руслана Галеева «Каинов мост» и «Черепеховый суп» разошлись многотысячными тиражами и заняли достойное место в читательском рейтинге лучших

книг об альтернативном будущем.

Руслан Галеев Радио Хоспис

Маршруты трамваев были неизменными, но никто не знал маршрута истории.

И. Эренбург. «Люди, годы, жизнь»

Часть первая Дни

«Доброе утро, Вьетнам! Доброе утро, Камбоджа! Непал, Уругвай, Северная Корея, Шотландия, СССР! Как дела, ребята? Нет уже такой страны, СССР? Вообще нет никаких стран? Да какая разница теперь, уважаемые? Вчера не стало СССР и Уругвая, завтра не станет нас с вами! И все, что я могу сказать по этому поводу: доброе утро!

Вы все еще живы? Долбанный вирус еще не заставляет вас харкать кровью? На ваш дом не рухнула бомба? И даже взбесившиеся триффиды не навестили вас в минувший сочельник? Да вы просто неудачники, парни! Весь мир летит под откос на огромном бронепоезде, а вы так и остались на платформе. Сдается мне, лентяи, вы даже билетов еще не купили. И знаете, что это значит? Это значит, у вас еще есть немного времени для классной музыки в компании со стариной Халли. А это же я, братцы! Старина Халли – это я! Такой же ленивый неудачник, как и вы: все еще живой, все еще несущий ерунду и иногда подключающийся к небесному эфиру качественного саунда. Прямо на волнах рэдио «Хоспис», последнего нормального радио отправляющейся ко всем чертям цивилизации... Доброе, мать вашу, утро!

Пристегните ремни, лодыри! Я провожу вас в последний путь этим прекрасным утром. Сегодня можете называть меня просто – Доктор Апокалипсис. И для начала я подготовил вам зубодробительную композицию «I Feel Good» в исполнении незабвенного Джеймса Брауна. Here we go, amigos, или, как говорят русские космонавты, поехали!»

Он выключил фары, свернув на узкую улочку между Стеной и задними дворами покинутого жителями квартала. Ветхие особняки за кое-где сохранившимися кирпичными заборами и остатками чугунных оград мертвыми глазами провожали его «Студебеккер». Как ни странно, здесь горели фонари, даже слишком ярко для такого места. Они превращали ночь в монохром дешевых черно-белых комиксов с легким уклоном в желтизну, как на последней странице газеты, слишком долго пролежавшей под батареей. Гипертрофированно четко выделялось все, что попадало в их расходящиеся лучи, а тень обрывалась абсолютным черным провалом. Без всякой надежды на компромисс полутонов. Мелко морозящий дождь практически ничего не менял, напротив, он играл в той же лиге, добавляя картине типографского шума.

Дом русского дворянина и в прошлом французского подданного Анатоля Бекчетова стоял чуть в стороне от остальных особняков, и даже теперь, в общем обветшании и упадке, он умудрялся сохранять некоторый налет аристократичности. Впрочем, фонари не церемонились и с ним, легко выхватывая у ночи отслаивающуюся краску, лишенные стекол оконные провалы и провалившуюся крышу. Дом выглядел гордым старцем, умирающим с поднятой головой, нацепив на латаный застиранный мундир все ордена и регалии. В принципе, так оно и было. Глупо, но возвышенно...

Стас остановил машину и заглушил мотор. «Санта-Моника», вот уже неделю терроризирующая город ледяными порывами, здесь почти не ощущалась за счет сдерживающего монолита Стены. И потому ничто не разгоняло застоявшегося запаха бескровного разложения. Запаха, который Стас не перепутал бы ни с чем. Так пахли

гниющие тела, лишенные крови и брошенные там, где были опорожнены. Это был запах опустившегося, переставшего следить за собой вампира, упыря-джанки, для которого голод стал единственным стимулом существования.

Стас не торопился, он не видел бойцов, оцепивших дом, но знал, что они здесь и следят за его машиной. Знал также, что как минимум один из них напряженно сжимает в руках снайперскую винтовку «Мусима». Поэтому Стас не имел права торопиться. Если он хотел остаться в живых сам и сохранить жизнь дорогого человека, даже и превратившуюся теперь в череду страданий – от сытого отупения до голодных поисков заблудившейся на Периферии жертвы. А он хотел. Он верил, что, несмотря на то что периоды сытости становились все короче, а голод все более ожесточенным, Анатолий узнает человека, которому когда-то заменил отца, которого воспитал по своему образу и подобию. Стас верил и потому был терпелив.

В ночном монохроме, несмотря на иссеченное моросью лобовое стекло, четко отражалась нижняя половина его лица: трехдневная щетина, искривленные усталостью губы, белесый росчерк шрама на подбородке. Верхняя часть лица была скрыта тенью от шляпы.

Итак. Медленно открыть дверь, вытянуть левую руку со значком детектива, ждать. Правая рука почти безвольно лежит на диске автомата «Лес Пол», забитом пулями с йодидом серебра в наконечниках. Он знал, что при необходимости сможет выстрелить, но верил, что такой необходимости не возникнет.

Низкое небо в росчерках лучей противозвоздушной обороны, которые казались бледнее местных фонарей, давило на город своей исполинской тушей. Небо было мертво и истекало трупной влагой.

Наконец на фоне Стены, словно из ниоткуда, появился человек без лица, вырисовывающийся на фоне кирпичной кладки лишь силуэтом. Он был одет в черный комбинезон и матовый шлем, поглощающий свет, в руках сжимал такой же, как у Стаса, дисковый автомат.

– Вы Станислав Бекчетов? – спросила матовая темнота, заменявшая человеку лицо.

– Да. Я детектив Второго Периметра и... приемный сын Анатолия Бекчетова. Думаю, я мог бы уговорить его сдать без боя. Думаю, меня он послушает, поскольку...

– Мне очень жаль, – не дала договорить темнота, – но мы обнаружили Анатолия Бекчетова мертвым. Там уже работают наши эксперты, и если вы хотите увидеть... Но, по их словам, он мертв уже третий день. Судя по всему, сознание на некоторое время вернулось к вашему отцу, и, когда голод снова пришел, он прибил левую руку и ноги железнодорожными костылями к полу. Потом, видимо, пытался перегрызть прибитую руку, но уже был слаб. Да и... вы же знаете, как выглядит тело вампира спустя три дня...

– Я могу выйти из машины? – спросил Стас, и на последнем слове его голос дрогнул.

– Да, я предупредил оцепление. – Человек в черном отошел в сторону, давая возможность Стасу открыть дверь полностью. Морось вдруг ошпарила лицо Стаса холодом. То ли ветер все-таки прорвался в лабиринты Периферии, то ли воздушные массы перемещались здесь по своим законам.

– Я бы... я не хочу видеть его таким, – подумав, сказал Стас. – Когда можно будет забрать тело из вашего морга?

– Думаю, завтра к полудню. Мы могли бы переслать его на адрес вашего Управления.

– Да... Спасибо, это было бы... А вы не выяснили, как он заразился?

Человек развел руками, и свет фонарей прошелся по стволу автомата, теряясь в отверстиях для отброса газа.

– Боюсь, что мы этого никогда не узнаем. Скорее всего, был укушен во время одной из экспедиций за Стену. Вы же знаете, он был сторонником экспансии, постоянно участвовал в экспедициях по поиску пригодных для жизни районов. Так что... – Человек зябко повел плечами и снова развел руки. Было и правда холодно...

– Ясно! – Стас кивнул и огляделся, пытаясь выхватить в этой картине какую-нибудь деталь, знакомую с детства. Но умирание не оставило даже такого нелепого утешения. –

Наверное, я здесь больше не нужен...

Он медленно сел в машину, потом, выглянув, предложил человеку:

– Хотите, оставлю вам свой термос? Там есть еще немного... относительно горячего кофе...

* * *

Он почти ничего не чувствовал, покидая тесные улицы Периферии. Не было боли, не накатывали волны печали, не давила тоска. Тот единственный срыв в голосе во время разговора с солдатом оцепления – вот и вся его реакция. А теперь в груди Стаса росла абсолютная пустота, неправильная, подменяющая реальность искусственным спокойствием, из которого тем не менее трудно было выбраться.

«Иногда искусственное реальнее настоящего, но верить ему не стоит. Доверять ему не стоит. Впрочем, со временем ты это поймешь, Стас, ты это осознаешь и научишься различать. Пока же поверь мне на слово...»

Он верил, и он научился, но сейчас так было проще. Да, неправильно, но проще, потому что он же человек, черт побери, он слаб. И если он допустит в себя правду, если даст себе право в нее поверить, *принять* ее, то придется останавливать «Студебеккер» прямо посреди пустынной трассы, вываливаться на асфальт под ледяной ветер «Санта-Моники» и выть, биться головой, рвать волосы, пытаться осознать неосознаваемое, принять невозможное, смириться с непосильным... Но он не остановил «Студебеккер», не изменился в окаменевшем лице. Только иногда прищуривался, усилием воли отгоняя от себя видение обветшавшего особняка. Он не желал, отказывался пропитываться этим воспоминанием и тем же усилием воли вызывал другое воспоминание – того дня, когда он, курсант-выпускник, покидал дом приемного отца. В тот год папа приказал слугам покрасить дом в светло-серый и белый цвета, и так же были окрашены обе беседки во дворе и чайный домик. В тот день ненадолго отступила осень и перестал лить дождь. Тучи расступились, и скупое октябрьское солнце затопило город, тысячу раз отразившись в лужах, окнах, витринах. Тогда здесь еще был город, здесь жили люди и никто не называл эти места Периферией. Чуждая новая природа не пыталась наложить свою лапу на владения человека, и человек... человек жил.

Стас помнил этот момент, помнил очень хорошо. Худощавый, несмотря на вынужденную трость удерживающий надлежащую осанку и наклон головы, отец стоял в дверях и следил за отъезжающей машиной. Откуда-то доносился едва различимый мотив Фреда Астера, и мир был красив как никогда. В этом мире нужно было *жить*, в этом мире и жили. И таким желал оставить в своих воспоминаниях дом отца Стас. Но приходилось все чаще щурить глаза, потому что врывающееся воспоминание лишенных стекол оконных проемов грозило растопить искусственную пустоту и выбросить воющего водителя на асфальт.

Дождь тем временем становился все сильнее, отбросив учтивость и принявшись в полную силу хлестать осмелившийся бодаться с ним автомобиль. Дворники сновали туда-сюда, сиюсь разогнать потоки воды, а «Санта-Моника» кружила вокруг дождевые водовороты. Поэтому, заметив в дожде пульсирующий неон вывески дорожного бара, Стас поторопился свернуть с дороги. Призывно светились окна быстро. За столиками сидели хмурые люди, и кухня, скорее всего, оставляла желать лучшего, но чем это было хуже одиночества в стремнине набирающего силу дождя? Стас припарковал машину на свободном месте и, придерживая шляпу, побежал к бару. И за несколько шагов успел основательно вымокнуть. Давненько он не попадал под такой дождь, а впрочем, там, где он жил и работал, климат был мягче и дожди не такие холодные. Периферия – здесь всегда все не так, и, если сравнивать с какими-то другими районами, сравнение будет не в пользу этих мест.

Из-за плотной стены дождя и охлаждающего эффекта пробежки от «Студебеккера» к

бару он не отреагировал, войдя внутрь, так, как отреагировал бы в любой другой ситуации. И вместо того, чтоб воскликнуть «О боже!» или «Мать твою, что за...», он всего лишь подумал про себя, что такого не бывает. Однако же вот оно было перед ним, место, чертовски напоминавшее другой бар. Тот назывался «Мертвый Чау-Чау», а этот – «Дорожная станция 01», но в остальном различия были минимальны: диваны вдоль автобусных окон, отделанные ярко-красным кожаменителем, часы с перелистывающимися пластиковыми табличками для цифр, даже плакаты с пилотами крэш-болидов, причем с теми же самыми пилотами. Правда, они висели не в том порядке. Скажем, у двери должен был висеть портрет Поедателя Зомби, пилота МакЛарена, чемпиона десятилетней давности, а здесь висел постер с Танцующим Магом, последним, перед закрытием, чемпионом гонки на выживание.

– Эй, красавчик, ты там не заснул часом?

За стойкой стояла классическая увядающая красавица в обтягивающем свитере и с непослушной копной обесцвеченных волос. В свое время она запросто могла с такой внешностью наслаждаться недолговечной славой порнозвезды, но, скорее всего, большую часть жизни провела за этой или другой барной стойкой.

– Добрый вечер! – Стас сел за стойку и, не глядя на таблицу предлагаемых блюд, заказал стейк и стандартную чашку американского кофе. Когда барменша отправила листок с заказом в пневмотрубу, Стас не удержался и спросил:

– Простите, а вы случайно не знакомы с Бобом Гунером? – И, когда взгляд барменши наполнился подозрением, добавил: – Он когда-то владел очень похожим баром. Правда, в другом месте. Назывался «Мертвый Чау-Чау». Я там провел много времени после армии...

– Нет, красавчик, – тут же смягчила взгляд барменша, – к сожалению, не знаю. А если бы знала, то непременно дала бы тебе полный отчет.

Последняя фраза была сказана таким тоном и сопровождалась таким многообещающим взглядом, что стало понятно: речь идет не только и не столько об информации. Стас торопливо отвел глаза. Мрачные по случаю раннего утра дальнобойщики внимательно изучали содержимое своих тарелок. Стас перевел глаза на часы: пять утра. Он не спал почти двое суток. Но оказаться в постели увядающей пергидрольной красотки в день, когда он узнал о смерти своего приемного отца, это был тот уровень цинизма, на который Стас до сих пор не посягал. Однако, судя по всему, планы барменши шли вразрез с его.

– Зато мне хорошо был знаком мерзавец по имени Александр Файерберг, – сказала она, коснувшись его локтя. Стас вынужден был снова обернуться к ней и обнаружил, что она вся подалась вперед, водрузив на стойку свою почтительных размеров грудь. Судя по всему, несмотря на возраст, хозяйка держала грудь высоко далеко не за счет бюстгальтера.

– Э... Мне не знакомо это имя, – проговорил Стас после слишком очевидной паузы. «Хотя, – мелькнула в голове непрошенная мысль, – если мне действительно нужно уйти от *этого* сегодня, лучшего способа не найти...»

– Так звали моего отчима, – слегка жеманно поморщилась барменша, – до конца прошлого года он был хозяином этой дыры. А в декабре его печень приказала долго жить, прихватив вместе с собой и папеньку. Но я вовсе не опечалена. Александр Файерберг был редкостным сукиным сыном. Когда умерла мать, он плотно присосался к бутылке. Ну и начал позволять себе лишнее. Понимаете? – Барменша выразительно повела плечами. – Стал вести себя так, как не подобает хорошему папочке. Пришлось достать себе кольт, но бог миловал, и мой отчим отдал ему душу без моего участия.

– Вот оно что, – проговорил Стас.

– Ну да. – Барменша на секунду отвернулась – слишком медленно, чтобы Стас посмотрел на ее грудь, – к прилавку за ее спиной, где уже ждали заказанные Стасом кофе и стейк.

Стас наконец мог последовать примеру дальнобойщиков и внимательно изучить содержимое тарелки.

– У тебя потрепанный видок, – проворковала барменша. И Стас, подняв глаза, обнаружил, что та водрузила на стол оба локтя и, положив на сложенные ладони подбородок,

с интересом разглядывала Стаса. В этом взгляде уже не осталось ни жеманности, ни наигранности, только четко читающееся намерение. – Если тебе негде передохнуть, – понизив голос, предложила барменша, – могу сдать тебе до полудня половину своей кровати.

– Э... – Стас сделал обжигающий глоток кофе и только тогда ответил: – Знаете... я не спал почти двое суток и могу вырубиться в любую минуту. Не думаю, что окажусь достаточно...

– Давай я об этом позабочусь, – покачала головой барменша и, выудив откуда-то из-под стойки ключ, положила его на стойку перед Стасом. – Допивай кофе и вали из бара. Как выйдешь, обойди здание слева. Там лестница на второй этаж, дверь одна, не перепутаешь.

Не стоит этого делать, подумал Стас и взял ключ. Кофе, кстати, был дерьмовый.

Ливень оказался не только обжигающе холодным, но и стремительным. Когда Стас вышел из бара, в воздухе стоял приятный запах свежести.

За углом свет окружающих барную стойку фонарей словно отрезало, и Стас вновь вспомнил об окраине Периферии. Пришлось остановиться. Неожиданно накатила тошнота. Стас согнулся, упер руки в колени и крепко зажмурился. Дождь тут же намочил его затылок и голую шею, которые теперь не прикрывались широкими полями шляпы. Это помогло, ледяная пыль охладила голову, и Стас смог снова встать во весь рост. Не сегодня, упрямо подумал он. Не желаю думать об этом сегодня, не этим гребаным утром. Он решительно зашагал в обход здания, нашел лестницу, поднялся на второй этаж и открыл единственную ведущую с внешней площадки дверь.

После того как «нечистые» заболевания стали проникать за стены и оцепления, практически вся Периферия перешла на такие вот внешние, прилепившиеся к стенам домов лестницы. Что касается внутренних, то их либо намертво заложили, либо перестроили под часть квартир. Причина проста: недолголюбивающие света «зараженные», все эти бедолаги, превращенные болезнью в упырей, ликантропов, тануки и неспособные бороться с голодом, зачастую прятались именно на внутренних лестницах домов. В основном, конечно, многоквартирных. Но если квартира находится над баром, то ловкой нелюди не представляет проблем пробраться и туда. Они ждали, изнывая от голода, сидя в темноте подъездов, и нападали на первого, кто подворачивался под клыки. Наверное, таким был и... Стоп!

Стас огляделся, стоя на пороге. Квартира была из так называемых малогабаритных студий. Межкомнатные стены были снесены, так что в одном углу примостилась кухня, в другом – душевая кабина, а у стены, лишенной окон, стояла кровать, которую масштабировали в расчете на небольшую оргию, надо полагать. Разумеется, все четыре окна были забраны частыми решетками. Стас усмехнулся, заметив, что над дверью и окнами висит несколько кустарного вида артефактов, что, впрочем, не мешало стандартному пульта тревожной сигнализации висеть на стене рядом с кроватью. Ну да, береженого бог бережет.

Кровать была самым роскошным украшением квартиры-студии. Стены были не обклеены и представляли собой голую кирпичную кладку. Кухонная мебель казалась заметно старше самих кирпичей, а высокий гардероб из некрашеной сосны был вроде как и вовсе лишним. Что-то вроде непрошеного гостя. Любовью к порядку хозяйка тоже не отличалась. На полу валялась какая-то одежда, белье пастельного цвета, непонятные коробки. Под одним из окон опасно накренилась стопка книг в мягких обложках. Раковина была полна немытой посуды. Там же, в кухонном закутке, стоял холодильник со скругленными углами и огромной ручкой... Что-то из прошлого, из армейского, кажется.

Этим воспоминаниям Стас не препятствовал. Решил, что это будет приемлемым компромиссом.

Это было непростое, но славное время. Молодые курсанты, будущие офицеры Военно-морской академии, гардемарины. У них был комплект парадной формы и два – повседневной. Огромная казарма на двести коек и примерно такой же, как в этой неухоженной квартире, холодильник. Он не работал, и его использовали для хранения батальонной документации. Типа несгораемого шкафа. Славный парень капрал Ленц соорудил для холодильника петли и раздобыл где-то тяжелый амбарный замок. Только

последний идиот не смог бы такой открыть, на что и рассчитывалось. Через четыре года, за год до того момента, как они должны были получить офицерские звезды, случился банковский крах на Уолл-стрит, потянувший за собой общемировой экономический кризис, а затем и войну. Их академию, кажется, расформировали, впрочем, Стаса там уже не было. По миру катили кровавыми асфальтовыми катками гражданские войны, целые регионы вымирали в голодных корчах. Обжитое человеком пространство принялось делиться, как клетки рака, так же стремительно и пагубно, на мелкие и недолговечные государственные образования. Никто и теперь не знает, где был очаг инфекции, но уж метастазы-то прошли по всему организму цивилизации. Капрала Ленца застрелили во время одной из политических демонстраций. Бар «Мертвый Чай-Чай» сожгли дотла. А приемный отец Стаса, Анатолий Бекчетов, потомственный русский дворянин, вернувшись по экстренному вызову из очередной экспедиции, обнаружил себя банкротом... Впрочем, все это было давно.

Стас сделал шаг в комнату, потом остановился, помедлил, думая, стоит ли разуться, вспомнил про дождь и стянул с ног ботинки. Он прошел к кровати, аккуратно переступая через разбросанные вещи, сел. Невольно усмехнулся: под покрывалами скрывался водяной матрас. Гигантских размеров водяной матрас. Просто океанариум. В нем запросто можно было содержать пару дельфинов. Если бы они, конечно, не вымерли к тому времени.

Дверь с легким шепотом открылась, и хозяйка квартиры переступила через порог. Красиво переступила. Красивая хозяйка. Свитер, видимо, остался в баре, и теперь женщина была только в длинном бежевом платье. Она, не глядя под ноги, прошла на середину комнаты, посмотрела на Стаса, огляделась и, пожав плечами, – дескать, что там тянуть, – легко скинула платье. Оно скользнуло маслянистой волной по телу и бесшумно упало на пол. У хозяйки бара оказались прекрасные сильные ноги, высокая крупная грудь и непослушные белые волосы, упрямо живучие, несмотря на всю химию, которой их пропитали. Живот был мягковат, а когда она медленно повернулась и пошла к душевой кабинке, то Стас увидел, что и зад ее не так тверд, как могло показаться. И все-таки она была чертовски красива. Невероятной, завораживающей красотой, настолько хрупкой, что напоминала о бабьем лете, о последних теплых днях, о том, что не сегодня, так завтра лужи начнут покрываться льдом, а трава и не успевшие облететь листья – инеем. Настоящая красота, которую от искусственной отличает только то, что она смертна, преходяща, тонка, как перекаленное лезвие: оно может разрубить шелк и сломаться, столкнувшись с горстью обыкновенных спичек.

– Так ты мне не расскажешь, что стряслось с тобой этой ночью? – подойдя к душевой кабинке и не оглядываясь, спросила хозяйка. – Знаешь, именно во время таких встреч и выкладывают все сокровенное. Потому что завтра ты уедешь, а я останусь. Мы никогда не встретимся, и, заметь, я даже не спросила твоего имени. И своего говорить не намерена.

– Зачем тебе это? – спросил Стас.

– Просто так. Мне не хотелось провести эту ночь в одиночестве, и мне хотелось секса...

– Сегодня ночью я узнал о смерти своего отца, – сказал Стас, и это оказалось легче, чем он думал. Правда, в горле вдруг запершило и стало труднее дышать.

Она медленно развернулась, прижавшись к кабинке спиной, и сказала:

– И это тоже доверь сегодня мне. Сам сможешь разобраться завтра, а сегодня положишься на меня. Я умею туманить память. Дай только выйти из душа.

И он дал ей это время, он ждал, когда она принимала душ, ждал, когда она шла через комнату, оставляя мокрые следы на полу, на разбросанной одежде и белье, ждал, когда она ложилась рядом. А потом перестал ждать и позволил затуманить память. Она и правда умела это делать. Если уж быть честным, она вообще многое умела.

...Когда время вернулось, было уже за полдень. Спросонья Стас не сразу понял, где находится, а вспомнив, стал оглядываться, но не увидел хозяйки. В окна все так же царапался дождь, потом, видимо у бара, припарковался страдающий одышкой грузовик. Стас поднялся, медленно дошел до душевой кабинки. На ней, прикрепленная скотчем, висела

записка: «Спасибо за ночь. Даже не знаю, кто чей должник. Буду благодарна, если перед отъездом ты не станешь заходить в бар». Без подписи.

«Эй, смертнички! Не повымирили? Выглянул я тут в окно и чуть не подавился первой утренней сигаретой. Да, братцы, чем в это время жить, лучше уж вымереть ко всем чертям, как мамонты. Seriously. Кстати, если верить метеорологам... Подчеркиваю – *если верить*, то нас ожидают те еще суточные. Дождей мы теперь не увидим долго. «Санта-Моника» убралась ко всем чертям за Стену и унесла с собой ливни. Днем температура воздуха подскочит до двадцати пяти градусов по Цельсию, а ночью вряд ли опустится ниже двадцати одного – двадцати двух. Это так у метеорологов написано – «вряд ли опустится». На небе не будет ни одного спасительного облачка, а про осадки можете и не вспоминать, неудачники. Загрязнение городской атмосферы останется в пределах нормы... И, судя по всему, вон те дымовые шапки в районе супермаркетов – это нормально. Дышите, родные, на всю жизнь все равно не надышались. Хотя, может, это что-то горит? А ну, кто там сейчас проезжает у супермаркетов, давайте, оторвите свои задницы и потратьте пару кредиток на телефон. Позвоните добряку Халли, расскажите, что да как. Ну а пока вы там не позагибались хором, я подкрашу ваши никчемные жизни легендарной композицией Рики Нельсона «Travellin man». Let's go, или, как говорят минеры, саперы и посетители борделей, с богом!»

На похоронах присутствовали десять человек. Из них пятеро были кладбищенскими служащими. Пришли Бруно, Скальпель и Шрам – друзья Стаса еще с академии. Сам Стас. А также Захария, старый согбенный слуга Бекчетова, который после банкротства хозяина испросил позволения покинуть того и отправиться на заработки. У Захарии была семья, ее нужно было кормить. Вот и все, больше никто не пришел. Ни бывшие верные друзья-аристократы, ни ученые, жившие за счет состояния Бекчетова, ни представители правительства. Не было даже надоедливых журналистов: кому нужно было читать про забытого всеми идеалиста на общественных началах?..

Утро было прозрачное и наполненное намеками на грядущий зной. Стас чувствовал себя неуютно в черном шерстяном костюме. Он переминался, стараясь не смотреть на провал могилы, а вязкие капли пота стекали по спине. Днем с неба спустится настоящий ад со всеми своими жаровнями.

Русское православное кладбище было мрачно, мрачнее, пожалуй, даже, чем прилегающее еврейское. Белесое небо без единого облачка висело над ним натяжным потолком, и чахлые деревца в оградках тянулись рахитичными ветвями. Они не давали тени. Через одну могилу, у железного, покрытого заплывами ржавчины обелиска молча пил одноногий калека. То ли поминал сослуживца, то ли просто нашел спокойное место с лавочкой.

Комья земли ударили о крышку гроба, рассыпались на мелкие комки. Шрам скрутил крышку с фляги и, сделав долгий глоток, передал ее по кругу. Три года подряд, в курсантские времена, они гостили летом у Бекчетова. И тот терпеть не мог всех этих армейских прозвищ. Он называл их полными именами и даже добавлял фамилии. Это была старая школа, и теперь она умерла, она уже тогда перестала быть актуальной, но умерла только сейчас.

Умерло многое, и среди могил за спинами друзей можно было найти несколько имен из их курсантского батальона. Они воевали на разных фронтах, за разные стороны, потому что сторон было много, а их мало, и каждый искал виноватых и правых, и невозможно было остаться в стороне. А им, юным, недоучившимся курсантам морской академии, и подавно. Они же тогда были пацанами, они верили, что их участие определяет будущее, и не могли позволить будущему родиться за окном, за стенами, где-то там. Только здесь, только сейчас, только при их участии. По крайней мере в первые дни... А этих «здесь и сейчас» было великое множество. Пятиминутные государства, калифы на час, спонтанные военные союзы, внезапные нападения и неадекватные ответные действия. Их разбросало тогда по фронтам,

по идеям, по верам. А свело все равно здесь. Не всех, многие так и лежат там, на полях минувшей войны, до которой сегодня почти никому нет дела. Из всего курса остались только они и еще один курсант, ныне священник. Остальные либо по всему миру, либо где-то тут, на православном кладбище, или за стеной на еврейском, а может, через дорогу на католическом. Здесь и сейчас кладбищ много, могил не счесть. Да и они-то сами лишь в шутку оказались живы. Жизнь вообще казалась розыгрышем, а смерть – самым серьезным делом. И вот они стояли, изменившиеся, повзрослевшие, пошедшие уже морщинами, сединой, залысинами, а за спиной горели имена, выгравированные прямо на прошлом. По живому. словно кто-то протрубил общий сбор, только в шутку. Кто-то разыграл четырех стареющих гардемарин, так и не ставших морскими офицерами.

– Славный был старикан, – вздохнул Скальпель, передавая флагу.

– Приходи вечером в «Долину», – сказал Стас, – Ауч придержит нам столик.

– Я постараюсь. У меня назначена операция, но должен успеть. В крайнем случае опоздаю...

Скальпель стоял в рубашке, закинув пиджак за плечо. Теперь он стал хирургом, получив бесценный опыт в полевых палатках. Разработал свою систему анестезии при ампутациях в условиях военно-полевого госпиталя. Дважды попадал под бомбежку, был ранен осколком в горло, чудом выжил. Пожалуй, из всех четверых сегодня он наиболее прочно стоял на ногах. Его приглашали на ученые собрания, он даже участвовал в каком-то правительственном комитете по вопросам здравоохранения. Готфрид Уоллис имел хоть какой-то вес, к тому же был богат. Но каждую пятницу он приходил в «Долину», где хозяин по имени Арчи и по прозвищу Ауч держал им кабинку. И там, в «Долине», Готфрид Уоллис становился снова Скальпелем, любил напиться и потравить анекдоты про губернатора и его жену.

Бруно... Самуил Брунер проработал последние двенадцать лет в полиции, в отделе преступлений, связанных с несовершеннолетними, едва не спился. В конце концов сдался, вышел в отставку и теперь работает вышибалой в борделе «Живой уголок». Отрастил пузо и тяжеленные кулаки, утратил привычку улыбаться и приобрел в собственность огромный «Харлей». Говорят, выбил за долги. Во время войны прошел вместе с толпой свихнувшегося философа Кьеркегора до самого Амстердама, где вместе с этой странной армией и был разбит наголову. Причем в случае Бруно, в прямом смысле – он получил контузию, и это спасло ему жизнь: добивавшие раненых на поле боя сочли его мертвым. Целую ночь он полз по трупам, а с рассветом стащил с мертвого врага форму, переоделся и отправился в бега.

Шрам... Андрей Чадов, с жутким шрамом через все лицо от левого глаза, навеки обреченного на смешливый прищур, до правой скулы, через изуродованный нос. Работал техником в мелкой автомастерской. А до этого прошелся по нескольким фронтам, плавал на военных кораблях, летал штурманом на боевом дирижабле, потом в горном селении попал в окружение и был расстрелян. Неудачно. Пьяный офицер, командовавший расстрелом, заметив, что тот еще жив, решил довершить дело ударом шашки. Трудно сказать, то ли удар был неумел, то ли череп у Шрама оказался крепче стали...

Но они выжили, вот в чем шутка... Вот в чем странность.

Стас кивнул могильщикам и, отвернувшись, пошел к дороге. Друзья последовали за ним, только согбенный Захария остался стоять у могилы хозяина, изредка вздрагивая от сухого плача. Стас словно окаменел, хотя понимал, что это ненадолго. Откуда-то изнутри поднималась горячая волна боли, и удерживать ее было уже невозможно. Сил не осталось. Все было теперь иначе, не как тогда, в дороге от Периферии. Он только хотел остаться один, не хотел показывать даже друзьям, как его душит бессилие.

Но его не хватило. Уже на дороге согнуло, словно от удара в живот. Стас глухо взвыл, сгреб обеими руками шляпу и зарылся в нее лицом. Чья-то рука легла на плечо, но никто из друзей не сказал ни слова. Они многое утратили за время войны и последующих лет, а научились очень немногому. Но право на плач оставалось за каждым. Иногда это было единственной собственностью человека в окопах, в холодных квартирах, в очередях, на

биржах труда. Даже потом, когда жизнь успокоилась, а смерть наелась до отвала, даже потом у человека оставалось это право.

В руку сунули флягу, глоток водки обжег гортань.

– Стас, приятель, надо идти, – проговорил, присаживаясь на корточки, Скальпель.

– Как мне жить с этим? – шепотом спросил Стас.

– Тяжело. – Скальп покачал головой. – И это уже не пройдет. Станет слабее, но не пройдет никогда, старик. Но как-то жить надо. Я не советчик в таких делах, никто не советчик. Но иначе нам всем не стоит уходить с этого кладбища. Пойдем, старик, а вечером напьемся и разгоним чертей. Для начала... А там посмотрим, как быть.

Они разъехались в разные стороны. Спасать людей, чинить автомобили, отсыпаться перед ночной сменой в борделе. Такова была жизнь, и такова была смерть. Лишь сутулая фигура у могилы без памятника все еще маячила какое-то время в набирающем обороты зное, но и старый Захария в конце концов покинул хозяина – на этот раз навсегда. Захарии нужно было идти на площадь Лафалеттов, где в цокольном этаже детской библиотеки он снимал маленькую каморку, заваленную чужой обувью, рулонами кожи и прочей сапожной атрибутикой.

* * *

Марк Гейгер был легендой послевоенного сыска. А выглядел как давно не спавший крысopodobный болван, с желтушной кожей и пронзительными иглами глаз, лишенными ресниц и бровей. Пять лет назад он заразился, но успел осознать это прежде, чем голод превратился в единственную цель и убил в нем человека. Он дополз до больницы, где ему сделали экстренный диализ: других способов очистки крови от заразы тогда не было. Позже ему пришлось пройти несколько курсов химиотерапии и облучение. Марк Гейгер был еще и легендой послевоенной медицины, упомянутой во всех трудах этого периода. Один из пяти выздоровевших и единственный, проживший после излечения больше трех лет. Хотя лично Стас всегда ставил под сомнение факт выздоровления. Так или иначе, выйдя из больницы, Гейгер в течение года довел жену до состояния, близкого к нервному срыву. Она собрала вещи и перебралась к родителям. К счастью. С детьми Гейгер не виделся, не вспоминал о них прилюдно и не выставлял на рабочий стол их фотографии. Коллеги, включая руководство, старались свести общение с ним к минимуму, а за глаза его называли исключительно Ублюдком.

Но Марк Гейгер являлся единственным в своем роде специалистом по серийным убийцам. Он не проиграл ни одного дела. Он вычислял, находил, настигал. В его жизни больше ничего не было, но многие ли могут похвастаться, что единственное, что они умеют по-настоящему, они делают так же блестяще? Слабое оправдание характеру и ненависти окружающих. И все же... Когда Стасу на прошлой неделе сообщили, что его на какое-то время передают в отдел Гейгера, первое, что он почувствовал, – радость. Черт с ним, с Ублюдком. Настоящее дело, то, ради чего стоило браться за карьеру детектива, то, что имело смысл.

Все это было до звонка с Периферии, до жуткого дождя, оборвавшегося нестерпимым зноем, до очереди в морге при Академии криминалистики. До похорон...

Неделя. Иногда это семь страниц отрывного календаря, семь похожих один на другой дней, семь отрезков жизни, не оставивших по себе памяти. Семь дней, пролетевших незаметно, бессмысленно, так, что их могло и не быть. Но бывает, что каждая минута недели стоит семи дней, а дни растянуты в тысячелетия. Они плавятся, как горящий пластик, они мучительно долго собираются в каплю, прежде чем кануть в зловонном океане прошлого. И они прожигают то решето, тот фильтр, что отсеивает зловонное и гадкое и отправляет его в беспмятство, а памяти оставляет лишь куски покрупнее: моменты радости, моменты самых сильных переживаний, моменты удач и промахов. А тут один сплошной момент памяти, настолько большой, что не может протиснуться в отверстия решета, и настолько горячий,

что оставляет ожоги на внутренней поверхности черепа.

За эту неделю сошли на нет затяжные дожди мая, утихла «Санта-Моника», рассеялись тучи. На крышах домов раскрылись бутоны солнечных батарей. Небо вновь бороздили собирающие энергию дирижабли, огромные, покрытые зеркальной чешуей туши. Между ними сновали легкие бипланы гражданской эскадрильи «Экзюпери» и мелкие, раскрашенные во все цвета радуги самолеты частных авиаэскадрилий. Они иногда терялись на фоне огромных зеркальных тел, а на посадочных площадках, оборудованных прямо на дирижаблях, могли уместиться сразу пять таких аэропланов. Город усеяли солнечные зонты шантанов. Вышли на торговые маршруты лоточники с сельтерской, квасом, лимонадом. Дамы вновь вернулись к ментоловым сигаретам и отказались от мехов.

Тысячи вещей могут произойти за одну короткую неделю. Сколько детей родилось в эти дни? А сколько человек разного возраста оказались на глубине двух метров в деревянных ящиках? Почему, по чьей вине? И была ли в этом чья-то вина? Сколько благих дел могло быть совершено за короткие семь дней? И сколько преступлений скрыла завеса неизвестности, хитрого разума, бесчеловечная расчетливость, которая только человеку и свойственна? Стас этого не знал и никогда не задумывался над этим. Раньше. Семь дней назад. Он не считал события, он принимал их, жил в их кружении. Так живут все до того момента, когда оплеуха судьбы ставит жирную точку в том, что было до, и тем, что случится после. Но человек – всегда человек. Пройдет немного времени, и человеческая память обратит точку в запятую. Так сложилось, и это почти всегда к лучшему.

Стас ехал в крайнем правом ряду, стрелка спидометра лениво болталась в районе отметки 30 км/ч. Ему необязательно было выходить на работу сегодня, Моралес дал ему восемь суток отгулов. Как и всякий старый солдат, он понимал, что такие события стоит заглаживать парой, а то и тройкой бутылок чего-нибудь обжигающего. Но Стас боялся пить в одиночку. Алкодемон никогда не приносил ему утешения таким образом, порождая в расслабленном разуме чудовищ и комплексы. К сожалению, Скальпель и Шрам не могли сорваться с работы раньше вечера, а раз так, Стас решил не дергать и Бруно. Он отправился в Управление. Нужно было срочно замусорить голову рутинной следствия, возвести преграду, которая, похоже, лопнула тогда, на водяном матрасе увядающей барменши. Нужно было вымотаться до отупения, а потом залить глаза, зная, что рядом три друга, способные заткнуть пасть и надрать задницу любому чудовищу.

Улицы в этот час были уже не так забиты, как ранним утром. Движение, впрочем, по всему городу стабильно держалось в состоянии «затрудненное». Стояла влажная духота, и если солнце не могло повсеместно пробиться ко дну улиц-ущелий, зажатых между шестидесяти-семидесятиэтажными небоскребами, то уж липкая духота царствовала здесь, как у себя дома. Стас включил радиолу, дав возможность цинику Халли заполнить тишину эфира неподражаемым музыкальным сопровождением, какое невозможно было найти ни на государственных радиоканалах, ни в музыкальных магазинах, ни даже у распространителей нелегалщины. Казалось, песни и исполнители, которые ставил этот неуловимый радиопреступник, существуют только в его коллекции. Радио «Хоспис» было запрещено минимум тремя приказами, его диджея разыскивала полиция, лично губернатор посвятил однажды воскресную речь пагубному влиянию некоторых так называемых культурных продуктов, в числе которых, помимо прочих, указал несколько мультипликационных сериалов, фривольные постановки театра AnigaV и радио «Хоспис». Немудрено, что аудитория старины Халли составляла едва ли не 70% от общего числа слушателей. Стас с друзьями любили по пятницам распивать в «Долине» под пронесенный втихаря транзистор, слушая музыку, которую не крутило ни одно другое радио, сальные шуточки Халли о властях предрежащих и общей обстановке в городе и преподносимые в неожиданном ракурсе новости.

Но сегодня Стас никак не мог сосредоточиться на голосе диджея. В нем то и дело раздувалась волна раздражения на все вокруг и на себя в центре всего. Его «Студебеккер» трижды замирал на долгое время: дважды у новых бестолковых светофоров в четыре цвета и

один раз на железнодорожном переезде. По рельсам раздражающе неторопливо прогрехотал состав из открытых вагонов с какой-то техникой, укутанной в брезентовые чехлы. Зигмундштрассе перегородили, заставив плотный поток автомобилей двигаться неудобным объездным маршрутом через набережную Гете и площадь Иосифа. В конце концов оказалось, что за неделю произошло еще одно изменение: закрытый для частного транспорта диаметр центра города увеличили еще на две улицы. А Стас забыл дома пропуск. Пришлось искать новую стоянку, и, естественно, ближайшие оказались забиты под завязку, а там, где места еще оставались, драли три шкуры. Наконец, когда нагловатый пролетарий из охранников выставил цену в четыре кредита за полдня, Стас решил спустить псов, выхватил из внутреннего кармана значок и с удовольствием трижды лупцанул им наглого обиралу по лбу. Разумеется, место сразу же нашлось, причем за стандартную цену, и даже чек был выписан по всем правилам.

В Управлении Стас появился в одиннадцать, прошел пустым прохладным вестибюлем к лифтам, поднялся под бравурную музыку на третий этаж. И первое, чем был встречен, – это холодный взгляд Гейгера.

– Бекчетов?

– Да.

– Мне сказали, что в связи с личными причинами вы появитесь только завтра.

– Личные причины – это похороны отца. Я решил выйти сегодня.

Гейгер отвернулся к бумагам.

– В таком случае не стоило опаздывать на три часа, детектив.

– Я...

– Бумаги по делу на стенде. Через час общее собрание группы. Буду благодарен, если вы не станете меня сейчас отвлекать.

Вот и все. Марк Гейгер, сукин сын и начальник Стаса на ближайшие дни.

* * *

Из бумаг по делу ничего нового для себя Стас не вытянул. В течение недели некий снайпер убил шестерых человек в разных регионах подконтрольной человеку территории. На первый взгляд никакой системы по точкам убийств не наблюдалось. Преступник использовал разрывные патроны, снабженные микрокапсулами с мощной кислотой TTN-2. Благодаря этому установить личности пятерых жертв не удалось. Гибель шестого видела супруга убитого, она и вызвала полицию. Погибший – Хаим Брускин, польский еврей, инженер небольшой компании, специализирующейся на заказных автомобильных двигателях. Ничего примечательного. Мирный обыватель из яйцеголовых, слегка не от мира сего, хобби – домашняя кулинария. Жена утверждает, что врагов у покойного не было. На работе Брускин был тише воды, ниже травы, исполнительнее осла, да к тому же и нетребователен. Идеальный раб. Последний раз ему поднимали зарплату два года назад, за это время инфляция съела ее на 30%, а руководство примерно на столько же увеличило обязанности Брускина. Но он работал и не роптал. Может, за это его и вальнул придурок с оптическим прицелом. Чтоб убрать из мира эту пародию на идеал. Пули были самопальными, но специалисты считают, что преступник использовал старую, снятую с производства модель снайперской винтовки «Сузуки». Что, в общем, тоже ни о чем не говорило. Может быть, убийца был старым солдатом, сохранившим сувенир со времен войны и не поставившим винтовку на учет согласно указу десятилетней давности, а может быть, юным кретином-школьником, еле насобиравшим денег со школьных обедов на этот допотопный агрегат. Впрочем, Стас отдавал себе отчет в том, что при его мизерном в этой теме опыте время для выводов еще не настало. Прежде всего нужно будет внимательно слушать то, что выскажут старшие детективы и особенно Гейгер, который на таких делах собаку съел. В конце концов, и это Стас тоже понимал, его причислили к группе в качестве черной рабочей силы. Грязная работа, слежка, засады, наблюдения, принеси то, передай это,

выясни вот то. Все с этого начинали. И не важно, что ему уже, собственно, поздно начинать. Практически все его поколение живет с опозданием. Так уж судьба распорядилась.

Разобравшись с бумагами, Стас нашел стол со своей табличкой. Кто-то уже перенес сюда все его вещи, включая фотографию отца... Это был старый, слегка уже посветлевший краями снимок – кусок другого времени: Анатолий Бекчетов был в мундире дворянского научного общества, а Стас – в форме гардемарина первого года обучения... Вдруг навалилась невероятная усталость. Эмоции порой выжимают человека сильнее физического труда. А усилия, которые человек прикладывает для того, чтоб эти эмоции подавить, тем более. Стас снял пиджак, повесил его на спинку стула, огляделся и нашел глазами кофейник.

Стас наполнил стакан, вышел на лестничную площадку. Через минуту по лестнице спустился старший детектив Югира, также приписанный к группе Гейгера. Он был похож на яйцеголового: худой, низкорослый, к тому же на носу сидели очки с такими диоптриями, что, казалось, эти раскосые глаза просто не могут уместиться на черепе.

– Слышал о твоём отце, – сказал Югира, – мне очень жаль.

– Вы его знали? – спросил Стас.

– Нет, но я читал все его работы. В свое время я работал в одной из групп экспансии... Однако мне не пришлось с ним встречаться. Я бывал в штабе экспедиций, но ваш отец не был кабинетным человеком.

– Да... – Стас понял, что не знает, о чем еще сказать, да и не хотел развивать эту тему. – Вы тоже теперь в группе Ублюдка?

– Да, подал рапорт, как только узнал об этом деле.

Солнце преломлялось стеклами окна и заставляло дым плясать в своих объятиях. Где-то ниже этажом громко хлопнула дверь, процокали каблуки и затихли.

– Пожалуй, сделаю себе тоже кофе. – Югира поклонился и вошел в аудиторию, отданную группе Гейгера.

Во время войны остатки разбитого отряда, которым командовал Стас, вылетел на группировку желтолицых. Почти ни у кого не было патронов, а когда кончились последние, началась рукопашная. Самураи повыхватывали длинные прямые мечи, а ребята Стаса работали штыками. Будь их чуть меньше, япошки могли и победить. Отличные были бойцы. Когда в живых остался только их командир, он обратился к Стасу на ломаном языке и попросил права умереть так, как положено умирать командирам, проигравшим битву. Стас позволил. Японец точно так же, как секунду назад Югира, поклонился, выхватил короткий меч и всперол себе живот.

Сколько бы ни прошло времени с тех пор – недели, месяцы, годы, – войну все равно будут помнить те, кто ее пережил. С этим бесполезно бороться, это можно только принять. И Стас принял. Давно уже принял. Он никогда не спрашивал, на какой стороне воевал тот или другой человек, он вообще старался не заводить разговоров о войне. Но это ничего не меняло. Теоретически все войны рано или поздно заканчиваются. Одним нужна капитуляция, другим – взорвавшаяся гневом природа. Последняя похожа на пожар, от которого твари бегут, не разбирая роду и племени, первая – на коммерческий договор. Есть и другие варианты, но действительность такова, что война – это такой ресторан, который закрывается с уходом последнего клиента. Пока жив хоть один солдат, хоть один беженец, хоть кто-то, помнящий войну не по книгам и киносводкам, война не кончится. Даже если десятилетия не звучат выстрелы, война продолжается. Сайонара...

* * *

Это здание проектировал знаменитый архитектор Шарль Бурлеск, и изначально оно предназначалось для университета. Француз справился с задачей блестяще, как, впрочем, всегда. Не повезло ему лишь в одном. Здание было построено летом 1918 года, а осенью того же года волна смятения, прокатившись сначала по сырьевым и финансовым биржам, выплеснулась на улицы. В течение следующих девяти лет молодые люди учились только

одному – искусству выживания в условиях, при которых большинство других представителей рода человеческого категорически не могли это сделать. В университетах нет таких дисциплин. Многие прекрасные творения цивилизации людей были смыты той волной, но территории, где война разгулялась в полную силу, остались за Периметром, окружающим так называемую Периферию. Города, которые ныне подпадали под юрисдикцию Второго Периметра, война не уничтожила, хотя и оставила по себе память многочисленными шрамами и кровоподтеками. Над городом поочередно развевались то черный флаг анархистов, то зеленый стяг исламистов, то клетчатый штандарт Шахматных Королей. Все это были даже не воинские соединения, а мелкие банды, какое-то время контролировавшие город. Последнее полотнище, побывавшее на шпилье в годы войны, носило изображение серпа, молота и шапки клошара. Тогда здесь правила шайка «Революсьон». Она-то и сложила оружие при приближении регулярных сил отступающей под натиском природы объединенной коалиции. Почти все бойцы шайки были прощены, подпав под амнистию, и тут же призваны в ряды вооруженных сил. Да и, право, не так уж много бед они принесли по сравнению с другими бандами. Во всех этих перипетиях здание Шарля Бурлеска устояло. Его стены и по сей день носили выщербленные раны от выстрелов, а прекрасные витражи навсегда были потеряны и заменены обычными стеклами. Да и студентов здесь так и не увидели, разве что студентов юридических факультетов, присылаемых сюда на практику разгребать архивы и прочую бумажную пыль. Но оно выстояло, и оно по-прежнему было величественно и монументально, и территории вокруг него все так же не видели прямого солнечного света. Семь лет назад здание было отдано в распоряжение Управления юстиции Второго Периметра.

Что же касается Стаса, то он был благодарен Шарлю Бурлеску хотя бы за ту прохладу, которую хранили стены больших и малых аудиторий. Переименовывать которые, к слову, никто не собирался, их так и называли: аудитория отдела по борьбе с терроризмом, аудитория парамедицины, аудитория для работы с общественностью и т. д.

В смотровой (Стас понятия не имел, для чего она предназначалась изначально) было сумрачно. Узкие окна не пропускали достаточно света, а лампы, редко свисающие с высокого потолка, не могли осилить объема помещения. Единственным ярко освещенным (в силу архитектурных особенностей аудитории) местом была центральная часть амфитеатра, которую попирали в данную минуту Марк Гейгер, он же Ублюдок, он же легенда послевоенного сыска. На него были обращены взгляды двенадцати детективов разного срока службы, и воздух дрожал от противоречия: собравшиеся одновременно боготворили своего временного начальника и ненавидели его, желали ему скорейшей смерти и мечтали работать под его руководством вечно.

– Думаю, вы уже ознакомились с тем малым количеством деталей, которые нам известны по делу, – проговорил Гейгер, обводя скужающим взглядом собравшихся, – в противном случае вам стоит покинуть это помещение и больше сюда не возвращаться. Говоря о помещении, я имею в виду не данную аудиторию, а здание в целом. Не стану скрывать, когда я увидел список детективов, приданных мне по этому делу, я был разочарован. Лишь немногие из вас имеют достаточный опыт, что же касается характера преступления, то специализации, подобной моей, не имеет никто вообще. Моя бы воля, я бы работал один. Но руководство настояло, упирая на то, что данное расследование будет неплохим практическим занятием. Другими словами, господа, я ваш профессор, и я по своему желанию отстраню от занятий любого школяра, кто будет путаться под ногами или окажется недостаточно сообразителен. И мне плевать, если школяру окажется за пятьдесят и у него за спиной десяток лет работы в сыске. Это мое дело, моя территория.

– Ветер в спину, – еле слышно выругался сосед Стаса, светловолосый парень, которого Стасу до этого не приходилось встречать.

– По делу... – монотонно, все с тем же выражением невыносимой скуки продолжал Гейгер. – На первый взгляд... Расшифрую – как это видится руководству... Мы имеем дело с серийным убийцей. Мне так не кажется. На настоящий момент сложно делать уверенные

выводы, но мне не удалось обнаружить никакой последовательности действий, никакого ритуала. А это основа для серийного убийства. К тому же утверждению нашего уважаемого руководства, – Стас при всем желании не смог бы выдавить из себя столько сарказма, сколько прозвучало в голосе Гейгера при слове «уважаемого», – противоречит тот факт, что убийца заботится о сокрытии личности убитых. Это нелогично. Нелогично для маньяка со снайперской винтовкой. Серийные снайперы не конкретизируют жертвы, для них это не важно. Есть только две группы серийных убийц, для которых смерть – вторичный факт. Минеры и снайперы. Для снайпера важна не столько смерть, и тем более не столько смерть какого-то определенного человека, сколько сам факт выстрела. Он – бог-вершитель с винтовкой в руках. Он показывает свою силу, он хочет, чтоб о ней знали. Он показывает не то, что способен убить, а то, что он владеет винтовкой на том уровне, который позволяет направлять судьбы. Многие серийные снайперы намеренно усложняют себе задачу, выискивая точки, совершить убийство с которых не так легко. Например, места, где дует переменный ветер, или места с плохим обзором. Он, преодолевая трудности, делает свое дело, он бог, для него не существует препятствий. Выстрел – вот что главное для серийного снайпера, великолепный, безупречный выстрел. Личность жертвы не имеет никакого значения. На будущее: примерно то же самое касается и минеров. Отличие одно – для некоторых серийных взрывников важно количество жертв. Но личность опять же не имеет значения... Наш снайпер уничтожает лица. Зачем? Возможно, это подпись убийцы, его фирменный знак... Но я так не думаю. Тем самым он конкретизирует жертву. Делает ее ключевой фигурой. Ее, а не себя, не выстрел. Это не вписывается в образ серийного снайпера. Впрочем, я не исключаю, что такая возможность существует. Человечество породило столько пороков, что, попадая на почву безумия, они порой прорастают самыми неожиданными всходами... Люди в целом – довольно безликая масса, но в моменты яркого проявления чувств иногда начинают удивлять подобием индивидуальности. Каждый из вас может оказаться однажды на месте разыскиваемого нами преступника, но я, при всем моем опыте, даже узнав вас ближе, чего я, к слову, делать не намерен, не смогу заранее сказать, к какой категории серийных убийц вас прибьет. На все воля случая, и именно случайности определяют направленность и почерк серийного убийцы. Именно случай, и только случай. Встав же на тропу, они, увы, теряют индивидуальность и... подпадают под определения. Впрочем, не волнуйтесь, если на той тропе окажется кто-нибудь из вас, рано или поздно он встретит меня, а уж я провожу его на электрический стул.

– Ветер в спину, – снова прошептал сосед Стаса, – вот же ублюдок.

– Поскольку меня обязали вас учить, – лицо Гейгера на секунду скривилось недовольной гримасой, – я посвящу один час основным аспектам моей работы. Не думаю, что это принесет пользу. Если во Втором Периметре появится серьезный маньяк, все равно вызовут меня. Но я получаю за это деньги, к тому же, работая со мной, вы должны знать как минимум основы, иначе начнете плавать. Итак...

Термин «серийное преступление» приписывают Роберту Ресслеру¹. Мне приходилось с ним общаться. Редкий зануда, но дело свое знал. Мы называли его Сукиным Сыном, так же как вы за глаза называете меня Ублюдком. И все же утверждение, что именно он является прототипом Джека Кроуфорда из «Молчания ягнят» и «Охотника на людей»², лично я считаю смехотворным. Ресслер сформулировал определение... эээ... следующим образом. – Гейгер нацепил на нос старомодные очки и, отведя руку, зачитал: – «Серийное преступление – это многоэпизодные преступные деяния (количество эпизодов не меньше трех), совершаемые одним субъектом по неочевидным мотивам, в ходе которых объектом посягательств оказывается человек, ранее незнакомый субъекту, а время между эпизодами

¹ Роберт Ресслер – специальный агент ФБР, профайлер.

² «Manhunter» – художественный фильм (реж. Майкл Манн, 1986 г.), снятый по роману Томаса Харриса.

убийств превышает интервал, необходимый для эмоционального охлаждения субъекта после совершения деяния».

Отчеканив эти слова, Гейгер снял очки и осмотрел аудиторию. Стас, как и многие другие, сидел, пораженный тем фактом, что Ублюдок, судя по всему, учился у самого Золотого Роби, агента тогда еще существовавшего ФБР, по учебникам и делам которого учились все нынешние детективы. Гейгер пожал плечами и продолжил, вернувшись к усыпляющей монотонности:

– Ресслер знал свое дело, как я уже сказал. Но я знаю его еще лучше. Именно я составил список неоднократных убийств, которые стоит отделять от серийных преступлений: заказные убийства, ритуальные убийства, убийства во время военных действий, многоэпизодные убийства, целью которых является завладение материальными ценностями, групповые (массовые) убийства, совершенные в течение короткого времени под влиянием аффекта или по другим причинам (террористические акты, школьные расстрелы). Несмотря на безусловную логичность данного утверждения, не всегда легко отличить неоднократные убийства от многоэпизодных. Существующая классификация, особые приметы, характерные детали – вот что станет вашим оружием в ближайшее время. Я разделяю многоэпизодные убийства на следующие подразделы: серийные, массовые, запойные, или цепные. Вторые характерны тем, что они производятся в короткое время, иногда в течение нескольких часов, и в одном месте. То есть факт эмоционального охлаждения отсутствует. Большинство массовых убийц кончают жизнь самоубийством после совершения преступления. Запойные, или цепные, убийства производятся в течение более продолжительного периода времени, до нескольких дней, в разных местах и также без периода эмоционального охлаждения. О серийных я уже сказал. Существует мнение, что к серийным убийствам следует относить лишь те, что были совершены на сексуальной почве. Я с этим категорически не согласен. Секс – лишь один из возможных мотивов, но не только секс заставляет людей убивать... Далее. Серийные убийства классифицируются по мотиву и по методу.

Стас вдруг обнаружил, что торопливо записывает за Гейгером в своем рабочем блокноте. Осмотревшись, он увидел, что почти все достали свои блокноты, а Югира пришел со стандартной ученической тетрадью. Аудитория Шарля Бурлеска наконец выполняла свою истинную функцию. Правда, лекция была несколько жутковата...

– Существует четыре группы убийц по мотиву. Охотники за властью – наиболее часто встречаемые. Их цель – утверждение собственного превосходства над беспомощной жертвой и как результат компенсация ощущения собственной неполноценности. Вторая группа – гедонисты. Они совершают убийства ради получения сексуального удовлетворения. Третьи – визионеры. Представители данной группы серийных убийц нередко страдают шизофренией. Это убийцы с клиническим бредом и галлюцинациями. Ну и, наконец, миссионеры – убийцы, считающие себя мстителями, очищающими общество от скверны: проституток, гомосексуалистов, представителей той или иной национальности и так далее. К сожалению, эта классификация не идеальна, поскольку нередко одного и того же убийцу можно отнести к нескольким группам. Пример – Джек Потрошитель. Он вполне мог быть одновременно и миссионером, воображающим, что избавляет город от проституток, и гедонистом, получающим от убийства сексуальное удовлетворение.

Второй класс – убийства по определенному методу. Их делят всего на две группы: организованные и дезорганизованные.

Аудитория сохраняла такую гробовую тишину, какой редко удавалось здесь любой другой докладчик. Даже во время собраний, проводимых руководителем Управления Айком Моралесом, люди позволяли себе откашливаться, скрипеть стульями, перешептываться. Но когда говорил Ублюдок, только редкий шорох бумаги и скрип грифелей или перьев ручек нарушали тишину.

– У организованных серийных убийц всегда есть четкий план действий по отслеживанию и убийству жертвы. В том случае, если план дает осечку, подобные убийцы способны отложить его выполнение. Другими словами, они держат свои стремления под контролем. Такие убийцы имеют средний или выше среднего интеллект, они относительно хорошо адаптированы в социуме, однако имеют глубокие расстройства личности. Иногда организованные убийцы теряют контроль над своими действиями и переходят во вторую группу. Дезорганизованные убийцы отличаются, как правило, наличием тяжелого психического заболевания или умственной отсталостью. Они не отслеживают жертву специально, никак ее не обрабатывают, попросту убивая первого встречного. Именно к таким убийцам принадлежит большинство «зараженных». Дезорганизованные убийцы не пытаются скрыть улики, они социально не адаптированы, чаще всего безработные или занимающиеся трудом, не требующим высокой квалификации и общения с людьми.

Что касается нашего с вами подозреваемого, то, будь он серийным убийцей, его следовало бы отнести к двум, а то и трем категориям сразу. Естественно, он работает по методу, и, естественно, он организован. Также не стоит исключать тот факт, что им движет некий мотив.

На этом лекция закончена, господа детективы. Нашей основной задачей на данный момент будет установление мотива или того, что движет убийцей. Узнаем, что толкнуло его на преступления, – сможем найти и самого убийцу. Сейчас зацепок нет, так что займитесь установкой личности жертв. Возможно, наш убийца окажется вполне нормальным киллером, нанятым для устранения нежелательных личностей. Может быть, убитые обладали или могли обладать какой-то важной информацией. Будете работать тремя группами. Руководители – Югира, Поте, Баркони – подчиняются лично мне. Младших детективов можете разобрать по своему усмотрению. К работе приступить немедленно.

Гейгер захлопнул крышку кафедры, развернулся и вышел из аудитории, не прощаясь. Ублюдок...

* * *

На этот раз лестничная площадка утонула в дыму настолько, что даже разъяренные лучи солнца не могли проделать в этом заслоне более-менее заметные прорехи. Девять младших детективов, и Стас в их числе, жадно втягивали дым сигарет, попутно обсуждая лекцию Ублюдка, самого Ублюдка и предстоящее дело. Как только Стас закурил, к нему подошел тот самый парень, что был его соседом в аудитории.

– Привет, я Ник. Слушай, я тут никого не знаю, а мы вроде как сидели вместе.

– Да. Я тебя помню. Стас Бекчетов.

– Ясно... Слушай... Я только вчера получил значок – и сразу сюда. До этого сидел на Периферии.

– Я это понял. По загару.

– А, да... Приходилось торчать на Стене, загорись тут.

Ник прикурил и оглядел остальных.

– Я тут единственный новичок?

– Не знаю, – пожал плечами Стас, – я не со многими знаком. Почти все не из нашего Управления. Наверное, из других городов, группа сборная.

– Ну да, логично.

– Слушай, – вспомнил Стас, – а почему ты так говорил странно – ветер в спину?

– А, это, – Ник усмехнулся, – это с Периферии. Со Стены. Когда идешь на прочесывание, самое страшное, когда ветер дует в спину. Иногда упыри эти не очень хорошо видят или слышат. Но нюх у всех отличный. Так что, если ветер дует в спину, значит, упырь почувствует тебя раньше, чем ты его. Так себе развлекуха...

Стас почувствовал, как волна озноба пробежала по его спине. Перед глазами мелькнула яркая картина ночной Периферии и особняка с выбитыми стеклами. Он бы развернулся и ушел, оставив новичка в недоумении, забился в какой-нибудь угол. Но в этот момент дверь открылась и на площадку вышли старшие детективы.

– Бекчетов, Спайкер, Полынер, – перечислил Югира, – вы в моей группе. Идите, получайте табельное и спускайтесь к стоянке Управления. Я буду через десять минут. Докурите там.

* * *

Несмотря на вечную тень от здания Управления, стоянка, плотно заставленная служебными автомобилями, раскалилась, как сковородка. Стас мгновенно почувствовал, как вспотели подмышки. Легкий костюм, который он передел, заскочив домой после похорон, оказался шерстяным. Они торопливо пересекли стоянку, отыскивали свой микроавтобус и забрались внутрь. Стас по привычке занял водительское место и врубил кондиционер.

– Неплохо вы тут упакованы, – проговорил из салона Ник. Стас бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что тот с мальчишеским восхищением вертел в руках полученный «Лес Пол». – У нас на Периферии все куда проще: «Мусимы», «Кремоны», изредка «Ямахи», но это только если есть блат в оружейке. Правда, у нашего командира был «Грейтч». Славная пушка, только в тех условиях беспонтовая. Пока перезарядишь... А вы тут на «Гибсонах» сидите. Эх, мне бы там такой «Лес Пол» на Стене, королем бы был.

– Нам их недавно привезли, – ответил Стас, следя за дверью Управления.

– А раньше на чем сидели?

– «Ямахи» в основном. Еще с войны. Те же «Мусимы»... Естественно, никаких «Фендеров», разве что наградные «Телики», но это не в счет.

Полынер, унылый, одутловатый, весь какой-то нескладный, сидел молча, уставившись в одну точку. Иногда его губы беззвучно шевелились. Говорили, что он немного не в себе. Но это не имело значения, когда дело доходило до драки. На татами равных Полынеру не было. Внешний вид был обманчив, и когда однажды, во время беспорядков в доках, Стас увидел, как этот парень рубится сразу с тремя шкафами из грузчиков, никакой одутловатости и уныния он не заметил. Грузчиков тогда к автобусам относили.

– А ты, наверное, скоро в старшие пойдешь, да? – Похоже, легче было голыми руками убить вампира, чем дожидаться, когда этот вояка с Периферии заткнется.

– Не думаю, – покачал головой Стас, – я в младших детективах всего год. До этого работал обычным водителем при Управлении.

– А, то-то я гляжу, ты сразу за баранку...

– Югира идет...

Старший детектив Югира спускался по лестнице с табельным «Лес Полом» за спиной. В руках нес объемную синюю папку.

Стас подрулил к лестнице, дал Югире сесть и тронулся с места.

– Куда едем, господин Югира?

– Не называйте меня господином, Станислав. Мне на войне этого хватило. Едем в Миссельтресс. Там было совершено одно из убийств, второе по счету. Первым занимается сам Гейгер. В одиночку. Ты ведь хорошо знаешь окрестные города, Стас?

– Провинцию более-менее знаю, шесть лет колесил тут. Миссельтресс – дыра, каких мало, фабрики, заводы, доки опять же. Население – по большей части пролетарии, рыбаки, матросня. Пьют с утра и до вечера. Даже на работе. В позапрошлом году Миссельтресс был лидером по бытовым убийствам. Но там сейчас новый шериф, говорят, железный мужик. Закрутил гайки. Правда, сам городок я не очень хорошо знаю. Там свой участок.

– Вот к участку и надо в первую очередь, – кивнул Югира.

– К участку доедем. Главное, за Второе Кольцо выскочить, дальше в это время пробок не бывает.

– Отлично, – кивнул Югира.
– Не против, если я радиолу включу, гос... Югира.
– Только если радио «Хоспис», – усмехнулся старший инспектор и подмигнул Стасу. – Пока мы его не поймали, есть что послушать.

– Думаете, поймаете?

– Думаю, да. Надеюсь, что нет.

В салоне Ник Спайкер отстегнул и снова пристегнул автоматный диск. По его лицу блуждала туманная улыбка школьника, заметившего свою сестру в постели с соседом. Стас покачал головой и потянулся к радиоле.

«Эй-эй, не спать! На том свете отоспитесь, ха-ха! Я сегодня просто излучаю позитивные вибрации. Джа Растфари мне в свидетели. Напоминаю вам, неудачники, что на волнах рэйд-дио «Хоспис» великий и ужасный Доктор Апокалипсис, он же диджей Халли. И как мне только что сообщили вездесущие соглядатаи и сексоты, в районе супермаркетов действительно что-то горит, источает ядовитые химические пары и превращает нормальный уровень загрязнения атмосферы в ненормальный. Так что все идет по плану, дорогие мои все еще живые радиослушатели. И буквально минуту назад мимо радиорубки прошелестел наш заведующий новостями, и вид у него был крайне озабоченный. Поскольку какой-то там пожар вряд ли смог бы заставить его оторвать задницу от офисного табурета, я делаю вывод, что печальные новости на сегодняшний день еще не закончились. Другими словами, давайте подождем задохнуться ядовитыми испарениями, в скором времени у нас наверняка появится повод поинтереснее. А пока, раз уж неминуемое в очередной раз отсрочилось, вот вам сводка криминальных происшествий, уныло потрясших наш городок минувшей ночью...

Хм... Ну, вы знаете, из интересного я вижу только взлом аптеки номер один, что, как известно, располагается в двух шагах от Главного управления юстиции. М-да. Как говорится, хочешь спрятать дерево, спрячь его в лесу. Украдено лекарственных средств на общую сумму в... ни хрена себе! На общую сумму в двести тысяч кредитов. Неплохо кто-то, я вам скажу, затарился лекарственными средствами. К сожалению, списка украденных препаратов не приведено, но мы-то с вами знаем, что могло заинтересовать везучего сукиного сына. Подозреваю, что он уже вовсю общается с Хантером Томпсоном, черт его побери.

А вы, неудачники, небось вовсю пашете на своих работах и максимум, на что можете надеяться, так это на внеплановую бутылку «Джека Дэниэлса»? Ничтожества! Надеетесь умереть через уничтожение печени? Это дорога слабых! Дорога лентяев и бесхарактерных захребетников. Эк я ввернул аутентично...

Ладно, я в вас давно уже разочарован, я не желаю тратить на вас свое драгоценное эфирное время. И вот что в связи с этим подумалось. А не замахнуться ли нам на милых дам из группы «The Ronettes»? А? Что-нибудь, подходящее и для заката, и для рассвета, и для рабочего, так сказать, полдня? Почему бы и нет?

Слушаем «Be My Baby», расслабляем жизненные центры и... завидуем красавчику, отхватившему лекарственных средств на двести, мама дорогая, тысяч кредитов. Джингл беллз, или, как говорят русские экскурсоводы, дорогу осилит идущий!»

– Не знал про аптеку, – подал наконец голос Польшер.

– Моему отделу снимали премиальные из-за этой аптеки, – покачал головой Югира, – слава богу, я уже числюсь у Гейгера. Вообще, отчаянный сукин сын этот взломщик. Прямо под носом у полиции вскрыть аптеку – пахнет благородным безумием. Надеюсь, руководство не слышало этой реплики Халли, иначе его точно найдут.

Стас был рад всему, что нес Халли и говорил Югира, рад тому, что снова сидел на привычном месте и крутил баранку ведомственной машины. Рад был затрудненному движению, которое теперь уже не раздражало, хотя пару раз и пришлось врубить мигалку. Все это отвлекало.

Они проехали через площадь Иосифа на набережную, там, немного потолкавшись,

выбрались на Старый Мост и выскочили за пределы Второго Кольца. Здесь дороги стали свободнее, и Стас дал волю водительским инстинктам. Вообще-то, с тех пор как его приняли на работу в Управление, он мечтал стать детективом. Но вот этого чувства, когда ты несешься по городу за рулем полицейской машины и сам черт тебе не брат, ему иногда не хватало. Тем более Халли в этот раз был в ударе и ставил песни под стать настроению и дороге.

У супермаркетов и правда что-то дымило. Стасу пришлось прижаться к обочине и пропустить несколько летящих с сиренами пожарных машин. Стас коротко огляделся, пытаясь вычислить, в каком из небоскребов, окружающих это место, была оборудована подпольная студия радио «Хоспис». Ведь Халли проговорился, сказав, что видит дым над супермаркетами. Значит, высоко сидит, мерзавец. Хотя, может, это была намеренная дезинформация и про пожар он узнал от своего уже легендарного спеца по новостям, человека, имени которого никто не знал, но о котором слышали все. Кем бы он ни был, а иногда в эфире радио «Хоспис» всплывала такая информация, о которой даже из обладающих допуском не многие знали. За одно это Халли давно должны были отловить и растерзать или выбросить за Стену, голым и без оружия. Но несмотря на то, что над поисками наглого диджея и его студии трудился целый отдел нравов Управления, студию радио «Хоспис» обнаружить пока не удавалось. К счастью.

Стас свернул во дворы, подозревая, что у супермаркетов сейчас образовалась внеочередная пробка. Старые дома с надстроенными этажами не давали солнцу проникать во дворы-колодцы, пронизанные арками, как ствол автомата. Здесь было сумрачно и спокойно. В других районах города такой сумрак не сулил бы ничего хорошего. Но тут, в непосредственной близости от центра, уличная преступность вынуждена была соблюдать осторожность. Впрочем, подумал вдруг Стас, старина Халли, возможно, сам того не желая, может пошатнуть это спокойствие. Какие-нибудь тупицы могут решить, что Управление совсем мух не ловит, и начать орудовать здесь. Это, конечно, добром для них не кончится. Одно дело проморгать взломщика, другое – целую банду. Но кто-то успеет пострадать.

– Помню, когда входили в город, – вяло подал голос Поляр, – я больше всего боялся таких дворов.

– Это точно, – согласился Югира, – одна граната, сброшенная с крыши, могла натворить много бед. Хорошо, что социалистам хватило ума сдаться без боя.

– Они уже понимали тогда, что война как таковая закончилась, – сказал Стас, притормаживая «Фольксваген», чтоб протиснуться между ограждением детской площадки и припаркованным «Цундапом». – Мой отряд тогда остался с другими группами прикрытия. Километрах в пятидесяти от нынешней Периферии, там, где потом первая Стена была. Еле ноги унесли, никто же не знал ни про йодид серебра, ни про заразу. Половина моих людей тогда там осталась. И нам еще, в общем, повезло. Многие отряды вообще не выбрались. А потом началось заражение. Никто поначалу не обращал внимания на царапины и укусы. Выжил и выжил. Вовремя подоспели яйцеголовые, успели снять с нашего эшелона зараженных. Я видел по дороге целые составы трупов. Составы, с которых не успели снять больных... Кровавые бани. Я думал, что сегодня этого уже не будет, что мы нашли способ удерживать их за Стеной. Оказывается – нет.

– Стас...

– Я в норме, Югира. Теперь уже в норме.

– Их не удержать, – проговорил сзади Ник, – ночами лезут через Стену стаями. Большую часть мы убиваем, но один-два могут проскочить. Тогда начинаются зачистки местности... И все равно вычистить удастся не всегда. Слишком много брошенных домов, есть где прятаться ублюдкам.

– Не та тема, – отрезал Стас и врубил радиолу погромче. Ник пожал плечами и снова принялся за автомат. Эта игрушка пока ему не надоела.

Вторая половина дня тянулась, как нуга. Но она практически не принесла результатов. Никто толком не мог вспомнить убитого, и он точно был не из местных. Барменша из кафе, где погибший обедал, вспомнила, что у того была борода, но охранник того же кафе был уверен, что была всего лишь щетина. Оба сошлись во мнении, что парень был сильно поддат. И вроде бы все время говорил о том, что его не просто кинуть, что у него есть связи. Одежда тоже ничего не говорила: спортивный пиджак не первой свежести, брюки, рубашка с заплатами на рукавах, стоптанные ботинки. Сомнительно, что у парня были средства на серьезные связи. В карманах только кошелек с десятком кредитов и ключи от машины. Ни документов, ни визитных карточек. Брошенных машин в округе не нашли.

Напоследок Югира попросил Стаса еще раз заехать в участок. Шериф, высокий худощавый старик из тех, что и в пятьдесят при всей своей худобе способны завалить разбушевавшегося мерзавца, был на месте и угостил их кофе. Он был малословен, но дал понять, что поможет следствию всеми силами.

– Шериф, у меня к вам просьба, – уже прощаясь, сказал Югира, – вы знаете местных лучше нас. Вряд ли они согласятся вот так запросто делиться информацией с людьми из большого города. А у вас тут репутация. Есть вариант, что у убитого угнали машину. Возможно, уже после убийства, хотя, скорее всего, до. Покопайте на этот счет.

– Нет вопросов, – кивнул шериф и поправил шляпу.

За всю обратную дорогу не было сказано и десятка слов. Все вымотались на жаре и мечтали только о том, как добраться до ближайшего бара и опрокинуть в себя кружку холодного пива. Только диджей Халли заливался так, как будто не отболтал уже много часов подряд. Ну, за это его и любили. Впрочем, и он через час намеревался покинуть студию, врубив на кольцо ночную музыкальную подборку. Это был единственный минус радио «Хоспис». Халли появлялся в эфире когда хотел и на сколько хотел. Случалось, что он по нескольку суток не подавал голоса. И тогда по городу начинали бродить слухи о том, что парня наконец поймали, но скрывают эту информацию, боясь городских беспорядков. И только в Управлении пожимали плечами и говорили, что Халли, видимо, просто ушел в запой.

В пяти километрах от въезда в город, где несколько пригородных двухполосных дорог сливаются, как ручьи, в реку Двадцать третьей магистрали, скорость пришлось скинуть. Транспорт шел сплошным потоком, и ни одна сирена в мире не могла заставить его расступиться. Воздух наполнялся сумраком наперегонки с дымовой завесой, но сумерки побеждали. Кое-кто из автомобилистов уже включил фары.

– Смотри-ка, – воскликнул Югира, показывая куда-то вперед. Стас проследил за направлением и усмехнулся. С гигантского рекламного столба по прикладным лестницам торопливо, оглядываясь на их увенчанную выключенной мигалкой машину, сползали трое бородатых мужичков в странных одеждах. Судя по проступающим кое-где на щите фрагментам, щит этот принадлежал рекламной компании «Кока-кола», но теперь почти всю его площадь занимал самодельный транспарант: «Вы считали, что мысль управляет прогрессом, и упустили момент, когда прогресс стал управлять мыслью. Покаяние и возвращение к основам! Молитва и уничтожение машин!»

– Это что за хрень? – приподнявшись и вытянув голову между передними сиденьями, спросил Ник.

– Воинствующие амиши³, религиозная мутация, – пояснил Югира, весело качая головой. – На территории нашей юрисдикции практически не появляются.

– Но это же, блин... – Ник трижды щелкнул пальцами, потом заученно выдал: –

³ *Амиши* – консервативная секта меннонитов. Названа по имени основателя, священника Якоба Аммана, основана в 1693 г. Живут в сельских общинах. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т. п. Амиши носят бороду (без усов), старомодную одежду с крючками вместо пуговиц, пользуются плугом в земледелии, строго соблюдают день отдохновения.

Публичный акт вандализма... или акт публичного вандализма, хрен знает.

– Так и есть, – кивнул Стас, наблюдая за улепетывающими меннонитами, – вот только мы возвращались в город совсем другой дорогой, Ник. Правда, Югира?

– Абсолютная правда, – кивнул Югира и довольно посмотрел на Ника. – Здесь юрисдикция областного ведомства. А у нас с ними стойкое отсутствие взаимопонимания. Конечно, если бы эти фанатики начали взрывать машины, нам пришлось бы вмешаться. А так – даже весело. – И Югира рассмеялся.

– Запомни, друг, – весомо проговорил Стас, – раз уж ты некоторое время будешь работать в нашем Управлении, ты обязан использовать любой шанс, чтоб насолить областникам.

– Я этого не слышал, – покачал головой Югира.

– Я этого не говорил, – согласился Стас.

Ник весело гыгыкнул и вернулся на свое место.

– Закиньте меня в Управление и можете быть свободны, – сказал Югира.

* * *

Вечером, впервые в этом году, на улицах появились поливальные машины. Раз уж ветер отказывался разгонять городскую пыль, ее необходимо было как минимум усмирить. Придавить к асфальту тяжестью водяных брызг, попутно создавая минутные радуги и лужи, все в масляных переливах (мгновенно, впрочем, высыхающие). В общем, было красиво, а сгустившаяся синева вечера разбавила картину приятным намеком на дождливые картины экспрессионистов.

Сияющая вывеска «Долины» заставляла причудливо сверкать асфальт тротуара и проезжей части, бар стоял на пересечении Монументштрассе и Канцлерштрассе, а угол уже облюбовал старик по прозвищу Завсегдатай, его знали все. Он заходил в бар лишь под утро, перед закрытием, пропустить пару стаканов виски, но каждый вечер притаскивался на угол с медным тромбоном и развлекал ночную публику мелодиями из популярных фильмов: «Касабланка», «Мальтийский сокол», «Неуловимые мстители», «Огни большого города»... Завсегдатай любил. Частенько посетители «Долины» покидали на несколько минут прокуренный зал бара подышать свежим воздухом. Они шли к Завсегдатаю и слушали, а когда собирались обратно, всегда кидали в брошенную прямо на асфальт шляпу кредит-другой. Однажды компания молодых загулявших студентов решила поиздеваться над стариком. Отобрали у него тромбон, пнули шляпу, отчего кредиты рассыпались по тротуару. Не прошло и десяти секунд, как из «Долины» выскочили человек двадцать мужиков из числа постоянных посетителей и навешали студентам таких банок, что те улепетывали, теряя обувь и головные уборы.

Стас припарковал машину напротив бара. Заметив его, Завсегдатай качнул тромбоном и выдал хитрый пассаж. Стас улыбнулся и приложил руку к шляпе. В тусклом свете фонарей медный тромбон переливался оттенками красного. Стас кинул в шляпу Завсегдатай червонец и пообещал вернуться.

Внутри былолюдно. Бар считался местом отдыха верхней прослойки среднего класса – владельцев небольших магазинчиков, клерков, держателей автомастерских. Тех, кто уже вышел за рамки забегаловок, окружающих доки, и кабаков типа «Клубок змей» или «Партайгеноссе Штоф», но позволить себе ежевечерний дорогой ресторан пока не могли. В «Долине» было уютно, а цены демократичны. Сразу пять туповатых громил, подчиняющихся движению бровей Ауча, хозяина «Долины», обеспечивали в баре относительное спокойствие. Да и сам Ауч, низкорослый и заметно отяжелевший, мог в случае чего усмирить пару-другую перепивших посетителей молотобойным джебом или схватив их за загривки и от души столкнув лбами. Когда-то Арчи был неплохим боксером. Вообще-то под стойкой имелся и старинный шот-ган марки «Арк-топ», но на памяти Стаса его еще ни разу не доставали на свет. По крайней мере для наведения порядка. Наверное, он

давно порос паутиной так, что вытащить его при случае будет непросто. Кроме того, в баре играла хорошая музыка, а постоянным клиентам отпускали в долг. Отличное место для отличных людей.

Ауч стоял за стойкой, что-то объясняя бармену. Заметив Стаса, он кивнул и показал пальцем на лестницу, ведущую на второй этаж. Там располагались кабинеты для VIP-посетителей. В основном для богачей, которым взбрело в голову отдохнуть не в стандартных для такой публики «Метрополе» или «Генрихе IV». Кроме того, кабинеты арендовали для различных торжеств, для мальчишников или для того, чтобы компания клерков или мелких бизнесменов могла провести без лишних глаз вечер в обществе дам легкого поведения. Последних, кстати, поставляли Аучу по договору из борделя «Живой уголок», где сидел вышибалой Бруно. Один из кабинетов, последний по коридору, был по пятницам закреплен за четырьмя друзьями: Стасом, Шрамом, Скальпелем и Бруно. Нередко к ним присоединялся и сам Ауч. Сегодня была среда, но, когда Стас позвонил Аучу и попросил оставить за ним кабинет, хозяин «Долины» только уточнил время. Они были знакомы еще с тех времен, когда никакой «Долины» и в планах не было, а бывший боксер Ауч только начал подрабатывать в букмекерской конторе. Это было миллион лет тому назад, вскоре после окончания войны, и славные знакомства, протянувшие такое долгое время, принято называть дружбой.

Стас взбежал по лестнице, мимо черно-белых портретов на стене. В коридоре добротная ковровая дорожка, купленная Аучем на распродаже после закрытия какого-то солидного отеля, отлично глушила шаги. Бра в виде бутонов тюльпанов висели достаточно редко и светили достаточно тускло, чтобы идущий видел, куда идет, но не смог разглядеть лицо встречного. На последней двери висела табличка, сделанная Шрамом в мастерской три года назад: «Здесь пьют стареющие гардемарины. Не лезь, если не хочешь проплыть под килем». Это была шутка, никто и не собирался вешать ее на дверь, просто подарили Аучу на какой-то праздник. Но каждую пятницу или во время таких вот незапланированных встреч табличка оказывалась на двери. Добрый верный старина Ауч...

Парни уже собрались и, похоже, решили начать без него. По крайней мере, Скальпель уже слегка плыл.

– Простите, джентльмены, задержка на работе.

– Если задержка не грозит внезапным продолжением рода, нам она не страшна, – провозгласил пьяный Скальпель.

– Как ты, Стас? – спросил Шрам, и Бруно присоединился к нему вопросительным взглядом.

– Все нормально. Вернее... – Стас пожал плечами, – насколько это может быть нормально.

– А какого черта ты пошел на работу? – спросил Скальпель.

– Не знал, куда себя деть, – честно ответил Стас. Да и от кого ему было скрывать, не от этих же парней, с которыми он прошел огонь, воду и медные трубы по самому подолу Сатаны. – И, кстати, это было верное решение.

Бруно плеснул в стакан виски и подвинул его Стасу.

– За старика, – сказал Шрам. И Бруно кивнул.

– За настоящего человека, каких уже не осталось, – поднял свой бокал Скальпель.

– За отца...

Они пили, вспоминали былое и снова пили. Вечер становился зыбким и одновременно наполнялся уютом. Скальпель попытался было рассказать медицинский анекдот, в котором трижды повторялся термин «пункция спинного мозга», но никто анекдота не понял. Тогда Скальпель попытался рассказать то же самое без терминов, объяснить на пальцах, и получилось еще хуже, зато смешнее. Потом пришел Ауч с новой бутылкой и стулом, присоединился к столу и рассказал новый политический анекдот.

– Короче, – слегка картавя говорил хозяин «Долины», – заявляется губернатор домой раньше времени. Заходит в спальню, а там его супруга, дай ей боже здоровья и счастья,

Натали Портман без одежд и вся такая расслабленная, утомленная, волосы по подушке...

– Вкусно рассказываешь, – вставил было Скальпель, но друзья заставили его замолкнуть.

– А у кровати в одних кальсонах замгуба собственной персоной, дай ему бог здоровья и счастья тоже, – продолжил Ауч. – «Ты какого хрена тут делаешь, заместитель?» – спрашивает охреневший губернатор. А замгуба так кланяется, показывает на Натали и отвечает: «Так ведь замещаю, ваше высокоблагородие...»

Отсмеялись.

– Надо бы на вас рапорт составить, как считаете? – спросил Стас.

– А с кем ты тогда по пятницам пить будешь? – вопросом на вопрос ответил Скальпель.

А Ауч добавил:

– И где?

– Вот только это и удерживает меня от исполнения гражданского долга. – Стас усмехнулся. – Ну что, как у кого день прошел?

– Оперировал, – отчаянно кивнул Скальпель и постарался сохранить равновесие.

– Чинил моторы, – ответил Шрам.

– Пытался разобраться со счетами, – проворчал Ауч, – клянусь. Вай, слушайте, налоги сведут меня в могилу, клянусь здоровьем всех своих бабушек. Я почти уже начал худеть, честное слово!

Стас посмотрел на Бруно, тот пожал плечами и махнул рукой.

– Отлично! – кивнул Стас, чувствуя, что миновал рубеж тоски и теперь может не сдерживать чувств, может спокойно отдаться на волю грусти и доброй, светлой печали. – Значит, жизнь идет своей обычной чередой. Жизнь продолжается, господа гардемарины...

Скальпель вскочил на ноги, поднял бокал и трижды щелкнул пальцами свободной руки.

– Виват! – гаркнули хором друзья, и бывший пехотный капрал Ауч гаркнул громче всех, так, что задрожали стаканы и звезды на небе стали на мгновение чуть менее яркими.

* * *

Ночная улица встретила их относительной свежестью и печалью тромбона. Завсегдатай играл «Лунную реку» Фрэнка Синатры.

– My huckleberry friend... – тихо и хорошо подпел своим некогда поставленным баритоном Скальпель. – Этот сукин сын всегда знает, что сыграть для меня в эту минуту.

– Он играет не для тебя, Скальп, – покачал головой Шрам, – вообще ни для кого. Завсегдатай – просто часть ночи. Это она создает настроение. Ауч, сатрап, где бутылка?

– Ты зачем так говоришь, эй? Бутылка у меня в руках, и не надейся заполучить ее, прежде чем я сделаю большой глоток, – ответил Ауч и свернул голову «Лошади».

– Эй, – всплеснул руками Скальпель, – у нормальных людей это называется не глоток, а четверть бутылки!

– Да и черт с ними, с нормальными людьми. Почему у старого армянина не может быть отличного настроения? Хочу напиться и прогуляться где-нибудь в районе университета. Заодно вспомню те времена, когда имя Арчи Терапетяна знал каждый школьник, потому что перед хуком Арчи Терапетяна не мог выстоять никто. – Ауч, встав в стойку и смешно подпрыгивая, сделал пару ударов в темноту.

– Пока однажды Арчи Терапетяна не встретил пацан по имени Леннокс Льюис, – вставил Стас, принимая у Скальпеля бутылку.

– Да нет, – печально покачал головой здоровяк, – мой закат начался еще раньше. Я повредил сухожилия, но мои агенты и слышать не хотели о том, что мне нужен перерыв. Я был для них дойной коровой, и только. Пока дает молоко, ее кормят и холят, а когда перестает, отправляют на скотобойню. Так что тот бой с Льюисом был просто последней каплей. Вай, что там говорить, все это давно унеслось с той, другой жизнью. Я по крайней

мере выжил, а про Льюиса после войны никто ничего не слышал. Хотя, между нами, парни, думаю, что и в лучшей форме я не выстоял бы против этого парня. Но! Вы немедленно забудете о моих словах, вам ясно? Достаточно того, что было время, когда Арчи Терапетян был непобедим!

— За легенду довоенного ринга, — поднял бутылку Шрам, — и пусть все черти катятся к своим матушкам. Я поддерживаю тебя, старина. В смысле твое предложение прогуляться мимо университета. Где там сейчас самое разгульное место?

— Есть один кабак, — криво усмехнулся Арчи, — там висают футболисты. С вот такими плечами. Их много, и нам будет несладко.

— Отличная затея, — кивнул Скальпель.

— Скальп, ты же хирург, — воскликнул Стас, — ты должен беречь руки. А потом, вообще-то вы забыли, что я как-никак детектив. А вся эта затея называется хулиганством.

— Это хорошо, что с нами детектив, — положив ему руку на плечо, сказал Шрам, — будет кому нас отмазать, если появится полис.

— Идиоты! Я, конечно, с вами, но это ничего не меняет. Бруно, ты-то что думаешь?

Бруно улыбнулся, сцепил пальцы и оглушительно щелкнул суставами.

— Все понятно, — вздохнул Стас. — Ладно, футболисты так футболисты. Старые, мать вашу, пни, а ведете себя, как молокососы...

Но подраться с футболистами в этот вечер им было не суждено. Они постояли еще несколько минут, дожидаясь, когда Завсегдатай закончит «Лунную реку». И это все решило. К «Долине» стремительно подъехала машина, из которой выскочила одна из девушек «Живого уголка». Она сразу же бросилась к Бруно.

— Сэм, я за тобой. В «Уголке» буянит какая-то матросня. Громят мебель и отказываются платить. Их там десятеро, и они уже вырубили твоего сменщика.

— Десятеро, — усмехнулся Ауч, — всего по двое на брата. Я в деле, парни.

И это была отличная драка, в духе тех, что случались когда-то в мореходке между потоками одного курса, или даже между разными курсами, или просто в клубе на танцах между гардемаринами и студентами других учебных заведений. Матросы были не промах, их было больше, но они были пьянее. За друзьями из «Долины» была относительная трезвость, готовность к драке и фактор неожиданности. И для начала Скальпель использовал свой коронный кульбит курсантских времен, разбив табурет об голову одного из матросов. Затем в дело вступил Ауч, профессионально отработав пару на корпусе высокого матроса с татуировкой в виде сцепленных якорей на шее. Ну а дальше вступили в дело все остальные. Не прошло и минуты, как матросы осознали, что их дело швах. Они убегали по улице, выкрикивая обещания вернуться, а Ауч поливал им спину самым отборным матом. Девчонки в окнах переживали и вскрикивали так, как будто поставили все свои сбережения на результат боксерского поединка, а город бросался со всех сторон, как обрадованный вниманием щенок, то вспыхивая отражением в окнах, то налетая неожиданным сквозняком. А поскольку, чисто теоретически, они явились в бордель только для того, чтобы урезонить хулиганов, младший детектив Бекчетов не имел ничего против. Надо же хоть иногда выполнять свой профессиональный долг!

«Ну что, неудачники? Жизнь помои, но жить надо. По крайней мере пока не помрем, ха-ха. Слышу, слышу, улицы успокаиваются, заводы гудят, офисы тоже подгуживают. С новым вас гребаным рабочим днем, лодыри. Проведем его так же бездарно, как и все предыдущие дни, и выполним основное предназначение человечества: прийти, нагадить и свалить к праотцам. И жизнь ваша бездарная станет еще более бездарной, так что поводов для печали и волнения нет! А на меня, знаете ли, напала утренняя апатия. Похоже, мой коллега и спец по новостям начихал тут болезнетворных бактерий печали и уныния. Видели бы вы, с какой постной физиономией он ходит! Тараканы вешаются на бутербродах. По этому поводу и я намерен уйти в пятиминутную депрессию и послушать композицию оркестра вибрирующих инструментов «The Ventures» под названием «My Own True Love».

В этом мире существовал только один вездесущий сукин сын, которому позволялось разглашать тайны следствия. И то лишь потому, что его до сих пор не могли поймать, и еще потому, что он имел привычку ставить классные песни. Все остальные обязаны были держаться от тайн следствия как можно дальше. Особенно утром. Особенно если это утро после попойки. Особенно если это была попойка старых друзей. И особенно человеку стоило держать дистанцию, если его звали Доусон Лейстрейд, которого все, от мала до велика, звали просто Лисом-Педерастом.

Стас ненавидел это нарицательное словосочетание. Любой, кто имел хоть какое-то отношение к юстиции, ненавидел это словосочетание. Потому что Доусон Лейстрейд был чертовски хитер и пронырлив, а также при случае мог пролезть в любую задницу ради получения информации. Даже если эту задницу нужно было предварительно вылизать. Более того, прием «глубокий лизок» был коронным приемом Лиса-Педераста. К великому сожалению, Доусон выбрал криминалистику и все связанные с нею скандалы в качестве полигона.

Вот и этим утром Лис-Педераст сиял во всю черно-белую диагональ переносного телевизора, который уже давным-давно никто не переносил с холодильника на кухне в квартире Стаса. Лейстрейд не просто сиял, он излучал самодовольство и укоризну одновременно. Еще бы, ведь где-то среди нас, дорогие телезрители, бродит мерзавец, совершивший девять убийств, а доблестные защитники правопорядка до сих пор не могут не только поймать преступника, но даже и определить, кого тот прикончил. Говоря все это, Лис-Педераст умудрялся корчить такие наигранные рожи, что все рассказанное начинало напоминать анекдот. В этом и была цель Доусона Лейстрейда. Он был комиком от бога, хотя, как подозревал Стас, бог этого мерзавца носил рога и ходил, цокая копытами. А по утрам вселялся в телевизоры. Естественно, этот гаденыш не забыл упомянуть об ограблении аптеки.

Стас со стоном оторвал задницу от табурета и вылил кофе в раковину. Настроение было испорчено. Он подошел к телевизору и выдернул вилку из розетки. Подумал – и повернул экраном к стене.

Хреновое утро...

* * *

– Я ненавижу Лиса! – объявил Югира, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

– Совершенно с тобой согласен, – скривился Стас, поворачивая ключ зажигания. – Этот ублюдок испортил мне утро.

– А мне этот и еще один. – Югира кивнул на дверь Управления. – Самое обидное, Лис снова прав. Мы ничего не знаем. У остальных групп по нулям. Да и у нас тоже. Звонил шериф Миссельтресса, сказал, что пока новостей нет, – объявил Югира, – так что сегодня едем в Сарай.

Стас удивленно посмотрел на руководителя. Сарай был поселением зажиточных азиатов. Там действовала своеобразная автономия, и хотя губернатор Сарая, которого там называли «паша», подписал двенадцать лет назад Договор о подчинении общей конституции с учетом этнических особенностей обособленных групп населения, вышеуказанные этнические особенности в Сарае главенствовали. Своя полиция, свои суды, свои меры пресечения. Представитель Управления юстиции, обязательная штатная единица в любом обособленном этническом поселении, проводил дни, сидя в чайхане или в собственной бане. Он получал настолько мизерную зарплату в Управлении, что иногда терял нюх и забывал за ней заехать. В то же время от местных воротил он получал столько, что потеря нюха казалась вполне оправданной. Разумеется, представитель Управления в Сарае был из местных. Правительство закрывало на это глаза, поскольку Сарай был прекрасной налоговой Меккой, исправной машиной по пополнению государственного кошелька. К тому же ходили

слухи, что паша принимает служебные визиты правительственных инспекторов в собственном гареме, так что за право проинспектировать Сарай разгораются самые настоящие кулуарные битвы с подмешиванием слабительного в кофе и наймом частных детективов с целью опорочить честное имя претендентов. Надо заметить, эти сами местные воротилы редко были рады видеть здесь коллег представителя Управления. Можно сказать, они никогда не были этому рады. Поэтому, к примеру, Гейгеру туда попасть не удалось, его просто не пустили, отчего тот все утро ходил и брызгал ядом.

– Там было совершено третье убийство, – напомнил Югира.

– Будет нелегко, – ответил Стас.

– Да уж, но у меня там есть кое-какие связи, – пожал плечами старший детектив. – Видок у тебя, кстати, Станислав, потрепанный.

– Вы не поверите, но последний раз я слышал эту фразу в придорожном кафе от сорокалетней красотки, мечтавшей затащить меня к себе в постель.

– И? – подал голос Ник, все утро поражающий феноменальной молчаливостью.

– Что «и»?

– Ей это удалось?

– Джентльмены не обсуждают это вслух, – покачал головой Стас, – но вообще-то да.

– Поехали, джентльмены, – усмехнулся Югира. – Меня смущает одна деталь, и я должен срочно оказаться на месте убийства.

– А этого... Полынера... дожидаться не будем? – спросил Ник.

– Я отправил его в Миссельтресс, – ответил Югира, – у него там тоже есть какие-то связи.

– У Полынера? – удивился Стас.

– Да. Среди футбольных хулиганов, кажется. Или у тех, кто их держит, я точно не понял.

* * *

Утро в городе – самое невыносимое время суток. Все дороги превращаются в одну сплошную пробку, смердящую выхлопными газами, воющую клаксонами, матерящуюся ртами, отдающими сквозь запах зубной пасты перегаром, смешанным с дымом первой утренней сигареты. Но после столь бурной ночи Стас пребывал в это утро в некоем полусонном состоянии. Он не спал, не кивал носом, не ослаблял внимания, но на то, что в любой другой ситуации легко бы вывело из себя, сегодня ему было глубоко наплевать. Орут – ну и пусть себе орут. Закрытые стекла, кондиционер и радио делали возможность не замечать этого вполне реальной.

Не испытывал раздражения по поводу затрудненного движения и Ник Спайкер. Во Втором Периметре он бывал только раз, да и то в командировке, под неусыпным надзором злобного капрала. И теперь пользовался любой возможностью увидеть и отреагировать. Он глазел во все стороны, лишь иногда отвлекаясь на то, чтобы убедиться, что новый «Лес Пол» с диском на сорок патронов калибра 5,45 ему не приснился и действительно лежит на коленях.

– Ух ты, стачка, забастовка! – воскликнул он первым, когда они вырулили на Бондштрассе. По площади ходило по кругу человек двадцать в полосатых пижамах, заложив за спину руки. У каждого на спину был пришит прямоугольник белой ткани с надписью «Банкрот». А над площадью парили несколько воздушных шаров, удерживающих транспарант «Новая налоговая доктрина – убийца малого бизнеса! Вы хотите нового финансового кризиса?».

– Обычное дело на Бондштрассе, – пояснил Югира. – Здесь находится здание регионального отделения министерства финансов и центральные офисы всех крупных банков Второго Периметра. Так что в этих местах постоянно какие-то грозы. Сталкиваются два атмосферных фронта – финансовые кульминации и банкротства – над отдельно взятым

районом города.

– В прошлый раз забастовщиков было меньше, – заметил Стас. – Кто-нибудь знает, что это за новая доктрина?

– Понятия не имею, – покачал головой Югира, – никогда в этом не разбирался. Я и про старую-то ничего не знаю.

Они миновали Бондштрассе и окунулись в неторопливый водоворот утреннего лабиринта. Даже зная все объездные пути, Стасу удалось только через час вытащить «Фольксваген» за Второе Кольцо. Местные обитатели уже покинули свои дома, спеша в обратном ведомственному «Фольксвагену» направлении, то бишь в центр, к своим офисам, представительствам, конторам самого разного пошиба. Можно было не сдерживать спрятанных под капотом лошадей, но именно теперь на Стаса начала наваливаться дрема. Он прижал «Фольксваген» к обочине и, обернувшись к Спайкеру, спросил:

– Ник, ты водишь машину?

– Конечно, – воссиял новый коллега, – правда, я не знаю города.

– Я знаю, – проворчал Югира и укоризненно посмотрел на Стаса. – Надеюсь, оно хоть того стоило.

– Мы поминали отца, а потом... Все как-то вышло из-под контроля, – пожал плечами Стас.

– Понимаю. Перебирайся назад. До Сарая около часа езды. Большого дать не могу.

– Больше и не понадобится.

* * *

Бывают состояния, когда задние кресла служебного микроавтобуса могут показаться лучшим ложем на свете, и неважно, что ноги либо прижаты коленями к груди, либо болтаются по всему салону. Неважно, что на поворотах твоя голова бьется о стену, а откуда-то свыше божественным гласом то и дело приходят звуки сирены. Ничто это не способно заставить тебя думать, что кресла салона – это не то место, ради которого ты был рожден на свет. Ничто. Да и ладно вам, это еще праздник по сравнению с теми условиями, в которых приходилось кемарить сначала курсанту-гардемарины, потом солдату, а затем, в хронологическом порядке, таперу в ресторане средней руки, механику в автомастерской, специализирующейся по реставрации довоенных автомобилей, водителю в свадебной конторе, водителю в похоронной конторе, водителю в Управлении юстиции и, наконец, младшему детективу того же Управления. Богатая на события жизнь определяет философское отношение к тому, где и в каких условиях приклонить голову. В окопах под постоянным обстрелом? Запросто. На складе между коробками с вермишелью и банками с томатным соусом? Нет ничего проще. На креслах в салоне «Фольксвагена»? Именно этим он и занят.

Вот только уснуть никак не получалось. Стас то впадал в полупрозрачную, но невероятно тяжелую дрему, то снова приходил в себя и пытался уговорить свой организм вспомнить и более тяжкие условия. Организм помнил, но даровать спасительный сон отказывался. В конце концов Стас принял горизонтальное положение и воззвал в тишине:

– Парни, никому из вас супруга термос с кофе не приготовила на сегодняшний день?

– Я не женат, – до омерзения жизнерадостно отозвался Ник.

Югира обернулся, окинул Стаса взглядом и усмехнулся:

– Послушай, парень. Мне тоже приходилось бывать в таком состоянии. Так что, если хочешь, мы тебя скинем, а потом как-нибудь прикроем.

– Спасибо, Югира, но я действительно приду в себя, если выпью кофе. И извини, что твой подчиненный создает тебе столько хлопот. Обычно я бываю посвежее.

– Кофе нет, а я временный начальник. В моей сумке есть термос. Там мате. С непривычки может показаться мерзкой шуткой. Но бодрит не хуже кофе, поверь старому солдату. Я в последнее время пристрастился к этой дряни...

За то время, пока Стас находился на тонкой, вибрирующей и воющей сиреной грани сна и яви, Ник под чутким руководством японца вывел «Фольксваген» на окраину города. Это было нетрудно определить: дома вокруг стали еще выше, еще менее приглядными, а дорога была испещрена выбоинами. Тут выпастись уж точно не удалось бы. Стало темнее из-за того, что солнцу все труднее было проникать в узкие щели между домами: дороги сузились до одной полосы. Это был район небоскребов, переполненных малогабаритными и чаще всего однокомнатными квартирами, в которых ютились семьи по шесть и больше человек. Стас давно обнаружил занятную закономерность: чем беднее семья, тем больше она стремится к многодетности. Кто-то однажды пошутил, что, дескать, если уж не удастся достичь богатства в финансовом плане, то нужно использовать то богатство, что дано природой. Но Стас имел на этот счет собственное мнение. Скорее всего многодетность была таким безусловным инстинктом, навязанным как раз бедностью. И инстинкт этот не из сегодняшнего дня, а с доисторических времен. С тех пор, когда холод нельзя было одолеть, его можно было только перетерпеть. И в одиночку терпеть холод было нелегко, порой невозможно, но, если рядом оказывался кто-то, к кому можно прижаться, кто мог бы поделиться своим теплом, твои шансы на выживание увеличивались. Бедность – тот же холод, и в одиночку его трудно пережить. Впрочем, была и обратная сторона медали, как же без нее. Чем больше стая, тем она агрессивнее. Масса – это сила. А бедность, точнее, отсутствие надежды выбраться из нее нормальными (читай, законными) путями заставляет стаи идти на незаконные меры. Вот потому-то и коллективная преступность среди представителей малообеспеченных классов особенно распространена, причем преступления отличаются особенной жестокостью. Человек легко напьется крови, напьется и ужаснется. Напоить толпу невозможно. А если эта толпа организована и связана какими-то узами, мы имеем дело с криминальной группировкой, способной на все и не останавливающейся ни перед чем. Инстинкты и бедность. Возможно, эту проблему можно было бы решить, но до тех пор, пока для ее решения создаются не группы экономистов и психологов, а отделы по борьбе с организованной преступностью, этого не случится.

– А ведь всего пять лет назад здесь было вполне сносно, – с особенной ноткой печали, той ноткой, которая живет только в голосе азиатов, проговорил Югира.

– В последнее время вполне сносными могут считаться только районы, близкие к центру, – согласился Стас.

– Тут где-то... точно уже не вспомню где, был ресторан. Там я познакомился со своей женой, – сказал Югира. – Теперь уже, наверное, и не найду его.

– Не знал, что ты женат.

– Почти пять лет уже. И с тех пор здесь я не был ни разу. Старался выбирать другие дороги.

– На других дорогах пробки, – вставил Ник. – А вообще, вы просто все избалованные здесь, во Втором Периметре. Уверяю вас, парни, если бы вы видели, как вымирают целые кварталы, и не просто какие-нибудь трущобы, а такие, знаете, где богатые особняки с бассейнами и все такое, если бы вы это видели, вы говорили бы иначе.

Они миновали дома, проехали несколько кварталов складов. Ненадолго задержались на муниципальном блокпосте, потом проскочили между бетонными стенами, огораживающими дорогу, идущую через свалку. И хотя свалка была окружена бетонными плитами со всех сторон, делалось это отнюдь не для благоустройства бедных районов, а для того, чтоб скальные массивы городского мусора не портили вид с идущих по обе стороны автомагистралей.

– Просто экскурсия какая-то, – проворчал Югира, – едем в рай дорогой через ад.

– Жуткая поэзия, – кивнул Стас.

– Я тоже стихи не люблю, – согласился Ник Спайкер, – дурь, по-моему, вся эта любовь-морковь. Правда, у нас был парнишка, все время с гитарой ходил. Вот он неплохо рифмовал. Но ведь песни – это не стихи, верно я говорю?

– Почему «был»? – вяло поинтересовался Стас.

– Да не знаю, может, и сейчас есть. Его здорово порвали во время одного из набегов. Ну, там медики подсутились, какие-то уколы сделали, увезли. Не знаю, может, и выкарабкался. Вот этот наш, главный, он же выздоровел. Может, и парню повезло. Неплохой был, веселый. Элвис... Элвис Пресли, рядовой второго пограничного дивизиона. Блин, вы бы его на сцене видели, такие кренделя выдавал! Да...

Они пристроились в хвост очереди из десятка машин, ждущих возможности выбраться на 2-ю магистраль. Над развязкой высоко в небе парил дирижабль с накопителями солнечной энергии на борту. Стас поднял голову и увидел, как с его платформы сорвался и устремился в сторону города кажущийся миниатюрным биплан. Красно-белые круги на его крыльях говорили о том, что он принадлежит не к муниципальной эскадрилье, а к чьей-то частной. В последнее время это стало распространенным явлением. Правительству было легче оплачивать аренду частной авиатехники, нежели содержать в порядке свою собственную.

– Ну а ты, Станислав, – обернувшись, спросил Югира, – не собираешься пока обзаводиться семьей?

Стас усмехнулся и пожал плечами:

– Да как-то не представилось возможности. Женщины были, но ничего серьезного. Знаешь, война отучила строить планы.

– Знаю, – серьезно кивнул Югира, глядя прямо по курсу, – но война кончилась. Нет уже даже того, из-за чего она началась. И за что велась. Но мне знакома эта неуверенность в будущем. Другое дело, что я не стал ее культивировать. Иногда нужно поступать вопреки чувствам.

– Да я не спорю, – ответил Стас и отчаянно зевнул. – Где, говоришь, твоя мята?

– Не мята – мате. В сумке.

Некоторое время ехали молча. Стас пытался заставить себя глотать обжигающую и невероятно горькую жидкость из термоса, Югира задумчиво рылся в синей папке, а Ник Спайкер крутил баранку под круто завернутый свинг из динамиков радиолы. Крутил-крутил, а потом вдруг сказал, немало озадачив обоих своих коллег:

– Бросьте, ничего не исчезло, господин Югира. Вы вот говорите, что все, из-за чего началась война, исчезло, а это не так. Деньги остались, бедность осталась, белые ненавидят черных, а черные – белых. Парень с Библией под мышкой не подает руки такому же парню с Талмудом. Ничего не исчезло. Я вырос в бедном квартале. Только у нас было еще хуже, чем там, – он неопределенно мотнул головой, – потому что Третий Периметр. И такие вещи у нас сильнее чувствуются. Ничего не исчезло, господин Югира. Просто затаилось до времени и ждет. Как те упыри из-за Стены. Дайте ему время, он еще высунется, это я вам точно говорю. И тогда уж рифмуй не рифмуй...

Стас пересекся с Югирой взглядом в зеркале. Потом увидел, как тот пожимает плечами.

– Югира, передайте мне материалы по третьему убийству, – пробормотал Стас, – надо чем-то занять голову.

* * *

Из четырнадцати фотографий с места убийства, переданных представителем Управления в Сарае (великолепно выполненный, подробнейший отчет прилагался, плюс отчет специалистов – парамедиков и баллистиков), Стас задержался взглядом лишь за одной. На ней крупным планом было запечатлено то, что ранее было лицом жертвы. Месиво мяса, костей и зелено-серой слизи, небрежно уложенное в лопнувшую скорлупу черепа, – вот и все, что от него осталось.

Наверное, это было ужасно. То есть Стас подозревал, что по человеческим меркам это было ужасно. Но сам не испытывал ни ужаса, ни омерзения. Он вообще ничего по этому поводу не чувствовал. Усмехнулся и, положив снимки в папку, вернул ее Югире.

– Чему улыбаешься, Станислав?

– Это не улыбка, Югира, это усмешка. Я просто... Знаешь, я сам себе кажусь тысячелетним старцем с головой подростка. Мне нет и сорока лет, а моя эпоха закончилась.

– Почему?

– Потому что я только что увидел развороченное выстрелом и кислотой лицо мертвеца, но мне совершенно плевать. Не должно бы, но мне плевать. Я видел в свое время, как парень, который не успел вовремя надеть противогаз, выцарапывал себе глаза. И выцарапал, но не остановился, а продолжал рвать лицо. А я не мог ему помочь, потому что держал пулеметную ленту. Вместо него – парень был вторым номером. Я видел, как он умер, Югира. И это не все, что я успел увидеть за свою жизнь, и это вроде наждака. Оно обтесало во мне то, что должно чувствовать в такие моменты. Мне уже кажется, что я и не человек...

Югира молча кивнул и задумчиво уставился перед собой. Вряд ли он видел в этот момент дорогу. Стасу вдруг захотелось спросить: попади он в положение проигравшего бой офицера, стал бы вспарывать себе брюхо? Но сдержал себя, не спросил. Не знал, как тототреагирует. Югира был отличным мужиком, судя по всему. Не стоило портить отношения нечаянной обидой.

* * *

Сарай тоже был обнесен стеной из бетонных плит. Но этот забор был не чета тому, что окружал свалку. На плитах вокруг Сарая были выбиты орнаменты, все они были искусно расписаны и казались произведениями национального искусства. Стас не особенно удивился бы, если б узнал, что все это сделано вручную и при Сарае содержится целый штат работников, отвечающих за сохранность и внешний вид стены. Даже стандартная телефонная будка у ворот была расписана лабиринтами орнамента, отчего казалось, что она сшита из ковров.

Около будки в теньке сидел на корточках человек, невероятно похожий на Югиру.

– Мой брат, – объяснил Югира. – В отличие от меня он принял мусульманство. У Эбо хорошо развита экономическая жилка, а жить в Сарае, будучи мусульманином, весьма выгодно. Подождите здесь, парни, я быстро.

Он вышел из машины и подошел к брату. Солнце медленно, но крайне упорно продвигалось в сторону зенита. Окрестности Сарая были засыпаны специально привезенным песком, а над стеной забора, покрытого восточным орнаментом, высилась колонна минарета.

– Можно подумать, мы где-нибудь в Арабских Эмиратах или в Египте, – сказал Стас.

– Это точно. – Ник опустил солнцезащитный козырек и обернулся к Стасу. – Богато у вас тут живут мусульмане эти.

– Эти да. Но эти – не все мусульмане Второго Периметра, поверь мне. Остальные живут в районе у свалки или в других точно таких же. По крайней мере большинство. Но есть, конечно, люди, кто на бедных внимания не обращает и рассуждает о том, что азиаты слишком много себе позволяют. Хотя на самом деле этнические поселения – факт, зафиксированный конституцией. Кое-кто, – Стас кивнул на забор, – этим умело воспользовался. И они не одни.

– Да, парень, такое дело. Законами вообще-то умело некоторые пользуются. Но не такие, как мы с тобой.

– Да уж, мы с тобой должны приглядывать за теми, кто не обладает такими талантами. Так что ты, наверное, был прав: ни хрена не исчезло и ни хрена не изменилось. Смотри, Югира возвращается.

Югира вернулся мокрый от пота, но довольный.

– Ник, рули в объезд к другим воротам. В парадные нас не пустят, но в Сарай мы сегодня попадем.

– Югира, ты уверен, что мы не обязаны перейти с тобой на «вы»? – покачив головой, спросил Стас.

– Позже, – отмахнулся Югира, – на самом деле нам дали всего два с половиной часа. Нужно многое успеть.

* * *

Сарай был оазисом. Даже на фоне лучших домов в городах Второго Периметра он был оазисом. Прекрасным, чуждым и притягательным. Он был похож на экзотическую красавицу с постера, таких никогда не бывает в твоём окружении, но ты прекрасно знаешь, что где-то они все же есть. Впрочем, это сравнение из прошлой жизни. После объединения под натиском наступающей природы и связанного с этим перенаселением оставшихся за людьми районов не только дома стали выше, а улицы уже. Смешение рас и соседство религий (до зубов вооруженный нейтралитет с правой рукой на религиозном писании и левой на цевье пулемета Джексона), появление и уже взросление девчонок и парней таких причудливых национальных комбинаций, что подобным сравнениям вроде бы и места уже не осталось. И все же большой настенный календарь с экзотической красавицей – это именно то, о чем подумал Стас, когда они проехали по задним дворам одно-двухэтажных домов из белого камня, который был похож на сахар. Даже обратная сторона медали была прекрасна! Дороги были вымощены булыжником, зелень вдоль дорог была редкой, но ухоженной и чужеродной. Тут и там из причудливых чаш били маленькие фонтаны. Мужчины строги и насторожены, а единственная встреченная женщина прятала лицо под паранджой. Ник шепотом сказал, что она наверняка умопомрачительно красива, а Стас ответил, что паранджа дает Нику право в это верить.

Единственным минусом пребывания в Сарае была невероятная жара. Здесь было еще жарче, чем за стенами. Стас в шутку предположил, что здесь под дорогами специально проложили трубы с горячей водой, потому что теоретически белый камень домов и такой же булыжник мостовой должны были отталкивать тепло, а не аккумулировать.

Ну и кроме того, им здесь явно были не рады, общались с ними без охоты, и беседа, которая могла бы уложиться в пять-десять минут, растягивалась на полчаса просто потому, что Стасу и Нику было сложно пробиться сквозь настороженность местных жителей. Была такая поговорка: «Что случилось в Сарае, то в нем и останется». Стас начал подозревать, что это не просто поговорка. Ничего нового они не узнали, все собранные сведения соответствовали тем, что уже хранились в синей папке Югиры.

Кстати, сам руководитель группы, отдав распоряжение Стасу и Нику, куда-то исчез. Скорее всего, парился в какой-нибудь местной бане, а гурии избавляли его от проблем, накопившихся за пять лет семейной жизни. Вымотанные уже через полчаса работы, взмокшие и возненавидевшие тропические красоты, которыми не так давно восторгались, Стас и Ник выработали план. Им нужно было опросить жителей домов, окружающих центральную площадь. Эту часть задания они выполняли, строго сверяясь с тенью от башни минарета. Они преданно следовали в ее кильватере – это хоть немного спасало от жары.

Был один пункт из намеченных, который так и остался нераскрытым. Все опрошенные в один голос утверждали, что понятия не имеют, кто этот убитый, зато все знали точно, без объяснения причин, что он был не местный. Каким образом чужой человек мог попасть на территорию Сарая, а точнее, на задний двор мечети и остаться незамеченным, они не знали. Но многие видели, как этот человек упал, сраженный пулей. Выходило так, что он как будто появился из ниоткуда только для того, чтобы его череп разошелся по швам.

Наконец, когда означенное ранее время истекло, появился Югира. Он не выглядел утомленным, скорее, наоборот – довольным, что подтвердило худшие опасения его подчиненных.

– Выезжайте за ворота, парни, и ждите меня у парадных. Я выйду там.
– О'кей, – вздохнули Стас и Ник и обреченно побрели к «Фольксвагену».
– Хорошо быть старшим детективом, – проворчал Спайкер, залезая на водительское сиденье.

– Это точно, – кивнул Стас. – Ты что, выключал кондиционер?
В салоне ведомственной машины царил горячий ад пустыни.

* * *

Югира вернулся еще через полчаса – взмокший, в запыленном костюме и с довольным видом.

– Югира, конечно, нехорошо так говорить руководителю, даже временному, – заметил Стас, глядя в сторону, – но такое ощущение, что ты неизвестно чем там на песке занимался, и это «неизвестно что» тебе понравилось.

– Надо бы не забыть лишить вас премиальных, – усмехнулся Югира. – Потому что я... Да, я выпил по чашке чая с парой человек, но, увы, так и не побывал в секретных банях, и в гарем паши меня не пустили. Зато я получил вот это, – он потряс несколькими листами бумаги, – общий план поселения с расписанием высот и прочего. А третья новость – я дозвонился до Полынера, он нашел машину.

– Его связи лучше твоих, – констатировал Стас. – Потому что ничего толкового из поездки в Сарай не вышло. Боже, как я мог мечтать сюда попасть? Жуткое место. Кстати, я готов сесть за руль.

– Наконец-то. – Ник поторопился покинуть водительское место. – Еще час езды под таким солнцем – и мои глаза будут похожи на глаза господина Югиры.

Маленький, непристойно скромный для этих мест ведомственный «Фольксваген» сделал круг перед ковровой дорожкой и, поднимая облака пыли, помчался туда, откуда приехал. Ему вослед печально сверкнул солнечный блик на золотом полумесяце над минаретом.

– Черт, такую дорогу зря осилили, – проворчал сзади Ник.

– Спайкер, ты теряешь хорошее настроение? – удивился Стас. – Думал, такого не бывает.

– Да я вообще-то парень веселый. Смешливый и все такое, – пожал плечами Ник, – но, похоже, если кто и сдвинет это дело с мертвой точки, то не наша группа. А значит, уцепиться за должность в Управлении мне не светит и придется возвращаться в Третий Периметр, если не на Периферию.

– Мы не зря съездили, – возразил Югира. – Все, что нужно, я узнал. И даже если не мы найдем ответ, кое-что интересное мы откопали. А потом, я слышал, что сформированные Гейгером группы не будут сразу расформировывать. Ладно, смотрите...

Югира снова помахал бумагами и объявил:

– Когда я перед поездкой уточнял подробности убийства в Сарае, меня смутила одна деталь. Вообще-то в ней нет ничего особенного, поэтому никто не обратил на нее внимания, а Ублюдка не пустили в Сарай. Он бы и сам додумался и уже сложил бы это дело с себя, поскольку наши убийства, скорее всего, не его специализация.

– Югира, – проворчал Стас, – никогда не видел тебя таким разговорчивым.

– Ты убиваешь флер классического детектива, Станислав. Я должен выступить с обличительной речью, затягивая интригу. Вы, европейцы, такие непоседливые... Короче, меня смутил тот факт, что все убийства были совершены с высоты. Этот момент вообще характерен для снайпера, работающего в городских условиях. Залечь на какой-нибудь крыше, или балконе, или даже карнизе, выбрать жертву, выстрелить – так они поступают. Не всегда, но и не редко. Но Сарай – это же не совсем город. Единственная достаточная высота в этом поселении – у минарета. Я это знал, так как мне уже приходилось бывать в Сарае. Так вот минарет. Даже если не учитывать, что вокруг него такая охрана, что нашему президенту даже в Первом Периметре не снилась, все равно наш снайпер не мог находиться там.

– В смысле?

– Если верить вот этим бумагам и заключению экспертов, сделанному на основе положения тела и баллистических характеристик, выстрел должен был быть произведен с

противоположной стороны.

Стас непонимающе посмотрел на Югиру, потом огляделся, как будто мог что-то рассмотреть сквозь заднее стекло отдаляющегося от места преступления «Фольксвагена».

– Но на противоположной стороне нет высотных зданий и вообще нет высот, – проговорил он наконец. – Насколько мне, конечно, известно.

– Верно, – кивнул Югира.

– Снайпер на аэроплане или вертолете? Бред какой-то.

– На аэроплане, вертолете, дельтаплане...

– Или дирижабле, – добавил Ник. – Они же и над Сараем летают?

– Не знаю, но почему нет? Не думаю, что паша купил и небо над своими землями.

– Круг подозреваемых сузился с любого до любого, у кого есть летное удостоверение, – констатировал Стас.

– Или была возможность попасть на борт в момент совершения убийства. Возможно, убийств.

Стас посмотрел на Югиру и покачал головой:

– Серийный убийца-снайпер на летательном средстве? Похоже на начало анекдота.

– Или скандала, – согласился Югира, – в случае, если это не серийный убийца. Нам нужно определить, кто эти люди. Мы не особенно сдвинулись с мертвой точки, но это кое-что. У других нет и этого.

«Фольксваген» налетел на «лежачего полицейского», определяющего скоростной режим на подъездах к магистрали. Стас вдруг резко затормозил и посмотрел на японца.

– Югира, – проговорил Стас, – серийного тоже исключать нельзя. Потому что, возможно, снайперская винтовка – это не главное. Не фетиш. А мотив, вернее, то, что определяет поведение маньяка, в чем-нибудь другом. Выстрел не играет роли, винтовка – это просто орудие убийства, и все.

Югира снова кивнул:

– Ты не первый до этого додумался. У Гейгера есть такая версия.

– Нам точно надо разузнать, кто эти жмурики, – просунув голову между передними сиденьями, вставил Ник Спайкер. – Парни, я чувствую, что у меня еще есть шанс получить работу в городе. Куплю себе фиолетовый костюм и красный галстук. Всю жизнь об этом мечтал.

– В Мессельтресс, – приказал Югира.

– Точно, – согласился Стас. – У их шерифа отличный кофе.

Может, ведомственные микроавтобусы и не были самыми мощными лошадками в обжитом людьми пространстве, но уж самыми исполнительными – точно. Они были как те пони, которым никогда не стать настоящей лошадью, но которые все равно готовы выполнять лошадиную работу, отплясывая на задних копытах.

– Парни, я что спросить хотел, – проговорил Ник, снова показываясь между сиденьями, – а разве шериф не относится к областному ведомству? Вы же мне вчера сказали, что им вроде как надо палки в колеса пихать и все такое.

– Тут все очень сложно, – натянув на лицо маску крайней серьезности, ответил Стас. – Шериф подчиняется областному управлению. И «подчиняется» тут ключевое слово. Какой раб не желает поплясать на могиле своего хозяина?

– Что-то я не совсем понимаю, – честно признался Ник Спайкер.

– Ничего страшного, – успокоил его Югира, – это понимание приходит не сразу. Медитируй, практикуй водные процедуры, работай в нашем Управлении, и со временем тебе откроется дао. Сайонара!

– Совершенно верно, господин Югира, – сказал Стас и поклонился до рулевого колеса. – Теперь я вижу, что вы достигли истинных высот цинизма.

* * *

Двадцать вторую автомагистраль с ее эскортом скелетоподобных столбов высокого напряжения и стремительную, прямую, как указка, Четвертую магистраль соединяла всего одна дорога. Город за последние десять лет невероятно разросся не только ввысь, но и вширь. Когда-то это были глухие места, и одна из стремительно теряющих вес авиакомпаний решила переместить сюда свои аэропланы. Причина проста: земля тут стоила копейки. Компания все равно обанкротилась, но к тому времени городу понадобились трассы, о которых предки нынешних людей и думать не думали. Ну и поскольку в основу дороги легла бывшая взлетная полоса удачно обанкротившейся частной авиаэскадрильи, дорога эта носила имя Пан-Америка. До сих пор сквозь буйство разросшихся степных растений можно было разглядеть некогда расчищенные под строительство ангаров площадки. Где-то там, под волнами буро-зеленой травы, прятались фундаменты. Мечта, поросшая бурьяном.

Дорога была настолько ровной, что даже «Фольксваген», в котором по определению что-то должно было греметь, ухать и скрипеть, ехал безупречно тихо. В этот час областные трассы были девственно чисты.

– Немного похоже на наш лагерь на Периферии, – с грустью заметил Ник.

– Скучаешь? – обернулся Югира.

– Как сказать, господин Югира. Жизнь там была полное, простите, дерьмо. Жрачка – никакая, жили в палатках. Но... да, отчего-то скучаю. Только не подумайте, что жалею, не в том дело. Просто мои ребята там остались, и вообще... После войны я жил там, а до войны был совсем мелким пацаном. Я не хотел бы вернуться туда, конечно... Тут в чем дело? Я же другой жизни не знаю.

– Ладно. – Югира хлопнул ладонью по синей папке. – Пора доказать, что Доусон Лейстрейд не прав.

– Точно, пора надрать рыжую задницу Лиса-Педераста. Посмотрим, что там за связи у Польшера, – проговорил Стас. И тут – такое бывает – его осенило второй раз за день. – Югира...

– Станислав, ты изменился в лице. Если не можешь вести...

– Нет, с этим все нормально. Я еще не пришел в норму, но прихожу. А так бы догадался раньше. Связи! Известно ли тебе местечко под названием «Порги и Бесс»?

– Оружейный магазин, где продают антикварное стрелковое... Раньше назывался «Миротворец», потом налоговая их прижала, и они сменили название.

– Точно.

– Ну да. Я как-то заводил дело на его хозяина. Были сведения, что из-под стойки он торгует не только антиквариатом. Но то дело как-то замаяли...

– Ну, – Стас усмехнулся, – если ты обещаешь, что наши отношения не изменятся... Короче, в заминке того дела отчасти повинен и я...

– Ты?

– Дай объяснить. Хозяин «Порги и Бесс» Фарик – мой знакомый. Не друг, но мы как-то пересекались еще во время войны. Он кое-что подкидывал мне со складов. Ну, там, тушенки, шоколада... Сам знаешь. А теперь он иногда подбрасывает мне информацию.

Югира смерил Стаса непонимающим взглядом, потом замер, и на его скуластое лицо выползла непрощенная улыбка.

– Винтовка? «Мусима»?

– Пока рано делать выводы, – Стас кивнул, – но Фарик может что-то знать по этому поводу. Конечно, если бы потребовалась просто информация в рамках официального расследования, он молчал бы как рыба. Не в его интересах открывать глаза нашим коллегам... Но, думаю, мне он не станет отказывать.

Скромный «Фольксваген» Управления юстиции вздрогнул всеми частями своего механического тела и, перевалив через второго «лежачего полицейского», вырулил на автомагистраль.

– Стас, – просунув голову между сидений, спросил Ник, – а почему оружейный магазин назывался «Миротворец»? То есть, я имею в виду, оружие и миротворец. Это же...

– Был такой кольт «Миротворец», легенда Дикого Запада, – объяснил Стас. – Посмотри любой старый вестерн, ту же «Великолепную семерку».

– Славные были времена, – вздохнул Югира. – Нам бы их проблемы.

Они неслись по прямой стреле автомагистрали под самым разъяренным солнцем этого года. Ни одна машина не встретила их на пути, и только ветер пригибал степное разнотравье к земле и бежали в обратном направлении высоковольтные столбы.

– Давайте радио послушаем, – предложил Ник. – Нравится мне этот ваш Халли.

– А ты думаешь, почему мы его до сих пор не нашли? – усмехнулся Стас.

«Вы все еще со мной, парни? Вы все еще на безумных волнах рэдио «Хоспис»? Манкируете служебными обязанностями? Занимаетесь очковтирательством, откровенно саботируете трудовой процесс, и все это ради пары-другой песенок про девок, пиво и серфинг? Знайте, если это так, то вы не безнадежны и голодная машина рабочей недели еще не добралась до ваших потрошков. Не тешьте себя иллюзиями, рано или поздно это случится, если, конечно, к тому времени город не возьмут приступом упыри или Токсичный Мститель не нанесет вам дружеского визита. Би Муви – любовь моя: самые правдивые пророчества в самом хреновом изображении. Кетчуп вместо крови, пластиковые клыки по кредиту за штуку, диалоги – как в порнофильмах. А в остальном – почти наша действительность, разбавленная романтикой желания сделать уродливое еще более уродливым. Ну разве это не мило, дети мои, разве это не затрагивает нежные струны наших душ? Разве, глядя на то, как юная девственница, испив мутагена, превращается в покрытое язвами и алчущее крови существо, вас не тянет со слезами обратиться к луне и с грустью взвыть о самом сокровенном? Ведь мы-то знаем, что скоро, очень скоро все мы станем героями одного большого Би Муви и жизнь наконец станет прекрасна и кристально ясна. А пока этого не случилось, на волнах последнего радио катящейся ко всем чертям цивилизации звучит пронзительно-душераздирающе-сердцевыгрызающая – детка, я люблю свою тягу к словообразованиям – музыка группы «Zombies». «Time of the Season»... От винта, или, как говорят русские классики, – за сим начнем!»

* * *

Югира отправился на встречу со «связями» Полынера, Спайкер обнаружил в холле офиса шерифа довоенный пинбол «Тринадцать монстров» и исчез для всего мира, превратившись в пневматическую запчасть. Оставшись в одиночестве, Стас побродил по коридору, разглядывая черно-белые фотографии разыскиваемых преступников на одной стене и цветные фотографии сотрудников местного управления на другой. Выпил чашку кофе, полистал буклет киноновинок «Палладиум». Единственным живым человеком в офисе (если не считать Ника с глазами зомби) был сам молчаливый шериф, который дремал, закинув ноги на стол и надвинув на глаза шляпу. Тишину нарушали лишь редкие всхрапывания и частые щелчки пинбольных слотов. Через четверть часа Стас почувствовал, как на него начала наваливаться дремотная апатия типа той, что была изгнана утром горьким отваром Югиры. Он торопливо прошагал через длинный коридор и вышел на улицу.

Время неукротимо убегало в сторону вечерних сумерек, хотя сами они еще даже не намекали на собственное существование. Так бывает только летом и только в этих широтах, когда день длится невероятно долго, а ночь скоротечна, как жизнь насекомого. Только здесь, выйдя на улицу в светлый день, можно явственно ощутить приближение вечера. Стас никогда не формулировал для себя причин подобной реакции, просто принял ее как факт. Это была чужая для него территория, но он вынужден был здесь проживать, потому что его родина наполовину осталась за Стеной Периферии, а наполовину вымерла и оборотилась к миру выбитыми стеклами окон и пустыми дверными провалами. А проживая здесь, он вынужден был принимать и новые условия. По сути, ему повезло. Когда спала лихорадка первых послевоенных лет и перенаселение стало самой насущной проблемой, тогдашнее

временное правительство составило на базе разностной машины тест на пригодность к проживанию в зоне контроля. Стас набрал средний балл, а это значило, что он имел право на проживание как в Третьем, так и во Втором Периметре.

А многим и теперь приходится существовать под постоянной угрозой прорыва Стены в непосредственной близости от опустевшей Периферии. К примеру, одной хозяйке бара, чье имя Стас так и не узнал. Да, там были квартиры с несколькими комнатами и даже собственные дома. Но жизнь в вечном страхе и ожидании – кому такое пожелаешь? К тому же ни о какой серьезной карьере в Третьем Периметре можно было и не думать. Разве что дорасти до управляющего сырьевыми разработками или складами. Но чаще шли по военной линии: военных кормило и одевало государство. Поэтому парни типа Ника и пересдавали раз за разом тесты (а пересдачи были платными и стоили немалых денег), надеясь вырваться во Второй Периметр и, как того требовал закон, в течение нескольких месяцев найти место проживания и работу. В противном случае депортация и очередные попытки пересдачи.

Стас потянулся и отчаянно зевнул. Спать хотелось невероятно. И курить. С первым сделать ничего было нельзя, так что Стас выбил сигарету из пачки и нащупал во внутреннем кармане пиджака коробок спичек. Прикурил, глубоко затянулся, огляделся.

Город казался вымершим, хотя на самом деле большая часть населения трудилась на одном из двух заводов, вокруг которых еще до войны и вырос Мессельтресс. Собственно, заводы «Мессель» и «Ван Тресс» дали городу название. Больше тут делать было нечего, разве что трудиться на муниципальных должностях, что, разумеется, оплачивалось на порядок хуже.

Высотные здания, окружавшие единственный двухэтажный дом в Мессельтрессе – офис шерифа, закрывали вид на неохватные заводские трубы, но ленивый теплый ветер временами доносил неприятный запах промышленной гари. Даже не ветер, а так, сквозняк...

Стас вдруг ощутил себя на дне гигантской воронки, ощутил себя в безопасности. Это чувство было из тех времен, когда во время артобстрелов или бомбардировок какое-то суррогатное чувство защищенности давали только старые воронки от снарядов. Говорили, что в одну и ту же воронку бомба дважды не попадает. Вообще-то они попадали и дважды, и трижды. Но об этом *не* говорили.

Дома, расширившиеся (за счет внешних несущих конструкций) едва ли не в три-четыре раза после войны (причина все та же – перенаселение), обступали маленькую площадь, словно каменные гиганты, запертые в клетках. Или атланты, упирающиеся в пронзительно яркое, почти белое небо серыми угловатыми плечами. Стой они чуть ближе друг к другу, и, наверное, можно было бы со дна этого рукотворного колодца увидеть звезды. Прямо посреди дня.

Стас понимал, что эти высотки – всего лишь человеческие муравейники. Может быть, они чуть лучше остальных домов в этом бедном индустриальном городке: все же центр. Но это ничего не меняло. Квартиры были однокомнатные, в них селились семьи, невзирая на количество членов, иногда по пять-шесть человек. Может, в этих домах было лучше, к примеру, удобства были в каждой квартире, а не на этаже, как в некоторых домах городской окраины, но все равно это не шло ни в какое сравнение с тем, что он помнил из довоенных времен... Разумеется, в Первом Периметре дела обстояли иначе, но это как раз соответствовало тому, что Стас помнил о жизни до войны. Кроме того, в лучших условиях жили ученые, интеллектуалы и ведущие специалисты в различных областях социальной сферы, обитающие в столице. Это, наверное, было правильно, но именно за это «умников» не любили.

Единственным украшением площади был странный монумент: на покато́й бетонной глыбе был установлен старый, довоенный танк. Округлая башня, слишком высокая база – все это было совершенно не похоже на «Шерманы», к которым Стас привык за время войны.

Стас медленно спустился по ступеням на тротуар.

С железным стоном несмазанных петель раскрылись ворота автопарка офиса шерифа. По сути, это был всего лишь задний двор особняка, но в нем легко умещались четыре

машины. На площадь, выбивая сигарету из мятой пачки, вышел парень в рабочей спецовке. Кепи на его голове сидело козырьком назад, лицо было испачкано мазутом, а высокие военные ботинки были без шнурков и воодушевленно болтали языками при каждом шаге.

– Огонька не найдется? – обратился парень к Стасу.

– Найдется.

Парень принял у Стаса спички и прикурил.

– Из города?

– Да. Совместное расследование.

– Наверное, по поводу того жмурика, которого завалил снайпер. – Парень вытер руку о штанину и протянул ее Стасу. – Арчи. Местный водила.

– Стас. Тоже до прошлого года был водилой. Сдал экзамены на младшего детектива. У меня приятеля, кстати, Арчи зовут.

– Вообще-то у меня это просто сокращение от Аркадий. Я русский. Сразу после войны, до всех этих тестов, здесь было русское поселение. Теперь только я и еще одна девчонка остались. Остальные в основном в Третьем Периметре, на Стене. Ну и почти половина «умников» в Первом Периметре – отсюда и из других русских поселений. Такая нация, – парень невесело усмехнулся, – либо все, либо ничего.

– Знакомая картина, – кивнул Стас. – Мой приемный отец был русским. Ты, кстати, не в курсе, что это за машина? – Он кивнул на танк и вопросительно уставился на Арчи-Аркадия.

– Это «Т-34», парень, легендарный русский танк. Проблема в том, что воевать на такой штуке только русские и могли. Ну, знаешь, никакого комфорта, механика летит постоянно. Но... Если в нужном месте ударить молотком, можно выводить на любую дугу, и он надерет задницу всем «Фердинандам» и «Шерманам». Это не в смысле, что я расист. Просто никто, кроме русских, не знал, куда именно нужно бить молотком.

Парень заразительно засмеялся, и Стас с удовольствием его поддержал.

– Ладно, спасибо за огонь. Пойду разбираться со своим «Хорьхом». Утомил глохнуть.

– Проверь карбюратор, – посоветовал Стас, – у меня тоже был «Хорьх» поначалу, пока «Фольксвагены» не завезли.

Когда Арчи скрылся за железными воротами, Стас уселся на ступени офиса и посмотрел вверх. Звезд видно не было. Стас закрыл глаза и позволил себе задремать. Было тихо и почти хорошо.

* * *

– Не спи, солдат, дембель проспишь!

Стас открыл глаза и обнаружил перед собственным лицом нестираемую улыбку Спайкера.

– Югира с Польшинером вернулись. У нас есть имя, приятель!

– Какое имя? – не понял спросонья Стас.

– Имя жмурика, какое же еще, – усмехнулся Спайкер. – Пошли к шерифу, он как раз кофе разливает. Тебе, если ты не в курсе, не повредило бы.

– Это точно, – согласился Стас и со стоном поднялся на ноги. Голова была тяжелой, как колокол, и при каждом движении пыталась так же гудеть.

– Долго я спал?

– Больше двух часов...

По всей видимости, шериф провел время так же, поскольку вид имел опухший и недовольный. Зато аромат свежесваренного кофе, витавший в кабинете шерифа, бодрил сам по себе и намекал на еще большую бодрость, сокрытую в пластиковом стакане.

– Этот кофе, – задумчиво проговорил Югира, не оглядываясь на вошедших подчиненных, – вызывает у меня острое желание перевестись к вам в офис, шериф. К сожалению, мне придется перейти под юрисдикцию вражеского управления.

Хозяин офиса скупой улыбнулся и пожал плечами. Сидящий в углу Польшнер пожал плечами не улыбаясь. Стас удивленно уставился на коллегу. Вместо обычного костюма цвета сильно разбавленного какао на нем сегодня были узкие подвернутые джинсы и джинсовая же рубашка с обрезанными рукавами. Благодаря последнему становилось очевидным, что видимая одутловатость Польшнера – миф, по крайней мере, это точно касалось рельефной мускулатуры на руках. Там же, к еще большему удивлению, Стас обнаружил татуировку в виде закинувшей руки пинап-девицы. Завершал парадоксальность картины густо набриолиненный кок вместо обычного, слегка приглаженного бардака на голове.

– Польшнер, ты подался в рокабиллы? – тихо проговорил Стас, подсаживаясь к коллеге.

– Служебная необходимость, – бесцветным голосом пояснил тот. – Если хочешь, пей мой кофе. В меня уже не лезет.

– Итак, господа детективы, подождем.

Югира отставил в сторону пустой стакан и обратился к подчиненным:

– Пробив по номерам на закладной, выданной нам... знакомыми Польшнера, мы выяснили, что убитого звали Стив Картрайт, он работник общей канализационной службы. Что нам пока ничего не дает, но в Управлении уже роют. Машину он свою проиграл в карты, причем имеется, как я уже сказал, закладная, так что тут не подкопаетесь. Я уверен, что парня перед этим подпоили, но не вижу смысла с этим возиться. Тем более что машину уже перепродали. К сожалению, близких родственников у погибшего нет, за исключением приемной дочери, Алисы Картрайт, которая проживает в городе. Соседка утверждает, что дочь убитого работает официанткой на экскурсионном пароходе «Черкес». Завтра он возвращается, и ты, Станислав, его встретишь. Твоя задача вытрясти из этой Алисы Картрайт по максимуму. Вечером возьми в Управлении ордер на обыск квартиры на тот случай, если девчонка заартачится. Кстати, для информации: у нее был привод за нанесение телесных повреждений, так что будь осторожен. На самом деле она не виновата, кто-то там пытался залезть к ней под юбку и получил бутылкой. Но если нужно будет надавить – используй. Если закончишь более-менее рано, заскочи к... своим «связям». Поспрашивай там.

Стас коротко кивнул.

– Спайкер! Утром садишься на телефон и обзваниваешь все частные авиаэскадрильи. Твоя задача выяснить, чьи самолеты в момент убийства были в районе Сарая. А мы с Польшнером отправимся в парк дирижаблей, выясним про них. Всем все ясно? Прощайтесь с хозяином, и выезжаем.

Стас торопливо, в три больших глотка, допил кофе. Когда еще придется побывать в мессельтресском офисе...

* * *

«В рабочий полдень, мученички! Я, черт побери, не слышу стука ваших сердец и нет-нет да и задаюсь вопросом: «А есть ли еще жизнь по ту сторону динамика?» Жизнь-жистенка-жестянка. В последнее время я начинаю ненавидеть филологию и в целом ощущаю некий упадок духа. Вот вам самый очевидный прогноз погоды – завтра будет еще хуже. Звучит, не так красиво, как у метеорологов, но суть передает точнее. Порывы ветра будут меньше, небо будет еще безоблачней, а температура воздуха еще выше. Ох, не к добру эта мертвая тишина, грядет что-то, уважаемые, грядет. Как говорил какой-то там классик: «А что это за шаги какие-то на лестнице? А это нас арестовывать идут...»⁴ Поставлю-ка я вам печальную композицию группы «The Prophets» – «Everybody's got a dance»... А сам я прощаюсь с вами до, если повезет, завтра. Спите чутко, родные мои. Прислушивайтесь к шагам...»

⁴ Булгаков М. «Мастер и Маргарита».

Город выростал навстречу тяжелым массивом многоэтажной стены окраинных небоскребов, перечеркнутой хрупкими, при взгляде издали, фермами внешних несущих конструкций. Абсолютно лысое небо сбрасывало вниз последние крохи света, уже подпорченные плесенью вечерней синевы и нескончаемым жаром, идущим от асфальта, от бетона, от металла, ото всего. Мелькнул в жарком мареве рекламный столб над развязкой. Округлые буквы «Кока-колы» таранили сумерки во всем своем величии, самодельные плакаты воинствующих амишей были бесследно удалены.

Югира задумчиво мычал под нос в унисон радиоле и копался в синей папке, Спайкер и Полынер дремали в салоне. При этом Полынер был похож на прикорнувшего байкера, а Спайкер был похож на самого себя: даже уснув, он с нежностью прижимал к груди автомат. Стас вел микроавтобус по выделенной полосе, изредка включая сирену. Не столько для того, чтобы расчистить дорогу, сколько чтобы увидеть в зеркале заднего вида, как вскидывается в салоне Ник и как вообще никак не реагирует Полынер. Старина Халли покинул эфир, поставив на круг свою любимую нарезку серфовых композиций. Дома у Стаса была пластинка с записью, пойманной с эфира. Называлась она «Surf to the Hospise» и была, разумеется, абсолютно нелегальна. Стандартный блин «на костях», запись ниже среднего, все как положено. Во время одного из рейдов была конфискована целая партия таких «костей», штук двести. Но, если верить документам, до хранилища улик добрались лишь сорок штук. Таким образом, Стас и многие другие сотрудники Управления стали обладателями любимой пластинки старины Халли. Ходили слухи, что к концу месяца он выкинет на черный рынок новый диск из серии VA⁵. Слухи были абсолютной чушью. Если бы VA были делом рук самого Халли, то какого черта ему было снимать запись с собственной передачи через, судя по всему, обычную магнитоу? Но пластинку ждали. ОМОН с кафедры экономических нарушений, по слухам, уже наводит справки, у каких именно продавцов пластинка появится первой. Все официально, чтобы предотвратить и не допустить.

Ближе к городу пришлось постоять, муниципальная полоса была забита караваном длиннокузовных трейлеров с маркировкой правительственной продовольственной службы на бортах. Толстый регулировщик, вяло помахивая жезлом, топтался у будки. Его глаза зорко вглядывались в поток автотранспорта, а лицо лоснилось от пота.

– Почему все регулировщики такие толстые? – покачал головой Стас.

– Наверное, это знак принадлежности к касте, – не отрываясь от бумаг, проговорил Югира. – У гейши бант должен быть сзади, у проститутки – спереди, а дорожный полицейский должен быть толстым.

– Что за бант у проститутки? – не понял Стас.

– Я имею в виду японскую проститутку... Вот же черт...

– Что такое?

– В том-то и дело, что ничего, – сказал Югира устало и закрыл папку. – Надеялся понять, где еще выстрел был сделан в таких же условиях, что и в Сарае. Но все остальные были убиты в городах, окружающие здания позволяют сделать выстрел с необходимой высоты. Все равно надо будет проверить рейсы аэропланов и дирижаблей по датам. Да и выстрел в Сарае может оказаться нехарактерным.

– Ублюдок говорил, что серийные убийцы редко меняют почерк.

– Если это серийный убийца, – покачал головой Югира. – И если это все та же серия.

* * *

Дома было жарко. За тонкой стеной вяло переругивались соседи, откуда-то сверху неопределенно пробивались басы знакомой мелодии. Стас включил телевизор для звукового

⁵ Various Artists.

фона, включил потолочный вентилятор и открыл окна. В холостяцком однокамерном холодильнике терпеливо дожидалась его бутылка пива. Вынутая из холода, она мгновенно покрылась конденсатом. Стас торопливо свернул крышку и сделал два больших глотка. Спать, разумеется, уже не хотелось. На экране телевизора мелькнула знакомая картинка: дорожный знак, на котором из баллончика было криво выведено: «The Motorcycle Boy Reigns»⁶. Стас прижался спиной к стене и медленно сполз на пол, не отрывая глаз от экрана. По пыльной улице, словно выхваченной из сегодняшнего дня, шагала компания во главе с чертовски молодым Диланом. Стас усмехнулся и отсалютовал ему бутылкой.

* * *

То ли метеорологические источники Халли подвели его, то ли природа решила обвести вокруг пальца испуганное жарой человечество, однако утром внезапно посвежело, задул ветер, и на небе показалось несколько малообещающих, но все же облаков. Стас проснулся за мгновение до того, как будильник в виде пивной банки начал стучать сокрытыми молоточками по жестяным бокам. Прелесть данного устройства состояла в том, что специальной кнопки для выключения у него не было и, чтоб уgomонить жестянку, требовалось просто шлепнуть по ней кулаком. Подарок Бруно на прошлый день рождения. До прибытия «Черкеса» оставалось еще добрых три часа, и Стас впервые за долгое время позволил себе проваляться в утренней лени четверть часа после сигнала будильника. Это утро щедро раскидывало обещания.

Стас, зевая, осмотрелся. Ему нравилась эта нора. Письменный стол с лампой под зеленым абажуром (куплена на гаражной распродаже за копейки у какого-то обанкротившегося дельца). Книжная стойка, забитая стопками музыкальных и автомобильных журналов, детективных комиксов в духе нуар и какими-то безделушками из серии «рука не поднимается выбросить». Две книги на стойке – «Алиса в Хулливуде» Кемпбелла и «Люблю мой «Смит-Вессон» Боукера – Стасу не принадлежали, он предпочитал пользоваться библиотекой Управления, где среди прочего можно было найти неплохие запрещенные книги. Пользоваться служебным положением в личных целях иногда бывало не только приятно, но и весьма полезно. Вместо гардероба Стас использовал встроенный в нишу турник, на котором висело несколько вешалок с двумя костюмами, практически неношеным мундиром, десятком рубашек и галстуками. Под турником на старом табурете были сложены футболки и трусы, а под табуретом стояла обувная коробка, в которой Стас хранил носки. Придвинутый к столу, стоял купленный на той же распродаже чрезвычайно удобный стул с подлокотниками. Ну и, собственно, раскладное кресло-кровать... Вот и вся обстановка. На пожелтевших, доставшихся еще от прежнего хозяина (если не вообще с довоенных времен) обоях висели киноафиши («The outsiders», «Касабланка», «Одиночка») и календарь с восходящей кинодивой, имя которой Стас никак не мог запомнить, хотя задницу эту узнал бы из тысячи. Под потолком лениво толкал застоявшийся воздух вентилятор. Обычная холостяцкая берлога устоявшегося в жизненных приоритетах человека.

Кресло-кровать жалобно скрипнуло, когда Стас решительно вскочил на ноги. Он попытался вспомнить, когда последний раз собирал этот агрегат в положение «кресло», но потом плюнул. Критически осмотрел не меняющиеся больше двух недель простыни, решил, что необходимо сменить, но не сейчас. Потому что портить такое утро хозяйственными проблемами было кощунственно. Шлепая босыми ногами по полу («Стоило бы подмести этот пляж... завтра, например»), Стас вышел на кухню, выгреб из-под груды немытой («Завтра-завтра...») посуды турку и решительно зажег конфорку. В окно его кухни, зажатой между кухнями 32-го и 34-го этажей, легко заглядывало небо, которое сегодня не ослепляло

⁶ Кадр из фильма Фрэнсиса Форда Coppola «Бойцовая рыбка».

обескураживающей белизной, а было всего лишь ярко-голубым с редкой перистой поволокой. Стас воткнул в розетку телевизионную вилку. Экран мигнул белой точкой, которая неторопливо расползлась, превращаясь в изображение. По первой, как обычно, шла аналитическая программа «Лисьими тропами», но несколько щелчков переключателя устранили эту чуждую деталь текущего утра. По второй крутила не вполне оформившимися бедрышками какая-то старлетка с вытравленными пергидролом кудрями и старательно подражала кукольному вокалу Мэрилин Монро. Получалось не то чтобы очень, однако аляповатая заставка на заднем плане с причудливо выгнутыми словами «Алло, мы ищем таланты» многое объясняла. По третьей двое скучнейшего вида граждан с очками в пол-лица и неохватными плечами на головах обсуждали теоретическую возможность очередного финансового спада в связи с введением нового налогового законодательства. Стас поморщился и вернул переключатель на вторую программу. Старлетку сменил робкий юноша в полосатой рубашке с галстуком-бабочкой, намеревающийся пройти по горлышкам составленных в ряд бутылок шампанского. Уже на третьей бутылке он оступился. Стас усмехнулся и принялся за кофе.

* * *

Он припарковал «Студебеккер» на частной стоянке в десяти минутах ходьбы от Речного вокзала. Хмурый негр, длинный и тощий, молча принял плату и выдал жетон с номером места. После чего отвернулся и погрузился в чтение. Стас приподнялся на цыпочки, чтоб заглянуть за высокую стойку. Ему стало интересно, что такое может читать хмурый негр с автостоянки. Негр читал «Бесов» Достоевского. При этом на запястье руки, которой он перелистывал страницы, имелась татуировка одной из окраинных банд. Стасу она была знакома, поскольку полтора года назад, еще работая водилой, он участвовал в налете на владения банды. За баранкой «Плимута» их главаря сидел настоящий ас, словно сошедший с киноплёнки фильма «Водитель», и Стасу с коллегами пришлось сильно поднапрячься, прежде чем они смогли зажать его в тупике. Потом была недолгая перестрелка. Водила умер на месте – одна из пуль разнесла ему череп. А главарь выжил и после непродолжительного, но весьма эффективного лечения в тюремной больнице был отправлен на угольную шахту Периферии. Говорят, продержался почти полгода – рекорд для тех мест.

Банда так и называлась – «Бесы»...

На мгновение утро стало чуть менее жизнерадостным. Стас вспомнил, с каким упоением и восторгом описывал ту погоню в письме отцу. И как получил вскоре ответ, в котором Анатолий Бекчетов в свойственной ему сдержанной манере писал, что уважать врага и восхищаться им – привилегия благородных людей, получивших достойное воспитание. Особенно если при этом они не забывают, что враг остается врагом, несмотря на все восхищение им и уважение к нему.

Всего полтора года назад с Периферии еще приходили письма. Полтора года назад с Периферии было кому писать. Сегодня обжитая территория ушла вглубь на несколько километров. Вглубь от Стены. А по Периферии передвигались только патрульные машины да шарил прожектора со Стены.

Весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро Стас не вспоминал об отце. Но он понимал, что Скальпель был прав: это не пройдет. Рано или поздно что-то напомним. Надо учиться жить с этим, учиться принимать мгновения, когда в памяти всплывают вот такие эпизоды.

Стас запер «студ» и быстрым шагом покинул стоянку. До прибытия парохода оставалось полчаса. Можно успеть пропустить стакан кофе в местном буфете.

* * *

«Черкес» был огромен. Он возвышался белой стеной над причалом, и по трем сходням (для трех категорий пассажиров соответственно) шли и шли люди. Потоку этому, казалось,

не будет конца. Гигантское пароходное колесо было на треть утоплено в воду, а по виднеющимся лопастям винтов сбегали целые ручьи. Но бо́льшая часть гребного колеса скрывалась за полукруглым кожухом из металла, на котором причудливым шрифтом было выведено название корабля и компании-владельца. Белые колонны труб с красными кольцами равнодушно смотрели в небо, а многочисленные палубы были обвиты ажурными поручнями. «Черкес» был красив и грозен одновременно. Одна мысль о цене на билет пугала Стаса до зубной боли.

Откуда-то, то ли с верхней палубы «Черкеса», то ли с крыши Речного вокзала, гроыхала многократно усиленная невидимыми динамиками мелодия гимна Объединенного Человечества «В едином порыве». Жуткая бравадная чертовщина, как считали Стас и большинство их тех, кому он мог смело высказывать свои мысли. Да и нынешнее название государства вызывало вопросы. Например, Арчи считал, что правильнее было бы называться Сбившимся В Кучку Остатком Человечества, Готового Наложить В Штаны При Мысли О Том, Что Творится За Стеной. А Скальп тогда с пьяной серьезностью заявил, что государство непременно назвали бы именно так, но получившаяся аббревиатура абсолютно непригодна, даже на трезвую лавочку...

Стас стоял, прислонившись к стене, у служебного входа в здание вокзала, зная, что рано или поздно Алиса Картрайт пройдет мимо него. В кармане пиджака лежала фотография дочери покойного, но Стасу она была ни к чему. У девушки было симпатичное лицо, не совсем характерное для тех, что сверкали теперь с большинства плакатов и афиш. Не было стандартных пухлых щечек и маленьких губ, не было и намека на мягкость форм. Острый, слегка курносый нос и веселые, вневозрастные морщинки в уголках глаз наводили на мысль о добронравии, но несколько раскосые, с льдинкой глаза говорили о том, что добрый нрав легко может смениться расчетливой яростью. Черты ее лица были непривычны, и славянские скулы заметно выделялись, но это не портило общей картины, просто делало красоту Алисы Картрайт необычной. Нестандартной...

Судя по делу, ей было почти двадцать шесть, и шестнадцать лет она провела в детском приюте при какой-то религиозной общине в Третьем Периметре. В день совершеннолетия ей пришлось пройти стандартный тест на пригодность, и она получила средний балл по социальной сфере. Переехала во Второй Периметр и сразу же устроилась в речную компанию «Дубинин и сыновья». Здесь Алиса познакомилась с Бетти Уэльбек, подружилась с ней, а позже была ею удочерена. Три года назад Бетти Уэльбек вышла замуж за Стива Картрайта, а еще через год умерла во время неудачных родов – ей было уже глубоко за сорок, и рожать в таком возрасте значило сознательно идти на риск. К сожалению, ребенок также погиб. Таким образом, Стив Картрайт и его приемная дочь Алиса Картрайт остались одни...

Вся жизнь в нескольких абзацах.

* * *

Черно-белая фотография из архива речной компании «Дубинин и сыновья» скрыла самую главную особенность Алисы Картрайт, которая проявилась в тот же миг, как она показалась в монохромной, сине-белой толпе фрахтовых работников «Черкеса». У дочери покойного была самая рыжая шевелюра из всех, какие Стасу приходилось встречать. Это был не распространенный тускло-рыжий цвет, а яркий и живой, солнечные лучи терялись в этой шевелюре без надежды на избавление. К тому же вопреки моде прическа Алисы Картрайт не была уложена гигантскими локонами вокруг головы, а спадала мягкими волнами на плечи, и набегающий с реки ветер то и дело заставлял их оживать языками пламени и метаться, метаться... Алиса привычными движениями пыталась укротить их, откидывая назад или зачесывая за уши, но те подчинялись лишь на секунды, а потом снова проявляли характер и взлетали костром. Матрос, дежуривший на причале у сходней, которого Стас предупредил заранее, остановил Алису и указал в сторону служебного

выхода. Стас снял с головы шляпу и помахал ею, привлекая внимание женщины, поскольку сошедшие на берег работники и экипаж парохода уже заполнили площадку перед служебным выходом. Алиса о чем-то спросила у матроса, тот пожал плечами. Тогда она развернулась и пошла в сторону Стаса, и в походке ее было не меньше вызова, чем в огненном цвете волос. Стасу на миг подумалось, что казенные фотографии изначально созданы для того, чтоб скрывать правду об оригинале. К примеру, о ладной фигуре, с чуть более полноватыми относительно всей фигуры бедрами, которые тем не менее смотрелись весьма изящно, когда Алиса Картрайт решительно вышагивала через причал. Она была высока для женщины, да еще и на немаленьких каблуках, так что, когда Алиса подошла к Стасу, они оказались почти одного роста.

– Это вы детектив? – спросила она, глядя Стасу прямо в глаза, и голос ее был того низкого тембра, какой бывает лишь у женщин.

– Детектив Бекчетов, – кивнул Стас.

– Если вы насчет смерти моего приемного отца, – девушка пожала плечами, и в голосе ее не промелькнул даже намек на горечь, – то я уже ответила по телефону на все вопросы. Точнее, я ответила, что не смогу помочь, поскольку не видела его с тех пор, как умерла Бетти... – А вот теперь горечь проявилась. – Я имею в виду Бетти Уэльбек, мою приемную мать.

– Прежде всего позвольте высказать вам свое сочувствие по поводу утраты, – вспомнив краткие курсы, пройденные перед вступлением в должность детектива, проговорил Стас.

– Надеюсь, эти слова – просто формальность? – вскинула брови Алиса. – Я ведь сказала, что давно не виделась со Стивом Картрайтом. И если честно, не испытываю особенной надобности в чьем-либо сочувствии. Мы никогда не были особенно близки, а в последние дни жизни матери тем более.

– Мы могли бы поговорить где-то еще? – спросил Стас, несколько сбитый с толку ее напором.

– Прямо сейчас нет, – решительно отказала Алиса Картрайт, и на секунду Стас с неудовольствием вспомнил об ордере, лежащем в кармане рядом с казенной фотографией. – Мне нужно сдать документы в бухгалтерию. Но если вы на машине, то через полчаса сможете отвезти меня домой. Угощу вас кофе, заодно и поговорим.

– Я подгоню машину к главному входу вокзала. Белый «Студебеккер», номер девятьсот четыре АМ, – проговорил Стас.

– Постараюсь не задерживаться.

* * *

«Что творится, уважаемые! Метеорологи в один голос бьют тревогу по поводу ожидаемых тепловых ударов, а природа крутит своими прелестями у них перед носом, как болонка перед дворовым кабыздохом! И вот уже дует свежий ветер, я лично видел пару облаков, и того и гляди, пойдет дождь. Ну и правильно, к чертовой матери метеорологов. Уверен, что они в сговоре с «цилиндрами», задумавшими новую налоговую политику. Если кто-то не в курсе или недостает ума понять терминологию, объясню вкратце. С момента вступления вышеупомянутой политики будут отменены все государственные налоги по группам товаров и введена новая система налогов на вид деятельности. При этом муниципальные предприятия будут облагаться сниженным налогом, в то время как налог на, к примеру, торговлю будет представлять не процентную ставку, а стабильную сумму. И не важно, дорогие мои, владеете вы сетью универмагов или всего одним ларьком. Раз в год вам придется перечислять в необъятный карман государства ту самую сумму. С другой стороны, будет также увеличен налог на землю, благодаря чему владелец универмагов замучается оплачивать занятые территории, в то время как владелец ларька как-нибудь да выкрутится. Земля по-прежнему принадлежит государству, а не крестьянам, и с момента вступления в действие новой политики муниципальной объявляется также и та земля, которая была забыта

политикой старой. То есть земля жилищного фонда. Домовладельцы обязаны будут платить налог на владения, а значит, ждите повышения цен на квартиры и коммунальные услуги. По официальной версии, представленной всеми официальными же – какое совпадение – средствами массовой информации, дополнительные средства, полученные в ходе действия новой налоговой политики, пойдут на укрепление кордона в Третьем Периметре, увеличение числа бесплатных клиник и общеобразовательных школ, а также на оплату работы бюджетников и на пенсию, соответственно, пенсионерам. У меня дежавю! Почему-то мне кажется, что то же самое я слышал, когда объявляли о старой налоговой политике. Но кто я такой, чтобы не ошибаться! Но, конечно же, я не ошибаюсь, когда думаю, что заложенный на прошлой неделе фундамент под правительственный пансионат в живописной излучине Мессершмитт-ривер никакого отношения к новому финансовому потоку в государственный бюджет не имеет. Да, уважаемые, даже я порой не ошибаюсь, и не обращайтесь внимания на мою кривую усмешку в адрес официоза. Кстати, кто-нибудь пробовал «коктейль Молотова»? Ядреный такой русский напиток времен боевой партии эсеров, Азефа и патологической смертности русских царей? Нет? Ну так узнайте рецепт. Глядишь, и пригодится. А пока я с огромным удовольствием открою эфир тематически оправданной композиции «Czerwono-Czarni» под названием «My Reklamy Nie Lubim». Даже не думайте выключать радио...»

Стас перегнал машину к вокзалу, с удовольствием выкурил сигарету на свежем воздухе – действительно свежем, – купил в ларьке «Синема-Дайджест» и, забравшись в машину, но оставив дверь открытой, неторопливо его пролистал. Кинематограф новинками не баловал. В «Эйзенштейне» и «Рифенштале» крутили «Похитителей тел», в «Большом открытом» – «Мальтийского сокола». Стас попытался вспомнить, когда последний раз был в кино. Работа отнимала много времени, а когда оно все-таки появлялось, мысли сходить в кино как-то не возникало. Иногда пути вели в «Долину» или в какое-нибудь другое питейное заведение. Но чаще всего Стас шел домой. Вообще с тех пор, как у него появилась своя собственная квартира, он стал серьезным домоседом и не испытывал по этому поводу никаких негативных чувств. Всю войну он мечтал о том, что будет жить в собственном доме, спать в собственной квартире, будет разгуливать в трусах по комнатам и выглядывать в собственные окна. И пусть он представлял себе дом иначе, тогда слишком многое виделось иначе. Ценности меняются, и со временем понимаешь, что для спокойствия тебе, в общем, не так уж много надо. Комната, кухня, первая утренняя сигарета... Немного свежего воздуха, возможность планировать на завтра, небо, не перечеркнутое косыми столбами дыма. И да, конечно, все оказалось иначе, совсем не так, как мечталось там, между низким, пропитавшимся гарью небосводом и холодной, порою ледяной землей. Реальность оказалась смешнее и страшнее. В ней люди пользовались общими санитарными помещениями, и в ней склонялись над могилами детей согбенные старцы. Врагом государства номер один был радиодиджей, а оставшееся человечество разделили по каким-то смутным критериям на три явные группы. Что уж говорить о неявных, существовавших и до войны, и во время, и всегда они будут существовать, пока коптит небо людское племя. Но все равно в этом мире, в этой правде можно и нужно было жить, и здесь у него был хоть какой-то выбор. А в том продымленном мире жить было нельзя и не нужно, но у него никто не спрашивал и уж точно не собирался давать выбор. Нет, совсем немного надо человеку. И иногда чем меньше у человека всего, тем ему лучше.

В памяти Стаса хранился длинный список тех, кто не получил этого покоя и этого *завтрашнего дня*. И пусть многотонные двери в личные архивы плотно закрыты и заперты на все замки, список этот был, и никуда от него не спрячешься. Временами от тех дверей доносились запахи мокрой земли, морозного утра, пропитанного пороховой гарью, проливных дождей, от которых негде было укрыться. Еще реже кто-то пытался говорить со Стасом из-за дверей, но ему не хватало смелости вслушаться и разобрать слова. В конце концов, он получил право на то, чтоб жить дальше относительно нормальной человеческой жизнью вместе со всеми ее человеческими слабостями.

«...к чему это я... Ах да, вспомнил. Метеорологи продолжают гнуть свое, а погода свое. Как сказал мне хмурый спец по новостям, буквально минуту назад, когда он выбегал за хот-догами и пивом, с неба отчетливо донесся раскат грома. Метеорологи, значит, тактикой, а погода им – стратегией. И кто кого переупрямит, неизвестно. Чует мое сердце, грянет день великий, и мы еще увидим летающую тарелку в стразах и с постером Бетти Пейдж⁷ на киле. Логично же? Где еще быть постеру Бетти Пейдж, ежели не на киле?

Тем временем, напоминая, в Олимпийской деревне продолжают приготовления к предстоящему уже на днях чемпионату человечества по крашболу; в парламенте проходит седьмое по счету слушание поправок к новой налоговой политике; Главное управление юстиции безрезультатно пытается найти серийного убийцу со снайперской винтовкой; на Периферии объявлено осадное положение в связи с очередным прорывом Стены регулярной армией вурдалаков; а в клубе «Бродвейские ночи» стартует ежегодный турнир по танцам в стиле «свинг». Все новости одной строкой только на рэйдио «Хоспис»! Да-да, пока вы, неудачники, отсиживаете зады в конторах и протираете обувь на производствах, ваш покорный слуга диджей Халли продолжает упорно трудиться на полях борьбы со скукой и нечеловечески расчетливой человеческой цивилизацией.

Но, прежде чем мы перейдем к подробному рассмотрению вышеперечисленных событий, позвольте развеять ваши серые будни композицией задорных рокабиллов из «Jailbreakers» с почти таким же названием – «Jailbreakers Blues». Пристегните ремни, ротоzeи! Мы стартуем!»

Алиса Картрайт появилась ровно через тридцать минут. По всей видимости, в детстве ей никто не рассказывал о том, что пунктуальность вредит коже лица и вообще не характерна для слабого пола. Так что Стас, завидев девушку издалека, закрыл журнал и, перегнувшись через сиденье, открыл пассажирскую дверь.

– Не ожидал такой точности, – признался Стас.

– С работы я всегда стараюсь уходить вовремя, – улыбнулась Алиса Картрайт, и эта улыбка понравилась Стасу. – Ну... адрес вы наверняка знаете?

– Наверняка. Пристегните ремень, пожалуйста.

Движение было относительно свободным, и, миновав слегка переполненную Вагнерштрассе, они подъехали к небоскребу на Сильверстоун через двадцать с небольшим минут. За время поездки не было сказано ни слова, но молчание не было в тягость, тем более старина Халли по привычке не утруждал себя паузами в разглагольствовании и качественной музыке. Лишь на подъезде к дому Алиса сказала:

– Есть в вашем визите и свои плюсы – не пришлось толкаться в общественном транспорте.

– Вы, судя по всему, не особенно огорчены смертью приемного отца, – заметил Стас, высматривая место для парковки. Обочина была плотно заставлена малолитражками, среди которых «Студебеккер» Бекчетова выглядел мастодонтом.

– У нас были не лучшие отношения, но, поверьте, зла я ему не желала. К тому же во время убийства...

– Да, я знаю, у вас есть алиби, и я спрашивал не потому, что подозреваю лично вас. Просто ваша реакция несколько не вписывается в мои представления о том, что чувствуешь, когда теряешь близкого человека...

– Я уже говорила, мы никогда не были близки. Стив недолго любил меня с самого начала. Не знаю почему. А после смерти Бетти, когда он узнал о том, что половина денег и

⁷ Бетти Пейдж (англ. Bettie Page, 22 апреля 1923 – 11 декабря 2008) – знаменитая американская фотомодель, снимавшаяся в 1950–1957 годах в таких стилях, как эротика, фетиш и rim-up. Во второй половине 1950-х поднялась в США до уровня секс-символа и, как считается, стала предтечей сексуальной революции 1960-х.

квартира по завещанию отходят мне... Я многое услышала: и что я расчетливая аферистка, сыгравшая на наивности немолодой женщины и заставившая ее удочерить себя, и то, что я сама довела мать до смерти, чтоб получить ее деньги. Ну и по мелочи – типа девки легкого поведения, которая неизвестно чем занимается там на своих пароклодах... А тот факт, что завещание было составлено до удочерения, роли вроде бы и не играл.

– Но он продолжал жить с вами в этой квартире?

– Когда меня не было дома, да, а в остальное время он отсиживался в своей лаборатории.

Стас наконец нашел место, где мог припарковать «Студебеккер». Они вышли из машины и неторопливо зашагали в обратном направлении к подъезду Алисы Картрайт.

– А что за лаборатория? – спросил Стас.

– Ну, Стив Картрайт мнил себя изобретателем. Он и правда был когда-то ученым, работал в каком-то институте. Точно не знаю в каком. Но потом его оттуда уволили. Лет, наверное, пять назад... Он сошелся с такими же умниками-неудачниками, у них было что-то вроде закрытого клуба. Я, правда, не припомню, чтоб видела хоть одно его изобретение, хотя за какой-то патент он получал деньги время от времени. Не очень большие. В подробности он меня просто не посвящал.

– И где эта лаборатория находится?

– Где-то в промышленной зоне. Адреса я не знаю. На полке Стива в прихожей валяется целая связка ключей, возможно, один из них от лаборатории.

– Но адреса не знаете?

– Нет.

– А что за друзья? Из службы канализации?

– Понятия не имею, – пожала плечами Алиса, – я их никогда не видела, и к нам они не приходили, по крайней мере при мне.

Они вошли в гулкий подъезд. Как и в доме Стаса, лестничная часть здесь была заужена с целью увеличения жилой площади. Приходилось идти друг за другом, и, глядя на стройные и сильные ноги Алисы Картрайт, подчеркнутые черной стрелкой чулок, Стас впервые не считал это минусом. Какого дьявола такие девчонки встречаются, только когда я при исполнении служебных обязанностей, подумалось ему. А затем о том, что вне служебных обязанностей он бывает разве что в «Долине», где нормальные дамы считали зазорным появляться, а те, что появлялись, стоили меньше двух бутылок «Лошади», даже если выглядели на все три. И уж тем более по своей воле Стаса никогда бы не занесло на тот же «Черкес». Так что...

Лифтовый провал был перестроен по тем же причинам, а оснащение городских зданий внешними лифтовыми шахтами, набирающее обороты (в доме Стаса уже полгода как поставили), сюда еще не добралось. Узкий колодец подъезда множил звуки, превращая каждый шаг в тысячекратно повторенную дробь. Кирпичная кладка стен с кое-как зачищенными слоями цемента то и дело норовила оставить свой след на одежде.

По всей видимости, Бетти Картрайт была далеко не бедной женщиной, раз смогла позволить себе выкупить ваучерное право на двухкомнатную квартиру. Аукцион этот проводился больше десяти лет тому назад, сразу после введения в норму тестирования на право проживания.

Дверь была тяжелая, со стальным листом по внешней части, такую ногой не вышибешь. На ее внутренней стороне висел календарь-афиша с улыбающейся Одри Хепберн времен «Римских каникул». Прихожая была узкая, но она была (у Стаса дверь открывалась прямо на кухню). По обеим стенам тянулись самодельные вешалки: длинные, обработанные морилкой доски, к которым были привинчены шахматные фигуры, выполнявшие роль крючков для одежды.

– Проходите, осматривайтесь, – сказала Алиса, кивнув на дверь комнаты, – я что-нибудь соображу на скорую руку. Вам кофе, чай? Может, пиво? В холодильнике осталось.

– Просто кофе, – покачал головой Стас.

На самом деле назвать квартиру Бетти Картрайт двухкомнатной можно было только с очень большой натяжкой. Центральная комната, она же, видимо, гостиная, была и правда велика, – пожалуй, в ней легко бы уместилось две комнаты Стаса. А вот вторая комнатка напоминала скорее чулан. В ней с трудом умещались односпальная кровать и торшер. Да на стене висела полка с книгами и черно-белой фотографией какой-то женщины, скорее всего самой Бетти, в простой деревянной рамке. К тому же в комнатушке не было окон. Судя по тому, что стену над кроватью украшали плакаты и календари разного калибра с актрисами и актерами, певцами и прочими публичными людьми, чулан этот был личной территорией Алисы. О том же говорили книги (если верить Алисе, то на полке убитого Стива Картрайта должна была стоять какая-нибудь техническая ерунда). Тут же была в основном художественная литература, да еще что-то про кинематограф под названием «Второе пришествие Голливуда».

Стас вернулся в комнату. По всей видимости, именно здесь и стоило искать зацепки по делу. Если отношения между Алисой и приемным отцом были такими, какими она их описала, то вряд ли Стив часто бывал в ее комнате и вряд ли хранил там что-то серьезное.

В квартире было жарко, и Стас не знал, можно ли ему открыть окно. На одном из занятий перед получением значка детектива прозвучала фраза о том, что по приходе в квартиру детектива из Управления хозяин должен перестать чувствовать себя собственно хозяином, он должен почувствовать себя незванным гостем в своем собственном доме. Вроде как психологизм такого поведения и определяет профессиональное умение владеть ситуацией. И в принципе Стас был согласен с тем, что чаще всего именно так и следовало поступать. И ему уже приходилось ставить хозяев в положение второстепенных персонажей на их собственной территории. Но с Алисой такая тактика казалась неправильной. Во-первых, потому что, таким образом расположив к себе приемную дочь убитого, детектив Бекчетов мог получить дополнительную информацию о жертве. А во-вторых, никто не предупреждал Стаса на тех занятиях, что хозяин квартиры может оказаться такой красавицей.

Пространство гостиной было заставлено самой разнообразной мебелью. Раскладной диван-книжка, большой круглый стол, два кресла, одно обычное, в духе «Чип & Дейл», второе – кресло-качалка из ротанга. Два шкафа – гардероб и сервант из разных наборов – подпирали стену по разные стороны двери в комнату Алисы. Плюс несколько стульев и небольшой карточный столик под торшером в углу. И все равно оставалось много свободного места. Однако ни одной детали, напоминающей о Стиве Картрайте, на виду не было. Вообще. Как будто он здесь и не жил никогда...

Стас подошел к большому окну и выглянул на улицу. Окно выходило в узкий двор-колодец, застроенный какими-то хозяйственными постройками. Обычный двор. Обычная комната. Обычная обстановка. Просто тот, кто здесь жил, не оставил о своей жизни никакого упоминания, а потом его прикончил снайпер...

– Что-нибудь нашли? – Алиса вошла в комнату, везя за собой небольшой столик на колесиках. После войны Стас видел такие только в кино. На столике кинематографически уютно позвякивали высокий кофейник, сахарница, молочник и небольшая ваза с крекерами.

– Да в том-то и дело, – с трудом оторвав глаза от столика, ответил Стас, – что ничего. Не просто ничего интересного, а вообще ничего...

– Ну, – Алиса пожала плечами и принялась переставлять посуду на круглый стол, – в шкафу есть какая-то его одежда. Но он же практически жил в лаборатории, думаю, надо искать там.

– Но вы не знаете, где она находится, и не знаете людей, с которыми общался ваш приемный отец.

– Нет. Хотя звучит странно, понимаю. Вы, наверное, думаете, что я бесчувственная совсем.

– Нет... Не думаю. Я сам не так давно похоронил приемного отца. И мне было бы проще ничего не чувствовать. – «Зачем я ей это сказал? – подумал Стас. – Какого черта?»

– Я вам сочувствую. Никогда не знала, что об этом говорить.

– А мы не будем с вами об этом говорить, – улыбнулся Стас. Алиса показала ему на стул и принялась разливать кофе.

– Знаете, – сказала она, придерживая крышку кофейника, – но я не совсем бесполезна. Я точно знаю, что где-то поблизости есть стоянка такси. Вообще-то у Стива была своя машина, но он частенько выпивал и тогда вызывал по телефону таксиста. Номера я не скажу, но знаю, что его звали Паоло.

– Вы это точно помните?

– Абсолютно. После смерти Бетти Стив стал особенно часто пить и, наговорив мне всего... ну, я рассказывала... вызывал этого Паоло и ехал в лабораторию. И, кстати, я как-то видела, как Стив подъезжал на такси. Правда, я не знаю, на нем ли, но на машине была муниципальная эмблема.

– Значит, надо искать на ближайших муниципальных таксостоянках, – заключил Стас.

Кофе был вкусным, а крекеры пресноватыми. Стас старался направить все свои мысли в русло дела, но каждый раз спустя какое-то время обнаруживал, что куда больше думает об Алисе Картрайт.

– Я бы хотел, после кофе, разумеется, осмотреть его одежду, – сказал Стас, в очередной раз вспомнив о значке.

– Да, пожалуйста. Там два отделения, одно мое, второе его. Перепутать, думаю, будет непросто...

Они улыбнулись. Она улыбалась красиво и легко, Стас улыбался скованно, потому что давно – а по сути, никогда – не улыбался в ответ такой женщине.

– Попробуйте все-таки вспомнить что-нибудь о своем приемном отце, – попросил Стас, – никогда заранее не знаешь, что может оказаться важным.

Алиса на секунду задумалась, потом снова пожала плечами.

– Вот так с ходу трудно что-нибудь вспомнить. Он и раньше был замкнутым человеком, особенно в моем присутствии. Разговориться мог, только если выпьет, да и то не всегда. Даже с Бетти чаще отмалчивался. А после ее смерти тем более. Из того, что нес по пьяному делу, многого не узнаешь о нем, разве что о себе самой.

– Он был богат?

– Не беден. По крайней мере, вложил в один проект больше десяти тысяч кредитов. Мне Бетти рассказывала. Но она сама толком не знала, что за проект, и мне объяснить не смогла. Какое-то изобретение.

– Десять тысяч... – Стас отставил чашку. – Работая в службе канализации?

– Меня это тоже всегда удивляло, – кивнула Алиса, – но не настолько, чтоб узнавать подробности.

– Тогда не совсем понятно его отношение к вам, если дело не в деньгах...

– Я, наверное, неправильно объяснила, – покачала головой Алиса. – Какими бы наши отношения ни были, уверена, что Стив не был алчным человеком.

«Алчным человеком... – подумал Стас. – Если бы я так сказал, выглядело бы театрально, а у нее – вполне себе нормально, как будто она так каждый день говорит. А может, и говорит... Но она же просто официантка! Какого черта...»

– И Стив действительно любил Бетти, – продолжала Алиса, – может быть, по-своему, и... я не знаю... Ну, не оказывал ей каких-то особенных знаков внимания, цветы редко дарил, ну, вы понимаете. Но он ее любил. Так что дело не в деньгах. Просто он и правда был уверен, что я аферистка.

Допив кофе, Стас попросил у Алисы разрешения воспользоваться телефоном и позвонил в информационный отдел Управления. Стас запросил информацию о таксисте, о котором знал только имя и район его стоянки. Во время разговора фоном прорывалось утробное гудение огромного дизель-генератора, на котором работали разностные машины Управления. Айтишники обещали перезвонить, как только удастся что-нибудь выяснить.

Даже используя мощность новейшей разностной машины, на это могло уйти больше часа. Стас повесил трубку и вернулся в комнату.

Алиса убрала со стола, смахнула крошки в пустую вазу из-под крекеров и вывезла столик. Стас открыл гардероб.

В зеркале, висевшем на обратной стороне двери, отразился мужчина неопределенного возраста с трехдневной щетиной на лице, которая не скрывала, а подчеркивала шрам на подбородке. Волосы кое-где подбили мазки седины. Костюм сам по себе был неплох, но явно не ухожен. Стоило его хотя бы погладить – самому или в прачечную отвезти. К тому же небольшое пятнышко кофе под левым грудным карманом дьявольски бросалось в глаза. Ну хоть рубашка была в норме, чистая, поглаженная. Он никогда не застегивал ее полностью, оставляя свободной верхнюю пуговицу. Своей шеей Стас мог гордиться: она была сильна, не такая бычья, как у Полынера, но и не спичка какая-нибудь. Щетина эта, правда... Зато галстук что надо. Стас грустно усмехнулся: неопределенный возраст – это в любом случае не двадцать и не двадцать пять. Хотя и не пятьдесят, конечно, так, середнячок, отплывший от четвертого десятка. А седина, кстати, была точно как у Анатоля Бекчетова, даром что тот был лишь приемным отцом. Анатолю седина шла, у него было благородное лицо аристократа, про себя Стас такого сказать не мог...

Гардероб был поделен перегородкой на два равных отделения. В первом висели платья, шейные платки и прочая одежда Алисы. Из выдвижного ящика неловко свесилась бежевая бретелька бюстгалтера.

Второе отделение гардероба было практически пусто. На верхней полке лежала старая пропыленная шляпа с широкими полями. Стас приподнялся на цыпочки, чтоб заглянуть дальше, но, кроме шляпы, на полке ничего не было. На перекладине висел с десятков вешалок, но заняты были только две. Одна – старомодным костюмом-тройкой цвета морской волны, на другой – три рубашки, все белые. Обшаривая карманы, Стас чувствовал себя как никогда неловко, но, кроме книжечки спичек с эмблемой казино «Дублин» и чистого носового платка, ничего не обнаружил. Спички он мог получить как в самом казино, так и от мальчишек-зазывал на улице. Стас убрал спички в карман и, присев на корточки, принялся осматривать выдвижные ящики Стива. Носки, связанные узлами попарно, белье, старый шерстяной жилет, пакет с пуговицами, другой пакет со шнурками. Один из ящиков был забит полотенцами. Все это говорило о человеке невысокого достатка. За исключением, пожалуй, спичек. Стас вздохнул и поднялся на ноги.

В зазеркальной комнате Алиса стояла в дверях, прислонившись плечом к косяку, и внимательно следила за человеком неопределенного возраста.

– Ничего, – ответил Стас на незаданный вопрос.

– Вот ключи, о которых я говорила. – Она протянула связку ключей на большом тяжелом кольце.

В прихожей зазвонил телефон. Алиса торопливо развернулась. Стас даже не стал пытаться отвести взгляда от движения ее тела.

– Это вас, – сказала она из прихожей.

* * *

Перед выходом Стас позвонил Югире и попросил его отослать Спайкера порыскать среди таксистов.

На улице становилось все свежее, и заполонившие всю западную часть неба облака зримо наливались угрюмой синевой. Когда Стас подходил к своему «студу», где-то вдали раскатилась глухая дробь грома.

«Студебеккер» миновал пустые улицы спального района и плавно влился в неторопливый поток транспорта, перманентно бороздившего дороги города. Ближе к центру движение пошло скачками. Каждый светофор казался непреодолимым препятствием. Стас привычно потянулся к ручке громкости радиолы и прибавил звук. Проспект Молотова,

площадь Согласия, площадь Иосифа, набережная. На том берегу, где-то в районе узкой улочки Громобоя, в лобовое стекло ударили первые капли дождя. Они были малочисленны, ленивы и огромны, как разъевшиеся паразиты, которых вычесывало гребнем ветра из шевелюры дождевых облаков. Их было не жалко. А спустя еще четверть часа дождь обрушился в полную силу.

«Вы тоже это видите? Дождь! Какое там, ливень! Натуральный, тропический, гребанный ливень! Хватит протирать штаны, лентяи, идите и вдохните этого воздуха...»

Стас усмехнулся, вырубил кондиционер и слегка опустил стекло. На встречной полосе опустилось стекло тоже прочно застрявшего в пробке древнего «Трабанда». Из окна выглянул худощавый старикан с блестящей лысиной и хитрыми глазами и знаками попросил у Стаса зажигалку. Чтобы прикурить, старик опустил стекло до конца, и стало видно, что из его горла торчит трубка.

– Не вредно? – спросил Стас, указывая на горло.

Старикан пожал плечами и махнул рукой.

До антикварной лавки с музыкальным названием «Порги и Бесс» Стас добирался больше часа. За это время дождь не только не ослаб, но и превратился, согласно Халли, в полноценный ливень. Видимо, в небесной канцелярии тоже не дураки послушать запрещенное радио.

Офис «Порги и Бесс» (бывший «Миротворец») занимал часть первого этажа обычного (не из дешевых, но и не самого высокого полета) небоскреба на проспекте Чехова. Никакого Порги там никогда не было, и Фарик Абалай назвал так свою контору исключительно в память о любимом друге Эллы Фицджералд и Луи Армстронга. Самого же Фарика еще на военной гауптвахте в лихие годы прозвали Хитрым Бесом. Позже прилагательное «хитрый» отпало, остался просто Бес.

– Эй, Фарик, у тебя с вывески букву украли⁸, – крикнул Стас, заглушая перезвон колокольчика, прикрепленного так, чтоб открываемая дверь его задевала и предупреждала хозяина о появлении в лавке постороннего. Вообще-то это была дежурная шутка, что-то вроде пароля для Стаса и Фарика.

– Стас, почему букву воруют, только когда ты приходишь, а? – хитро улыбаясь, спросил Фарик, вставая из-за темного дерева конторки. Был он смуглым, невысоким, страдал от лишнего веса, голова его была покрыта невероятными какими-то залысинами, он являл собой вымирающий тип очаровательного пройдохи. Фарик коллекционировал довоенные винилы, давал щедрые взятки ответственным чиновникам района и мог сбыть все, что угодно, если возраст этого «всего, что угодно» превышает полвека. В том числе это касалось и оружия. Разумеется, никакой лицензии на торговлю стрелковым оружием, даже антикварным, у Фарика не было.

– Чай? Халва? Или опять по делу? – поинтересовался Фарик, подмигивая Стасу.

– По делу, – усмехнулся Стас, – можешь прикрыть лавку на часок?

– Ай-ай-ай, – покачал головой Фарик, – у старого Беса неприятности?

Помимо чиновников, Фарик давал взятки и Стасу. Правда, не деньгами. В основном тем, что разрешал перед продажей забрать домой и полистать довоенные книги, газетные подшивки, альбомы с вклеенными статьями (была такая мода, что ли?). Но как-то выложил на стол солидную пачку купюр. Стас деньги взял и из гнилой ситуации Фарика вытащил. Стыда по этому поводу не испытывал – он задержал или участвовал в задержании достаточного количества настоящих мерзавцев, чтобы позволить себе увести из-под носа закона одного хорошего, хотя и не всегда честного человека.

– Пока никаких неприятностей, – успокоил Фарика Стас. – Но могут появиться. Рано

⁸ Название мюзикла – «Порги и Бесс».

или поздно к тебе бы пришли, так что уж лучше я.

Фарик серьезно посмотрел на дверь, потом решительно поднялся и запер ее.

Они спустились в подвал, на двери которого было написано: «Склад». На самом деле в лавке ничего ценного не хранилось. Фарик пользовался каталогом с фотографиями и привозил для осмотра только то, чем уже заинтересовался клиент. Зато в подвале жили три здоровенных добермана. Стас ни разу не слышал, чтобы те лаяли. Они были молчаливы, угрюмы и беспрекословно слушались хозяина. Если кто-то заходил в подвал в сопровождении Фарика, доберманы даже виду не подавали, что вошедший их интересует. Но если визит происходил без сопровождения Фарика, гостя впускали, а вот выйти наружу он мог только по появлении хозяина лавки, и то если он решит дать такую команду своим церберам. Таким образом Фарик уже поймал четверых воров. Двое попали за решетку после продолжительного лечения в тюремном госпитале: у бедолаг хватило дури попытаться вырваться наружу.

Единственной мебелью в подвале был большой стол из темного дерева. Подделка, но настолько удачная, что Фарик купился на нее. Это было давно, с тех пор таких ошибок он не допускал. Но стол хранил, хотя вполне мог всучить его какому-нибудь глуповатому толстосуму. «Не имею права, – сказал он однажды. – Этот стол – символ того, что я ущербен, Стас. Понимание собственной ущербности необходимо для роста». Порой Фарик любил пофилософствовать.

Они сели за стол, из выдвижного ящика появились термос и завернутая в бумагу халва. Фарик открутил с термоса крышку, разделяющуюся на две небольшие пиалы. Разлил кофе, подвинул на середину халву. Попросил мрачно:

– Рассказывай, Стас.

– Не мрачней раньше времени, приятель, – сказал Стас, но сперва позволил себе небольшую паузу, сделав глоток и отломив халвы. Фарика не зря называли Хитрым Бесом. – Про снайпера уже слышал, наверное?

– Халли в эфире говорил, – неуверенно ответил Фарик. – А при чем тут я?

– Не знаю, – пожал плечами Стас, – может, и ни при чем. Только снайпер этот работает из старой «Мусимы». А я могу по пальцам перечислить торговцев, которые могли продать такой товар. Причем у восьми из них будут лицензии.

– Эх, аузыныссыгым! – Фарик с досадой хлопнул по столу ладонью. – Точно придут. Не хватало мне вот теперь, а! Только вроде хорошо стало, тихо стало, спокойно...

– Вот потому я и решил первым к тебе заглянуть, – кивнул Стас. – Так что там у тебя насчет «Мусимы»?

– Было. Две штуки. Но невыгодный товар, они и новые-то были рухлядь, правду говорю. Наверное, месяца четыре назад сбавил. Я бумаг по таким делам не веду, сам понимаешь. Но, Стас, брат, это автоматы были. Винтовок «Мусима» мне вообще не попадалось. Это же редкость. Если бы попалась... Даже не знаю, стал бы брать или нет. Скорее всего, нет... Только... я как доказать смогу, Стас?

– Не знаю пока. – Стас нахмурился. На самом деле его слова бы хватило, но знать этого Фарик сейчас не следовало. – А про других, может, слышал торговцев?

– Нет, точно нет. Снайперка «Мусима» кому нужна? Хотя если правда старая... Я бы слышал. Наш круг же небольшой, знаешь. Новости распространяются.

– Значит, не слышал?

– Ничего.

Фарик не врал. Стас был уверен, что это так. Чего-чего, а подставлять свой зад ради одной продажи он бы не стал. Да и про других, скорее всего, говорил правду – стал бы он молчать о конкурентах...

– Давай так сделаем, – допив кофе, сказал Стас. – Я твою лавочку отмажу как-нибудь, а ты мне в благодарность порасспрашиваешь потихоньку у... Ну сам придумай, у кого. Мало ли, может, кто-то что-то слышал. Любая информация, Фарик, любая.

– Сделаю, брат, – кивнул Фарик. – Сегодня и сделаю. Вечером в «Кальяне» будет

встреча. Мы же теперь вроде профсоюза, ты знаешь. Ну и закину удочку. Завтра позвони, а хочешь, сегодня ночью. После двенадцати разойдемся уже, думаю.

– Там видно будет, – кивнул Стас, вставая. – Спасибо за кофе, халва вообще чудо. Где ты ее досташь, а?

* * *

Сумерки легли мягко, по-кошачьи. Улицы, и без того не пустынные, по свежей погоде заполнились до отказа, и, съездив домой переодеться, на традиционную пятничную встречу в «Долине» Стас опоздал почти на час. Люд плотной толпою вышагивал по тротуарам и порою вытеснялся на проезжую часть, благо при таком скоплении автомобилей движение было крайне неторопливое. Рекламы и вывески соревновались в яркости и в том, кто быстрее в глаза бросится случайному прохожему.

Завсегдатая слегка потеснили от угла к дверям, но он, похоже, против не был и играл, как по заказу, темку из «Порги и Бесс», что-то там о лете... В дверях бара толпились уже выскочившие подышать на воздухе нетрезвые посетители. Машины сигналили с необоснованной надеждой ускорить движение. Со второго этажа из распахнутого, но зашторенного окна слышался звонкий женский смех.

Вечер у Арчи, должно быть, выдался хлопотный. Он, видимо, будет ворчлив и удручен занятостью и абсолютной невозможностью присоединиться к их компании. Ничего, утренний подсчет выручки как пить дать поднимет ему настроение.

Стас с огромным трудом сумел припарковать «студ» едва ли не в квартале от «Долины». Затем в толпе, переполненной довольными улыбками и карманниками, вернулся к стеклянным витринам, украшенным витиеватыми литерами.

Гардемарины были в сборе, гардемарины были пьяны и разговорчивы.

– Вот, – воскликнул по приходе Стаса Шрам, – вот у кого спросим.

– Стоп, – оборвал друга Стас. – Для начала я немного догоню вас, хотя бы в плане дикции, если не получится в плане интеллекта.

– Утилитарист, – осуждающе проворчал Скальпель, а Бруно молча подвинул бутылку к пустому стулу.

Скальпель был уже в порядочно философском настроении, Шрам не отставал от него, а по Бруно, как обычно, трудно было понять, насколько он пьян. Стас скинул пиджак, повесил его на спинку стула и плеснул себе сразу полстакана. Для разгона.

– Так о чем речь, гардемарины? – спросил он, выбивая из пачки сигарету.

– Закуси, а то окосеешь, – сказал Шрам и попытался подвинуть тарелку с каким-то салатом, но едва не уронил ее на пол. Стас вовремя схватил салатницу. И по тому, что Бруно рванулся с той же целью позже него, стало понятно, что и молчун прилично набрался. Надо было догонять.

– Ему нельзя закусывать, – сказал Скальпель, – он русский. Русским религия запрещает закусывать после первой.

– И все же, – атакуя вилкой салат, повторил Стас, – о чем речь? О женщинах, политике, деньгах, жене губернатора?

– А жена губернатора – не женщина? – вскинулся Шрам.

– Жена губернатора, – ответил за Стаса Скальпель, – это должность. У женщины есть грудь, очарование и непостижимый интеллект. А у жены губернатора есть должностные обязанности. И между прочим – получилось «междпрощем» – женой губернатора запросто может быть мужик, и ни хрена от этого не изменится. А вот если женщина окажется мужиком... О, это меняет в корне вообще все. Понимаешь?

– Понимаю, – с увеличенной амплитудой кивнул Шрам.

– Дай пожму твою руку, гардемарин!

Стас торопливо налил себе еще полстакана. Потом подумал и дополнил его до краев.

– Мы, дружище, помиле... полимири... Спорим! Мы спорим, Стаселло! – объяснил

Шрам.

– О чем? – Алкоголь теплой волной омыл горло и мягко лег в желудок.

– Так о смысле жизни! О чем же еще?

– И правда, о чем вы можете спорить, – кивнул Стас.

– Нет, ты вот зря так. Мы не в том смысле. А в том, что есть ли он вообще, понимаешь?

– Начинаю понимать. Еще грамм пятьдесят, и я выдвину собственные тезисы.

– Отлично. – Шрам рывком поднялся и указал пальцем в сторону Скальпеля. – Вот он, Стас, утверждает, что никакого глобального смысла жизни нет вообще. Представляешь? – «Преставляешь»? – А я говорю, что такого быть не может.

– Почему?

– Что «почему»?

– Почему не может?

– Потому что! Не надо вот этого, ага? Потому что тогда, Стас, все зря. Война, могилы, радио, бабы и жены губернатора. Все! Зря! Потому что... А он мне про трамвай рассказывает.

Стас изменил свою точку зрения, теперь стало понятно, что это Скальпель слегка отставал от Шрама.

– Это метафора, мой друг, – величественно проговорил Скальпель и неудачно попытался закинуть ногу на ногу. – Смысл жизни – это такое маршрутное понятие. Как точка на карте. И если он есть, то получается, что человек появился в точке, ну, предположим, «А» только затем, чтобы доехать до точки, ну, скажем, «Ц», а в точке «Б» предварительно, – Скальпель акцентировал это слово, воздев указательный палец, – совершить некие сугубо... я повторяю – сугубо – функциональные телодвижения.

– И? – садясь на место, потребовал Шрам.

– И! Что «и»? А где тут место собственно человеку? Это трамвайная жизнь. Выехать из парка, подобрать народ, посадить народ, а цель – смысл жизни, конечная остановка. И! Если бы Господу Богу угодна была именно такая картина мироздания, он бы запихнул в задницу обезьяне паровой двигатель и выпустил на маршрут. Но он создал человека. А человек что?

– Что? – неуверенно спросил Шрам.

– А человек – это не механизм. Это не только логика, не только умение делать выводы, понимаешь? Человек – это еще и ошибки, и тяга к прекрасным спонтанным действиям. Вот скажи мне, Стас, – Скальпель подался вперед, – ты можешь представить себе трамвай, который сошел с рельсов только затем, чтобы стрелкнуть у девчонки номерок телефона?

– Не могу, – честно признался Стас.

– И я не могу.

– Бруно, – ошеломленно проговорил Шрам, – разливай.

* * *

Этим вечером алкоголь играл со Стасом в странные игры. Хмель то наваливался приятным теплым одеялом, то вдруг отпускал, оставляя голову хирургически чистой. В целом было хорошо, но слишком неопределенно.

Шрам уснул, странно скорчившись на стуле и положив голову на локоть. При этом неровный рубец сильно оттягивал веко, и глаз полностью не закрывался. Скальпель ушел в глухую меланхолию и неторопливо потягивал виски, что-то мыча себе под нос: то ли непонятную мелодию, то ли продолжая начатый спор с невидимым собеседником. Бруно сделал радио погромче, закурил, забросил ноги на стол и сидел теперь, уставившись в потолок. На улице снова начал накрапывать мелкий дождь. Выглянув за штору, Стас увидел, как улица расцветает зонтами всевозможных расцветок.

– Пойду проведаю Ауча, – сказал Стас.

Бруно кивнул, не отрывая глаз от потолка. Скальп не отреагировал.

Как ни странно, за стойкой хозяина «Долины» не оказалось, там управлялся парнишка,

которого Ауч нанял несколько месяцев назад для работы на подхвате. Стас не помнил, как его зовут.

Джукбокс крутил по кругу одну и ту же песню – «Девушка из Ипанемы» в исполнении Фрэнки Синатры. Стас предпочитал оригинал Жобима, но Синатра тоже был неплох. Далеко не все песни ему удавалось испохабить. Вообще занятно, что портил Синатра только те песни, которые до него уже успешно исполнялись. А остальные пел великолепно. Жаль, что выяснить правду о причине у самого Фрэнки уже нельзя. Он пропал без вести во время объединенного отступления. Скорее всего, его сожрали, хотя, возможно, он и теперь бродил где-нибудь за Стеной и голодная слюна капала с его клыков на высушенную грудь. Бессмертия можно добиться разными путями.

Стас нашел Ауча в маленькой каморке под лестницей, где тот держал бухгалтерскую документацию. Там же был вмурованный в пол сейф с кучей комбинаций, который открывался, как дверь в погреб. Как и предполагал Стас, Ауч был мрачнее тучи.

– Что, брат, зашиваешься?

– Не то слово, – проворчал Арчи.

– Ну ничего, зато выручка будет что надо. – Стас огляделся, куда бы сесть, но все горизонтальные плоскости были завалены папками и разрозненными бумагами.

– Да я не из-за народа. Зачем? Народ – это хорошо... Гашек справляется. Он хоть поляк и еврей, но расторопный. Погода эта все карты мне испортила. – Ауч тяжело вздохнул и отодвинул от себя очередную папку. – Представляешь, я же был уверен, что жара продержится как минимум месяц, и серьезно вложился в лед. Вах, как я вложился, старый дурак! Он неплохо шел, кстати. Но теперь хранилище заполнено на две трети, а лед практически перестали брать. Так, по мелочи кафешки и бары закупают. Даже на оплату хранилища не хватит, а там же еще арендованные холодильники, рабочая сила, охрана...

Стас удивленно пожал плечами:

– Даже не знаю, что тебе на этот счет посоветовать. Никогда не думал, что можно заработать на замороженной воде.

– Каждый год зарабатываю. Только раньше таких денег не вкладывал, – тоже пожал плечами Арчи. – А тут как пошла непруха, так и... Еще эта новая налоговая политика... В начале года думал расширяться, прикупить забегаловку по соседству...

– «Шейкер»?

– Да. Хотел сделать второй зал, двор расчистить, сделать летнее кафе под зонтами, а на зиму бар глинтвейнов. Уже даже нашел, где обогревающие жаровни закупить... – Арчи снова тяжело вздохнул. – А теперь не уверен, что смогу удержать саму «Долину».

Стас выбил из пачки две сигареты, прикурил, одну протянул Аучу. По всему выходило, что свежая погода, которой он так радовался весь этот день, могла лишить его друга дела, денег, вообще всего.

– Не торопись с выводами, Ауч. Жара еще вернется.

– Только на это и надеюсь. Только на это... Если такая погода продержится недели две, я пропал. Раньше думал, что от погоды всерьез зависят только фермеры всякие, а теперь...

Откуда-то из-под бумаг зазвонил телефон. Резко, неприятно. Стас вздрогнул.

Арчи нагнулся, вытянул аппарат, взял трубку. Сказал пару стандартных фраз и передал Стасу:

– Тебя.

– Этого только не хватало, – проворчал Стас и взял телефон. – Алле?

– Ребята из автопарка сказали, что по пятницам ты в «Долине», – раздался в трубке голос Югиры. – Ты как, трезвый еще?

– Практически.

– Тогда запоминай адрес. У нас еще один жмурик. На этот раз прямо в квартире. Ублюдок велел выехать на место нашей группе. Вроде как мы дальше других продвинулись. Экспертная группа уже выехала.

– Черт, – выругался Стас, – они там все вверх дном перевернут.

- Я уже отправил с ними Польшера и Спайкера. Последят. Сам буду, как только прорвусь через пробки. Я недалеко в принципе, в баре через два квартала. Могу и пешком.
- Там дождь, – предупредил Стас и услышал, как шепотом выругался Арчи.
- Знаю. Ты вообще пил?
- Немного.
- Бери такси...
- Я на «студе».
- Не дури, Бекчетов.
- Югира, я в норме. Постараюсь как можно быстрее. Давай адрес.
- Улица Талейрана, дом шесть, строение два. Пятый этаж, квартира пятьдесят семь.

* * *

Стас заскочил наверх, попрощался с Бруно, убедился в невменяемости остальных и покинул «Долину».

На улице было уже не просто свежо, было знобко. Стас поежился, поднял воротник пиджака и спрятал руки в карманы, но все равно продрог, пока шел до «Студебеккера». Завсегдатая на углу уже не оказалось, хотя обычно он стоял со своим тромбоном до первых намеков на рассвет.

Забравшись в машину, он первым делом включил печку, впервые за долгое время. Вентилятор где-то за панелью тихо зашумел и потянул в салон сначала прохладный, но постепенно прогревающийся воздух. Когда полтора года назад, сразу после покупки (с рук) «Студебеккера», Шрам настоял на том, чтобы Стас отдал машину ему на растерзание, тот согласился не раздумывая. И с тех пор ни разу не пожалел. При таком почтенном возрасте для повидавшего многое на своем веку автомобиля «студ» работал как часы. Шрам тогда отказался принимать деньги за работу, и Стас по блату, «через друга тещи брата коллеги подчиненного», достал коробку довоенных сигар, настоящих, кубинских. Шрам сиял, как свеженачищенный самовар, и жался за каждую затяжку. Все равно половину сигар выкурили всей толпой. Теперь от всей коробки осталась последняя «торпеда». Шрам хранил ее для особого случая, но какого именно, похоже, и сам не знал. Потому и носил ее в специально купленном деревянном футляре при себе: особый случай мог произойти в любую секунду.

Машин на дороге поубавилось, и, поработав педалями сцепления и газа в пробке в районе Чехова, Стас добрался до Талейрана меньше чем за сорок минут. Он редко бывал в этой части города. Некогда богатая и престижная, она постепенно скатывалась в нищету. Здесь обитали мелкие биржевые игроки, сделавшие состояние еще на хлебной марке. Многие из них давно прозябали, догрызая последние крошки минутного взлета. Как ни странно, с обнищанием район терял и криминальную составляющую. Здесь редко происходило что-то значительное, так, то часы с кого-то снимут, то относительно дорогое, но тотально вышедшее из моды пальто. Со всем этим легко справлялись участковые полицейские, и до Управления дела такого разряда, как правило, не доходили. А впрочем, почему странно? Оттуда, откуда уходят большие деньги, уходит и крупный криминал. На смену приходит мелочь и неорганизованная преступность.

Высокие дома раннего конструктивистского ампира подпирали темное, перечеркнутое лучами ПВО небо. В лучах иногда застревала едва различимая стрекоза аэроплана или мощная туша уснувшего дирижабля, сложившего зеркальные крылья. При этом улица была узкая, на две полосы плюс стандартные тротуары, так что при взгляде вверх казалось, будто дома наклоняются друг к другу. Не самое приятное ощущение. В момент перехода с хлебной марки на обеспеченные государственные кредиты эту улицу ненадолго прозвали «ад летающих смертников». Непрочные, основанные на ежедневной ситуации, не подкрепленные для будущего капиталы рассыпались, как карточные домики. Ежедневно кто-то поднимался на крышу одного из этих домов и шагнул в пропасть. Несколько раз в час пик погибали невинные люди, на которых рушилось тело банкрота. Убит телом банкрота – что

может быть более нелепым?

Стас сбавил скорость, пытаясь разглядеть номера домов. Наконец нашел шестой и свернул в огромную арку. Строение «два» мало чем отличалось от строения «один». Тот же конструктивистский ампир, вырастающий над запущенным двором. Никому не нужные рекламные листовки и газеты липли к мокрому асфальту. Фонари горели через один, половина окон первого и второго этажей были забиты фанерными листами. Почти все окна выше были темны. Большинство экономило на электроэнергии, а кое-кому ее просто отключили за неуплату.

Под бетонным козырьком подъезда стоял и курил в кулак Ник Спайкер. Из-за его правого плеча виднелся приклад «Лес Пола». Спайкер был одет в военного образца куртку, даже в тусклом желтоватом свете фонарей были видны невыгоревшие места на рукаве и плечах, там, где раньше были нашиты погоны и шеврон.

С парковкой во дворе проблем не было. Единственная машина стояла у самого угла здания. Стас не смог определить модель и сильно сомневался, что та на ходу. Он поставил «студ» как можно ближе к подъезду, надел шляпу, поднял воротник пиджака и бегом пересек пространство до защищенного козырьком участка.

– Вечер добрый! – Спайкер протянул Стасу руку. Ладонь была холодной.

– Привет. Уверены, что это наш жмурик?

– Ублюдок уверен, ветер в спину. Сорвал меня с танцев. Там такую девчонку уже зацепил, закачаешься...

– Привыкай. У детективов с личной жизнью всегда непросто. Поднимаемся?

– Сейчас, докурю. Про Стену слышал?

– Нет, ехал без радио.

– Большой прорыв. – Ник сделал последнюю затяжку и бросил окуроч под дождь. – Целый участок смели, Стену слегка порушили. Стая голов в сотню, говорят. Три взвода положили, мрази. Мои ребята, правда, в стороне стояли. Раньше. Сейчас не знаю.

– Так позвони.

– Им сейчас не до этого. Стая ушла вглубь и разделилась. Одну группу вроде как нашли, сдерживают. А вторую проморгали. Так что позвоню попозже.

– Хреново. Значит, снова введут осадное положение. Нас на дежурства будут снимать на блокпосты. Как в позапрошлом году.

Спайкер пожал плечами, мрачно глядя в темноту.

– На самом деле, если они лесами пройдут и их не запасут, то во Втором Периметре будут уже завтра. У них по голодухе скорость знаешь какая?..

– Представляю. Ты не мрачней, Спайкер. Не так уж часто заставы с места на место кидают.

Ник нахмурился еще больше.

– Вообще-то частенько. Чтобы не застаивались. Особенно «труперов». Пехтуру не жалко, все дела.

Дождь кончился внезапно, как будто кто-то там, наверху, крутанул ручку пожарного гидранта. Стало тихо, только с улицы летело автомобильное разноголосье и иногда начинал свистеть ветер, но как-то неуверенно.

– Ладно, пошли. Утро, как говорится, вечера мудренее.

– Русская пословица, – сказал зачем-то Стас. Прозвучало как оправдание.

Как ни странно, подъезд был освещен. Стас попытался вспомнить, включено ли освещение подъездов каким-нибудь процентом в общую сумму платы за электричество. Но не вспомнил. Возможно, такие вещи оплачивались из кармана государства. Как свет уличных фонарей, например.

В целом подъезд был как подъезд, ничем не отличался от других домов средней руки. Тот же голый кирпич стен, узкие пролеты, стальные двери тамбуров.

На пяточке перед дверьми на пятом этаже их поджидал Югира. Они молча пожали друг другу руки и вошли в тамбур. Вешалка с зимней одеждой, какой-то ящик, на нем

велосипедные колеса. Как обычно, для постороннего непонятно, что кому принадлежит. Внутренняя дверь, ведущая непосредственно в квартиру номер 57, была открыта.

Стас вошел и неприятно поморщился. Планировка однокомнатной квартиры убитого была копией его собственной. Ничего в принципе удивительного в этом не было. Во время массовой перестройки жилищного фонда не до разнообразия планировок было, типичные схемы лишь слегка подстраивали под особенности домов. Стас хорошо помнил время, когда на период перестройки жильцы выселялись в палаточные лагеря. Сам он этого избежал, поскольку сначала жил в общежитии Управления, а когда взялись и за его перепланировку, ему подфартило с квартирой в уже перестроенном доме. Только внешний лифт сделали позже. В областных городках эти перестройки идут до сих пор. Дома обшиваются внешними конструкциями. Затем достраиваются в высоту, радикально переделываются внутри. Улицы превращаются в ущелья. Городская зелень начинает чахнуть, ей не хватает солнечного света. Самые просторные автомагистрали в черте города превращаются в час пик в труднопроходимые, почти непроходимые и мертвые. Города растут ввысь и – значительно медленнее – вширь, но население прирастает стремительнее. И времени на разнообразие планировок как не было, так и нет. А потом ты приходишь по служебной надобности в квартиру убитого и узнаешь в ней свою. Это было не странно, это было в порядке вещей. Но каждый раз одинаково неприятно.

Заходя, Стас обратил внимание на потускневшую медную табличку на внешней стороне двери: «Нугзар Гегечкори. Инженер».

Квартира была обставлена старой мебелью. Несколько шкафов и стеллажи практически скрывали стены комнаты и небольшой прихожей. Даже над окном была повешена полка. В самом окне зияло аккуратное пулевое отверстие.

– Он должен был стрелять дважды, – догадался Стас. – Первый раз обычной пулей, иначе кислота разъела бы и стекло.

– Так и было, – кивнул Югира. – Я понял, про что ты.

– Пули к таким райфлам, как «Мусима», сейчас не делаются на потоке. Их можно купить...

– Мы нашли пулю, Стас, – прервал его Югира. – Самопал. Ни маркировки, ничего. Но если у тебя есть варианты...

– Я попробую, – пожал плечами Стас. – Только я не понимаю, зачем ему было убивать этого именно так. Раньше он тем самым скрывал личность тех, кого убивает. Запутывал следствие. Вполне неглупо, даже логично. А тут он положил старичка прямо у него в квартире.

– Ну, Ублюдок же рассказывал, что серийные убийцы привязаны к определенному ритуалу убийства. Это если мы имеем дело с маньяком. А если нет, тогда... Тогда не знаю. Судя по первому выстрелу, нормальные пули у него были. Похоже, какая-то своя логика.

– Похоже.

– И это первая его настоящая промашка. До сих пор у нас был только его ритуал, но мы ничего не знали о мотиве. Теперь, может быть, узнаем. И, кстати, посмотри в окно. Ни одной высотки, только цеха какие-то, все минимум на этаж ниже.

– Значит, идея с аэропланом или дирижаблем не такая уж сумасшедшая.

– Ублюдку она и не показалась сумасшедшей. – Югира пожал плечами. – Говорит, от этих больных людей можно ожидать всего, чего угодно, и то, что нам кажется нелогичным, для них вполне обоснованно. Проблема в одном. Мы с Польшинером и Спайкером так и не нашли ни одной конторы, чьи рейсы совпадали бы с местом и временем выстрела в Сарае. Да и с другими непонятно. Ни у одной конторы все места убийств не совпадают. По отдельности – да, но посторонних на борт не пускают. Даже если убийца теоретически работал в какой-то определенной конторе, то как его допустили на борт конкурентов? Что-то тут не вяжется.

– Но стрелок великолепный. Вложил пулю в то же отверстие и умудрился попасть в лицо жертве. Почти невероятно...

Они аккуратно, стараясь не потревожить порядка вещей, прошли в комнату. Несколько человек в резиновых перчатках бродили мутными тенями по апартаментам убитого: снимали отпечатки пальцев, осматривали тело жертвы, крутились у стекла и того места на противоположной стене, куда вошла первая пуля. Было тесновато...

Убитый лежал изуродованным лицом вверх, нелепо раскинув руки. Ковер вокруг головы окрасился в темно-бурый цвет. Стас равнодушно осмотрел его, ничего не почувствовал, ничего не заметил. Позже они доберутся до карманов. Хотя... Убитый был одет в домашний халат, накиннутый на пижаму. Вряд ли там найдется что-нибудь стоящее.

– Ник рассказал тебе про таксиста? – спросил Югира.

– Нет, не до того было. Мы... почти сразу поднялись.

– Он нашел того парня и выяснил адрес, куда тот возил Стива Картрайта. Какие-то гаражи на южной окраине, сразу за Пинчерз-роуд. Где склады.

– Наверное, как раз там находится лаборатория, про которую рассказывала Алиса.

– Да, я тоже так подумал. Ну что, давай посмотримся тут – и по домам. Завтра будет жаркий денек.

– Не в плане погоды, видимо, – покачал головой Стас. – А где Полинер?

– Общается с соседями.

Они разошлись по квартире. Стас прошелся вдоль шкафов. Практически все они были завалены литературой по точным наукам, но разброс Стаса удивил. Тут были труды по физике, рудным работам, математические расчеты, связанные с особенностями инженерных сооружений. Вообще «околоматематической» литературы было много. Стас наугад вытащил один из томов и пролистал. Формулы, ничего конкретно ему не говорящие цифры и точно такие же пометки на полях. Нужно будет привлечь умников из подвала, пусть используют свою разностную машину или что для этого требуется. Может, накопят что-нибудь.

Стас огляделся. Югира копался в гардеробе, вытаскивал один за другим предметы одежды, осматривал, проверял карманы. Спайкер присел на корточки и обшаривал ящики письменного стола.

Стас обошел обрабатывающего кисточкой дверь эксперта и направился в кухню.

Скромный, но подороже, чем у Стаса, гарнитур, угловой диван, стол, столешница в кофейных кругах. На стене слева от окна привинчена металлическая полочка, на ней телефон и старая тетрадь с загнутыми и потрепанными от времени краями. Стас открыл тетрадь. Хозяин аккуратно подрезал края листов под буквы. Телефоны и имена были внесены четким, слегка угловатым почерком. Открыв страницы с буквой «К», Стас без особого удивления обнаружил там фамилию Картрайт и два номера телефона. Один – квартиры, где жила Алиса, второй – незнакомый. Стас нахмурился. Фамилия могла обозначать как Стива Картрайта, так и Алису. Нужно было выяснить, где находится второй телефон.

– Аппарат на кухне обработали? – крикнул Стас в комнату.

– Нет, – вяло отозвался эксперт, обрабатывавший кисточкой дверной косяк. – До кухни еще не скоро доберемся.

Стас решил не дергать соседей. Во-первых, не хотел, во-вторых, сама мысль, что Алиса Картрайт может быть причастна к убийствам, была ему неприятна. Стас усмехнулся. Так себе из него профессионал получался. Ведь старинной снайперской винтовкой «Мусима» могла воспользоваться и женщина. За время войны Стас не раз встречался с «синими чулками», и в плане жестокости они давали фору многим и многим мужчинам. Даже тот факт, что на большинство убийств у Алисы было алиби, ничего не говорит. Она вполне могла действовать не в одиночку.

Стас закрыл глаза и представил себе Алису, затаившуюся на крыше дома и выцеливающую очередную жертву. Бред... Впрочем, сам образ красивой девушки – в обтягивающей тугие бедра юбке, со снайперской винтовкой – равнодушным не оставлял. Эх, ветер в спину... Стас решительно взял тетрадь и вышел в комнату.

– Югира, посмотри.

Японец стоял на табуретке и осматривал верхнюю полку гардероба. Стас подал ему

раскрытую тетрадь. Посмотрев на запись, Югира нахмурился:

– Могла.

– Что будем делать?

Югира уверенным тоном приказал экспертам:

– Телефон на кухне обработайте сейчас. Срочно.

Люди в резиновых перчатках нехотя поднялись и отправились на кухню. Все вместе. Учитывая, что никакого права приказывать экспертной группе у Югиры не было, прозвучало впечатляюще. Стас посмотрел на начальника с уважением.

– Вы всем батальоном отпечатки с телефона снимать будете? – тем же тоном поинтересовался Югира. Часть экспертов послушно вернулась к прерванным делам.

Через десять минут Стас разговаривал с подвальными умниками (иногда их называли подгорными мастерами – Стас не знал почему) и диктовал им номер телефона. На заднем плане, как обычно, что-то низко гудело и перестукивало, а иногда раздавался свист, какой бывает, когда спускают пар.

– Раз плюнуть, – ответил Васька Романов, знакомый Стаса из яйцеголовых, и еще через десять минут продиктовал адрес, где был зарегистрирован второй номер из тетради Нугзара Гегечкори. Южный округ, Пинчерз-роуд, владение автомобильного товарищества «Кентавр».

Стас поблагодарил, повесил трубку и только тогда позволил себе облегченно вздохнуть. Судя по всему, телефон был зарегистрирован в лаборатории Картрайта. Это, конечно, не выводило Алису из круга подозреваемых...

Они проторчали на квартире Гегечкори еще около часа. Напоследок Югира опечатал дверь.

Дождь больше не начинался. Стояла пасмурная, мгlistая ночь, почти как осенью. Небо было плотно затянуто тучами, ни одна звезда не проглядывала, и фонари надрывались в тщетной попытке рассеять зернистую влажную темень. Даже ветер утих, как будто насторожился. Все время казалось, что он вот-вот выскочит из-за угла, ударит в лицо ледяным порывом. Стас вдруг почувствовал, что невероятно устал. Он попрощался с Югирой, Спайкером и Полынером и поехал домой. Спать ему оставалось чуть больше четырех часов.

* * *

Телефон зазвонил в 6.45. Это был самый мерзкий способ разбудить человека, у которого ночь и без того оказалось урезанной, да еще и выходного не намечалось.

– Станислав, извини, что разбудил, – проговорил в трубку явно такой же сонный Югира, – самого только что подняли.

– Что случилось? – хрипло, пытаясь прогнать туман из головы, спросил Стас.

– Объявлено чрезвычайное положение. Нас обязали выделять ежедневно по человеку на блокпосты.

– Нас?

– Да, наш отдел. Ты первый.

– Подожди, Югира. Именно сегодня, когда у нас хоть что-то наклюнулось с этими гаражами?

– На один день. Завтра пойдет Ник, потом я. Потом, если не отменят, Полынер. Так что в принципе без разницы – когда.

– Я хотел в гаражи поехать. Это ведь я про лабораторию накопал...

– Понимаю. Но Полынер в последний раз отстоял на блокпостах четыре смены подряд, его велели не трогать. Спайкер свое на Стене отдежурил. А начальнику группы идти первым... Стас, мне нужно поддержать определенную видимость, сам понимаешь. Если с этим расследованием разберемся, группу расформировывать не станут, оставят при отделе убийств. Так что у меня нет вариантов.

– Ясно. Опять на сутки?
– Нет, с девяти утра до двенадцати вечера, потом сменит группа из отдела по борьбе с наркотиками.

– Ладно, но если что, ты мне позвонишь? Мозгами-то я и на блокпосте работать смогу.

– Разумеется, – сказал Югира и повесил трубку.

Стас уныло посмотрел на телефон, потом на серое, зажатое между верхними этажами небо за окном. Медленно, пытаясь не рухнуть обратно в сон, поднялся и поплелся на кухню варить кофе.

Свой мундир, полученный по окончании курсов, Стас надевал лишь дважды. Собственно, на официальную церемонию получения значков и на дежурство на блокпосте в позарешлом году. Даже на день Управления все, за исключением старших чинов, явились в смокингах. В основном взятых напрокат. Вернувшись в комнату с чашкой кофе, Стас снял мундир и критически его осмотрел. Хотя что ему будет? Перед выходом пройдусь щеткой, подумал Стас и повесил мундир обратно. Подошел к окну, взял с подоконника пачку сигарет, закурил. Серое небо липло к домам отяжелевшим брюхом. Лениво плыл дирижабль с тусклыми зеркалами на борту. Было безрадостно. Придется достать плащ, подумал Стас. Хотя, может, для дежурства такая погода и кстати. Весь день под убивающим солнцем после четырех часов сна было бы сложнее выдержать. Стас вспомнил об Арчи и поморщился. Странная штука жизнь, никогда не знаешь заранее, что убьет, а что сделает сильнее.

«И снова доброе, мать его, утро. Мне все равно, кто ты такой, чем занят и как много делаешь для общества. Мне даже было бы плевать, если бы тебя вообще не существовало, тем более что где-то так оно и есть. Но раз уж я к тебе обращаюсь, то сегодня, и именно в этот час бытия, я говорю: с добрым, мать его, утром. Да будет славен подвиг тех, кто смог в этот нелегкий для гипертоников час оторвать задницу от кровати. Мне это удалось не сразу, потому и эфир наш начался на час позже. А мог бы и вовсе не начаться, потому что я вам, будем честны хоть раз, ни хрена не должен. Вы все – всего лишь игрушки в руках большого, металлического, всеми брошенного бога. Не нравится? А мне плевать. Переключи канал, слушай государственные станции, только не ной, ладно? А еще лучше – найди меня и набей мне морду, ха-ха... Заодно утрешь нос Управлению, которое пытается сделать это без малого семь лет.

Доброе утро, доброе хреново серое осеннее утро посреди июня месяца. Вы находитесь на волнах рэдио «Хоспис», последнего нормального радио подышающей от мигрени и ядохимикатов цивилизации. И пусть в этот мерзкий час вас сопровождают нежные мотивы группы «Hurricanes». Композиции «Because». И отвалите от меня, я сделал этим утром все, что мог, слушайте и разбирайтесь со своими проблемами сами...»

Стас покачал головой и выключил радиолу. В те редкие моменты, когда старину Халли накрывало такое вот настроение, слушать волну бывало неприятно. К тому же это значило, что в ближайшие дни Халли в эфире может не появиться. За ним водилась привычка уходить в запой. Нечасто, но случалось. Да это и к лучшему. В минуты хандры Халли становился невыносим.

Стас усмехнулся, поняв, что рассуждает о голосе из динамика как об одном из парней своей компании. Но Халли и правда был каким-то своим, он не был неодушевленной паровой машинкой, начитывающей заранее подготовленный, тщательно отредактированный текст. К тому же Стасу нравилась музыка, которую ставил диджей. Ну а у своих парней всегда есть какие-то минусы, у всех людей есть какие-то минусы, и единение, называемое дружбой, собственно, и определяет способность существовать, принимая негатив как часть человека. Минусы Халли Стас принял давно, но вообще-то возможность выключить звук – удобная штука.

Стас покрутил головой – воротник мундира слегка натирал шею. Плащ и фуражка лежали на соседнем сиденье. Привычная шляпа осталась одиноко висеть на вешалке в

прихожей.

Он решил не ехать этим утром через город, чтобы не попасть в пробку. Поехал в объезд, по Кольцевой, мимо мебельной фабрики «Чип & Дейл», дымящих трубами пятидесятиэтажных цехов «Фольксваген» и других индустриальных монстров, присосавшихся к окраинам города. Движение было относительно бойким для этого времени суток. Тяжело груженные дизели с длинными кузовами мерно двигались по крайне правому, специально выделенному ряду. Каждый кузов – рекламный щит. Юркие маршрутные такси то и дело сновали из ряда в ряд. Персональные и служебные автомобили упрямо таранили безрадостный серый воздух радиаторными решетками. Отсутствие светофоров не создавало дополнительных проблем.

Тем не менее и здесь «Студебеккеру» Стаса пришлось покоптить на холостых, впрочем недолго. Минут пять стояли в районе открытого кинотеатра «Фотон». Впереди столкнулись зарвавшаяся маршрутка и упрямый, не пожелавший уступить родстер. Полицейский грузовой дирижабль прибыл на удивление оперативно и, подцепив бедолаг на тросы, одного за другим перенес на обочину.

Стас, отчаянно борясь с одуряющими волнами сонливости, разглядывал гигантский рекламный щит кинотеатра, размерами легко «делавший» борта дизельных тяжеловозов. Он знал про это место, но хорошего о нем говорили мало. Днем здесь устраивали бюджетные прокаты старых фильмов, все размеренно и спокойно, согласно уставам и предписаниям. Парковочные места распределены, обнаженная натура прикрыта черными прямоугольниками, нежелательные эпизоды вырезаны, налоги перечислены в срок. Но после шести вечера добропорядочные граждане старались обходить это место стороной. Открытая площадка «Фотона» в это время становилась местом встречи представителей самых радикальных направлений рок-н-ролла. Они называли себя «психи», выбривали виски и соперничали в том, чей кок окажется сегодня уродливее. Экран убирали, на сцену выволакивали какое-то допотопное оборудование. Играли команды, которых принимали и понимали только здесь. Жесткая музыка, жесткая публика. Жесткий рок легко переходил в мордобой, молодежные банды стекались сюда на «стрелы», и в тот момент, когда контрабасисты выпускали слэпующего зверя из своих размалеванных инструментов, кто-то стремительно влетал на перо, отхватывая цепью поперек лица или просто принимал на бритый висок удар бутылкой. Вечерняя охрана «Фотона», здоровенные громилы-скинхеды, следила только за тем, чтобы драка не докатилась до сцены и не было повреждено оборудование.

Стас не понимал этого, но и, как ни странно, не осуждал. Он знал, что его время принимать новое и жить новым прошло. Точнее, его у Стаса украли: война, голод, послевоенная депрессия, безработица и инфляция. Когда все это более-менее утряслось, было уже поздно, его поколение повзрослело, и оно не желало жить тем, что успело принять. А новым пропитываться уже не умело.

С «Фотоном» был связан и еще один казус. Находишь подобное заведение в черте города или в черте областного влияния, его бы, скорее всего, закрыли. Правда, оно стояло точно на границе, на Кольце. И управления перебрасывались этим делом, не желая брать на себя ответственность за разбирательство с опасной занозой в отяжелевшей заднице общества. Но таким образом заноза была локализована. Рано или поздно большая часть психов разойдется по домам, обзаведется семьями и так далее, по стандартному сценарию. Останутся только самые верные адепты, и заноза будет уже не так мешать. По крайней мере до тех пор, пока криворукая мода не вытянет волну из подвалов на второй круг. Так уже было. Одна заноза выходит, появляется другая, третья. Иногда они возвращаются в слегка измененном виде, иногда уходят надолго. Но никогда не исчезают навсегда.

А потом, кое-что из музыки психов Стас слушал с интересом... И если для ее рождения музыканты должны были пройти сквозь подобное горнило, то в этом был смысл. Да, Стас его не видел, но это не значило, что его нет.

Движение возобновилось, взревели дизельные тяжеловозы, засуетились ничему не

научившиеся маршрутки. Здесь, на Кольце, все было как в жизни. Ничего не замирало надолго. Рано или поздно вечное движение по кругу возобновлялось. Просто для этого кого-то нужно было отбросить на обочину. Проблем-то...

* * *

Капрала Свайво Стас помнил. Стандартный такой, еще времен отступления, капрал, туповатый, отяжелевший, но в целом неплохой мужик. А может, и не совсем туповатый, может, это видимость, подтвержденная атрибутами: формой да погонами, и еще уверенностью, что данное звание подразумевает некоторую как минимум недалекость. Свайво был приписан к Управлению, занимался организацией охранных кордонов. Сверх задачи не пыжился, выше головы не прыгал. Там, где можно было ничего не делать, ничего не делал, и мелкий подпогонный персонал жил при нем в целом припеваючи.

– Здравия желаю, – сказал Стас, заходя в бетонную сторожку при блокпосте.

Сторожка по одной стороне, дальней от двери, была уставлена двухъярусными армейскими кроватями. На двух из них спали. В стене между кроватями – внушающая уважения решетчатая дверь арсенала. По центру комнаты имелся длинный обеденный стол, и еще один стол, письменный, стоял у левой стены. За ним сидел Свайво.

– Бекчетов? – хмуро поинтересовался капрал.

– Он самый, – кивнул Стас, – приписан от группы Югиры.

– Угу. – Свайво что-то пометил в толстом грессбухе и кивнул на решетчатую дверь между кроватями. – Оружие получи и отдыхай. Через полчаса построение, потом заступаешь на шлагбаум.

– Ясно.

Стас получил у болезненно худого очкарика из-за решетки старый, но ухоженный «Бисирич» еще корейской сборки и две обоймы патронов. Расписался в журнале, потом в какой-то бумажке об ответственности за использование казенного вооружения. Стандартная бюрократическая рутина.

Постепенно стягивались остальные бедолаги, отправленные от своих отделов на дежурство. Все были заспанные, недовольные. Здесь каждый понимал, что это дежурство – такая же проформа, как подписанная бумажка об ответственности. Не первый раз упыри прорывали Стену Периферии, и ни разу им не давали проникнуть так далеко в глубь обжитой территории. Специально предназначенные для этого воинские подразделения находили и отлавливали тварей далеко от этих мест, в сердце Третьего Периметра, в его глухих лесах, заброшенных индустриальных районах, в предгорьях или ущельях Филипповой гряды. Да не важно где. Сюда бы их не пропустили никогда, потому что это значило бы, что в их маленьком датском королевстве все окончательно прогнило. Но правила предписывали, правила требовали, правила настаивали, и вот они – оторванные от дел, от отдыха, от семей и от привычного течения жизни люди, недовольные, заспанные.

Некоторых Стас знал только в лицо, с кем-то был знаком. Один только Роберт Шенкель был более-менее близок ему. Роб был водилой при автопарке Управления, в свое время они пару раз выпивали вместе. Потом, правда, после того как Стасу выдали значок, они виделись редко.

Стас подошел к Шенкелю, они пожали друг другу руки, перекинулись парой-тройкой незначительных фраз, вспомнили общих знакомых. В общем, как это обычно бывает в подобных ситуациях... Потом Роб отошел, чтоб получить свой «Бисирич», а когда вернулся, они вышли на улицу покурить.

Утро было все таким же безрадостным, и только небо показалось еще ниже, еще тяжелее. Временами налетал неприятный хлесткий ветер. Стас запахнул поплотнее плащ, поднял воротник.

– Черт, а я вчера радовался, что жара наконец ушла.

– Да уж, – кивнул Шенкель, – хотя я против жары ничего особенного не имею. Как раз

перед тем, как твари взбесились, нас зажали гуцулы в предгорьях Карпат. Вот там была холодища. Почти все себе что-нибудь поотмораживали. У меня двух пальцев на ногах нет, и это еще повезло. Кое-кто гнить начал. Так им ноги поодтыпывали начисто, под самую жопу. Так что лучше летом у костра, чем зимой под луной. Это я крепко выучил.

– Дерьмово, – кивнул Стас. – Тоже пришлось в тех краях помахать прикладом. В самом конце уже, перед отступлением...

– А я первые полтора года. Пацан еще был, голова зеленая, зато мыслей умных через край... Сначала мысли отморозил... Потом пальцы.

Вдоль полосатого шлагбаума бродил тощий старик в сером кителе, в будке дежурил парень со знакомым лицом. То ли из архивных, то ли из отдела контроля за публикациями. Старик носил «Бисирич» стволом вниз, Шенкель – тоже. Стас – стволом вверх. Во время войны это значило многое, это отличало одних от других так же, как форма, которой, к слову, иногда не было вовсе. Особенно в партизанских отрядах и бандформированиях разной руки. Объединенное отступление и последующие попытки выжить многое изменили. Вообще, многое с тех пор стало другим или другим виделось.

– Тебя, говорят, к самому Ублюдку взяли, – проговорил Шенкель, затянувшись. Он отнял сигарету и стряхнул с губы табачные крошки.

– Да. Я сам просился, – кивнул Стас.

– Тяжко?

– Я не жалуюсь. Понятно, что в аналитики меня пока никто не позовет.

– Рисковый ты мужик, – покачал головой Шенкель, – в таком возрасте взять и поменять все. Сколько тебе, сороковник?

– Рядышком.

– Я б не рискнул. Но вообще-то ты молодец. Ты и тогда, в автопарке, самым умным из нас был. С такими мозгами не хрена баранку крутить, это факт.

Один за другим на улицу вышли остальные. Построились. Кое-как, без рвения, даже по росту не разбирались. Кому оно надо? Свайво, выйдя и осмотрев строй, поморщился, но ничего по этому поводу не сказал.

– Значит, так, – проговорил он своим низким равнодушным голосом, – диспозиция на этот час такова. В глубь Третьего Периметра прорвалась стая примерно из пятидесяти особей. Плюс необычное массированное скопление упырей наблюдается сразу у трех участков Стены. Само собой, у тех, которые недостроенные. И с этого момента тот, кто захочет поговорить о безмозглости этих дерьмоедов, пусть запишет себе в пасть ногу и промолчит. Я ясно выражаюсь?

– Так точно, – нестройным хором ответили дежурные.

– До сих пор, – продолжил капрал, – локализовать прорвавшуюся стаю не удалось. Предполагается, что они ушли в подвалы брошенных индустриальных районов. И это херово... Херово, потому что катакомбами они могут уйти куда угодно.

– Катакомбы три года назад заварили... – попытался вставить лысеющий миляга из отдела контроля за промышленной утилизацией.

– ЗАТКНИ ПАСТЬ, СОЛДАТ!!! – рявкнул Свайво так, что невольно вздрогнул весь строй, а из недалекой рощицы взмыла стайка пичуг. – Пока вы здесь, – мгновенно успокоившись, снова заговорил капрал, – запомните: если говорю я, то говорю один. И мне срать хотелось на ваше мнение и ваши знания. Здесь и сейчас вы никто, и ваше мнение ни хрена не значит. Ясно?

– Так точно, – ответили все тем же нестройным хором.

– Значит, что думаю я. Стаю рано или поздно найдут, уже отправили поддержку из двенадцати аэропланов муниципальной эскадрильи... Один хер задницу просиживают... И десяток аэропланов из частных эскадрилий. Плюс четыре армейских дирижабля-авианосца. Короче, никуда уроды не денутся, отыщутся. Но одиночные ублюдки могут прорваться и сюда. Причем, если верить телетайпу, стая, до того как ее упустили эти херодавы из погранвойск, двигалась в нашем направлении. Это, конечно, ничего не значит, и никто не

знает, куда их вынесет. Но предупреждаю. Если при проверке – а они будут, и они будут без предупреждения – я не обнаружу полагающейся бдительности, всей смене рыла на сторону сверну вот этими руками. – Свайво показал свои огромные ладони. – Ясно?

– Так точно...

Стас почему-то ни на секунду не усомнился в том, что Свайво запросто может свернуть на сторону рыло и смене, и вообще всему составу дежурства.

– Первая смена: Бекчетов, Сума, Нун. Два часа. Остальных распишу потом. Разойтись...

* * *

И потянулось время. Нуном оказался тот самый долговязый лысеющий умник, рискнувший перебить Свайво, а Сума Стас знал, он был еще одним младшим детективом, причисленным к Марку Гейгеру. Работал в другой группе. Стас вызвался стоять у шлагбаума. Нун отправился дежурить на телетайп, по нему шли сведения со Стены из Третьего Периметра. Сума ушел в будку на тревожный телефон связи с ближайшими постами. И то и другое грозило бронебойной дремой даже в нормальном состоянии, а после нещадно урезанной ночи – тем более. Стас решил переждать эти два часа на ногах.

Разумеется, через полчаса после начала смены начался дождь. Сначала едва заметный, скорее просто водяная пыль в воздухе, но постепенно он набирал силу. Стас надвинул фуражку поглубже, и, словно в ответ, с небес рванул уже настоящий ливень. Теперь точно не усну, мрачно подумал Стас.

Потекли по земле грязные ручьи, понесли невесть откуда взявшийся тут, за городом, исключительно городской мусор: бумажки какие-то, этикетки, бутылочные пробки. Стас поднял глаза и стал всматриваться в ливневое марево там, за штрихами шлагбаума. И, как на экране в аудитории подготовки молодых детективов, понеслись перед глазами слайды, статичные картинки, которые кто-то умелой рукой подсовывал в диапроектор его памяти.

* * *

Особняк Анатоля Бекчетова, осенний вечер. Отец, невзирая на дождь, бродит с граблями и сам собирает палую листву каштанов в аккуратные кучи. По лицу его текут, смазывая благородный профиль, струи дождя, но он в лице не меняется, он спокоен, и кажется, явился Анатолий Бекчетов на свет лишь с тем, чтобы собрать это каштановое золото, эту каштановую медь. Стас почувствовал, как горький комок подкатил к горлу, как свело скулы мгновенным спазмом, как сам собой втянулся судорожно воздух сквозь крепко сжатые зубы.

Но тот умелец, памяти кормчий, уже сменил слайд. И понеслась панорама коктебельского фронта, в районе едва заметного на карте поселка Планерское, о котором так душевно лейтенант Аксенов потом написал. Тот самый Аксенов, что с ума сошел, говорят, и во время тогда еще даже не отступления объединенного, а бегства панического, массового остался в своем особняке, заперся и играл на старом ржавеющем саксофоне под грохот дающей деру военной техники, «Гольфстрим» играл. И все было в той панораме, как он, чокнутый, написал: и вселенский дождь без передышки, и глухое черное небо, пожирающее вершину Карадага и половину Святой горы и всю Сююрю-Кая. А у Сююрю-Кая и правда был пушкинский профиль. Стас лежал тогда под дождем и умирал, потому что пуля обожгла его прямо в брюхо и прожгла дорогу в нутро, в кишки и там крутилась синкопами и продолжала жечь невыносимо и нескончаемо. Ледяным джазом, в духе Колтрейна, лишь обозначая мелодию.

Нет, стоп, не давать сосредоточиться на чувствах, только на мокром сером мареве, в котором тебя почти уже нет, в котором не видно дальше пары шагов. За которым несуществующая рука крутит и крутит ручку диапроектора...

И снова дождь, но чужой, не ледяной – ледяющий, картавый, пшекающий, лупил в борта аэроплана, а где-то рядом с бортами грохотало – то ли гром, то ли все же нащупали их зенитки пражан. А какой-то молодой незнакомый парень сидел напротив и то смеялся, то наигрывал что-то на губной гармошке. Красиво наигрывал, Стас бы слушал и слушал, но тот все время прерывался на этот свой смех... И Стас не знал, что страшнее – ухающие удары за бортом или смех прямо напротив. И там, впереди, ждали горы, холод, голодные ночи, но как раз об этом Стас не думал, он не знал про это.

А дождь не кончался, он не желал униматься, он был упрямее всех этих людей, и людской суеты, и суеты слайдов диапроектора. Они жались друг к другу и зябко ежились в очереди за продуктовым пайком. Война уже кончилась, но иногда казалось, что беды только начались. А вместе с ними пришло время отчаянных контрастов, когда мимо одетых кое-как людей, затемно занимавших очередь в магазины в надежде (часто напрасной) отоварить карточку на хлеб, мыло, керосин, сухое молоко, проезжали блистающие хромированными деталями автомобили. За углом гремела музыка ресторана, а в подворотне умирали от голода, от отчаяния... Это было страшное время, и дождь тогда лил почти не переставая. По крайней мере, так помнил Стас.

Дождь, дождь, ливень. У него нет множественного числа, он один растянулся над всей территорией его жизни, а за ней, за этой территорией, за дождем и нет ничего.

* * *

Он вглядывался в ливневую завесу, силясь разобрать за серой рябью хоть что-то. Но почти ничего не было видно уже в двух шагах. И правда, как будто ничего. Идеальное время, чтоб перегрызть мне глотку, подумал Стас и снял с плеча «Бисирич».

– Что там? – тут же вскочил в своей будке абсолютно сухой, закутанный в плащ-палатку Сума.

– Ничего, – крикнул в ответ Стас. – Проявляю бдительность.

Долгими были эти два часа. И не спас плащ с капюшоном, Стас вымок до нитки, как вымокал в последний раз, наверное, тогда, в депрессивные послевоенные годы. Но тогда у него была хитрость, о которой теперь забыл, да и вспомнил бы – вряд ли пришла бы в голову мысль использовать. Тогда он поддевал под рубашку шерстяную безрукавку, а шерсть греет даже мокрая... Наконец их сменили. Они вернулись под крышу, в относительное тепло и сухость бетонной постройки. Стас скинул с себя всю одежду, развесил на мехах батареи, забрался под шерстяное одеяло. Ему стало хорошо, и глаза сами слипались, и вообще это было уютнейшее место – солдатская кровать. Но он все же дал себе несколько минут на то, чтоб неторопливо выкурить сигарету. А потом положил-сложил голову на подушку и мгновенно уснул.

* * *

Его растолкали бесцеремонно и, кажется, уже через минуту после того, как он закрыл глаза. Часы на стене утверждали обратное, но Стас не верил, что проспал почти два часа. Весь его организм возражал против этого. Какой-то парень стоял над его кроватью и что-то говорил, Стас никак не мог сообразить, о чем речь. Наверное, снова пришла его очередь идти под дождь, подумал он сначала. Но потом сквозь плотную дымку недосыпания проникло слово «телефон». Оказывается, звонили из Управления. Черт побери... Стас, мотая головой и усиленно моргая, сначала сел на кровати, а потом заставил себя встать. Только один человек мог звонить – Югира. Даже для непосредственного начальника у него появилась дурная привычка делать звонки именно тогда, когда непосредственному подчиненному чертовски надо выспаться. Шаркая подошвами кое-как натянутых на босу ногу до омерзения сырых ботинок, Стас пересек комнату, пошел туда, где на стене висел телефон без наборного диска, и взял трубку:

– Да, алло.
– Бекчетов? – спросил незнакомый голос. Это был не Югира.
– Да. Кто это?
– Это Гейгер... Станислав... Мне только что сообщили, что в гаражах, куда отправилась ваша группа, произошел мощный взрыв. От целого квартала гаражей осталась одна огромная воронка...

Сон слетел мгновенно.

– Что с парнями? Югира, Спайкер, Полюнер?
– Я... не думаю, что им удалось выжить, – ответил Гейгер. – Мы пока не нашли тел, и я не уверен, что найдем. Там сплошная мешанина: камни, железо... Это был очень мощный взрыв, Стас... Никто не смог бы выжить.

Трубка легла на рычаг. Почти бесшумно. Бетонная стена приблизилась к самым глазам, уперлась шершаво в лоб, поползла вверх. Потому что Стас начал опускаться на корточки, очень медленно, давась от острых кусков воздуха, вырывающихся из легких спонтанно, вопреки дыханию, вопреки всему...

– Бекчетов... – Свайво подскочил, схватил Стаса за плечи. – Бекчетов, ты чего... Эй, солдат...

Да пошел ты со своим солдатом, со всей это херней, да пошел ты, хотел крикнуть Стас. Но не крикнул. Не успел.

Входная дверь распахнулась, завизжала петлями, ударила в стену. В проеме стоял белый как полотно Шенкель.

– С южного поста звонили! – заорал он диким, незнакомым голосом. – Там прорыв, там вся стая!!! Они прорвались в город, упыри в городе!!!

И в ту же секунду заработал, чеканя, телетайп, отрывая тревожную ленту крика о помощи, который испуганный насмерть радист отбивал из подземного бункера в двух десятках шагов от прорванной Стены Периферии. Радист выбивал заученные коды, а сам все оглядывался на дверь, из-за которой кто-то почти визжал уже: «У нас больше нет патронов! Нет людей! Нет патронов! Пришлите подкрепление, мрази, хоть что-нибудь! Нас тут рвут, блядь! Нас тут заживо!.. А нам нечем отстреливаться, у нас больше нет патронов! У нас больше нет патронов...»

Серая стена отлетела от лица. Стас бросился к батарее, схватил брюки, сорвал с кровати «Бисирич», побежал, судорожно перезаряжая автомат, к дверям. А там уже лупили в серое марево из всех стволов. И стена дождя огрызалась в ответ воем и диким, нечеловеческим хохотом...

Часть вторая Сумерки

«Ну что, дорогие мои, заждались? Уж и не надеялись услышать мой прекрасный голос из своих радиоприемников? А ведь кто-то надеялся, что и не услышит... Но от меня так легко не отделаться. И вот я снова с вами на волнах рэдио «Хоспис», последнего радио летящей к такой-то матери цивилизации. И меня по-прежнему зовут диджей Халли. Друзья – здравствуйте, враги – подавитесь. Что касается самоуничтожения цивилизации, то, думаю, ни у кого не осталось в этом сомнений после минувшего потрясения. Да, братцы, все, что казалось таким стабильным в последние несколько лет, полетело прахом, и периметр контролируемой человечеством площади едва не сократился сразу на несколько десятков километров вглубь. И хваленая Стена оказалась вполне по зубам добропорядочным упырям, обожающим ваши, дорогие радиослушатели, внутренности в различных комбинациях. А ведь как вы губу раскатали, родные мои бездельники и тунеядцы! Новая налоговая политика! Расширение строительства! Усовершенствование гражданского права... Каким важным это виделось всего каких-то несколько месяцев назад. Я ведь когда еще вам про тшету всех этих громких слов говорил? Не верили. Зато теперь, когда грязные клыки клацнули в

непосредственной близости от ваших глоток, когда земель безопасных поубавилось, когда списки пропавших без вести висят на каждом углу, теперь верите? А-а-а... Поверили. А что толку? Крах неизбежен, друзья мои, ад распростер объятия последним людям, и его конвейеры уже работают на удвоенных мощностях.

И только я, диджей Халли, ваш верный гид по волнам рэйдио «Хоспис», с вами в этот нелегкий час. Умирать – так с музыкой! Никогда еще эта фраза не была столь кстати. «Frankie Lymon And The Teenagers» с композицией «Why Do Fools Fall In Love». Или, как го...»

* * *

Третьего ноября этого года, впервые за все время существования, эфир радио «Хоспис» был забит помехами. Они высыпали трусливыми мурашками на тело яркого безветренного дня, и музыка так и не прорвала их. Мало кто мог подумать, что именно в этот день началась новая эпоха. Да и сколько этих эпох сменилось за последние годы – не счесть. Обращать внимание на такие изменения, так можно больше ничего и не делать. А люди делали, люди спешили на работу, люди пытались протиснуться сквозь утренние пробки, люди возмущались очередным – третьим за месяц – скачком цен на бензин и испуганно недоумевали, разглядывая стремительно пустеющие прилавки. Люди жили, им было не до смены эпох.

А еще в этот день выпал снег – обычное дело для этих широт. В одни сутки он лег белым парашютным куполом на город, и единственного взгляда в окно было достаточно, чтобы понять: он не растает. Он будет лежать до поздней весны, переиначивая многоцветье осени в черно-белые кинематографические тона. В полном соответствии с формой патрулей народного ополчения, ставших уже привычными на улицах города.

Стас, поживаясь, поднял воротник пальто и плотнее нахлобучил шляпу. Его организм так и не привык к ранним зимам. К дождям привык, к жаре привык, даже к резким перепадам температуры кое-как привык. А вот к этому белому ледяному шквалу в самом сердце осени – так и не смог. Хотя кто-то из русских говорил, что для них это в порядке вещей. Да вот беда, приемный отец Стаса был русским, а сам он своего племени не знал, да и рода не помнил. Настоящего рода.

Выбивая на ходу из пачки сигарету, Стас дошел до входа. Под козырьком дымили младшие детективы, приехавшие сегодня, как и он, для получения новых значков. Три дня назад Стас сдал экзамен на получения очередного значка, теперь к его званию никаких уменьшений не прикладывалось. Он стал детективом, штатным работником машины юстиции. Тем самым он освободился от необходимости проходить тест на соответствие, по крайней мере до тех пор, пока руководство не сочтет нужным произвести его в старшие детективы.

Младшие детективы, постукивая ботинком о ботинок, кучковались перед закрепленной на дорической колонне доской объявлений. Стас подошел к коллегам, прикурил у кого-то и протиснулся к колонне. Прямо поверх машинописных административных листков и написанных от руки частных объявлений был наклеен большой черно-белый плакат. На фоне руин и колючей проволоки возвышался атлант в форме бойца народного ополчения. Мускулистыми руками он держал грозовые небеса, ногами же топтал неясные тени, долженствующие, видимо, изображать упырей. Пафос картины несколько терялся оттого, что атлант напоминал пляшущего камаринскую конюха Захарию, долгое время работавшего на бекчетовских конюшнях. Иногда, поддавшись слабости, Захария перебирал с водкой, и тогда его можно было увидеть на заднем дворе вот примерно в такой же позе: руки вскинута, пустые глаза устремлены в никуда, ноги отбивают адскую чечетку.

Впрочем, Захария никогда не носил военной формы.

Под ногами пляшущего атланта прямо по неясным теням шел текст, читать который Стас не стал. В последнее время плакаты типа этого можно было увидеть на каждом углу, а

театральные тумбы из-за них все чаще напоминали отрывные календари, так что собственно афиши терялись под общей грудой пропагандистской ереси. В этом не было ничего неожиданного. Смутные времена, которые пришлось едва ли не на большую часть осознанной жизни Стаса, всегда порождали чудовищ. Времена, когда разум затуманен страхом, неуверенностью, предчувствиями. Чудовища выбираются из своих трясин, чтобы отплясывать пьяную камаринскую на костях людей. Ничто не используется чудовищами так же эффективно, как истинно человеческие качества: любовь к ближним, страх за родных, боязнь смерти... За время смут человечество получило столько прививок от подобной ереси, что просто не могло поверить очередным громким словам. Забитый помехами Халли был прав: все это казалось такой мелочью и тщетой...

Выбросив окурок в урну, Стас прошел в холл Управления и сдал пальто гардеробщику. Немолодой мужчина по имени Брайан работал в Управлении давно, и каждый день Стас сдавал ему свои вещи, и тот молча относил их на вешалку и возвращался с жестяным номерком. И все эти годы Брайан надевал на работу один и тот же изрядно уже поношенный костюм. Вот и теперь он был в нем, разве что на лацкане был прицеплен черно-белый кружок значка народного ополчения. Стас улыбнулся. Сегодня многие, еще вчера равнодушные люди вступали в ряды народных батальонов. Благодаря этому резко сократилось количество уличных преступлений, да и вообще порядка на улицах прибавилось.

– Коллега, значит? – спросил, продолжая улыбаться, Стас и показал на значок.

– Так точно, – неуверенно улыбнулся в ответ Брайан. – Не могу оставаться равнодушным.

Стас кивнул и, получив жестяной номерок, поднялся по лестнице в актовый зал Управления. Тот уже был полон до отказа. Пахло пылью и кремом для обуви.

Когда-то, в почти мифические довоенные времена, здесь располагалась университетская библиотека. И благородная патина благословенных времен все еще покрывала этот закуток здания. На обитых деревянными панелями стенах висели портреты классиков мировой литературы, хотя мира, которому эта литература принадлежала, давным-давно не было. Вдоль дальней стены один на другой были составлены столы из тех, что не успели растащить по своим аудиториям ведомственные кафедры. Тяжелые многоступенчатые люстры свисали с потолка, а окна были высокими, и в некоторых сохранились остатки витражей. Всем своим видом актовый зал выбивался из реалий современности: он не был уплотнен, заселен, заставлен, а его слишком большие стекла совершенно не предусматривали возможности бомбардировки и артобстрела. Окна, впрочем, забрали снаружи частыми решетками.

Обычно здесь было пусто, и архивная служба, которой вечно не хватало места под бумажный хлам, неоднократно пыталась наложить лапу на это помещение. Но распорядительный совет квартирмейстерской кафедры пока сопротивлялся. Стас не знал, чем аргументировались отказы, – факт в том, что помещение использовалось нецелесообразно. Но в этом была своя прелесть, этакое благородное умирание великана в мире суетливых и практичных карликов. Время великанов ушло безвозвратно, это было очевидно. И чем чаще встречались вот такие элементы былого, тем кислее была усмешка Стаса, когда он видел очередной продукт пропаганды, изображающий человека в роли атланта.

Стас осторожно, чтобы ненароком не толкнуть чью-то руку с бокалом шампанского и не посадить пятно на только что полученный из прачечной мундир, пробрался туда, где стояли особняком пока еще младшие детективы убойного отдела. Ему пришлось пройти вплотную с трибуной, которую собирали тут на различные празднества, меняя легкозаменяемые внешние атрибуты – флаги, знаки Управления, прочие украшения. Сегодня трибуну украшали три нарисованных на фанере щита: герб города, значок детектива и черно-белый круг народного ополчения, долженствующий, видимо, означать единение силовых структур и простых людей в стремлении к порядку и законопослушности. Как уже было

сказано, Стас не имел ничего против таких вот жестов, если они приносили пользу. И хотя в последнее время черно-белые знаки стали слишком часто попадаться на глаза, черт с ними, пусть мозолят, главное, на улицах действительно стало значительно спокойнее.

– Бекчетов! – От группы, стоящей обособленно, отделился кто-то в мундире курсанта. Этим сегодня предстояло услышать результаты экзаменов и узнать, кто из них повесит на грудь значок младшего детектива. Полтора года назад в точно такой же группе стоял Стас. А теперь он с большим трудом узнал своего бывшего коллегу по автопарку Управления – Роберта Шенкеля. Новенький, с иголочки мундир вместо покрытого масляными пятнами комбинезона или серого мундира рядового сотрудника Управления юстиции, аккуратно уложенные на прямой пробор волосы вместо неухоженной соломенной копны, спрятанной под мятой кепкой с загнутым козырьком.

– Роберт! Черт побери, тебя не узнать!

– Вот, по твоим стопам иду, Стас! – Шенкель широко улыбнулся. – После того боя, когда ты бегал голым под дождем и валил упырей, я подумал... Прости меня, господи, живем один раз. Так? Ну и подал прошение по прохождении экзамена в убойный отдел. Хотел бы работать в твоей группе, Стас. Если ты не против...

– Так нет еще никакой группы, Роберт. И вряд ли будет. Сейчас, по крайней мере.

– Не скажи... – Шенкель заговорщицки усмехнулся. – Ты же помнишь, как у нас, у водил: сидишь спиной к тем, кто говорит, но все слышишь. У тебя теперь авторитет, говорят, сам Ублюдок за тебя просил.

– Да ну...

– Seriously. А капрал Свайво поддержал. Когда наши тогда деру дали и вы вдвоем остались... Старый пень потом в казармах трепался, что чуть тебя самого не положил к чертям собачьим. Говорил, откуда ни возьмись, вылетает голый детина и начинает орать и поливать вокруг огнем. Потом наши-то опомнились, вернулись, но минут десять вы вдвоем там стояли.

Стас пожал плечами:

– Я тогда не в себе был.

– В курсах, – серьезно кивнул Шенкель, – знаю про твоих ребят и... про отца. Сам как?

– Да как тебе сказать... Хожу вот, дышу.

– Ну да, жить-то надо, так?

– Вроде того.

В зале неожиданно стало тихо. Оказалось, на трибуну начали подниматься бонзы Управления и приглашенные лица. Среди них Стас с радостью заметил и Скальпеля. Тот здорово поднялся за последнее время, возглавил какой-то там отдел экстренной медицины (Стас не очень понял, что к чему, да и Готфрид не распространялся, но было ясно, что должность серьезная). Это, впрочем, не мешало ему исправно появляться в «Долине» каждую пятницу. Правда, теперь его привозили на казенной машине. И, что немаловажно, увозили на ней же.

Следом за Скальпелем на трибуну поднялся невзрачный человечек в костюме-тройке, лысоватый и с идиотски прилизанной челкой.

– Это еще кто? – прошептал Стас, кивком показывая Роберту на сцену.

– Какая-то шишка от ополченцев, – пожал плечами Шенкель. – Их сейчас, как собак, развелось. Слушай, я к своим. Скоро начнется.

– Давай. Ни пуха.

– К черту, прости господи...

Постепенно в зале наступила та неровная, начиненная кашлем, шепотом и шарканьем ног тишина, которая всегда предваряет официальную часть подобных мероприятий. От двери спешили к своим группам опоздавшие. Стало слышно, как звенят от непривычного сквозняка стеклянные детали люстр. Оглядевшись и кивнув собравшимся на трибуне, к микрофону вышел шеф Управления. На сцене сразу стало зримо меньше места. Легендарный гигант Аик Моралес, легенда послевоенного сыска, раскрывший столько преступлений, что

на одних только его триумфах можно было составить учебник детектива (не говоря уже о целой серии комиксов, вышедших через три года после войны). В последние десять лет он, впрочем, отошел от дел и занимался исключительно организационной и бюрократической деятельностью, связанной с работой Управления. Среди полевых сотрудников организации ходила присказка: «Оставим мораль для Моралеса», когда приходилось в интересах следствия нарушать какие-то нормы.

Чего никак нельзя было отнять у старика, за своих людей он стоял горой. Ни перед руководством Второго Периметра, ни перед всеядными журналистами не пасовал и врал красиво, искренне и продуманно, оправдывая те или иные шаги своих подчиненных. Впрочем, потом виноватых сам же лично песочил так, что мало не казалось, и свет мерк, и жить не хотелось. Усадив провинившегося в глубокое, крайне неудобное кресло, он нависал над ним всеми своими семью с лишним футами роста, затмевал широченными плечами дневной свет и оглушительным голосом перекрывал всю окружающую акустику. После таких пропесочиваний провинившийся бедолага несколько дней ходил с симптомами контузии и втягивал голову каждый раз, когда в коридоре раздавались громкие шаги босса Управления. Да, черт побери, это был Аик Моралес, личному знакомству с которым лет так пять назад невероятно завидовали все пятничные гардемарины с Аучем на прицепе. А знаком с ним тогда был только головастый сукин сын Готфрид Уоллис, он же Скальпель, он же Скальп, и нос задирали по этому поводу, как штангу колодезного журавля. А кто бы не задирали? Сегодня Моралес выступал в публичной роли отца гигантского семейства детективов, потому вряд ли собирался использовать в своей речи грозные ругательства, сальные замечания и удары кулаком-молотом по горизонтальным поверхностям. Тем не менее Стас привычно подобрался.

– Уважаемые сотрудники Управления! Коллеги! – Аик Моралес говорил спокойно, размеренно и негромко, но при первых же его словах зал замер окончательно. – За этими стенами город, который мы с вами храним. Спокойствие которого – наша задача, наша работа и наш долг. И мне не претит произносить такие громкие слова: да, долг! Это и честь, и тяжкая ноша. Это непросто, порою – почти невыносимо тяжело. Но мы все знаем, на что идем, принимая ответственность перед законом, перед людьми и своей совестью, вставая между преступником и обычным человеком. Мы знаем, что, кроме нас, этого не сделает никто. И если не мы, мир погрузится в хаос, и у хаоса будет цвет крови. А значит, мы ответственны и перед надеждой, перед верой в завтрашний день, перед самим завтрашним днем. Поэтому мне не кажется громким это слово – долг. Не может быть слишком громкой или слишком нарочитой простая констатация факта. И я горд сегодня, горд, стоя на этой трибуне, горд, стоя перед вами, моими коллегами. Потому что я знаю, что минувший год, страшный, полный испытаний, мы выстояли, мы не сломались, мы выполнили долг. Мы можем смело и без стыда смотреть в глаза людям. – Моралес замолчал на мгновение, оглядывая зал. Потом заговорил чуть тише: – Мы многих потеряли в этом уходящем году. Такие потери на моей памяти были только в послевоенные годы... Как всегда, ушли лучшие. Такова наша работа: в первую очередь мы теряем тех, кто встречает угрозу первым, тех, кто смотрит в глаза беде. Тех, кто не отступает. И, глядя на курсантов, на младших детективов, я спрашиваю себя: сможем ли мы восполнить эту утрату? Найдем ли второго Бейли, второго Полякова, второго Югиру?.. Нет, таких, как они, уже не будет. Никогда.

Стас вздрогнул. В памяти мелькнула белозубая улыбка японца, детская радость в глазах Спайкера, обнимающего автомат, напускное равнодушие Польшнера... Незаменимых должностей нет, но как заменить человека? Особенно если за краткий период времени успеваешь срастись с ним душами. Пропитаться общим временем. Научиться делать общее дело... Да, время и выпивка – отличные лекари. Но лечить и излечивать – не одно и то же.

– Тем важнее шаг, который вы совершаете, – снова повышая голос, заговорил Моралес. – Будете ли вы достойны этих людей? Достойны их поступков? Я не знаю. Но я верю в завтрашний день, верю в наше дело. Верю в вас... Да. В наш дом снова пришли тревожные времена. Будут новые испытания, новые проверки на прочность. Но мы выстоим.

Выстоим вместе, чего бы это ни стоило. Я верю. И да поможет нам всем Бог!

Зал взорвался аплодисментами. Стас хлопал в ладоши вместе со всеми, отдавая должное старику. Айк Моралес поблагодарил зал и представил следующего выступающего. Один за другим отговорили свои речи представители губернатора, глав банковского и промышленного союзов, президент городского попечительского совета. Затем на сцену поднялся Скальпель, и Стас был абсолютно уверен, что тот первым делом выкинет какой-нибудь фортель типа очередного анекдота про жену губернатора. Но тот воздержался и, хотя и разбавил речь несколькими шутками, за рамки дозволенного не выходил.

Последним у микрофона оказался тот самый невзрачный тип из ополчения. Он обвел зал тяжелым взглядом и заговорил неожиданно резким, каркающим голосом. Его речь была рваной, он словно выхватывал предложение и с силой бросал его в зал, замирал на мгновение и повторял снова.

– Очень трудно добавить что-то к сказанному. Особенно к сказанному уважаемым шефом Моралесом. Он прав. Именно вы стоите на тонком, но жизненно важном рубеже между честным человеком и мерзавцами, пользующимися слабостью нашей нарождающейся республики людей!

Что еще за республика, подумал Стас. Бред какой-то...

– И мы, сознательные граждане, всецело доверяя доблестным защитникам закона, готовы оказать вам посильную помощь!

Невзрачный снова оглядел зал, и Стас заметил, как горят на этом, в общем-то самом стандартном, лице глаза. Они словно существовали отдельно и были глазами совершенно другого человека. Человека, фанатично верящего в то, что говорит. А фанатизм, Стасу не раз приходилось в этом убеждаться, никогда не бывает здоровым.

– Годы затишья обманули многих. Нам стало казаться, что в наш дом пришел мир, что война закончилась и опасаться больше нечего. Ложь! Вранье! Война не прекращалась ни на минуту! Там, на стенах Периферии, наши солдаты гибли за это спокойствие, они несли потери, матери теряли сыновей, жены – мужей, дети – отцов! Но многим было удобно закрывать на это глаза! Не думать о той опасности, которая стоит у дверей нашего дома и никуда не собирается уходить! Несколько месяцев назад прозрели последние слепцы. Да, война продолжается, война и не собиралась заканчиваться, и обманывать себя в этот решающий для всей человеческой расы час – преступление! И я горд стоять перед теми, кто остановил мразь, прорвавшуюся в самое сердце нашей молодой цивилизации. Как бы ни называли вас циркуляры, какие бы должности вы ни носили, имя вам одно – воины! Воины духа, воины человечества, воины Бога! Приближается решающая битва! И нет уже возможности, нет времени, нет права закрывать глаза! Пришло время расе людей подняться с колен! Раз и навсегда! И чтобы наступил завтрашний день, чтобы пришел час мира, мы должны, расправив плечи и с осознанием всей ответственности, войти в час солдата, час воина, час победителя! Мы должны вновь показать, что именно человек – властелин этого мира! Вместе, плечом к плечу, мы вернем величие человечеству! Изгоним, а затем и уничтожим врага людей! А те, кто в этот час идет против закона, пытаясь нажиться на боли, на отчаянии, на тяготах, будут встречены нами. Ибо они ничем не лучше нетопырей. И заслуживают той же участи! Да здравствует закон! Да здравствует человечество! Да здравствует час воина! Да здравствует наше дело!

Что же он несет, снова подумал Стас, что за пропагандистская чушь. Окопное агитаторство... Так же вот говорили тогда, в Карпатах, марксистские агитаторы. Только разве что про расу людей не заикались. Но в остальном – «плечом к плечу», «подняться с колен», многочисленные «да здравствует» – все то же самое.

Но, к его удивлению, зал вновь взорвался оглушительными аплодисментами. Стас недоуменно оглянулся: люди вокруг стояли с серьезными, воодушевленными лицами, они методично били в ладони, и, черт побери, их глаза были похожи на глаза этого невзрачного фанатика из ополченцев. Стас увидел расправленные плечи, гордо поднятые головы. Увидел

веру в выражении лиц, решимость, готовность. И, как ни странно, в этом что-то было, в этом единении, в этом общем порыве. Ведь собравшиеся аплодировали не сказанным словам, а тому послы, что был в них заложен. Их можно было понять, хотя сама эта общность была противна всему существу Стаса. Он знал и по своему опыту, и по рассказам друзей, что в минуты тревоги сердца похожи на порох. Их легко воспламенить, достаточно найти нужные слова. Достаточно сказать их вовремя. И сегодня собравшимся в бывшей университетской библиотеке, всем этим людям, прошедшим некогда тяготы войны и испытания послевоенного времени, впервые не сулили надежды, не обещали светлого будущего, их не манили бесплатным сыром. Нет, невзрачный был не только по-своему безумен, а в этом Стас не сомневался, он был еще и неглуп. И потому вместо привычных посулов он обещал новые тяготы, новые битвы. Новую войну. За которыми только и можно найти надежду. Это был понятный солдатам язык, ясные слова, не требующие расшифровок и переводов, и, как ни обидно было это признавать, эти слова были сказаны в нужное время. Когда вокруг умирают люди, когда с каждым вздохом ты вдыхаешь воздух, пропитанный тревогой, когда все меньше надежды, очень трудно поверить в мир. Невзрачный обещал войну.

Вот только было еще кое-что, известное Стасу, известное, наверное, многим в этом зале. Огонь фанатизма быстро гаснет, начинаются склоки, борьба за власть, подковерная игра, разочарование, ужесточение режима, кровь. Так было всегда, и это было очевидно Стасу, и он не понимал, куда делся тот спасительный цинизм, который только и приобрели за свою военную молодость остальные. Почему они снова верят в этот пафосный бред?

Стас отыскал глазами Шенкеля. Тот точно так же недоуменно оглядывался. Встретившись со Стасом глазами, Роберт пожал плечами и состроил гримасу типа «черт знает что происходит». После чего поднял руки и неуверенно стал аплодировать вместе со всеми. Тогда Стас повернулся к трибуне, где находился в эту минуту еще один человек, в здравый разум которого он верил.

Скальпель стоял с совершенно нехарактерным для него серьезным выражением лица и смотрел в спину невзрачного. Он был одним из двоих людей на трибуне, не аплодировавших вместе со всеми. Вторым был Айк Моралес. Но шеф стоял с опущенной головой, и Стасу не удалось разглядеть выражения его лица.

* * *

С тех пор, с того первого прерванного эфира, передачи радио «Хоспис» часто перебивались помехами. Не всегда. Иногда весь день шел чистый эфир. Но бывали и дни, когда на привычной волне вместо знакомого голоса старого выпивохи Халли звучали только помехи.

«Что за напасть, эй? Кто-то еще не понял, что настоящую музыку невозможно заглушить цензурой? Какой-то жалкий неудачник придумал подавитель сигнала, что ж, этого следовало ожидать. Так вот что я вам скажу, уважаемые радиослушатели. С этого дня рэйдио «Хоспис» на военном положении. Последнее нормальное радио летящей ко всем чертям цивилизации объявляет войну той жалкой пародии на демократию, которую вам тут пытаются всучить. И в честь этого великого события мы взорвем эфир старенькой вещичкой Мерв Гриффин «House of Horrors». И даю вам слово, уважаемые, у бравых глушителей еще будет повод для негодования на вашего покорного слугу, диджея Халли. Услышимся...»

Салон «студа» промерз, и Стас решил не снимать только что полученное в гардеробе пальто. Он с трудом и не с первой попытки захлопнул дверь, завел мотор и поправил направляющие воздуховодов так, чтобы горячий воздух шел на стекла. Подумал о том, что стоит, наверное, показать дверь ребятам из автопарка Управления или отогнать «Студебеккер» в мастерскую к Шраму. В принципе Стас и сам разобрался бы, но возиться на холоде не хотелось. Он мог теперь позволить себе такую мелочь. Вместе со значком пришла

и ощутимая прибавка к зарплате.

По крыше машины кто-то постучал, потом открылась пассажирская дверь, и в салон заглянула розовая от мороза физиономия Скальпеля.

– Шеф, свободен?

– В парк, – хмуро пробормотал Стас, копируя арабский акцент.

Скальпель усмехнулся и залез на пассажирское сиденье. Стас протянул ему пачку.

– Растешь, гардемарин. Верблюдом дымишь.

– Можно подумать, ты на самокрутки перешел.

– Нет. – Скальпель затаился и откинулся в кресле. – Но мне и не положено. У меня спецпак. Сам понимаешь, мы, слуги народа, должны быть заведомо лучше обеспечены, чем сам народ. Такова историческая доктрина, иначе обесмыслился бы сам процесс политической карьеры и персональной конкуренции вообще. Или ты до сих пор наивно считаешь, что дело в благе людском?

– Слушай, не забивай мне мозг, ладно? Шраму свои прогоны диктуй. – Стас с улыбкой толкнул Скальпеля в плечо. – Ты и карьеризм несопоставимы, как...

– Как водка и шампанское.

– Точно.

– Тем не менее от спецпайка я не отказываюсь. Я ж не дурак. И, кстати, в курсе, что русские пьют водку с шампанским. Тебе, по логике, тоже полагается.

– Да ну? – Стас удивленно посмотрел на друга.

– На полном серьезе. Называют это коктейлем «Северное сияние».

Стаса передернуло.

– Мерзость... Ты в «Долину» сегодня заскочишь?

– А как же! Традицией сильны. Да и настроение поднять надо. Что-то мне сегодня не по себе. – Скальпель неопределенно покачал головой, но Стас понял, о чем речь.

– Ты об этом придурке из ополченцев?

– Ну и о нем тоже. Слишком как-то много черно-белого вокруг стало, не находишь?

– Есть немного. Но с другой стороны, пока, кроме пользы, от этого ничего нет. На улицах порядка прибавилось, с этим не поспоришь. А остальное, все эти речи о воинах Бога... Мало ли кто пургу с трибун гонит, не он первый, не он последний. Да и не тянет этот на локомотив. Невзрачный какой-то, маленький.

– Не скажи, вспомни, как ему аплодировали. – Скальпель опять покачал головой, и снова его лицо приобрело то странное, слишком нехарактерное для него серьезное выражение. – В тихом омуте всегда какая-нибудь зараза сидит. Поверь мне, дружище. Я, конечно, не особенно в высшие круги вхож, но кое-что чувствую. И вот что я тебе скажу. Таких вот невзрачных там, – Скальпель ткнул пальцем в обитый дерматином потолок, – как-то до хрена в последнее время появилось... И эти невзрачные не снизу прут, их назначают из Первого Периметра.

– Даже так... И зачем?

– Вот и я думаю – зачем? – Скальпель привычно усмехнулся. – Ладно, старина, мне валить надо. У меня сегодня демонстрационная операция. Ращу молодое поколение Скальпелей. Пока не поздно... Вечером в «Долине» обкашляем все это.

– Договорились...

* * *

Стас дал двигателю прогреться и аккуратно вырулил со стоянки. Он еще не успел приобрести новинку сезона, специальную резину для колес, рассчитанную на зиму. Говорят, это новое слово в автомобилестроении с тех пор, как уменьшили протектор. И Стас, в общем, доверял этим разговорам. Он еще помнил старые колеса, рассчитанные на любые дороги, когда пятно контакта с асфальтом не имело значения. Тогда все колеса делались с хорошим протектором, способным ехать по любой трассе и в любое время года.

Единственным, но огромным минусом таких протекторов была значительная потеря скорости. Позже пришли широкие и плоские колеса, рассчитанные на асфальт. По камням и песку они хреново ездили, зато по асфальту шпарили только в путь. А вот недавно придумали зимний вариант, и Стас все собирался потратиться и поставить чудо-резину, но дел в последние пару месяцев было невпроворот, так что только и успевал добраться до дома и завалиться спать.

Он, в общем, сознательно шел на это, загонял себя, брался за все дела подряд. Очень много раскрыл, проявил себя, после чего его, без личного рапорта, выдвинули на детектива. Но дело, конечно, было не в карьерном росте, не в стремлении к усилению законности, не в чести мундира. Если быть откровенным до конца, то плевал Стас и на то и на другое. Он топил в работе свободное время, моменты, когда память и мысли имели шанс вырваться на волю. Сначала смерть отца, потом гибель друзей, прорыв упырей к городу. Все это было слишком непросто, и самым лучшим способом борьбы с наплывом эмоций было избегать их.

Многие в те месяцы работали как загнанные. Многие пытались спрятаться от тревожных мыслей в рутине. А по пятницам Стас топил тревогу в алкоголе, в «Долине», где были верные старые друзья, рядом с которыми любое лицемерие теряло смысл, а водка или виски легко открывали задраенные кингстоны боли. Благодаря этим алкогольным катаклизмам суббот у младшего детектива Бекчетова практически не было. Да и воскресенья напоминали реабилитацию после тяжелой контузии.

За всеми этими уловками Стас забыл уже, когда последний раз включал телевизор, читал газету или слушал новости по радио. И хотя кое-какая информация просачивалась благодаря Халли, мозг Стаса каким-то образом ее игнорировал, обращая немного больше внимания лишь на музыку. По большому счету жизнь проходила фоном, значение имели только непосредственные обязанности да нужды организма, игнорировать которые было невозможно. Все остальное Стас невероятно запустил. Отрастил бороду, волосы – едва не до плеч, рубашки всегда были второй свежести, а в квартире царил такой бардак, что Стас старался как можно реже там появляться и только в таком состоянии, когда окружающий мир теряет рельефность. Усталость или пьянство были в этом случае идеальными спутниками.

И так могло продолжаться бесконечно, и это, скорее всего, ни во что хорошее не вылилось бы, если бы в какой-то момент в норе Стаса не появились постаревшие гардемарины и не вытряхнули того из искусственного кокона. Это случилось две недели назад, но к тому времени прошел уже довольно солидный срок с тех летних событий, и время сделало свое дело, притупив боль и ощущение бессилия. За эти последние две недели Стас не выпил ни капли, вылизал квартиру, отнес в прачечную все вещи, постригся, побрился и умудрился подготовиться к экзамену. Впрочем, последний был для проформы. Если уж кого-то выдвигали на повышение из младших детективов, значит, тот уже сдал свой экзамен – на улицах, на подступах к городу, в кабинетной мозголомке. Со всеми этими хлопотами свободного времени у Стаса почти не прибавилось. По крайней мере так было до сегодняшнего дня.

Традиционно у всех получивших новые значки был внеочередной выходной день без потери жалованья. И Стас, вырулив на проезжую часть, вдруг осознал, что понятия не имеет, чем этот день занять. С вечером понятно, вечером его ждали второй этаж «Долины», верные друзья, музыка и – на этот раз умеренно – выпивка. Но время едва перевалило за полдень...

Стас ехал наугад и в конечном счете оказался на Кайзер-плац, улице, где была сосредоточена вся административная и политическая власть города и Периметра. Строгий довоенный ампиризм нижних этажей, скованный ребрами внешних конструкций, в цепких объятиях которых в высоту уносились надстроенные площади. Тут и там гигантские бронзовые орлы, сжимающие в лапах оливковые ветви, – государственный символ, отображающий силу и стремление к миру, – словно старались скрасить серокаменное однообразие этих административных великанов. На Кайзер-плац было особенно сумрачно, прямые солнечные лучи не проникали вниз с тех пор, как было закончено возведение

дополнительных этажей. Кроме того, многие здания соединялись переходами на различных уровнях от сороковых до сотых этажей. Все это съедало даже те крохи света, которые отраженными проникали вниз. Фонари горели не переставая, но от их желтого света сумрак становился лишь отчетливее. Это место давило.

Стас поторопился миновать Кайзер-плац как можно скорее и свернул сначала на Достоевского, а потом в один из переулков Китай-города.

Здесь также было сумрачно. Недостаток солнечного света вообще был характерен для города, и в особенности его центральной части, где административные и деловые центры требовали все больше и больше пространства, найти которое можно было, только все выше и выше достраивая здания. Но и жилые районы устремлялись вверх, спасая город от перенаселения. В последние годы рост населения шел медленнее. Послевоенный демографический взрыв постепенно сходил на нет, и кризис жилых площадей уже не так терзал выжившее человечество. Города стали расти и вширь, но необходимость перестраивать из-за каждого нового дома линию обороны и связанная с этим бюрократическая волокита отбивали у многих застройщиков желание осваивать новые территории. Так что приоритетными по-прежнему оставались новые строительные технологии, позволяющие наращивать высоту зданий. Стас где-то слышал, что все новые дома будут снабжать центральными стержнями из металлокерамики с основанием в виде резервуаров, наполненных ртутью. А Шрам как-то по пьяни рассказал о варианте подвижных фундаментов, оснащенных тысячами подшипников и устройствами слежения за наклоном здания. Впрочем, пока дома росли вверх, по старинке закованные в железные фермы несущих конструкций.

Однако сумрачность Китай-города не давила так, как это было на Кайзер-плац. Множество пятен света и цвета превращали район в калейдоскоп красок. Сотни вывесок, яркие рекламные щиты, афиши, витрины магазинчиков и маленьких ресторанов с самой разнообразной кухней – все они соперничали друг с другом, стараясь переманить на свою сторону взгляд случайного прохожего. Одно из самых ярких мест в городе, может быть, самое яркое. Здесь можно было легко убить время.

Стас покружил по району, отыскивая свободное место для парковки. Все было забито под завязку, и он уже почти отчаялся, когда вдруг заметил яркое табло автостоянки. Не лучший вариант, учитывая, сколько здесь драли за парковку, но выбирать не приходилось.

Стас въехал в широкие ворота и по серпантинному пандусу поднялся почти на тридцатый этаж. Только здесь он обнаружил пустующее место. «Студебеккер» встал между средней потрепанности «Мерседесом» и обвешанным рекламными наклейками «ЗИСом-110». Запер машину, отыскал лифт вниз и снова спустился на первый этаж. Широкоскулый охранник молча указал ему на полукруглое окошко кассы, где миловидная дамочка с вытравленными краской волосами приняла у Стаса плату.

– За эти деньги я мог бы месяц у себя в районе парковаться, – качая головой, пожаловался Стас. Дамочка равнодушно пожала плечами.

На улице, несмотря на разгар рабочего дня, было полно празднующегося люда. Большинство неторопливо передвигались по узким тротуарам, глаза по сторонам, общаясь, сталкиваясь плечами, извиняясь или пускаясь в ругань. У столиков вокруг палаток с едой быстрого приготовления толклись очереди. В толпе, совершая цирковые чудеса сохранения равновесия, сновали продавцы с подносами на голове. Большинство продавцов были азиатами.

Стас постоял, оглядываясь. Достал из кармана сигареты, закурил. Откуда-то сверху медленно спланировала желтая лента серпантина, тут же пропавшая в людском потоке. Стас прислонился плечом к стене гаража и посмотрел вверх. Помимо высоты домов, превративших улицу в ущелье, на пути света стояли верхние этажи, выдающиеся над нижними так, словно ступенчатую пирамиду поставили на попу. Все плоскости этой «лестницы наоборот» были заняты цветастой рекламой. Помимо нее, сверху свисали гирлянды разного рода вымпелов, флагов, стягов, украшенных эмблемами организаций и

надписями, стилизованными под китайский алфавит. Поперек улицы на высоте, достаточной, чтобы пропустить малогабаритные грузовые машины, висели перетяжки. Все это находилось в постоянном мельтешении благодаря перманентному движению воздуха, вызванному дыханием и суетой сотен людей.

Этот район, будучи важнейшей торговой артерией города, существовал тем не менее вне общего контекста. Основанный еще до войны, он мало изменился с тех пор, разве что, как и все обжитое человечеством пространство, вытянулся вверх, к незримым небесам. Но тут, внизу, все было по-прежнему. Яркие краски, суета и резковатые выкрики уличных торговцев, реклама и праздность, прижившиеся на благодатном черноземе алчности и деловой хватки. Здесь было место всему, от ленд-лизских «стетсонов» до воров-щипачей. А сам пейзаж носил незримый отпечаток нездешности. Редкие плакаты и объявления привычного образца резали глаза и поражали неуместностью.

Так, на одной из шестигранных тумб с крышей, напоминающей шляпу китайского крестьянина, висела черно-красная афиша: «Общество Зингера проводит танцевальный вечер памяти Айседоры Дункан». Плакат этот выделялся своими стандартными вытянутыми буквами, европейскими профилями двух обращенных друг к другу лиц, даже цветовой гаммой. Но не исключено, что в этом была своя логика, свой коммерческий замысел. Не обратить в азиатском многоцветье внимания на эту рекламу было непросто.

Стас усмехнулся. Ни старика Зингера, изобретшего самошвейную машину, ни его жены, танцовщицы Айседоры Дункан, ни даже мутной личности, русского поэта-вора Есенина, давно уже не было в списках живущих. Все они растворились в бурях людских, их тела, возможно, уже обратились в прах или были обглоданы голодным зверьем. Но имена и память, связанная с этими именами, все еще имели свою цену, приносили коммерческую выгоду, упускать которую правообладатели и душеприказчики не намеревались.

Стас наконец нашел то, что искал. «Желтый дракон» – небольшой, но уютный ресторанчик средней руки, где однажды, давным-давно, ему уже пришлось побывать. Конечно, в «Долине» могли бы и не понять, какого черта он пошел сюда, но Стасу хотелось немного сменить атмосферу.

Маленький азиат, лепеча что-то вроде «гудамонин сэра», проводил Стаса через холл к лестнице, ведущей в цокольные помещения, где располагался зал для курящих. Народу в этот час было немного, и Стас легко нашел столик у окна. Это, впрочем, особого значения не имело, поскольку в полукруглые окна можно было разглядеть только ноги пешеходов.

Азиат положил на вращающуюся часть столешницы меню в красной папке с изображением дракона. Желтыми у дракона были только ноздри и кисти на хвосте. В целом же мифическое животное выглядело несчастным, сшитым из низкосортной ткани, которая уже расплзалась по швам. Стас открыл папку и облегченно вздохнул. Меню было машинописное, без всяких стилизаций. Осталось выбрать между рыбой-белкой и свиными ушами.

– Никогда не мог понять этой китайской кухни, – произнес рядом знакомый голос.

Стас поднял глаза от меню. Ублюдок сажился за его столик, болезненно подтаскивая ногу. Раньше Стас за ним такого не наблюдал, но сейчас эта хромота интересовала его меньше всего.

– Добрый день, Марк.

– Добрый. Еле угнался за тобой в этой толпе. – Гейгер пододвинул к себе пепельницу и вытащил из кармана портсигар.

– А я вроде не убегал, – осторожно ответил Стас.

– Не строй из себя дурака, Бекчетов. – Гейгер поморщился. – Мне нужно было пообщаться с тобой не в Управлении. И не в «Долине». Кстати, намотай на ус, вы там потише с гардемариными кричите. Сейчас чем крепче Стена, тем внимательнее уши.

– Даже так... – Стас отложил меню. Официально Марк Гейгер уже не был его начальником, к тому же в нерабочее время и вне Управления субординация была не обязательна. – Вы для этого за мной... гнались?

– Слушай! – Гейгер крутил сигарету в пальцах и, кажется, нервничал. – Я к тебе в друзья не набиваюсь. Если бы у меня были варианты, я бы обратился к другому. Ты неопытный, дела не знаешь толком. В трусах бегать и упырей класть в нашей работе меньше всего нужно. Но моя командировка кончилась, меня отправляют обратно, остальные лапы поджали, как только дело снайпера прикрыли. Как же, ведь убийства после взрыва прекратились, дело сделано, убийца безусловно погиб. Всех все устраивает... Кроме меня. И тебя, насколько я понимаю ситуацию.

– А вы считаете, что убийца не погиб?

– Может, и погиб. Но это не повод закрывать дело.

– Почему?

– Потому что за всеми этими убийствами что-то было. Точнее, что-то и теперь есть. Не валяй дурака, ты и сам это знаешь. Никакого серийного убийцы не было, убийства преследовали некую цель. В них есть какая-то логика, и ее необходимо понять. Поэтому я дал рекомендации выделить тебе группу. Уточняю, если не совсем понятно выразился: только поэтому. Вообще ты пока не стоишь группы, но дело нужно довести, а мне не дадут.

– А я тут при чем? Дело закрыли. Я подписывал рапорт вместе с вами, но обжалование отклонили.

– Попробуй еще раз. Моралес на тебя с уважением смотрит. Ты теперь местный герой, а он до сих пор считает, что хороший детектив это тот, кто быстрее вытащит кольт из кобуры. Я-то ему как гвоздь в заднице был, меня навязали сверху. Сам понимаешь, такое никому не нравится. А ты свой, местный, к тебе отношение другое. Попроси.

– Зачем мне это?

– Тебе – не знаю... – Ублюдок поморщился, вдавил так и не прикуренную сигарету в пепельницу. – А вот Югире, Спайкеру и Полынеру – им нужно. Так что смотри сам, Беккетов.

Гейгер поднялся и, не прощаясь, ушел. Левую ногу он заметно приволакивал.

– Ветер в спину, – тихо выругался Стас и поманил официанта.

Странно было подъезжать к дому в этот час. Пустой пандус парковки под выпирающим козырьком второго этажа в неверном дневном освещении фонарей бросался в глаза и казался чем-то нереальным. Снег на асфальте, рассеченный следами его протекторов, почему-то напоминал пыль в оставленном людьми доме. Ветер иногда налетал из переулков, закручивал снежные смерчи, но тут же бросал их, как надоевшую игрушку. Одинокое дерево на тротуаре, которое и в обычное время не поражало обилием листвы, черным искореженным остовом торчало из асфальтового панциря, словно обгоревшее.

Загнав «студ» на привычное место, Стас выключил мотор и некоторое время наблюдал, как успокаиваются поднятые ветром карликовые снежные бураны. По-русски это называется «frozuomka», вспомнилось вдруг. Странное слово, некрасивое, ломкое, как холщовая бумага. Так говорил отец, так иногда говорил сам Стас. Поземка. В русском языке много таких слов. Русский язык не самый приятный, он тяжеловесен, и иногда кажется, что буквы в словах набраны как бы случайно. И тем более удивительно, что именно на этом языке написаны самые красивые книги, такие же, впрочем, хрупкие и странные. Стас помнил, как прорывался сквозь тексты «Бесприданницы» и «Идиота», как болезненно ярко представлялась картина, как бесило сочетание бессмысленности и в то же время какого-то покорного величия, стоящего над смыслом и иногда подменявшего смысл. А потому рано или поздно гимназист старших классов Станислав Беккетов возвращался в библиотеку отца, чтобы снять с полки очередную книгу на этом прекрасном некрасивом языке. И в бешенстве и непонимании болеть судьбой Мышкина, которого боялся, Раскольников, которому не верил, младшего Карамазова, которого презирал, но не умел не сопереживать... Теперь уж ни дома не стало, ни библиотеки, ни ее владельца. Да и того, прежнего Станислава Бекчетова больше не было. Все замечено военной поземкой с золой и отстрелянными гильзами, с именами потерянных друзей. Да замыто кровью темных послевоенных времен, которые

иногда пострашнее войны оказывались. Отчего смысл тех лет бойни утрачивался. Все как у русских писателей, когда у войны лицо человека, а у мира – нелюдя. И можно сколько угодно писать о том, что война противна человеческому естеству. Но человек воевал, воюет и будет воевать. Таков уж он. И, озираясь с этой позиции, война видится как источник боли, в то время как мир – временем ее осознания, а также познания ничтожности вчерашних идеалов. А что болезненней? Может, дело в том, что русские правду видели в боли, может, сквозь боль и видели эту правду?

Неожиданно, но закономерно вспомнился резкий, каркающий голос невзрачного агитатора от ополченцев... Крикнул ворон: «Никогда»...

С тех пор Стас читал немного, а русские книги – никогда. Он и сам пропитался болью, а от правды легче не становилось.

Снова налетел и жался к убитой снегом земле ветер. Стас подумал, что он похож на ползущего по-пластунски солдата. Салон «Студебеккера» быстро выстывал.

* * *

Дома Стас скинул мундир, возвратив его на свое прежнее место, на турнике в стенной нише. Переделся в обычный свой костюм, дольше обычного провозившись с галстуком. Что-то не клеился сегодня день по мелочам. Взяв с подоконника новую пачку сигарет, вышел на кухню. В окно просачивался неверный свет. Стас было потянулся к выключателю, чтобы зажечь лампу, но передумал и, повернувшись к плите, поставил чайник.

За стеной, в подъезде, надрывался ветер. Узкие лестничные пролеты были отличной ловушкой для заблудившегося сквозняка. Привычно наполненный на треть чайник быстро закипел. Стас взял со стола стакан с бурыми стенками, поморщился и поставил его в раковину. Достал из навесного шкафчика старую железную кружку. Чай в таких всегда казался темнее, чем есть на самом деле. И во время войны, и вот теперь.

Сел на табурет, откинулся спиной к стене. Ветер продолжал искать дорогу в ступенчатом лабиринте лестничного пролета.

У меня ничего больше нет, подумалось ему вдруг. Кроме этой кружки, пьянки по пятницам и нового, еще не потускневшего от постоянного таскания в карманах значка детектива. Ничего. Даже друзей... Постаревшие гардемарины держались этого пятничного единения, старались не пропускать встреч, во время которых казалось, что ничего не изменилось. И вот они снова вместе, и возраст не имеет значения. Но на самом деле у каждого из них давно была своя жизнь. Скальпель ползет вверх по карьерной лестнице. Нет, это нормально, это даже хорошо, учитывая, что дружище всего добывается своими талантами, а не лизоблюдством и подмазыванием. Но там, в той его жизни, в минутах и часах у хирургического стола, там Стасу не было места. Да что там Скальпель... В мастерской Шрама Стас побывал лишь дважды, да и то по необходимости, когда дружище возился с только что купленным «студом». То же самое касалось и Бруно.

И это нормально, люди взрослеют, обрастают скарбом, обязанностями и необходимостями. Просто раньше практически любая составляющая их бытия была общей. Теперь же ее заменил суррогат пятничного алкоголизма и словечки из их прошлой, гардемаринской жизни, которые в жизни обычной они давно уже не употребляли.

И вот в этот день, в общем-то торжественный и символичный, в день, когда он просто обязан был радоваться жизни и собственному существованию, Стасу стало невыносимо грустно. Какая-то нелепая, но непреодолимая пустота окружила его, и было все труднее дышать, не оглядываясь назад.

Стас отпил чай, выбил из пачки сигарету, но не стал прикуривать. Положил ее на стол. И прокатил ладонью до середины и обратно. Табачные крошки посыпались на столешницу. Ветер на мгновение стих, чтобы ударить с новой силой.

– Вот так, – прошептал Стас, – вот так...

В этом году ему исполнилось сорок. Большая часть жизни за плечами. А он так ничего

и не накопил.

И вдруг пустота отступила, как головокружение после первой утренней сигареты. Во всем этом есть своя логика, сказал Марк Гейгер, и не важно, что говорил он о другом. О деле, которое, похоже, легче было закрыть, чем довести до конца. Стасу вспомнилось лицо девушки, дочери одного из убитых. Алиса Картрайт. Так ее звали... Во всем есть своя логика.

Резко отодвинув кружку, так что чай плеснул на столешницу, Стас поднялся, вышел в комнату и схватил с кресла пальто. Да, у всего есть своя логика. Но понять, почему Югира, Спайкер и Полынер, у которых тоже были свои жизни, свой скарб, свои обязанности и необходимости, больше этой логики не найдут, Стас не мог. Но он мог жить сам, и в этом был смысл. Дверь оглушительно хлопнула, послав вперед себя эхо утихающих ударов, отраженных стенами подъезда.

* * *

В кабинете Моралеса слева от двери стояла огромная монстера. Действительно огромная, разлапистая, опирающаяся на вкопанный в солидных размеров горшок черенок. Она растопырила плоские листья с раскрывшимися пальцами, будто стараясь захватить как можно больше пространства. Она была чертовски неуместной здесь. В этом кабинете вообще все было неуместным. Лопух этот, тощая, словно потерянная вешалка в противоположном углу, обитый зеленым сукном стол, угловатый и слишком маленький, похожий на случайный коралловый атолл в гигантском океане ковровой дорожки. Как будто общее уплотнение прошло мимо этого места, а заполнить его позабыли. Вот и сам Моралес, огромный, но уже заметно полнеющий, с залысинами на круглой голове, – ну ни к чему он тут был. Сидел за своим столом, облокотившись локтями на рассыпанные бумаги, смотрел на Стаса глазами ящерицы, а рядом дымилась в хрустальной пепельнице толстая сигара.

– Ну и зачем тебе это, Бекчетов? – проговорил Моралес, откидываясь в кресле. Подтяжки натянулись на глобусе живота, кресло жалобно закрипело. – Дело закрыли, убийства прекратились, даже Гейгер согласился с тем, что его командировка здесь закончена. Не сразу, но согласился.

– Знаю. – Стас оглянулся на неуместную монстеру, потом снова посмотрел на шефа. – Я просто чувствую, что это дело не закончено.

– Значит, чувствуешь? – Моралес взглянул из-под сошедшихся к переносице бровей. – И что же? Аргументированно чувствуешь? Или, – шеф поднял руку и пошевелил в воздухе толстыми пальцами, – интуиция шепчет?

– Нет, интуиция молчит, шеф. И особенных аргументов, кроме уже озвученных вам Марком Гейгером, у меня нет. Но ведь мы должны не просто пресекать преступление, Айк, необходимо знать, почему оно совершено, каким образом... Вы сами нас учили, что преступление надо понять, и тогда станет понятен преступник. А в этом деле мы ничего не знаем, кроме нескольких имен убитых и марки винтовки. По сути, мы не закрыли дело, оно само закрылось.

– А ты, выходит, его закроешь? Гейгер не смог, Югира не смог, еще десяток опытных детективов не смогли. А ты сможешь?

– Я не знаю. У меня... практически нет зацепок. Я даже не могу похвастаться, что знаю, где искать. Но, шеф, ребята легли там, пытаюсь разобраться с этим делом, а так выходит, что в этом не было смысла. Получается, что три отличных парня из нашего Управления совершенно бессмысленно отдали богу душу, и мы закрываем на это глаза. Я не могу этого принять. Вы же сами меня научили не принимать такого.

Моралес глубоко, с сипом вздохнул и уставился в потолок. Он молчал долго, так долго, что стрелки на больших плоских часах на стене успели с громким щелчком сменить пятиминутие. Потом шеф подался к столу, выдвинул невидимый Стасу ящик, достал оттуда вторую сигару и положил перед Стасом.

– Что у нас есть по делу?

Стас взял сигару, но не стал ее распаковывать, мгновение подумал, крутя ее в пальцах.

– Есть тетрадь с непонятными записями, возможно, шифрованными. Есть некий клуб то ли изобретателей, то ли ученых. Точнее, был... Есть место встречи этого клуба. Есть марка винтовки и кое-какие наработки о том, где ее могли купить. Плюс необычный способ убийства, с высоты. Скорее всего, с дирижабля или аэроплана. Ну и трупы. Пока все.

– Пока... – покачал головой Моралес. – Все это, вот то, что ты сейчас перечислил, ничего не дает. Ноль. Хотя, возможно, по этим линиям имеет смысл покопать... – Он внимательно посмотрел на Стаса, взял из пепельницы сигару, затянулся. Густое облако дыма лениво поплыло, разрушаясь, в сторону украшенного неуместной игривой лепниной потолка. Проследив за дымом, Моралес снова сел и проговорил:

– Ладно, даю три недели. Больше не дам, ты мне нужен в Управлении, у нас тут дел выше крыши. Но пока – пока! – считай, что ты меня убедил.

– Благодарю вас, Айк.

– Группу наберешь себе сам. Возьмешь трех младших детективов, на свое усмотрение. Из не занятых в других группах. Переманивать запрещаю!

– Понимаю.

– Понимает он... Долбанный идио... лизм. Вот из-за таких, как ты, раскрываемость падает, а мне потом холку в столице чешут!

Айк тяжело опустил обе ладони на бумажный завал.

– Все, свободен! Отчитываться будешь каждую неделю. Иди.

* * *

В холле Стас встретил Роберта Шенкеля. Тот был слегка пьян (видимо, проставлялся в гараже, как некогда проставлялся и сам Стас) и, получая пальто в гардеробе, что-то весело говорил гардеробщику. Потом обернулся, увидел Стаса и, улыбаясь, двинулся к нему, на ходу одеваясь.

– Бекчетов, Стас! Ты чего хмурый в такой день?

– Да я не хмурый, – ответил Стас, – так, забот навалилось. В гараже пили?

– Ну, в такой-то день можно, господин детектив.

– Да я не про то. – Стас кивком головы отозвал Шенкеля в сторону. – Тебя в группу уже приписали?

– Нет. Да и никого не приписали, сегодня же только значки раскидали. Выходной же. Все официально.

– Отлично. Пойдешь в мою. И еще троих выбери из своего потока, пошустрее, чтоб не мычали без дела.

– Сделаем! – Шенкель заулыбался еще шире. – Значит, дали группу? И дело тоже?

– Дело все то же. Разрешили снова открыть. В понедельник, на втором этаже... Знаешь, где я теперь сижу?

– Ну, в общей, в отделе убийств. Каморка там в конце зала.

– Вот туда и подходи с остальными. Будем работать.

Гулко хлопнула уличная дверь, и в холл, хромая, прошел Марк Гейгер. Не глядя на Стаса, он миновал гардероб и стал подниматься вверх.

– Роб, а что Гейгер хромает так? – шепотом спросил Стас.

– Так его же избили, – тоже шепотом ответил Шенкель. – Вчера, прямо на углу Управления, представляешь? Кто-то заорал, что он упырский ублюдок, ну и налетели. Хорошо, наши с патрулирования возвращались, спугнули.

– А кто бил?

– Да не поймали никого. Но Урмас... Ну, ты его знаешь, прибалт такой, на «Хорьхе» ездит...

– Ну, знаю. Он еще при мне пришел.

– Вот... Он говорит, что там были ополченцы из черно-белых.
– Да ну?
– Ну... Я-то сам не видел. Но не удивлюсь.
– Ясно... Ладно. – Стас протянул Роберту руку. – Я пошел значок обмывать. Значит, в понедельник, у меня. И не забудь про остальных. Тебе лучше знать, кто там на потоке соображал. Договорились?
– Будет сделано, господин детектив. – Шенкель пожал Стасу руку и пьяно козырнул левой.

* * *

К поздним сумеркам от снега в центре города осталась только жидкая каша, взбитая автомобильными протекторами и ногами пешеходов. Только в углах сохранялись грязные клочья, похожие на старые половые тряпки, да на козырьке рекламной тумбы неуверенно держалась белая шапка. Все казалось неприбранным, грязным, неухоженным. От одного вида этой картины бил озноб. И даже Завсегдатай на углу «Долины» играл сегодня зябко и неуверенно, часто прерываясь, чтобы подышать на руки в перчатках с обрезанными пальцами.

Стас запер машину и поспешил в ресторан. Даже буквы на витрине сегодня не радовали. И посетители были под стать погоде – они сидели поодиночке или по двое, хмуро и вполголоса о чем-то разговаривали, а то и просто молчали, уставившись в пространство. Вырывавшаяся из джукбокса музыка нелепо звучала в этом пространстве уныния и неуверенности. Задержавшись на секунду в общем зале и не увидев хозяина за стойкой, Стас поспешил вверх.

И уже из коридора услышал громкие голоса Арчи и Шрама. Речь шла о машинах «Хорьх» и «Татра», и, судя по накалу страстей, спор активно сопровождался горячительными напитками. По сути спора вопросов не возникало, поскольку сам спор возникал с периодичностью в одну-две встречи. Арчи едва ли не с момента основания первого бара в районе портовых складов ездил на старой «Татре» и менять ее не собирался. А возможности позволяли, что Шраму, человеку, у которого вместо сердца давным-давно работал автомобильный двигатель (по словам заслуженного медика компании), было непонятно.

Ну как же (в данный момент пробивал его голос дверную фанеру), как можно ездить в этом несгораемом шкафу, когда за вполне приемлемые деньги он лично готов устроить Аучу прекрасный «Хорьх»? Да, не новый, но если Шрам покопается в нем недельку, то он будет лучше нового. А сколько в нем лошадок, Ауч! Да твоя «Татра» там и рядом не стояла, она уже не первый год чужую жизнь доживает, дружище. «Вот ты сейчас зачем так говоришь? – возражал не менее громкий голос. – Почему несгораемый шкаф, а? Ездит? Ездит! Не барахлит? Тьфу-тьфу-тьфу! Что еще от машины надо?» – «А лошадки как же?» – «А на хрена, прости меня, Шрам, мне в городе лошадки? Тут же из пробки в пробку скачешь, – возражал Арчи. – Тут не лошадки нужны, а кенгуру». – «А если на трассу выскочишь?» – «А на трассу-то мне на хрена?»»

Только за последний год Шрам находил Аучу пять или шесть машин. Там были и американские «Бьюики», и германские «Фольксвагены», и японские «Тойоты», и русские «ЗИСы». Но владелец «Долины» упрямо держался за свою старенькую, проверенную годами «Татру». И Шрам это помнил и понимал прекрасно, что, пока «Татра» не отдаст душу своему автомобильному богу, Ауч ни за что не променяет ее на другую. Как не менял старый джукбокс в общем зале, не сменит буквы на витрине на новые, модные литеры, не захочет сменить ни одной пластинки из слегка приевшегося за последние три года репертуара. «Как я посмотрю в глаза моим завсегдатаям?» – говорил Ауч и отчасти был прав. Все это Шрам прекрасно понимал, но смириться с этим не мог.

Стас толкнул кабинетную дверь и вошел внутрь, на секунду зажмурившись от яркого

света. Шрам и Ауч нависали над столом, уперев в столешницу кулаки. Со стороны могло показаться, что они вот-вот пустят эти кулаки в дело. Но Стас не был человеком со стороны, он знал, что этого не произойдет.

В углу на двух сдвинутых стульях дремал Бруно. По всей видимости, только что сменившись с суток. Левая ладонь в области костяшек была перебинтована, и сквозь бинт проступали пятна засохшей крови. В борделе в этот раз было беспокойно.

Скальпель сидел во главе стола, переводил взгляд с одного спорщика на другого и с явным наслаждением наблюдал за развитием спора. Прекращать его он, естественно, не собирался.

– Ты пойми, – кричал Шрам, – машина – она должна быть как песня для одного человека. А твоя «Татра» – это не песня, это...

– Вот ты зачем опять так говоришь, Шрам? Ты зачем опять меня обижаешь? – сводя брови к переносице, возражал Ауч.

– А вы что, не расхотелись еще? – спросил Стас. В прошлую пятницу встреча закончилась как раз подобным спором.

– Вот, Стас, рассуди, – почти в один голос обратились к нему спорщики.

– Нет уж, сами разбирайтесь. Меня не втягивайте. – Стас повесил пальто на вешалку, нахлобучил сверху шляпу и подсел к Скальпелю.

– Здорово, детектив, – поздоровался тот.

– И тебе не хворать. – Стас кивнул на Бруно. – Что с рукой?

– А... Матросня гуляла.

– Ну и как?

– У одного перелом челюсти в двух местах. У другого так, ушиб ребер и по мелочи.

– А Бруно?

– А что Бруно... Руку вон поцарапал. И не выспался.

– Ясно.

– Вот ты зачем опять так сказал?! – еще выше поднял голос Арчи.

– Давно спорят? – шепотом поинтересовался Стас.

– Да я сам только что пришел, – пожал плечами Скальпель. – Уже спорили. Сейчас остывать начнут. Минут через пять.

– Не думаю, – покачал головой Стас, – накал крепок. Ставлю на четверть часа.

– Принято.

«Да придет свет в дома ваши, да приведет с собою звук! Да не утихнут ворота электростанций, и да не сойдут с пути верного и праведного радиоволны. Это говорю вам я, и имя мне диджей Халли. И азм есмь бессменный ведущий рэдио «Хоспис», последнего нормального радио катящейся в геенну огненную цивилизации. Имеющий радиоточку да услышит! Внемлите же радиопастыря своего, покуда бесовы глушилки не оброну сорное семя радиопомех на голос истины. Да будет известно вам, что не далее как третьего дня были взломаны склады на улице Гофмана, что в столице Второго Периметра. И украдены были нечестивцами несколько цистерн с ГСМ. При этом ни охрана складов, ни сам владелец ни сном ни духом, разве что страховку вовремя получили. И вопрошаю я вас, агнцы эфирные, а что ж тогда продается в магазинах того самого владельца, имя которому Генрих Арбаунен? И нет у меня ответа... Известно мне лишь, что дело то прикрыли и на тормозах спустили. Судить не мне, и да не судим я буду.

А пока вы размышляете и делаете выводы о том, на что тратятся ваши налоги, давайте обратимся, дети мои, к классике жанра. Пусть ворвется в дома ваши псалом «Love me tender». Не отходите от радиоалтаря. Сегодня пятница, и общение, даст бог, у нас будет долгим».

«Love me tender, love me sweat», – обнявшись, подпевали Шрам и Арчи. Проснувшийся Бруно налегал на жареные крылышки. А Скальпель и Стас тихо шептались за столом.

– Короче, – рассказывал хирург, – я услышал краем уха, так что на истину в первоисточнике не претендую. Сам понимаешь, в таких делах...

– Скальп, ну не тяни вурдалака за зубы, а?

– Ну, в общем, ходят слухи, что в верхах какой-то процесс идет. Будто бы заговор антиправительственный раскрыли. И в список подозреваемых входят самые громкие имена из военного командования, из министерств, из бизнес-верхушки. А вчера сразу три самострела было. Все вроде как из списка. Один полковник, один банкир и его жена.

– Круто...

– Слушай дальше. Знаешь, откуда ноги растут?

– Ну?

– Я опять же не утверждаю, но, похоже, из руководства ополчения.

– Из черно-белых? А они-то тут при чем?

– Вот и я думаю, они-то тут при чем? Однако я тут на приеме был одним непростом, – Скальпель ткнул указательным пальцем в сторону потолка. – Настолько непростом, что наш губа там был вроде как мелкая сошка, а замгуба чуть ли не на кухню заказы относил...

– А ты-то там что делал?

– Да... Долго рассказывать. Ну, короче, меня по министерству нашему продвигают.

– Маладца!

– погоди, это ерунда, Стас. В общем, не важно, что я там делал, но помимо прочих там присутствовала вся верхушка черно-белых.

– И?

– Так вот, бывалые вояки из министерства обороны, волки из безопасников и твои коллеги с большими погонами аж бледнели, когда они мимо ходили. А если заговаривали с кем-то, то тот, с кем заговаривали, начинал вдруг заикаться или петуха давать.

– Ни хрена себе. А с чего? Они ж просто гражданские, так, лавочники и прочая шушера.

– Не знаю. Но что-то мне нехорошо от этой картинке делается. Я, конечно, против равноправия, братства и товарищества ничего не имею. Не социалист, но Маркса читал и кое с чем согласен. Но, сдается мне, если лавочники в смутное время к власти приходят, ничем хорошим это не пахнет.

– М-да...

Стас попытался вспомнить лицо того невзрачного представителя черно-белых, что буквально несколько часов назад выкрикивал с трибуны о воинах Бога и предназначении. И не смог. Невзрачный...

– В целом, как считаешь, чего ждать от такого конъюнктивита? – спросил Стас Скальпеля.

Скальп помолчал, вращая между двух ладоней пустой стакан. Потом ответил тихо:

– Этого я тоже, старина, не знаю. В том-то и беда... Но тревожно мне так, как будто вот-вот аврал крикнут, а я на толчке со спущенными штанами.

* * *

Ближе к полуночи Скальпель набрался так, как не набирался давным-давно. Стас бросил свое пальто на сдвинутые стулья в углу, где недавно дремал Бруно, и аккуратно перетащил туда друга. Тот мгновенно свернулся, прижав к груди ноги, и оказался вдруг маленьким, так что всего два стула было как раз. Стас подумал и накинул на него сверху кожаную куртку Бруно.

– Ты не против?

Бруно покачал головой и разлил на два стакана. Они выпили. На другом конце стола Шрам и Арчи доверительно обсуждали тот факт, что машины – это, конечно, зло.

– Вот, Арчи, когда мы были гардемаринами, у нас ведь не было машин. И мы были счастливы. А теперь?

– Что?

– Вот именно, теперь что! Теперь есть машины, у каждого есть, а у некоторых, – Шрам медленно, с заносом, кивнул головой в сторону Скальпеля, – есть даже личный водитель. А разве мы счастливы?

– Разве?

– Ни капельки, Ауч, ни капельки. А это значит что?

– Что?

– А значит это, что все дело в машинах. Не было бы машин, не было бы несчастья. И что получается, старина?

– Что получается?

– Получается, что я чиню причину мирового несчастья, Арчи. Понимаешь?

– Понимаю. Получается?

– В том-то и дело, что получается. Эх, знал бы, от какого «Хорьха» ты отказываешься! Стас покачал головой и толкнул плечом Бруно.

– Похоже, сейчас на второй круг пойдут.

Бруно усмехнулся. Стас откинулся на спинку стула, закурил и приготовился наблюдать. Было уютно, пьяно и так, как должно быть.

* * *

По улице медленно полз густой слоистый туман. То ли снег так странно таял, то ли теплоцентрально прорвало где-то поблизости, а может, это выпитое уже давало о себе знать, приукрашивая действительность. Вдруг, словно от толчка, встрепенулся Скальпель, резко сел на стульях, замер с поднятыми, как при входе в операционную, руками и обвел окружающее мутным взглядом.

– Этот вопрос совершенно некстати, коллеги, – заявил он категорично, хотя никаких вопросов задано не было. – Вот вы, – Скальп обернулся всем корпусом, не опуская рук, к Шраму, – вы, юноша, простите, не помню вашего имени, скажите мне, что есть смерть с точки зрения современной медицины?

– Это ты... вы... мне? – опешил Шрам и, кажется, попытался принять стойку «смирно», не вставая со стула.

– Вам-вам, коллега. Что вы плаваете в очевидном? Это же элементарно!

– Куда плаваешь? – обернулся к Шраму Арчи. На его губе, как приклеенная, висела сигарета, и Стас все ждал, когда же она упадет, но она не падала.

– Затрудняюсь ответить, – честно признался Шрам и многозначительно кивнул на Скальпеля.

– Так вот, юноша, смерть с точки зрения современной медицины есть чужая, более того, вражеская территория.

– Н... н-н-не возражаю.

– Разумеется. Но в таком случае, кто такие мы с вами? Мы, врачи?

– Мы? Врачи?

– Да, мы. Мы, представители благородного племени врачей-лечителей организмов. Кто мы?

– Кто? – почти в один голос переспросили Арчи и Шрам, со всем вниманием обращаясь к сомнамбулическому лектору.

– А мы, коллеги, есть пограничные войска, а также военная таможня в одном лице. И лишь нам дано решать, кому проникнуть на территорию врага, а кому – нет. И наоборот тоже, прошу отметить. С территории врага только мы возвращаем... Впрочем, есть еще Бог. И этот момент ставит меня в тупик и подтачивает мою стройную гипотезу. Печально... – С этими словами Скальпель вновь рухнул на стулья и мгновенно уснул.

– А я вот сейчас не понял, про что он говорил, – медленно повернув лицо к Шраму, прошептал Арчи.

– Я тоже. Про врачей, про таможенников.

- Коллега? – Арчи протянул Шраму руку, другой берясь за бутылку.
– Безусловно, – ответил Шрам, отвечая на рукопожатие.

* * *

Ближе к полуночи Бруно сдался. Даже его могучий организм порою требовал отдыха. Когда Шрам с Аучем, обнявшись, принялись обсуждать нравы современной молодежи, а также стало понятно, что на Скальпеля в качестве собеседника в этот вечер рассчитывать не приходится, Бруно попросил Стаса отвезти его домой. Это была самая краткая просьба из тех, что помнил Стас. Но это было самое многословное высказывание Бруно за последние несколько месяцев. Чувствуя, что напиться в этот раз толком не удастся, и уже не испытывая в этом необходимости, Стас согласился, что Бруно кинет его где-нибудь у себя, поскольку возвращаться домой самому не было никакого желания. А ехать пришлось бы через полгорода. Бруно кивнул, и они покинули «Долину».

На последних ступенях лестницы Стаса догнал первый приступ головной боли.

«Доброй ночи, мальчики и девочки, дедушки и бабушки, шлюхи и сутенеры, ниггеры и бледнозадые, чистые душой и грязные помыслами, страдающие от неразделенной любви и абстинентного синдрома. В эту прекрасную ночь, переполненную прогорклым туманом и неосуществившимися надеждами, мы вместе путешествуем по волнам рэдио «Хоспис», последнего нормального радио умирающей... (помехи)... вам сказать. Жизнь, понятное дело, глупость, но это не повод опускать руки. Надо брать от нее самое лучшее, а если самого лучшего не дано, брать надо то, что подвернется под руки. Ведь это пятничная ночь, и даже вы, лодыри и дармоеды, даже вы, мои презренные слушатели, отринувшие блага общепринятого радиовещания, даже вы достойны передышки. Так пейте же, наполняйте свои желудки огненной водой, распользайтесь студнем по поверхности неприглядного будущего. А я... Что ж, я вам в этом помогу чем смогу. Благо тут... (помехи)... глушат! Однако не отлили еще ту пулю, по крайней мере не сегодня, не в эту ночь. Как насчет сладкого вестерн-блюза, алкоголики и асоциальные элементы, а? Прольем на раны повседневности ложку меда? Пусть нам сыграют «Courtney & Western». Пусть сыграют «Am I In Love»... Боже, ведь это она меня спрашивает, серьезно, это она мне кричит сквозь эфирные волны и белый шум глушителей. «Am I In Love, Халли?» – кричит она мне. Да какие вопросы, детка, разумеется, все так и есть. Женщине с таким голосом я готов верить, какие бы глупости она ни несла. Черт побери, я же парень, я родился для того, чтобы из меня вили веревки. Давай, Кортни, сделай это, детка».

Квартира Бруно. Ну, это смотря что считать квартирой. Если в голове всплывают синонимы типа «семейный очаг», «мой дом – моя крепость» и «дом, милый дом», то нора Бруно тут ни при чем. Скорее уж вспоминается гостиница при транзитном вокзале. Гостиница с небогатыми, но ухоженными номерами, свежим постельным бельем, отсутствием неприятных (так же как и приятных, впрочем) запахов и полным отсутствием признаков обжитости. Это место создано для того, чтоб переждать время от отхода одного поезда до прихода другого. Таково было жилище молчаливого друга Стаса. Чисто, прибрано, минимум вещей, разложенных педантично и бездушно, в целом так бы и выглядела «Мария Целеста», если бы была спущена на воду без экипажа. Впрочем, тогда она не была бы «Марией Целестой».

Стас прекрасно это знал. В конечном счете все они жили в гостиницах при транзитных вокзалах. Чуть более ухоженных или чуть более запущенных, какая разница. Если копнуть, причем не особенно глубоко, а так, сделав всего лишь шаг на личную территорию, то каждый из них четверых готов был сорваться с обжитых территорий в любую минуту. Они не верили в постоянство, точнее, они не знали такой штуки, как постоянство. Зато прекрасно знали, что каждая следующая минута может изменить жизнь коренным образом. И для этого

не всегда есть причины, это как стихия.

Они были старыми волками, они знали, что их кормит. Но это не значит, что в них не было страха. Может быть, как раз страха в них было больше всего. Но поколение, прошедшее через опустошение предательских гражданских войн, через Ипр мировой войны, через равнодушие к ветеранам в послевоенное время, через голод, безработицу, инфляцию, через могилы ровесников и пустые глаза стариков, потерявших надежду на продолжение жизни в сыновьях, тысячи седеющих, но неповзрослевших пацанов, легко переносящих физическую боль, но понятия не имеющих, как поступать с чувствами, – для всех них страх был единственной зацепкой. Он был знакомой территорией, они не терялись на ней, они знали там каждую западню. Но как быть с миром, в котором страха нет?

Впрочем, в существование такого мира они тоже не верили.

От поезда к поезду, от одной берлоги к другой, от работы к работе – так они и существовали. Тебе нечего терять, нечего оставлять за плечами, ты можешь в любой момент встать и пойти. Ты никому не нужен, кроме таких же, как ты, неприкаянных постаревших мальчишек, но, с другой стороны, тебе некого и терять. Никто не протянет к тебе руку, не схватит сзади за рукав, не попросит остановиться, подождать еще один день, еще один год, еще одну жизнь. Знаете, что это значит на территории страха? Это значит, что никто не причинит тебе боли. А что касается друзей, то они прошли теми же тропами, они не станут тебя останавливать, они пойдут вместе с тобой. Такая уж она, дружба, с ожогами от пороховых крупинки. Похожа на выстрел в лоб с близкого расстояния. Если вы прошли вместе через поля, усеянные трупами, то теперь вам легче делать шаг за шагом и идти вперед, чем остановиться и успокоиться. Не потому, что это показывает силу человека, сила тут вообще ни при чем. Просто чем дальше не останавливаешься, тем дальше ты от тех полей. Тут простая арифметика на самом деле, а все они – простые парни. Сложности – это типа скарба, а когда идешь, некогда накапливать скарб. Только то, что может уместиться в вещмешке.

– Ты так и не обзавелся второй кроватью. – Стас бросил пальто и шляпу на кресло. Поморщился от головной боли.

Бруно пожал плечами и пошел на кухню. Правильно, зачем люди тысячелетия работали над взаимопониманием и способами передачи информации, если можно просто пожать плечами? Стас потер виски, на которых изнутри кто-то выплясывал в бархатных ботинках. Но он знал, что это временно и рано или поздно меховая туфелька станет хрустальной. Это известно каждому, кто выпил достаточно, чтоб свалиться лицом в сырную тарелку, но так и не смог толком набраться. Не у всех сказок хорошие финалы.

* * *

Утро субботы похоже на утро четверга после карнавала. Улицы полны воспоминаний и пятен засохшей рвоты. Снег, который в этот день решил подождать на небесах, не прикрыл всего этого очарования. Людей на улице почти нет, а те, что есть, напоминают зомби на поминках своего хозяина. Еще бы, семь часов утра первого выходного дня. Нормальные представители социума в это время даже и не думают покидать кровати. Но Бруно не был нормальным, он дежурил в эти выходные, хотя утро субботы даже в борделях считалось мертвым временем. А поскольку молчаливый вышибала так и не удосужился поставить на дверь английский автоматический замок или хотя бы обзавестись запасными ключами, то и Стасу пришлось выметаться вместе с ним. И хотя головоломного похмелья не было, Стас воспринимал мир сквозь круглую линзу водолазного шлема. Благо отсутствие людей на улице также означало и минимум машин на проезжей части. Уже через двадцать пять минут Стас парковался у своего дома. Первое, что он увидел, выходя из «Студебеккера», – вышеупомянутое пятно рвоты прямо на стене и точно такое же чуть дальше, на доске объявлений. Ловкач не удосужился наклониться, а может, целенаправленно метил на объявление о погашении долга по газоснабжению и электричеству. Доброе утро.

И только потом Стас увидел черный «Мерседес» с номерными знаками Управления. Он знал эти машины еще с тех пор, как работал водителем. Эти горбатые красавцы никогда не парковались в автопарке при Управлении, и никто понятия не имел, где они стоят по ночам. Зато все понимали, что на них разъезжают мутные личности из отдела внутренних расследований. Их называли особистами, поскольку располагались они в отдельном помещении. В старом надстроенном особняке.

«Вы хотите знать мое мнение, да? Я вам скажу, я вам в глаза выскажу все, что думаю. Старине Халли нечего скрывать от своего радиослушателя, старина Халли как открытая книга. И я говорю вам: ну и зло эта ваша суббота! Простите меня, дорогие евреи, но хуже времени не найти. Однако это вы здорово придумали – не работать по субботам. Единственная нация, по достоинству оценившая похмелье. За что я вас люблю, так это за умение пить по пятницам. Особенно за чужой счет. Шутка, шутка, лица попроще, рэйдио «Хоспис» далеко от всякого разделения по цвету кожи, разрезу глаз и марке туалетной бумаги. У тебя есть уши? Все, больше меня ни хрена не интересует, ты наш человек.

Кстати, о наших людях. Буквально четверть часа назад, когда я мучился, склонившись на раковину, мой помощник принес мне замечательные фотоснимки. Я, как добропорядочный гражданин, уже отправил их во все известные мне издательства, но что-то сильно сомневаюсь, что вы их увидите. Кто ж выпустит в печать фото доктора Паулюса, главы общества чистоты и трезвости, известного как общество Девы Марии? К названию – никаких претензий, матушка нашего погибшего поручителя и правда была чиста. Если верить первоисточникам, а у меня нет повода им не верить. А вот вид доктора Паулюса, в состоянии полного свинства ползающего по полу в ногах у стриптизерши из бара «Семафоры», – тут у меня определенные претензии есть. Нет-нет, друзья, к состоянию и поведению уважаемого доктора у меня также нет никаких претензий. Сам грешен... Эх, помнится, были деньки... Но, уважаемый слушатель, но! Какого черта очернять священное действо алкогольного отравления, если сам являешься его адептом? Что за лицемерие? Ай-ай-ай, доктор Паулюс, как некрасиво с вашей стороны. Но я вас прощаю, ведь этим утром вы, вероятно, мучаетесь так же, как и я, разве что у меня нет перспективы оправдываться перед женой.

И чтобы как-то скрасить этот нелегкий период вашей жизни, доктор, я поставлю вам «My Own Country» Телена Гварда. Адьюс, доктор Паулюс. Я сделал все, что мог...»

Они ждали у квартиры, четверо в черных костюмах, точно такие, какими изображают агентов в фильмах средней руки, и пятый в форме городского ополчения. Стас остановился на лестничной площадке этажом ниже и молча уставился на них. Наверное, это должно было значить, что ему плевать, откуда они, и на то, что стоят у его дверей, тоже плевать. Наверное, получилось неплохо, потому что агенты отдела внутренних расследований стали неуверенно переглядываться. И только человек в черно-белой униформе остался спокоен. Он неторопливо спустился, встал перед Стасом и некоторое время смотрел ему в глаза. Интересно, что он мне скажет, подумал Стас. Но ополченец ничего не сказал. Он нанес стремительный удар кулаком в солнечное сплетение. Стас даже боли не успел почувствовать. Потерял сознание.

* * *

Стас пришел в себя, но еще четверть часа лежал без движения. Этому не учили на курсах детективов, но была другая школа, уроки которой не забываются после сдачи экзаменов. Может, потому, что та школа и была экзаменом, от начала и до конца.

Итак, он лежал на чем-то жестком, но не чувствовал холода. Видимо, не на полу. Скамья? Да, возможно, и это уже странно. Он ожидал, что его либо бросят в какую-то камеру, либо посадят на стул и прикуют наручниками. Но его уложили, и руки, судя по

всему, были свободны. Грудь болела. Но больше не болело ничего, значит, его больше не били. Срубили одним ударом – и все. На языке детективов это называлось «упаковать». Стаса «упаковали».

Через закрытые веки он чувствовал свет. Но он не был ослепительным, как если бы лампа была направлена ему в лицо. Вообще, это бы и не вязалось: сначала его уложили, освободив руки, а потом направили свет в лицо. Нет, не вязалось бы. Так что это была лампа, обычная лампа под потолком. Кабинет или комната. Но не камера, не было характерной сырости в воздухе. И пахло кофе и табаком. Кабинет.

В комнате кто-то был. Стас слышал, как шелестит бумага, потом кто-то кашлянул, заерзал на стуле. Один человек. Итак, его уложили на скамью в кабинете, где находится только один человек, причем именно находится, занимаясь своими делами, перебирая бумаги, видимо, на столе, покуривая. А задержанный между тем лежит со свободными руками. Это было... странно.

Стас глубоко, шумно вздохнул и, раскрыв глаза, сел.

– О, господин Бекчетов, вы очнулись.

Это и правда был кабинет. Две стены обычной кирпичной кладки и еще две, обитые деревом. Несколько картотечных ящиков и шкаф с папками. Окно с закрытыми жалюзи, лампа под потолком. Небольшой напольный сейф из тех, что созданы для того, чтобы на них стояли графины с водой и стаканы. Доска на стене с прищипленными документами. И обычный стол, на котором были аккуратно разложены две стопки бумаг, разделенные письменным прибором из малахита. За столом сидел... клерк. Такой обычный клерк. Он внимательно смотрел на Стаса и вежливо улыбался. Эта была стандартная улыбка, совершенно неискренняя, но и ничего за собой не скрывающая. Что-то вроде униформы, которая натягивается по определенному случаю. Улыбка, при которой улыбаются только губы.

– Где я? – спросил Стас и почувствовал, насколько пересохло его горло.

– Вы в отделе внутренних расследований, – поспешил объяснить клерк и тут же потянулся к графину. – Но не волнуйтесь, к вам у нас нет никаких претензий. Мои подопечные слегка перестарались, сами понимаете, время сейчас напряженное. Сдали нервы. Но это, конечно, не повод, ни в коем случае... Поэтому виноватый будет наказан. Административно, разумеется.

Клерк встал и протянул Стасу стакан. Вода была слегка застоявшейся.

– Как вы себя чувствуете? – спросил клерк, все еще стоя и как бы слегка наклонясь к Стасу.

– Ничего. А, простите, вы кто?

– Я... Алкинсон. Майор Алкинсон. Руководитель отдела борьбы с внутренней коррупцией.

– А... Вы сказали, что у вас нет ко мне претензий.

– Нет-нет. – Клерк натянуто улыбнулся и даже поднял руки, но потом, словно сам удивившись этому движению, поспешил опустить их на стол и сел. – Конечно, есть некоторые тревожные сообщения. Ну, знаете, о вашем покровительстве некому небезупречному антикварному магазину.

– Это не покровительство, – ответил Стас, чувствуя, что почва разговора становится зыбкой, – Фарик Абалай мой информатор.

– Да-да, вы не беспокойтесь. Мы проверили эту информацию, и она подтвердилась. Точнее, ее подтвердил старший детектив Югира. Царство ему... Так что не волнуйтесь, никаких серьезных претензий у нас к вам нет. Мы всего лишь хотели задать вам несколько вопросов. К сожалению, мои подчиненные не совсем верно поняли приказ и перестарались... Впрочем, мы ведь про это уже говорили. Надеюсь, вы не станете принимать случившееся недоразумение близко к сердцу.

Стас кивнул. Можно подумать, у него был выбор. Связываться с отделом внутренних расследований в здравом уме? Что вы, разумеется, он не принимает случившееся

недоразумение близко к сердцу.

– Я все понимаю. Ребята просто перегнули палку. Бывает.

– Верно. – Майор Алкинсон положил руку на одну из бумажных стопок. – Перегнули. Скажите, Станислав... Вы позволите мне вас так называть? Я, видите ли, скорее гражданское лицо...

– Да, пожалуйста.

– Хорошо. Скажите, Станислав, как давно вы знаете Готфрида Уоллиса?

Стас почувствовал, как что-то сжалось в груди, вспомнил разговор на последней пьянке в «Долине», вспомнил, о чем предупреждал Гейгер в китайском ресторане.

– Я знаю Готфрида с детства. Точнее, с юности, мы вместе учились в мореходном училище.

– На Сардинии?

– Да.

– Это ведь было не простое училище, – уточнил клерк. – Там воспитывалась морская элита, дети богатейших семей Европы, Азии, даже с Американского континента, да?

«Ты же все и без меня знаешь, – подумал Стас, – наверняка».

– Да. По большей части. Но были курсанты из небогатых семей.

– Да-да, из тех, что получили стипендию. Это нам известно. Но Готфрид Уоллис был не из них. Так же, как и вы, и остальные ваши друзья. Друзья из «Долины», я имею в виду.

Вот оно, понял Стас. Значит, их и правда слушали. Черт, они же несли там все, что в голову придет. Но тогда почему именно Скальпель? Они болтали все, почему же этот сморчок допрашивает его именно о Скальпеле? «Спокойно, – приказал самому себе Стас, – отвечай честно, потому что они наверняка откопали всю подноготную». Поэтому да, честно, но аккуратно, ничего лишнего, ничего, что могло бы подставить друга.

– Да, мы все были из обеспеченных семей.

– Из богатых, просто обеспеченные семьи не могли позволить себе оплачивать учебу и проживание на Сардинии. Но это не важно, так, ремарка, не имеющая никакого отношения к сути вопроса. Скажите, а что вам известно о родителях Готфрида Уоллиса?

– Почти ничего. Знаю, что они погибли. Кажется, через год лет после того, как он поступил в мореходное.

– Ясно... Хотите еще воды? – Клерк снова улыбнулся. Стас отрицательно покачал головой.

– Нет, спасибо.

– А вы не знаете, как погибли его родители?

– По-моему, они плыли в Америку, там у отца Ск... Готфрида были филиалы его фирмы. Что-то случилось с пароходом. Готфрид не любил говорить об этом, а я никогда не настаивал. Простите, а почему вы о нем расспрашиваете? У вас есть что-то на него?

– Нет-нет, на него нет. Он, конечно, не особенно осторожен в высказываниях... Да и все вы... Но, знаете, я не думаю, что у нашей организации могут возникнуть к вам и вашим друзьям серьезные претензии. Понимаете, мы, конечно, живем в нелегкое время, и определенная лояльность к руководству желательна и даже, в общем, необходима. Но, с другой стороны, есть люди, которые выполняют свой долг независимо от того, кто, так сказать, стоит у руля. Знаете, в вашей дружбе есть даже что-то трогательное. Я про вашу четверку гардемарин. Хм... да... Но все же было бы лучше, если бы вы стали несколько осторожнее в высказываниях. Да... Но вернемся к нашим вопросам. Скажите, а после гибели родителей кто воспитывал Готфрида Уоллиса?

– Э-э-э... Официально его дядя, родной брат отца. Но на самом деле он был скорее опекуном, а воспитывала Готфрида двоюродная тетка. Или не двоюродная, я точно не помню. Наверное, лучше будет спросить об этом у самого Готфрида.

– Да, наверное, но знаете, мы никак не можем его найти. Собственно, поэтому и обратились к вам. Кстати, вы не знаете, где может быть Готфрид Уоллис?

Спокойно. Не исключено, что все эти вопросы были просто для отвода глаз и все, что

им нужно, – найти Скальпеля.

– Трудно сказать. Дома вы, видимо, искали. Может, в академии или министерстве? Мы мало общаемся за рамками «Долины», так что...

– Ничего-ничего. Это не к спеху. Возможно, он куда-то поехал на выходные. Напряженная работа, да и вообще время напряженное. Нужно отдыхать. Он ничего такого не говорил?

– М-м-м... Да нет. По-моему, нет.

– А не знаете, где он обычно проводит свободное время? Может, какой-то клуб или какой-то дом за городом? В фермерском укрепрайоне? Или, может быть, у него есть женщина?

– Нет, про женщину я бы знал наверняка. – Стас заставил себя усмехнуться и очень надеялся, что получилось реалистично. – То есть, конечно, иногда кто-то появлялся, но знаете, ничего серьезного. Так, развлечься. А что касается отдыха, то только в «Долине». Готфрид увлечен своим делом, мне не кажется, что он стремится отдохнуть от него. Из нас четверых он единственный целенаправленно шел к своему призванию и добился его. Остальные в основном стали теми, кем стали, случайно. Так сложились обстоятельства. Но Готфрид хотел стать врачом, хотел оперировать. Если бы дядя не отдал его перед войной в мореходку, он пошел бы в медицинский. Но и в мореходке он был в медицинском батальоне.

– А вы? – аккуратно переложив несколько листов бумаги из одной стопки в другую, спросил Алкинсон.

– Что я?

– Вы тоже случайно стали детективом?

– Скорее, случайно стал водителем при Управлении. А уже там понял, чем действительно хочу заниматься.

– Ясно. Ну что ж, – майор поднялся из-за стола и протянул Стасу руку, – было приятно с вами побеседовать. Уверен, что именно благодаря таким, как вы, Управление юстиции справляется со своей задачей. Знаете, у вас отличные рекомендации.

– Старюсь, – сказал Стас и пожал Алкинсону руку.

– И еще раз извините за недоразумение.

* * *

Как уже было сказано, несмотря на то что отдел внутренних расследований относился к Управлению юстиции, он располагался в отдельном здании на другом конце города. Это здание в курилке Управления называли просто Особняком. Впрочем, крайне редко называли, поскольку было известно, что внутренними расследованиями интерес отдела не ограничивается. Так что не буди лихо, не поминай всуе, не к ночи будет сказано и так далее и тому подобное. Стас вышел из дверей ОВР, и яркое солнце на миг ослепило его. Все же он увидел того самого ополченца, что «упаковал» его в подъезде. Тот стоял, расслабленно прислонившись плечом к рекламной тумбе, и не выглядел как человек, ожидающий расплаты за «недоразумение». Когда Стас пошел к автобусной остановке, он оттолкнулся от тумбы и пошел следом. Не прячась.

А вот это ты зря, подумал Стас. Мне, между прочим, не просто так значок повесили. Я, между прочим, три года крутил баранку по самым загаженным задворкам этого города. И я не просто так ее крутил, я частенько гнался за тем, кто знает эти задворки еще лучше. И знаешь, что я делал? Я учился. Каждый раз, когда меня или группу задержания обводили вокруг пальца, когда преступник стряхивал нас с хвоста, я учился. Я возвращался туда и рыл носом землю до тех пор, пока не понимал, каким образом нас поймали. Я бродил по дворам, тратил на это свое личное время вместо того, чтобы валяться с бутылкой пива перед телевизором. И да, мой телевизор стоит на кухне, а там не поваляешься. Но я мог бы валяться в комнате с пивом или сидеть с пивом на кухне, я мог бы поспать часок-другой, полистать комиксы, послушать старика Халли, короче, я мог бы расслабиться и отдохнуть.

Но я рыл землю, вскапывал дворы, переулки, залезал в каждый гребаный подъезд и делал это до тех пор, пока не узнавал правду. И я готов быть разбуженным среди ночи и описать каждый из этих случаев. Именно поэтому я был на хорошем счету. Самые крутые детективы предпочитали брать самых крутых преступников в моей машине. И я садился за баранку, и чем дольше работал, тем реже от меня уходили. Короче, к чему я веду? К тому, что я знаю, как догонять. Но могу и вывернуться наизнанку. Могу стать тем, кто убегает. И если ты не ползал по тем же дворам и не крутил баранку на тех же улицах, то уже через час я буду ходить свободно, а ты кипятить мозг, пытаюсь понять, куда я делся.

* * *

Это было несложно. Да нет, даже не так, – это было просто. Стас сел на 212-й автобус, доехал до вокзала. Там не спеша прошелся по Копенгагенской, свернул в Гарлемский переулок. А Гарлемский переулок – это такое место, где каждый третий дом – кафе быстрого обслуживания, дешевый привокзальный бордель (Шрам как-то сказал про один из них, что там, чтобы не подхватить заразу, нужно ходить в резиновых сапогах) или контора мелких букмекеров. Около одной из витрин Стас задержался, чтобы убедиться, что черно-белый не потерял его раньше времени.

Дождавшись, когда ополченец повернет в переулок, Стас вошел в одно кафе под вывеской в шахматную клетку, заказал капучино, выпил его, потом пошел в туалет. Туалеты в таких местах одноместные. А окно конкретно этого вело в узкий проулок между шахматным кафе и конторой букмекеров, которую закрыли два месяца назад за подделку налоговых документов. Проулком можно было уйти в обе стороны, но Стас не стал этого делать. Потому что, приложив минимум усилий, можно было дотянуться до остатков пожарной лестницы на доме букмекерской конторы, а уже по ней залезть до карниза – довольно широкого – на третьем этаже. По этому карнизу Стас, аккуратно переступая, добрался до окна, залез в подъезд и стал подниматься вверх по лестнице, пока не оказался на двенадцатом этаже, где дом букмекерской конторы бетонным проходом соединялся с другим домом – недорогим пансионом. Вообще-то проход был основательно заколочен и пройти напрямик было невозможно. Именно здесь два года назад Стас чуть не сошел с ума, пытаясь понять, куда делся Ченинг Каас, убийца, уложивший при попытке задержания троих полицейских и одного детектива, а еще раньше – целую колонну людей. А оказалось, что все просто. Стены были обиты ДСП. И одна из плит отодвигалась в сторону. Кто-то разобрал за этой плитой кирпичи стены, и через образовавшуюся щель можно было протиснуться в бетонный коридор, висящий между домами над пропастью в двенадцать этажей. Выход с обратной стороны в пансион осуществлялся таким же способом.

Спустившись по лестнице на первый этаж пансиона, Стас вышел на улицу как раз напротив подземного перехода, который вел на другую сторону привокзальной площади. Вот так ушел от погони Ченинг Каас, и так же стряхнул с хвоста черно-белого ополченца Стас Бекчетов. Это было просто.

Сложнее было решить, как поступить дальше. Несомненно, Скальпеля нужно было предупредить, и как можно скорее. Но как? Стас не врал, когда сказал, что понятия не имеет, где тот может быть.

День был в самом разгаре, солнце добралось до точки зенита, откуда его лучи даже на самых узких улицах-ущельях дотягивались до асфальтового дна. Видимые куски неба были ярко-голубыми и безоблачными. Совсем не по-осеннему. Такое небо бывает только зимой или летом, и тогда оно кажется вполне на своем месте, на него не обращаешь внимания. Но когда на исходе осени или в разгар весны, шлепая по грязным улицам, ты поднимаешь глаза и видишь такое, тебе начинает казаться, что ты видишь что-то запретное. Все прекрасное запрещено, оно отделено от человека витринами, решетками, запрещающими знаками или огромными охранниками-мордоворотами. Это оправданно, спору нет. Человек мастак тянуться к прекрасному, как растение к солнцу, но когда он дотягивается, его руки

превращаются в клешни, готовые рвать, хватать и тянуть к пасти. Разве прекрасное может такое выдержать?

Автобус № 12 увез его на два квартала и растворился в лабиринте улиц.

Стас нашел телефон-автомат, долго искал по карманам четвертак. В конце концов вынужден был сходить на угол к табачному ларьку и, разменяв червонец кредитов, купить пачку сигарет.

Трубку взял бухгалтер автомастерской. Стас помнил, что телефонный аппарат стоял в его кабинете, и не удивился. Потом около минуты прошло, пока отыскивали Шрама. Но за это время Стас уже понял, как и что сказать, поэтому, услышав недовольное «алло», торопливо выпалил, чтобы друг не вставил в сказанное его имя:

– Вас беспокоит представитель компании «Долина Медтехники». Ваше предложение об обмене с доплатой нашей «Татры» на «Хорьх» еще в силе?

Прошло, наверное, секунды три, прежде чем Шрам ответил. Но когда он заговорил, Стас понял, что друг разгадал его шифр.

– А, черт, – проворчал Шрам, – я уже и думать забыл об этом варианте. Вы знаете, я не знал, что вы заинтересованы, и уже предложил обмен другому клиенту. Но я могу подыскать другие варианты. Можете прислать своего человека через час?

– Куда именно?

– На улице Французских Наемников есть ресторан «Альма-матер». Я буду ждать вас там.

– Договорились.

Стас не знал улицы с таким названием. Повесив трубку, он оторвал верхний клапан на пачке, выбил сигарету и закурил. Но Стас знал улицу Иностранного Легиона. На ней действительно был ресторан, только назывался он «Дом Свана». Там обычно собиралась театральная публика, посещающая расположенный неподалеку театр «Чайка». Но Шрам вряд ли предложил бы встречу в таком месте. Стас поморщился. Ладно, разберемся на месте.

Снова запрыгнув в 12-й автобус, а позже пересев на 93-й, Стас уже через сорок минут был на улице Иностранного Легиона. А когда шел из автобуса, первым, что он увидел, оказалась вывеска небольшого кафе «Бескозырка». Ай да Шрам, ай да молодчина! Никогда один старый гардемарин не подведет другого. Это то, на что даже в такие неясные времена можно было уверенно рассчитывать. Хотя Стас не очень помнил, когда времена были ясными. Всегда находилась проклятая ложка дегтя для субботнего ужина. Ну, может быть, давно, когда отец собирал осеннюю листву в кучи и когда по двору стелился запах костра, может быть, тогда все было иначе, было проще. И четверо гардемарин, приехавших на первые каникулы, с первыми намеками на усы, помогали перетаскивать охапки желтой, бурой и арбузно-красной листвы к то вскидывающимся, то опадающим языкам пламени. А потом Стас впервые прикурил на глазах отца от этого самого костра. И Анатолий Бекчетов нахмурился, но не сказал ни слова. Потому что Станислав Бекчетов больше не был ребенком, он стал мужчиной. Гардемарин, будущий морской офицер.

Между удаляющимся автобусом номер 93 и тем осенним днем – огромная пропасть. Дистанция, которую не преодолеть в обратном направлении. Река, в которую не войти второй раз, потому что ее высушили война, отступление, болезни, голод, нищета, смерть отца, сотни могильных камней со знакомыми фамилиями над датами. И это оправданно, это закономерно. Ведь между человеком и прекрасным всегда должна быть преграда. Даже когда речь идет о том, к чему не протянуть клешни. Преграда – это всегда больно, это обозначение того, чем ты не сможешь обладать. На что у тебя нет права. А Стас никак не мог понять, почему у него нет права обладать тем осенним днем, простроченным нитками дыма. Он просто знал, что это так, но понять – это было не в его силах.

«Давным-давно, в далекой галактике... А, черт, вы же этого не знаете. Черт. «Черт» – это слово, которое нельзя произносить в эфире, да? Да, любого парня, который выдал бы слово «черт» в эфире, уволили на хрен, его бы вписали в траханий черный список гребаных

чертей, которых ни в коем случае нельзя подпускать к микрофону в проклятой радиорубке. И все это потому, что он выдал в эфир: «Черт, вы же этого не знаете». Да... Я вообще-то давал себе слово не выползать из ваших радиол в таком состоянии. Seriously. Халли не врет, Халли – как открытая книга, я об этом говорил недавно. Да, я давал себе слово, но так получилось, что моя последняя бутылка оказалась в рубке. Черт его знает, каким образом, я же не пью во время работы. Это мешает концентрироваться, и еще, когда я выпью, у меня заплетается язык. Представляете диджея, у которого заплетается язык? Нет? Вот же черт, вы совсем с ума сошли. Вот же он... я в прямом эфире, и у меня опять заплетается язык. Но я ненадолго, сейчас я уберусь ко всем чертям, потому что я уже нашел свою припрятанную бутылку, все нормально. Но раз уж я тут, то давайте я вам что-нибудь поставлю. Что-нибудь такое, за что стоило бы выпить. Ну, я не знаю... Что у меня тут есть?.. Как насчет «The Great Pretender» с песенкой «The Platters»? Нет, ну неплохая же вещь. Я бы за такое выпил. А вы... Черт, а у вас нет выбора. Потому что я тут хозяин. Не вообще, конечно, только в радиорубке. Слушайте и не задавайте вопросов, короче. Надоели вы мне хуже пареной репы».

Оказывается, Шрам частенько бывал в этой забегаловке. Вообще-то подобные «Бескозырке» кафешки считались бабочками-однодневками. Они либо вырастали во что-то большее, обзаводились дополнительными помещениями, многостраничным меню и кафешантанами с зонтиками, меняли название и прочее, либо исчезали, оставив на какое-то время пустое помещение, пропитанное запахом прогорклого масла. Но здесь не пахло маслом. Здесь, как ни странно, пахло кофе и немного табаком. Курить в помещении не разрешалось, и посетители выходили подышать за дверь. Но оттуда все равно тянуло, и как раз достаточно для того, чтобы малая часть табачного дыма и смесь кофейных ароматов смешивались в уютном коктейле. «Бескозырка» существовала вот уже двенадцать лет, и за это время лишь однажды в ней поменяли стенные панели. На точно такие же, но поновее. В «Бескозырку» заходили те, кто работал неподалеку, чтобы позавтракать, или пообедать, или пропустить чашечку кофе по дороге домой. Кафе не расширялось, не изменяло меню и не обзаводилось зонтиками. Но у него не было конкурентов здесь, на улице Иностранного Легиона. Ресторан «Дом Свана» занимал совершенно другую коммерческую нишу. Когда-то хозяин «Бескозырки» вложил все свои накопления в аренду площади на пятьдесят лет. С тех пор цены на землю и недвижимость в этом районе выросли во много раз, открывать здесь новое кафе было нерентабельно, а «Бескозырке» на подъем цен было плевать. И будет плевать еще как минимум тридцать восемь лет.

Автомастерская, где работал Шрам, находилась через две улицы отсюда.

Они заняли столик у самой витрины, и было видно, как сновали туда-сюда редкие машины. Город никак не мог разогнаться после пятницы. Стас рассказал все, что с ним случилось, начиная с ночевки у Бруно. Шрам слушал молча, болтая ложкой в чашке с кофе и глядя на улицу. Он не прерывал, не задавал вопросов, он просто мешал свой кофе, а когда Стас закончил, встал и пошел к телефонному закутку около гардероба. Там он снял трубку и некоторое время с кем-то говорил. Затем вернулся за стол и выбил сигарету из пачки Стаса.

– Кому звонил?

– Захарии.

– Захарии? Конюху моего отца?

– Да. Скальпель нанял его две недели назад для одной женщины.

– Что за женщина?

– Ну так... Там у них как-то все непонятно. Но Скальп заботится о ней. Купил ей дом, нанял Захарию. Обычно он там бывает по выходным.

– Я не знал, – покачал головой Стас. Кофе был отличным.

– Никто не знал, только я. Он как-то приводил ее в мастерскую, просил, чтобы я перебрал двигатель в ее машине. Старый «Крайслер», потрепанный. Но с ним стоило повозиться. А Скальп попросил не афишировать этот момент.

– Понимаю. И... Что ты передал Захарии?
– Помнишь капитана Лейкермана?
– Лейкерман... Погоди, что-то знакомое.
– Вспоминай. Еще в мореходке дело было.
Стас наморщился. Имя было очень знакомым.
На улице закружил снег. Было красиво. Как будто кто-то встряхнул снежный шар.
– Это не тот придурок, фельдфебель, который пообещал засадить Скальпеля за решетку после того, как он раскрутил пьяную дочку викария на стриптиз в баре мореходки?
– Он самый.
– Господи, конечно же. Он висел на хвосте у Скальпа весь учебный год, и парню пришлось лечь на дно и какое-то время не вылезать в город. Да, та еще была история... Только ведь этого фельдфебеля убили в самом начале войны. Кто-то поставил его на перо.
– Ну да. Но думаю, Захария об этом не знает и передаст Скальпу, что Лейкерман снова в городе.
– Дружище, ты не только в моторном деле гений, так и знай. – Стас усмехнулся и одним глотком допил кофе. – Что теперь?
– Теперь мы выдержим со смены Бруно и поедем выручать задницу гардемарина.
– Я об этом и спрашивал. Каким образом мы это сделаем?
– Пока не знаю. Нужно собраться всем вместе и обмозговать. И кстати, Арчи тоже надо позвать. Он теперь один из нас, хоть и сухопутная крыса.
– Мы все давным-давно сухопутные крысы, Шрам.
– Но не в душе, старина. Поднимай задницу и звони Бруно. Пусть пулей несется сюда. Я пока смотаюсь в мастерскую, возьму отгул.
– Идет.

* * *

Бруно притархтел на своем «Харлее» через полтора часа. К этому времени Шрам успел вернуться, и они по самые гланды залились кофе, который в «Бескозырке» был по-настоящему хорошим, но мотор у Стаса начал работать подозрительно бойко. Расплатившись и оставив щедрые чаевые, друзья вышли на улицу к Бруно. Тот курил, глядя в сторону, но, когда они подошли, спросил:

– Все серьезно?
– Серьезнее не бывает, – ответил Стас.

Бруно кивнул и снял мотоцикл с подножки.

Скальпель купил дом на самой окраине города, в районе, где обитали богатые мира сего, укрывшись от грохота и смога больших улиц. К тому же это был единственный район, где стояли одно- и двухэтажные дома. Конечно, по довоенным меркам они казались вполне себе средней руки особняками, но, учитывая налог на право не надстраивать и взятки за уклонение от расселения, дома эти были поистине золотыми. Стас никогда бы не подумал, что Скальпель может позволить себе такое. Впрочем, он не знал и о его женщине.

Это был одноэтажный дом из красного кирпича. С выдающимся вперед крыльцом под белым деревянным козырьком на колоннах из белых четырехгранных столбов. Наверное, эти столбы надо было называть колоннами, но они не были колоннами, они были столбами. Дом был обнесен кирпичным забором с вставками из витой чугунной решетки. Каждая такая вставка была не больше бойницы, и если смотреть с улицы, то все, что можно было увидеть, это самый верх окон и коричневый скат крыши. Сейчас он был в белых оспинах снега, особенно много собралось около конька, а вокруг печной трубы снега не было вообще. Из трубы шел белый дым. Он бил почти четко в зенит, ветра не было. А на окнах дома висели занавески. Стас вдруг почувствовал, глядя на эти занавески, как сжалось его сердце. Не из-за белых столбов под крышей, не из-за чугунной решетки и не из-за бьющего в небо дыма, а именно из-за этих занавесок. Они были самыми обычными, но в том-то и дело. Стас не

помнил, когда последний раз в его доме висели занавески. На такой высоте кто мог заглянуть в его дом? А если бы и заглянул, что бы он там увидел? Нет, он как-то размышлял о том, что можно купить жалюзи, чтобы днем, после ночной смены, свет не мешал спать. Но ведь если честно, не так уж много света добиралось до этажа Стаса. И он так и не купил эти жалюзи.

А если бы купил? Разве они выглядели бы так, как эти занавески? Разве они были бы такими яркими, берущими за душу при воспоминании о доме?

Согбенный Захария, шаркая ногами, вышел открыть им маленькую калитку в воротах. Расстояние от забора до дома составляло всего несколько метров, но это было личное пространство, личный газон, и на нем был выложен круг воткнутыми в землю кирпичами. Наверное, в теплое время тут цвели какие-нибудь цветы. Ведь над этим газоном светило солнце, почему бы тут не расти цветам?

Сейчас, правда, солнца видно не было. Небо быстро затягивалось тучами, снег набирал обороты. Но все равно, это было открытое небо. И никаких преград...

Они уже поднимались по ступеням крыльца, когда входная дверь открылась и на улицу выглянула хозяйка дома.

Стас почувствовал, как сжимавшееся сердце вдруг замерло, пропустив несколько ударов, потом побежало так, как будто весь выпитый кофе был впрыснут в него напрямую.

В дверях дома стояла Алиса Картрайт.

* * *

Так бывает. Да, так бывает, и это даже не закономерный поворот жизни, это и есть сама жизнь. Это как если ты идешь ночью вдоль дороги и тебя ослепляет выскочившая из-за поворота машина. Некоторое время ты стоишь, пытаешься снова привыкнуть к темноте, а потом... Идешь дальше, потому что впереди ждут обязанности, привычные дела... жизнь. Но вот однажды на забитом перекрестке ты видишь незнакомый автомобиль и внезапно понимаешь, что это именно он тогда ночью выскочил из-за поворота и ослепил тебя. И кажется, это было самое яркое воспоминание среди всей этой череды размеренно уходящих в прошлое дней.

В памяти пронеслась поэмка воспоминаний. Причал Речного вокзала, ее походка, ее яркие непослушные волосы, играющие на стороне ветра. Квартира, маленький столик на колесах. Усталые глаза сильной женщины. И отражение стареющего мужчины в зеркале гардероба.

Стас понял, что однажды его ослепили, но это воспоминание затерялось среди всплесков и штилей календарных чисел. Но время пришло, оно привело его на свой перекресток, чтобы он снова увидел этот рыжий каскад, спадающий на плечи женщины. Она стояла на крыльце и неуверенно смотрела на него, кажется, пыталась вспомнить...

Но это было крыльцо дома, который его друг купил своей женщине. Да, Шрам сказал, что их отношения нельзя было назвать простыми и нормальными. Но они же потерянное поколение, они прошли через ад. И они многому научились, но они не научились строить нормальные отношения. Они не научились вешать на окна своих домов занавески. Их отношения и не могли быть простыми.

– Мисс Картрайт! – Стас снял шляпу и заставил себя улыбнуться.

– Детектив... я забыла, как вас зовут. – Алиса отошла в сторону, пропуская гостей в дом. – Но я помню, вы вели дело моего отца. Честно говоря, это был единственный раз, когда я общалась с детективами. Представьте меня вашим друзьям?

– Разумеется... – Стас подождал, когда остальные войдут в маленькую прихожую с вешалкой на стене и фантастически уместной полкой для обуви. Назвал Бруно, Арчи и Шрама. Потом, помешкав, представился сам.

– Очень приятно. – Алиса сделала приглашающий жест: – Проходите, Готфрид будет с минуты на минуту.

– А разве его нет? – встревоженно спросил Шрам.

– Уже есть. – Скальпель вошел в дом, слегка подтолкнув дверью Арчи. – Давай, большой человек, пропусти беглеца в дом. Сбегал до автомата сделать пару звонков.

* * *

– Короче, дела мои плохи, – понизив голос, сказал Скальпель, когда Алиса отошла на кухню помочь Захарии. Старик по-прежнему отлично готовил, но вот со скоростью у него становилось все хуже. – У меня есть пара верных людей наверху. Я им помогал как врач там, где нужно было все сделать тихо. Ну, в смысле так, чтобы не узнала жена.

– Вот, да? – Арчи покачал головой. – Видимо, положение не спасает от триппера и сифилиса?

– Чаше от триппера. – Скальпель пожал плечами. – И для врача, между нами, это неплохой способ завести верных друзей. Потому что я ведь могу на допросах сдать не только то, о чем меня спрашивают. Так что от великого до малого...

– Ты так говоришь, как будто ничего не произошло. – Стас наклонился к Скальпелю. – Я был в Особняке, и меня допрашивали... По твою душу, между прочим. А эти ребята такие волны поднимают при желании! И мне почему-то показалось, ты не согласишься, что желания у них выше крыши.

– Уже в курсе. – Скальпель тоже наклонился, хотел что-то добавить, но в это время в комнату вернулась Алиса, катя перед собой столик на колесах.

Она улыбнулась. Просто так, в никуда, и уж точно не Стасу. Потом стала ловко накрывать на стол. Но она была встревожена. Стас видел это. Года работы детективом хватило, чтобы научиться замечать, когда человек встревожен, но пытается это скрыть.

– Старик, а где у тебя тут курят? – Стас вытащил пачку и огляделся. – Может, покажешь? А-то я как-то не привык ориентироваться в квартирах, где больше одной комнаты.

– У твоего отца был огромный особняк, – ответил Скальпель и осекся. – Черт, Стас, извини.

Алиса обошла стол и встала напротив Стаса.

– Вы можете курить прямо тут. И разговаривать вы можете тоже прямо тут.

– Алиса! – Скальпель обернулся к ней, но та вытянула перед собой руки, не давая ему договорить.

– Нет, вы можете говорить прямо здесь. Я пойду в спальню, соберу тебе вещи. Ведь, если ты собираешься убегать, тебе понадобятся вещи.

Ее голос дрогнул всего на долю секунды, но он дрогнул. И все это – кофе, бутерброды-панини, занавески на окнах, шаркающие шаги Захарии на кухне, – все это на мгновение померкло, словно споткнувшись об эту долю секунды. Повисла неловкая тишина. Шрам смотрел на свои сцепленные пальцы рук, Арчи старательно отводил глаза, а Скальпель глядел на Алису с тем бессилием, какое иногда возникало в глазах сильных солдат, когда им сообщали о необходимости ампутировать ноги.

Алиса взяла со стола пустую чашку, которую принесла для самой себя, повернулась и вышла из комнаты.

– Так за что тебя обложили, Скальп? – Стас сказал это, не наклоняясь к столу. И не понижая голоса.

– Не знаю. – Скальпель пожал плечами и отвернулся. – Точнее, знаю, но... Короче, взялись за меня плотно, думаю, еще до утра выяснят про этот дом. Так что...

– Не до утра, до полуночи, – покачал головой Стас. – Может, даже раньше.

– Надо поднимать якоря, – закончил за него Шрам.

– Только не на своей машине, – вставил Арчи. – Наверняка они разослали номера на все блокпосты.

– Все сложнее, – сказал Стас и поискал, куда бы стряхнуть пепел, потом допил кофе и сбил пепел в чашку. – Если они действительно серьезно намерены тебя взять, то будут

останавливать каждую проезжающую машину и осматривать. Можете мне поверить, я уже участвовал в перехватах.

– Тогда что ему делать? – Арчи отнял у Стаса чашку и стал стряхивать туда пепел своей сигареты. – Ты же детектив. Неужели никто и никогда не прорывался сквозь кольцо? Мы можем достать оружие, и мы еще помним, как с ним управляться. Зачем думаешь, что не прорвемся?

– Не прорвемся, – твердо ответил Стас. – Прорываться пробовали много раз. Реальные люди с реальным оружием. С хорошими тачками.

– И что?

– И ничего. Наши блокпосты рассчитаны на атаку упырей. Там груды оружия. Когда объявляют план-перехват, на дежурство встают дополнительные силы от Управления, дорожной полиции, инженерных подразделений. Если ситуация критическая, подключаются федеральные войска и авиаэскадрильи. Особенно теперь, после летнего прорыва ублюдков. Еще никому не удавалось прорваться из города во время действия плана-перехвата. Но даже если бы это случилось, далеко он не ушел бы.

В соседней комнате что-то упало и покатилося. Все повернули головы. В дверях стояла Алиса. Стас торопливо отвел глаза. Не из-за сказанного только что. Нет, его словно обжигал ее взгляд, и даже теперь, испуганная, Алиса была... ослепительна.

Она сдерживала слезы, и она была чертовски сильной. Но даже у самых сильных материалов наступает момент, когда они не выдерживают сопротивления.

– Поэтому никто не будет прорываться из города, – кашлянув, сказал Стас.

– В городе его рано или поздно найдут, – едва слышно проговорил Шрам.

– Скорее поздно. С моей помощью мы сможем тянуть время достаточно долго, но если они возьмут меня, а скорее всего, это произойдет, то... Черт... Короче, в городе тоже оставаться нельзя.

– Ему нельзя бежать за город и нельзя оставаться в городе. Что же делать? – дрожащим голосом проговорила Алиса.

– Я сказал, что никто не будет прорываться за город, потому что прорываться бессмысленно. Но это не единственный способ выбраться за его пределы.

«День валится в вечер, как... как я не знаю что. Снег, правда, делает всю эту ежесуточную дребедень менее обыденной. Он добавляет красок. И это странно, ведь, по логике, снег краски убивает. Он превращает все в шахматную доску: только белый и только черный. Но бывают, бывают исключения. Не все становится черно-белым даже зимой. Это говорю вам я, диджей Халли, на волнах рэдио «Хоспис», последнего нормального... (помехи)...товы глушилки. Так вот, парни, мне можно верить. Знаете почему? Потому что мне наплевать на ваши чувства, мне плевать, если я кого-то из вас обижу или задену какие-то сверхчувствительные струны ваших тонких душ. И к тому же я чертовски пьян. Мне плевать, а поэтому я не стану врать. И давайте по этому поводу достанем с пыльных полок давненько не упоминавшуюся мною пластинку славной вестерн-серфовой банды «The Hellbenders» и послушаем их «Today We Kill... Tomorrow We Die». Немного спагетти-вестерна не повредит этому вечеру, да?»

* * *

– Короче, вот что надо сделать. Мы разделимся. Ауч останется здесь, поможет. Алиса и Скальпель, собирайте вещи, но только то, что уместится в двух сумках. Одна для Скальпа, вторая для Алисы.

– Мне тоже?

– Однозначно. Если выйдут на этот дом, выйдут и на тебя... На вас... Девушке не стоит попадать в Особняк, даже если хотя бы половина из того, что о нем говорят, правда. Дальше. Шрам, ты пойдешь на Вокзальную площадь, там есть Гарлемский переулок...

– Знаю.

– Отлично. Найдешь там пансион «Келья» и снимешь номер на десять дней. Никаких чеков, заплатишь наличными, имя свое не называй, придумай какое-нибудь. Номер должен быть как можно ближе к двенадцатому этажу. По дороге особенно не светись.

– Понял.

– Бруно, к твоему «Харлею» есть коляска?

Бруно отрицательно покачал головой.

– А достать байк с коляской можешь?

Бруно кивнул.

– Достань, осмотри его на предмет довольно долгой дороги и заправь по максимуму. Ближе к полуночи подъезжай в переулок Составный. Он параллельно Гарлемскому идет. Там увидишь, между двумя домами будет такой узкий проулок. Других таких нет. Вставай там и жди, пока мы не появимся.

– Понял.

– Скальпель. Сколько у тебя налички и сколько и у кого можно достать?

– Не у кого. В смысле – теперь. А с собой тысяч двадцать. Еще столько же дома, но туда, мне кажется, лучше не соваться.

– Да, дома стопроцентно ждут. Но вообще-то двадцать штук неплохая сумма, в Третьем Периметре хватит на полгода, а потом мы еще подкинем. К тому времени я организую новые паспорта. Если меня не заметут, конечно. Теперь слушай и запоминай. В районе пятнадцатого километра прямо у дороги стоит бар «Дорожная станция 01». При этом баре сдаются комнаты. Бруно отвезет вас туда. Там хозяйка... В общем, я не знаю, как ее зовут. И она не знает моего имени. Но напости ей, что... Однажды там останавливался парень, у которого только что умер отец. Скажи ей, что я помню ту ночь, и скажи, что я прошу для вас помощи. Она нормальная. Не станет задавать вопросов. Поселитесь при этом баре. В Третьем Периметре начнут искать не сразу, сначала обшарят Второй. А когда дойдут до Третьего, начнут искать в глуши, а не прямо у дороги. Конечно, светиться не стоит, по крайней мере до тех пор, пока я не достану документы. А там что-нибудь придумаем.

– Ты все еще не сказал, как нам выбраться из города.

– А я сам пока не знаю. Но я знаю человека, который поможет. Заеду за вами ближе к десяти вечера. Когда постучу, убедитесь, что это я. А если нет... Черт, отстреливайтесь и продержитесь до моего возвращения.

* * *

Фарика Абалай оказалось не так-то просто найти в этот субботний вечер.

Выйдя от Алисы, Стас первым делом нашел телефон-автомат и попытался дозвониться сначала домой к Фариду, потом в «Порги и Бесс». Но ни дома, ни в магазине трубку не брали. Пришлось прибегнуть к выдуманному на ходу плану «Б». Стас доехал на автобусе до Сафари-авеню, где располагался пункт проката машин. Вообще-то прокаты были и ближе, но только на Сафари-авеню у Стаса были связи. Так же, впрочем, как и у Фарика.

Керим Абалай, старший брат Фарика по отцу, держал все более-менее крупные заведения на этой улице. А найти его можно было как раз в прокате.

– Детектив Бекчетов! – сверкнув белозубой улыбкой, встретил его Керим. Он встал из-за огромного стола, попирающего пол небольшого, но богато украшенного кабинета, протянул руку: – Слышал, у тебя неприятности.

Керим сел, закинул ноги на стол, снова белозубо улыбнулся. Он был уверен в себе, он имел на то все основания и, главное, возможности. Под гладко выбритым подбородком элегантно краснел галстук-бабочка, выделяясь над ослепительно-белым смокингом, пальцы, которые он прислонил в шутовском салюте к виску, были унизаны золотом и драгоценными камнями.

– Не совсем у меня, – ответил Стас. – А слухи быстро распространяются.

Керим пожал плечами и толкнул по столу коробку с сигарами. Очень дорогими сигарами.

– Слухи тут ни при чем. Утром из Особняка обзванивали все автопрокаты, где ты светился, в том числе и наш. Сказали, если ты или кто-то из твоих друзей будет брать машину, сообщить. Друзей детально описали. И еще какую-то дамочку... не помню имени.

– Но... проигнорировать это указание можно?

– Брат, – Керим развел руки и пожал плечами, – я не так крут, чтобы тягаться с ребятами из Особняка. Знаешь, почему Особняк называют Особняком? Потому что там располагается особый отдел, который занимается особыми делами. И работают там особые люди. Я бы не хотел перебегать им дорогу. Но... ты же знаешь, какой у нас тут бардак бывает по субботам. Слишком много клиентов. И если окажется, что одна из машин уехала без записи... То я, несомненно, потороплюсь предупредить особых людей. Об угоне.

Стас улыбнулся и сунул в карман одну из сигар. Пригодится.

– Ты не против, если эта машина будет не сильно броской?

– О, в такой день броских машин уже не осталось. Их, если честно, разобрали еще вчера. Нет, осталась одна, довольно потрепанная с виду. Но знаешь, у нее резвое сердце. И когда нужно прокатиться без шума по улицам этого прекрасного города, Керим выбирает ее.

– Спасибо, Керим.

– Разве я что-то для тебя сделал? Разве станет честный и законопослушный гражданин Керим Абалай делать что-то для человека, на которого положили взгляд люди из Особняка? Я так не думаю.

Это был старенький «Плимут» невнятного серо-голубого цвета со следами ржавчины на крыльях. Но, сказав, что у него резвое сердце, Керим не сказал и половины правды. На дороге автомобиль был как дьявол, спрятанный в старые доспехи, как ветеран римского легиона, весь в шрамах и с изрубленным мечом, но стоящий десяти молодых воинов.

– Будь с этим старичком аккуратнее, – сказал Керим, собственноручно выдавая ключи, – он сноровистый. Настоящий призрак дорог.

– Постараюсь с ним справиться.

– И вот еще что. – Белозубая улыбка исчезла с лица Керима. – Помнишь тот случай, когда я сумел уйти от погони, которую ты за мной вел?

– Да, иначе не пришел бы к тебе.

– Так вот, Стас, мы квиты. Больше я ничего тебе не должен, так что больше не приходи ко мне с просьбами.

Они пересеклись взглядами. Стасу было что возразить, но он не мог, не сейчас...

– Ладно. Скажи только, где я могу найти сегодня Фарика, – кивнул Стас, – и больше я никогда и ни о чем тебя не попрошу.

Улыбка снова вылезла на смуглое лицо Керима.

– Так стараются только ради женщины, а, Станислав?

– Ради женщины и лучшего друга.

– Посмотри в клубе «Периньяк», – ответил Керим и, не прощаясь, ушел к себе в кабинет.

* * *

Темнело быстро. Не так стремительно, как зимой, когда темнота рушится, как самоубийца с крыши небоскреба. Но все-таки быстро. И каждый пролетающий мимо старого серо-голубого «Плимута» ночной фонарь отсчитывал секунды потерянного времени. Клуб «Периньяк» находился на Шубертштрассе, не так уж далеко, но Стасу казалось, что этим вечером весь город выполз из своих щелей, сел в свои машины и вылез на дороги. Но были еще дворы, и никто не знал их так, как человек, несколько лет подряд гонявшийся за самыми отъявленными преступниками города за рулем полицейской машины. Однако даже в те наполненные скоростью времена Стас не ездил так быстро и так безрассудно.

Фойе клуба «Периньяк» горело тысячью ламп накаливания, свет которых отражался в тысяче бриллиантов на шеях дам, в атласных отворотах смокингов, в десятках тысяч граней высоких бокалов для шампанского. Человек того круга, к которому принадлежал Стас, имел лишь одну возможность войти в эти двери – яростно хлопнув бумажником со значком детектива Управления юстиции по надменному лбу метрдотеля. Способ не самый красивый, но действенный. Он добавляет прыти, а без помощи пугала в ливреях Стасу никогда бы не удалось отыскать в этой блистательной толпе Фарика. Метрдотель же нашел его в считанные минуты и передал, несколько бледнея, что какой-то человек из отдела убийств Управления ждет того на кухне.

Фарик вбежал так торопливо, как будто в погоню за ним устремились все злобные джинны его родины, каждый из которых отсидел в бутылке не меньше трех тысяч лет. Он был чертовски элегантен, и испуганное выражение лица отчаянно контрастировало с невероятно дорогим смокингом и ослепительно-белыми перчатками.

– Что случилось, Стас? Обыск? Сейчас?

– Спокойно, Фарик, я пока еще в состоянии прикрывать твою лавочку. Официально, для всего Управления, ты был и остаешься моим осведомителем.

– Что тогда случилось?

– Мне нужен твой выход на контрабандистов. На крупных контрабандистов. И срочно. Сейчас.

– Но, Стас, дорогой, ты же мне горло режешь. Если я сдам их, то где мне брать товар? Я же банкрот тогда, я нищий... А потом, слушай, слушай, Стас. Это серьезные люди, они такого не прощают. Меня повесят, как собаку.

– Прекрати гнать истерику! – Стас схватил Фарика за лацканы и, притянув к себе, проговорил на ухо: – Это не для Управления. Это для меня. Нужно сделать так, чтобы мотоцикл с тремя людьми вышел за черту города, минуя блокпосты. Сделаешь – и рассчитаешься за мою работу на год вперед.

Фарик был трусоватым парнем, но отличным бизнесменом. Из тех, что никогда не рвутся прыгнуть выше головы до тех пор, пока не осознают, что способны это сделать. Испуганное выражение исчезло, уступив место сосредоточенности.

– Какая марка мотоцикла?

– Пока не знаю. Но думаю, будет что-то достаточно скоростное. И с коляской.

– То есть полтора метра ширина, да?

– Наверное. Не знаю.

– Возьмем тогда два про запас. Два метра – это либо Семен, либо Фицпатрик. Но Фицпатрик сейчас в Третьем Периметре. Собирает товар. Так что Семен. Он мой должник. Очень кстати.

– Сколько потребуется времени на улаживание?

– Ну, – Фарик осмотрелся, – если на кухне есть телефон, то меньше пяти минут. Но, Стас, если узнают в Управлении...

– Не узнают. А если узнают, меня первого в расход пустят.

* * *

На первом канале у новостей была несколько лет назад такая заставка. На фоне звездного неба медленно восходила Земля, постепенно окрашиваясь солнечным светом. Программа была утренняя. Своего телевизора у Стаса тогда не было, так что он ее редко видел. В это время он либо ехал на работу, либо с работы – в зависимости от того, в какую смену нужно было крутить баранку. Так вот, говорили, что если присмотреться, то видна леска, за которую привязан поднимающийся глобус Земли, а в один из моментов мелькает рука, которая эту леску тянет. Каждый раз, когда кто-то говорил об этом, Стас клялся и божился себе, что непременно при случае этот момент разглядит. Но случай никак не представлялся. А когда полтора года назад в его квартире появился собственный телевизор,

заставку уже сменили: римская колесница, запряженная тройкой огнедышащих лошадей, неслась по залитому синим светом полю. Вообще-то было не совсем понятно, что эта заставка символизировала. Наверное, тот факт, что от хреновых новостей никуда не спрячешься. И рано или поздно они настигнут тебя, как эта римская колесница. Накрутят на обод колеса или спалят огнем из лошадиных ноздрей. Потом обведут сначала белым мелом, потом черной рамочкой, и ты станешь мало кого интересующей новостью. Ненадолго. Так это понимал для себя Стас.

Но в этот вечер он снова вспомнил старую заставку. Только так, как будто бы ее прокручивали задом наперед и Земля опускалась, постепенно погружаясь в ночь. Он подумал, что если бы не началась война, то ученые, про которых он однажды читал в журнале, закончили бы свою работу по изобретению двигателя, с помощью которого человек мог бы летать к звездам. И оттуда тоже можно было бы увидеть руку, которая держит леску.

Между тем город кипел жизнью. Его асфальтовые вены пульсировали фарами и поворотниками, стоп-сигналами и освещенными салонами. Над ним парили квадратными нимбами яркие окна домов, устремленных ввысь, туда, куда так и не смог забраться человек. Как знать, может, когда-нибудь люди научатся строить дома, крыши которых будут выходить в космос. Было бы интересно побывать на такой крыше и посмотреть вниз. Хотя вроде бы в космосе нельзя дышать. Ну, можно было бы раздобыть по такому случаю водолазный костюм, в мореходке были такие штуки. У них огромные круглые шлемы, которые надевались на голову, а из затылка тянулся мощный шланг для закачки воздуха. Стасу, правда, так и не удалось побывать в таком шлеме под водой. На самом деле ему многого так и не удалось сделать.

Он подъехал к дому Алисы и Готфрида за четверть часа до назначенного срока. Припарковал машину через дорогу и закурил. Он внимательно осматривал улицу из темного салона, но непохоже было, что кого-то заинтересовал одноэтажный краснокирпичный особняк с белым крыльцом.

Машины шли ровным потоком мимо. Кроме «Плимута», ни одна из них не пыталась припарковаться на обочине. Снег медленно кружил в безветрии, скапливаясь на шапках фонарей, на заборах, на крышах домов, но асфальт, даже на безлюдном тротуаре, оставался почти идеально черным.

Стас набрал полную грудь воздуха и открыл дверь. Было свежо.

«Вот и ночь, дети мои. Бездельники, а ну скажите старине Халли, как вы намерены провести ее? А? Набивая желудки разносолами и откупоривая бутылки? Ну что ж, кто я такой, чтобы судить вас? Я сам именно этим занимаюсь едва ли не с полудня. Потому что суббота – это праздник, который всегда с нами!

А я, знаете ли, намерен посмотреть новое творение этого молодого гения от кинематографа с колючим именем Хичкок. Называется лента «Psycho». Оригинально, должен вам сказать. Вроде бы и детектив, а нет. Там фишка скорее даже не в преступлении, а в том, что творится в голове убийцы. Да. Рекомендую к просмотру. Одного я только не смог и никогда не смогу понять. Какого черта надо было так высоко держать камеру во время сцены убийства в душе? Вот я буду откровенен. Когда женщина моется в душе и я смотрю на это, меньше всего меня интересует выражение ее лица. Ну да ладно, спленимся этот минус на молодость режиссера.

Что бы мне вам такого поставить в этот славный вечерок?.. Ну, пусть, к примеру, будет К. D. Lang с композицией «So In Love». Славная добрая музыка для славного осеннего вечера».

В прихожей около дверей стояли две сумки. Стас не вспомнил об этой мелочи, когда инструктировал Алису и Скальпеля. Если бы кто-то перебрался незамеченным через забор, он легко увидел бы эти сумки через одно из окон прихожей. Хотелось бы знать, о каких еще мелочах забыл Стас...

В доме уже пахло заброшенностью. Так бывает. Перед побегом люди пытаются собрать необходимые вещи, они суетятся, и поднимается много старой, забытой пыли. А может, дело в другом. Может быть, дом чувствовал, что его бросают, и был напуган. И у него выделялось что-то типа адреналина, как у человека, когда на него нападает собака. Запах старой, поднятой в спешке пыли, запах побега. Последний раз Стас чувствовал его во времена отступления. Тогда не нужно было заходить в дома, чтобы почувствовать его. Этот запах витал повсюду.

Они сидели в гостиной вокруг того же стола. Лишь согбенный Захария сидел в кресле поодаль и смотрел на экран выключенного телевизора. Он снова терял хозяина, старый верный слуга.

На столе все еще стояла большая тарелка с одиноким бутербродом-панини. Даже не притрагиваясь, можно было сказать, что он зачерствел. Толстяк Ауч дымил окурком дешевой сигары. Стас молча подошел и положил перед ним сигару Керима Фарика.

– Иди в «Долину», старина. Теперь моя очередь. По дороге придумай, что сказать, если тебя будут ждать и спросят, почему тебя не было.

– Уже придумал. – Ауч убрал подаренную сигару во внутренний карман пиджака и грузно поднялся. – Позаботься о ребятах, да?

Захария прошуршал мягкими тапками по гостиной, потом по прихожей, чтобы закрыть за ним дверь. Стас подождал, пока щелкнет замок. Сел за стол. Алиса была бледна, но ощущение готовой рассыпаться античной маски, с которым уходил Стас, исчезло. Да, она была в отчаянии, но это было отчаяние решимости. Если Стас и беспокоился о ней минуту назад, то теперь был спокоен. Она не упадет в обморок, не остановится на полпути. Стас снова вспомнил, как она шла по причалу, как солнечный свет не мог выбраться из ее спутанных ветром волос. Вспомнил и силой воли прогнал видение.

– Ну что, курсант Бекчетов, пора и нам? – усмехнулся Скальпель.

Что ж, старина Готфрид снова был тем, кем был. Он прошел неплохой путь по карьерной лестнице, оперировал перед восхищенными студентами, был вхож в высшие слои общества, сумел найти женщину и дом с занавесками на окнах. Это как гардероб, который со временем наполняется вещами: летний плащ, осеннее пальто, полушубок на зиму. А в самом дальнем углу висит невзрачная солдатская шинель на все времена года, и ни одна проклятая моль не смеет к ней приближаться. И вот настал момент, старый солдат перетряхнул гардероб, и оказалось, что, кроме этой шинели, у него ничего нет. Все остальное осыпалось, поеденное молью.

Когда на биржах осыпаются курсы акций, обанкротившийся банкир пускает в лоб пулю. Когда в гардеробе солдата осыпается весь нажитый в мирное время скард, он достает из рукава шинели скатанный вещмешок и ждет нового назначения. Вот и все.

– Подождем еще немного, – сказал Стас и взял с тарелки панини. На самом деле он был не таким уж и черствым. – Помнишь то утро, когда все началось?

– Трудно забыть. – Скальпель достал из кармана золотой портсигар, вытащил из него сигарету. Стас поднес ему зажигалку. – Нас подняли по тревоге, раздали винтовки и кортики, а потом держали полдня на плацу, на солнцепеке. Ждали приказа...

– Но его уже некому было отдавать, – кивнул Стас, – все высшее морское командование болталось на фонарных столбах вместе с полицейским руководством и партийными ублюдками. Когда мы узнали об этом, мы дали слово, что в конце концов, что бы ни случилось, найдем друг друга.

– Да. – Скальпель рассмеялся.

– Почему ты смеешься?

– Вспомнил... Бедолага Шрам оставлял сообщения в каждом городе на главпочтамте. Даже там, где главпочтамты были разбомблены. Оставлял кучу надписей на камнях. Мы так ни одного и не нашли.

Стас улыбнулся, покачал головой и сказал, обращаясь к Алисе:

– Да, это очень похоже на Шрама. Он весь в этом. Я как-то собрался съездить в один из

уцелевших городов. Шрам рассказывал о нем. Хотел найти эти надписи. Но... так и не собрался.

– Хорошо, что у Готфрида есть такие друзья, – тихо сказала Алиса. – Все вы. Гардемарины.

– Мы уже давно не гардемарины, – снова покачал головой Стас и вспомнил слова Шрама, сказанные в «Бескозырке»: – Мы просто друзья.

– Так к чему ты это, Стас? Про то утро... – спросил Скальпель.

– К тому, что того слова никто не отменял. Нам пора. Поехали.

Алиса встала из-за стола первой. Стас посмотрел на нее снизу вверх, и она была прекрасна. Она стоила всего этого. Всего того, что предстояло им этой ночью и в грядущие дни. Данное когда-то слово – и она.

– Перед домом остановилась какая-то машина, – скрипучим голосом проговорил Захария. – В салоне, кажется, трое. Посмотрите на них! Эти болваны обучены ловить людей в многоквартирных домах, они понятия не имеют, как это делается в особняках. Сидят, ждут...

– Погреб готов? – спросил Стас.

– С момента покупки дома, – усмехнулся потрескавшимися губами Захария. – Ваш отец хорошо меня учил.

– Скальпель, еще раз объясни мне. Винный погреб соединен со стоковым коллектором, который выводит на ту сторону улицы, правильно?

– Точно.

– Как раз к тому ужасному автомобилю на той стороне дороги, – подтвердил Захария.

– Это он с виду ужасный, – усмехнулся Стас. – Но у него резвое сердце.

Когда он подходил к двери в погреб, Скальп окликнул:

– Стас! – И, спустившись на несколько ступеней вниз, проговорил еле слышно: – Стас... Слушай... Я не говорил тебе, были причины. Но десять дней назад я был свидетелем... одного очень мерзкого дела. Случайным. В общем, думаю, так просто с меня не слезут.... И если найдут – церемониться не станут. Так что, если со мной что-то случится...

– Ладно, – кивнул Стас, – это мы тоже учтем. Подробности расскажешь потом. Сейчас главное – выбраться из города.

* * *

Такие погони нужно снимать в фильмах. Ради таких погонь нужно снимать фильмы.

Два аса, два мастера высшего класса сжимали в ту ночь баранки своих автомобилей – потрепанного серо-голубого «Плимута» и блистательно-черного джентльмена марки «Шевроле». Два стальных сердца молотили своими поршнями под разгоряченными капотами и рвали темноту ночи лучами своих фар. Дворы и улицы, переулки и арки домов отлетали назад, как отработанные гильзы от ствола пулемета. Стас знал их как свои пять пальцев, а шофер «Шевроле» знал свое дело. И все же однажды Стас едва не оторвался, едва не ушел в лабиринт переулков неподалеку от площади Вильгельма Телля. Чертыхаясь, он слегка унял яростное сердцебиение резвого мотора, чтобы черный красавец снова сел ему на хвост. И полетел за ним в ночь, играющую тысячью искр отраженного снежинками света фар. Чем дальше от вокзальной площади, тем лучше. И погоня должна была продолжаться, пока, выбравшись через задний двор, Алиса, Скальпель и задыхающийся от спешки согбенный Захария (кто же бросит доброго старика?) ехали в сторону вокзала на неторопливом автобусе.

И все получилось в эту ночь. У них у всех все получилось.

Алиса, Готфрид и Захария добрались до пансиона, где поднялись на двенадцатый этаж и дождались в своей комнате полуночи. Там уже нес свою вахту Шрам. Потом Шрам, Алиса и Скальпель вышли в коридор, убедились, что там никого нет, и проделали в обратном

направлении почти тот же путь, что и Стас днем. Они лишь не стали перебираться в кафе, а проулком вышли на соседнюю улицу, где их ждал Бруно, оседлавший рычащее чудовище на трех колесах.

Бруно отвез их к старым баням Семена Оболенского, простоватого русского мужичка, попариться к которому ходили все представители высшего света города и, довольно морщась от обильного пара, бьющего из каменной печи, никогда не задумывались о том, что Семен Оболенский, потомок богатого на истории русского рода, купил этот смешной бизнес только для того, чтобы получить здание, стоящее на старинном, едва ли не времен римского владычества, акведуке, который был скрыт городскими наслоениями. Об этом акведуке сохранились лишь немногие документы в городском архиве, но после появления вывески «Бани Семена Оболенского» эти документы чудесным образом исчезли. К акведуку можно было проехать на неширокой – не более двух метров в ширину – тележке, запряженной мулами, через угольный склад бань. Там, на глубине в десяток метров, были вмурованы в каменные стены тяжелые стальные ворота и неусыпно несла вахту стража из отборных бойцов уличного дна. Но они пропустили мотоцикл с коляской. Пропускать кого надо и не давать покинуть подземелье кому не надо – за это и платил им Семен.

Фарик сказал, что, когда началась война, Семен был корнетом русской армии. Корнет Оболенский. Стас в это не верил, но спорить не стал. Про себя же решил, что если где и находился нынешний хозяин бань, так это в густых Муромских лесах, где учился управляться с кистенем и засапожными ножами. А может, и вовсе ходил в народовольцах. А что, Оболенский – подходящая фамилия для бомбиста.

Захлопнув за уносящимся мотоциклом дверь, бойцы навсегда забыли замеченные номера, лица тех, кто покидал город той ночью, и две дорожные сумки, лежащие на коленях пассажира в коляске.

Согбенный Захария привычно запер за хозяевами дверь пансионной комнаты, застелил слишком большую для него двуспальную кровать, слегка поворчал насчет плохо просушенных простыней и лег спать. За свою долгую жизнь он научился беспокоиться вовремя и вовремя отдыхать.

Шрам покинул пансион через главный вход, задержавшись ненадолго за приятным разговором с веселой ночной дежурной, стареющей, но еще имеющей виды дамой. Они так громко смеялись, что не смогли бы расслышать лишнего шума, если бы тот донесся, к примеру, с далекого двенадцатого этажа. После этого Шрам вернулся в мастерскую, предварительно напившись по дороге в одном из баров привокзалья, достаточно сильно, чтобы от него разило утром, но не перебарщивая, чтобы память не спасовала. Перед тем как покинуть бар, Шрам на всякий случай врезал одному из выпивох. Для убедительности и закрепления памяти.

Уехавший от Алисы и Скальпеля Арчи отправился вовсе не в «Долину», а в офис своего поставщика алкоголя, который работал семь дней в неделю, без перерывов на обед и ночь. Естественно, не самолично, а путем эксплуатации труда подчиненных. Из этого офиса Арчи позвонил своему помощнику в «Долину» и наорал на него за то, что тот должен был уже два часа назад позвонить ему сюда и сообщить сумму заказа. Благо старый друг-поставщик развлек Арчи дегустацией. Помощник виновато извинялся, признавая, что необходимость звонка вылетела из его памяти: суббота – слишком много клиентов и суеты. Что касается старого друга-поставщика, то он, как и всегда, впрочем, в ночь субботы, валялся отчаянно пьяный на диване в своем кабинете и наутро наверняка не смог бы точно сказать, была ли вышеупомянутая дегустация или нет. Хотя, судя по всему, скорее всего была.

Стас же, бросив взгляд на часы и убедившись, что время пришло, вогнал старенький «Плимут» в невероятный вираж, уходя от погони во дворы, пронизывающие квартал между улицами Касабланки и Лужина. Там Стас бросил верно послужившую машину. А поймать его в этом лабиринте черных ходов, соединенных крыш и пожарных лестниц не смог бы и сам Моралес в лучшие свои годы.

Часть третья

Ночи

С утра зарядил снег. Сначала слабый, едва заметная рябь в безветрии, как будто сбился слегка телевизионный канал. Но потом поднялся ветер, налетал злыми хлесткими волнами, бил крыльями по окнам, хлопал дверьми, гудел в подъезде. Снежная рябь, увлеченная этой злобой, кошачьими когтями нацелилась в лицо.

Стас, придерживая одной рукой поднятый воротник, а другой шляпу, перебежал дорогу к своему «Студебеккеру», торопливо открыл салон. Похолодало заметно, и машина завелась не с первого раза, капризно поворачив холостыми.

Несмотря на разгулявшуюся стихию, на небе в прорехах серых низких облаков то и дело проглядывало солнце. Так на флоте передают сигналы с помощью прожекторов-семафоров: открыть экран, закрыть экран, вспышка, затемнение. Но Стас давным-давно забыл семафорную азбуку.

В этот же час Арчи и Шрам у разных въездов в столицу несли свою вахту: Шрам у северного блокпоста, Арчи у юго-западного. Около года назад младшему детективу Бекчетову также пришлось отсиживать свои вахты. Тогда ждали приезда в город неуловимого медвежатника по кличке Страус. Тот был маэстро конспирации, умел прятать в песок любые доказательства своей причастности к преступлениям, но в этот раз ему светила полная луна за решеткой. Дело было за малым – найти и поймать. В то время в город прибыла знаменитая нумизматическая коллекция. Для большинства людей эти слова не значили почти ничего. Некоторые догадывались, что под ними скрываются покрытые ржавчиной монеты канувшего в прошлое мира. Но были и другие, единицы – и среди них Страус, – кто видел за словами «нумизматическая коллекция» вполне современные деньги. Он бы не прошел мимо такого соблазна. Вот тогда-то всех едва оперившихся младших детективов отправили в дозор к блокпостам. Так что Стас знал удобные забегайки с окнами-витринами, из залов которых открывался отличный вид на ворота в город. Вот только тогда был август месяц, а сегодня снежная замять портила карты. Как бы не пропустили друзья въезд Бруно. А это было важно – не пропустить, увидеть. Потому что, если старый молчун пригонит свой «Харлей» через северные ворота, только тогда и можно будет успокоиться. Это будет значить, что Скальп и Алиса благополучно добрались до места. Но если Бруно въедет через юго-западные ворота (или, не дай бог, не приедет совсем), это будет сигналом опасности. Что-то случилось по дороге, что-то стряслось. На этот случай у каждого из них стояли собранные вещевые мешки. Спокойно ждать ареста никто не намеревался.

Вот и Стасов мешок лежал на заднем сиденье «студа»: железная миска, железная кружка, ложка, теплые носки, рубашка и свитер. Остальное можно будет достать по дороге. Там же, в подшитом ко дну кармане, лежали накопленные деньги. Хотел поменять дверь на «Студебеккере», да и телевизор на кухне пора было менять. Так казалось... В общем, немного, но на первое время хватит. Теперь нужно было успеть до девяти в Управление. Друзья будут звонить туда, какие бы новости ни принесло это израненное снежными осколками утро.

Дороги, и без того страдающие от пробок, в этот день стояли намертво. Тут и там сплошной автомобильный поток замедлялся из-за аварий. Закрытые окна не спасали от смрадного облака выхлопов. Нервы, и без того натянутые ожиданием, готовы были вот-вот лопнуть. За бесконечные два часа пути до автостоянки Управления Стас выкурил полпачки сигарет. Помимо прочего, все попытки поймать волну радио «Хоспис» разбивались о помехи глушилок, если и прорывалось что-то, то очень невнятно и почти сразу терялось в змеином шипении. Что бы там ни говорил Халли, а взялись за него всерьез. Упрямый диджей все обещал начать использовать некое оборудование, которое смогло бы без труда миновать глушилки, но то ли это были просто слова, бравоирование, желание позлить власти, то ли

упомянутое оборудование оказалось не таким уж мощным. Как бы там ни было, Стас ехал в тишине. Все прочие радиостанции сыпали, как небо снегом, лозунгами, каких в последнее время развелось, как платяных вшей в одежде бродяги. А если они и прерывались музыкой, то была это бравурная чепуха или унылая продукция, замешенная все на том же официозе.

И все же Стас успел в Управление к девяти, он не стал задерживаться на ступенях, чтобы выкурить традиционную утреннюю сигарету, а на удивление знакомых отвечал, что навалилась куча дел. Те понимающе кивали – такая у них работа. На третий этаж, где на кафедре отдела убийств его группе была выделена отдельная каморка, почти взбежал. И тут же дало сбой сердце: Эльза, секретарь отдела, милая дамочка за сорок, проработавшая здесь с момента основания Управления, увидев его, помахала бланком. Это значило, что кто-то звонил и оставил сообщение.

Необязательно ребята, подумал Стас, они не должны были звонить раньше времени. Кто угодно мог позвонить. Вообще кто угодно. Но сердце отказывалось прислушиваться, оно впитывало тревогу, как губка.

– Какой-то вы сегодня бледный, Станислав, – добродушно проговорила Эльза. – Совсем себя не бережете. Похудели...

– Плохо спал, – ответил Стас. – Бессонница. Все из-за погоды. Мне звонили?

– Да. Какой-то молодой человек, представляться отказался. Но голос приятный... Вот, просил перезвонить по этому телефону, сказал, что срочно.

Стас, внимательно следя за тем, чтобы дрожание руки не выдавало нетерпения, взял бланк поступивших звонков. В поле информации был вписан внутренний телефон Управления. Незнакомый.

– Благодарю вас, Эльза, – сказал Стас, складывая бланк и убирая его в карман.

Огромная аудитория была разделена фанерными перегородками на отделы для групп. Их называли кабинетами, но название это было условным. В дальнем от входа углу, там, куда свет огромных, некогда витражных окон достигал в последнюю очередь, выделили кабинет для группы Бекчетова. Каморка папы Карло два на два метра, где большую часть площади занимал стол эпохи динозавров и несгораемый шкаф, к которому нельзя было притронуться, не рискуя испачкаться в ржавчине. Ну что ж, начинать всегда приходится с малого.

Стас вошел в кабинет, повесил одежду на гвозди, вбитые в дверной косяк специально для этой цели, поднял телефонную трубку. Телефон работал, уже что-то. Набрал трехзначный номер.

– Младший детектив Шенкель у аппарата.

От сердца отлегло.

– Роб, привет, это Бекчетов.

– А, утро доброе, Стас.

– Что-то случилось?

– Ну как... Ты же просил собрать группу, я и собрал.

Совершенно вылетело из головы. Так себе начало для старшины группы.

– Отлично, Роб. Давай в отдел и веди ребят. Познакомимся.

– Есть, господин старший детектив.

– Ты мне голову-то не морочь, слышишь, Шенкель, – усмехнулся Стас. – Давайте в кабинет.

Слишком много всего, слишком быстро все происходит. События накладываются одно на другое, как коржи в торте «Наполеон», слой за слоем, пропитываясь действиями, ошибками, временем и тем, что могло случиться, но не случилось. И нужно лавировать, быть лоцманом в русле собственных шагов, каждый из которых мог завести на мель или проклятый водоворот.

Философия – не твоя стихия, усмехнулся Стас, глядя в искаженное отражение на куске стекла, укрывающем столешницу. Только его лицо, телефонный аппарат да графин с подозрительной жидкостью, накрытый, за отсутствием пробки, стаканом, и отражались. Стас

с сомнением посмотрел на графин, снял стакан, понюхал. Потом осторожно плеснул на дно стакана и сделал глоток. Обычная вода из-под крана. Просто вода.

За перегородками в соседних кабинетах кипела жизнь. Стрекотала пишущая машинка, что-то требовал женский голос, изредка выкрикивая: «Алло, вас плохо слышно», что-то обсуждали два мужских голоса, один из которых показался Стасу знакомым.

Почему же не звонит Шрам? Или Арчи? Почему так долго? Что могло случиться? Или ничего не случилось и он просто накручивает себя? Не так уж много времени прошло. К тому же, может, это как раз хорошо, что не звонят. Не торопятся, значит, нет причин торопиться. Случись что, сразу бы позвонили.

Стас снова поднял телефонную трубку и позвонил в архив. Когда ответил усталый женский голос, попросил:

– Романова к телефону пригласите, пожалуйста.

Васька Романов был единственный знакомый Стаса среди яйцеголовых. Технарь, состоящий в штате обслуживающего персонала разностной машины. Как-то, еще во время курсов на звание младшего детектива, Стасу пришлось искать информацию по одному занятому персонажу, доктору Хорвату, мерзавцу, создававшему химические наркотики. В помощь Стасу тогда отрядили Романова.

– Да, алле?

– Вась, это Стас Бекчетов, помнишь?

– А, привет, помню, конечно. Что случилось?

– Да дело одно закрытое надо поднять. Дали «добро» на возобновление расследования.

– Нет проблем, Стас. Какой номер?

Стас назвал номер дела.

– Записал, – ответил Васька. – Пришлю с курьером. Тебе же наверняка срочно, как обычно?

– Ну, в общем, да.

– Ладно, жди.

Жди. По всей видимости, этот день должен был стать днем ожидания. Стас откинулся в кресле. Кресле, о котором совсем недавно мог только мечтать. Детектив, руководитель группы, собственное дело, собственное расследование. Но не было даже намека на радость, только общая усталость, которая напоминала сигнал воздушной тревоги: от нее невозможно было спрятаться.

На фанерной перегородке висели какие-то пожелтевшие фотографии и несколько вырезок из журналов. На вырезках в основном кинозвезды. Уже остывшие, уже почти безымянные. В киноиндустрии все происходит в обратном порядке, сначала актриса становится сверхновой, потом какое-то время светит и дарит тепло, а потом отходит на второй план, откуда редко возвращается... На фотографиях были запечатлены четыре человека, наверное, те, кто обитал в этом закутке до Стаса. А может, и раньше: ни одного знакомого лица. Костюмы, считавшиеся верхом шика лет пять назад, а теперь выглядевшие нелепо. У всех до одного шляпы с широкими полями и высокой тульей.

По залу отдела убийств распространялся бодрящий запах кофе. Надо бы сварить себе, подумал Стас, но не пошевелился. Он мог бы задремать сейчас, просто закрыть глаза и отключиться, но тяжеловесное, как солдатский ранец, ожидание не позволяло и этого.

В дверь заглянуло слегка помятое, но невероятно довольное лицо Роберта Шенкеля.

– Можно?

Стас кивком предложил ему зайти.

– Заходим, заходим, джентльмены, – сказал Роберт кому-то, стоящему вне поля зрения Стаса, и первым вошел в закуток.

Следом зашли еще двое: худощавый рыжий юноша, покрытый веснушками так щедро, что хотелось зажмуриться, и сумрачного вида мужчина средних лет с круглыми очками на носу и тщательно подстриженными усами. Казалось, что отсутствие котелка на его голове – чистая случайность, недосмотр. Четвертый, краснолицый крепыш, даже не попытался найти

место внутри, так и остался стоять в дверях.

– Значит, так, – объявил Шенкель, – кого мы имеем представить. Вот этот юноша – Грегори Пен, или просто Душка Джи. В свое время промышлял по карманам на площади Атлантики, попался... По молодости лет дали условный срок, а он возьми да и запишись на курсы. Лучший по успеваемости во всем потоке. Город знает как свои пять пальцев, знакомства опять же есть нужные.

– Отлично, – кивнул Стас. – Лет сколько?

– В-восемнадцать, – ответил Грегори и залился отчаянным румянцем.

– Он слегка заикается, – пояснил Шенкель, – ну и это, как бы стесняется. Но мы отучим, я так считаю. А вот это, – Роберт кивнул на усатого, – Дмитрий Хворостов. В прошлом – боксер, воевал на Северо-Африканском, был ранен, после воссоединения жил во Втором Периметре. Сдал аттестацию, сразу пошел на курсы. На ринге – бог! Но это не главное, главное, Стас, как он стреляет! От пояса, в общем, почти не целится. И в яблочко! Всегда!

– Ну, – покачал головой Стас, – стрельба для нас как раз не главное. А вот то, что на ринге работаешь, это хорошо. На улице без кулаков сложно бывает. Главное – помнить, что преступник нам нужен живой и по возможности невредимый.

– Понимаю, – сухо кивнул Хворостов.

– Ну а в дверях, Стас, это просто легенда курса, – продолжал заливаться похмельным соловьем Шенкель. – Зовут Марк фон Гаупман, но это еще ладно. Мы его называем Беби-Бум, потому что данный человек во всем, что касается взрывов, разбирается, как я в карбюраторе. Даже лучше. А оно, как мне думается, в данном деле весьма кстати. После того взрыва-то...

– Меня зовут Станислав Бекчетов, – поднимаясь, представился Стас, – на ближайшее время я буду вашим руководителем. Насколько я понимаю, Роберт ввел вас в курс текущего расследования. Само дело с минуты на минуту пришлют из архива курьером. Если есть вопросы, задавайте.

Хворостов кашлянул в кулак, привлекая внимание, и спросил:

– Скажите, господин Бекчетов, а по какой причине это дело было закрыто? Насколько я могу судить, в нем масса неподтвержденного материала, требующего проверки. Да и личность снайпера так и не была установлена.

– Не была, – кивнул Стас. Он пытался сосредоточиться на деле, понимая, что первая встреча с группой очень важна и в плане репутации, и в плане будущей совместной работы. Но мысли все время возвращались к ожидаемому звонку, и приходилось прикладывать усилия, чтобы снова вернуться в рабочее русло. – Да... Не была... Дело закрыли по указанию сверху, и причины для меня так же непонятны, как и для вас. Именно по этой причине я и настоял на том, чтобы было проведено дополнительное следствие.

– А это п-правда, что во время ра-асследования кто-то по-огиб? – глядя в пол, спросил Душка Джи.

– Правда, – ответил Стас, садясь, – да... правда. Погибла практически вся моя команда, во главе с руководителем, детективом Югирой. И не вижу смысла скрывать от вас, что одной из причин, по которым я настоял на повторном расследовании, была именно эта. Мои ребята погибли во время расследования дела, которое прикрыли, не закончив. На мой взгляд, это несправедливо.

– Это и есть несправедливость, – кивнул в дверях Беби-Бум. Стас поднял голову и увидел за плечами здоровяка Ваську из архива. Тот подавал странные знаки, и это всколыхнуло в душе Стаса новую волну тревоги. Почему он пришел сам, а не прислал курьера? Почему не вошел и не передал дело? Почему отзывает? Хочет поговорить с глазу на глаз? Зачем?

– Вась, ты чего там маячишь? – тщательно следя за интонацией, спросил Стас. – Дело принес?

– Да-да, принес, – кивнул Романов, – выгляни на пару слов.

Беби-Бум посторонился, пропуская Стаса. Васька кивнул, отзывая его в сторону, потом показал знакомую папку с делом снайпера, ткнув в ярко-красный штамп, которого Стас не помнил. На нем значилось: «А-29».

– Знаешь, что это такое? – вполголоса спросил Васька.

– Нет... А должен?

– Этот штамп, Стас, значит, что, если в архиве будет запрошено дело вот с такой штукой, работники обязаны сообщить в отдел внутренних расследований. В Особняк.

– Первый раз слышу. И ты уже сообщил?

– Нет, – покачал головой Романов, – но сообщу.

– Ясно. Случайно не знаешь, с какого перепугу такие строгости?

– Случайно знаю. Но именно случайно, если кто-то пронюхает, что я трепался...

– Вась, – Стас тоже понизил голос, – ну ты же меня знаешь. Никому ни слова, ручаюсь.

Романов настороженно огляделся, потом заговорил совсем уж шепотом:

– Я всех подробностей не знаю. Но вроде бы есть какой-то военный институт, где разрабатывают оружие против упырей. Такое, чтоб не по одному их убивать, а накрыть всех сразу. Атомическое оружие называется. Правда или нет, не в курсе, но все дела, имеющие отношение к этому институту, проходят под грифом «А-29»...

– Ну а мое-то дело тут при чем? Я про этот институт впервые слышу. И про оружие анатомическое не знал...

– Тихо! Не анатомическое, а атомическое. От слова «атом».

– Да какая разница! При чем тут мое дело, можешь объяснить?

– Не могу, – пожал острыми плечами Васька, – не знаю. Я тебе факты выложил, ты и разбирайся. Я твой запрос записал на вечер, так что время у тебя до пяти часов. Потом не обижайся, обязан буду сообщить. Ты меня пойми...

– Да я понимаю, спасибо, что сказал. Значит, до пяти?

– До пяти...

– А дело, значит, могут и прикрыть. В обход Моралеса... Как считаешь?

– Не знаю, Стас. Может, не прикроют, но контролировать *оттуда* будут наверняка.

«Мне только контроля *оттуда* сейчас не хватало», – нахмурившись, подумал Стас.

Романов ушел, сутулясь, руки в карманах. Весь какой-то нескладный, этакий человек-случайность. Стас вернулся в закуток.

– Значит, так, джентльмены, подробностей не будет, поэтому слушайте и запоминайте. С этим делом могут возникнуть проблемы. Какого рода, я и сам не знаю. Но не раньше пяти часов вечера. Поэтому даю вам час на ознакомление с материалами, и выезжаем на место взрыва. Приступайте.

Стас бросил папку на стол и вышел из закутка. Шенкель тут же устроился на его стуле.

– Я пойду кофе выпью, – сказал Стас, – но, если возникнут вопросы, я здесь.

Стас действительно пошел в отведенное под кухню помещение (которое, к слову, было в два раза больше того, что Моралес выделил под его группу), но далеко не кофе занимал его мысли. На кухне стоял отдельный телефон на тот случай, если кого-то понадобится срочно вызвать. При этом люди там не задерживались, и можно было спокойно позвонить. Стас понимал, что рискует, делая звонок, но ожидание все сильнее давило на него, а неизвестность рвала на части нервы. Волнение за друзей, за всю операцию, мысли о том, что он мог что-то пропустить, чего-то не учесть, – все это было невыносимо.

Он уже подходил к кухонному закутку, когда заметил Эльзу, стоящую, зажав трубку между ухом и плечом и отчаянно махавшую руками, пытаясь привлечь его внимание. Стараясь успокоить ринувшееся в карьер сердце, Стас подошел к стойке секретарши и принял из ее рук трубку. Звонил Шрам.

– Привет, Шрам, как дела? – слегка, наверное, переигрывая с бодростью в голосе, спросил Стас.

– Дела могли быть и лучше. Старуха на углу приняла посуду, а потом возьми да верни ее обратно. Доставила прямо домой, представляешь?

– Да что ты говоришь! – чувствуя, как грохот сердца в висках заглушает окружающие звуки, ответил Стас. Бруно арестовали на въезде в город, вот что значила эта нехитрая шарада. Арестовали, но потом отпустили, предварительно сопроводив домой. – А ты осмотрел посуду? Точно все в порядке?

– Ну, я пока не заходил домой, – ответил Шрам, – думаю попозже после работы забежать.

Разумно. Если Шрам пойдет к Бруно прямо сейчас, это будет слишком наглядно. А если после работы, то никакого криминала не будет. Просто один старый друг зашел в гости к другому старому другу после работы выпить пивка.

– Понятно, – ответил Стас. – Не знаю, как у меня тут будет с работой, но если что, я помогу.

– Спасибо, старик, – ответил Шрам и повесил трубку.

Итак, Бруно арестовали. Почему? И почему отпустили? Если из-за Скальпеля, то почему не пришли к Стасу, к Шраму и Арчи? Не исключено, что арест вообще не имел никакого отношения к минувшей ночи. Однажды Бруно уже арестовывали за просроченные права. Или же визита особистов стоило ждать с минуты на минуту каждому из них. Они готовы, как раз к этому все они готовы, заранее обсудили, что и как говорить, у каждого есть неплохое, проверяемое алиби. Наоборот, было странно, что их до сих пор не тронули. Ну а на крайний случай мешки собрани...

К черту, подумал Стас, так можно мозги сломать, а они, судя по всему, еще понадобятся. Он поблагодарил Эльзу и все-таки зашел на кухню. Сделал себе кофе и не торопясь двинулся к камере. Что сейчас нужно, так это поработать. Раньше вечера все равно уже ничего не изменить и не узнать, наоборот, если они сейчас начнут дергаться, испортят все дело. Следует сосредоточиться на работе, выбросить из головы все мысли и ждать. День ожидания, как и думалось с самого начала.

В камере трудилась его новая группа. Первый раз Стас почувствовал что-то вроде намека на гордость: его группа, работает над его делом... Да, в этом определенно что-то было.

– Как дела, господа детективы? Вопросы есть?

– Господин Бекчетов... – начал Беби-Бум.

– Давайте без господ...

– Хм... Я хотел уточнить, это все материалы по делу? Просто я не обнаружил ни отчета взрывотехников, ни опроса свидетелей по взрыву.

Отчет и опросы были, Стас это хорошо помнил. Причем они были в папке, когда дело сдавалось в архив. Пропасть они не могли, значит, их кто-то изъяс. Стас с тяжелым вздохом открыл папку и пролистал до последней страницы, где имелась опись документов. Так и есть, опись новая, чужой почерк.

– Отчет был, – хмуро проговорил Стас, – и показания свидетелей тоже были... Похоже, неприятности начались раньше пяти часов. Ладно, джентльмены, не будем терять времени. Все вопросы по дороге. Судя по всему, есть серьезная вероятность, что сегодня же нас с этого дела снимут.

– Кто? – всколыхнулся Шенкель.

– Люди из богато украшенного дома, – вполголоса проговорил Стас. – Но группу распускать не станут, уверен. Так что давайте успеем сделать за оставшееся время как можно больше. Дмитрий и... э-э-э... Душка Джи? И Душка Джи. По приезде пройдитесь по округе, поговорите с людьми. Жилых домов там мало, сплошная индустриальная пустыня, но есть работники, сторожа и так далее. Короче, постарайтесь собрать новые показания. Но к делу, пока не скажу, не подшивать.

– Сделаем, – сухо кивнул Хворостов.

– Беби-Бум, на тебе сам взрыв. Походи, посмотри. Конечно, и времени прошло много, и снег еще этот, но мало ли...

– Много не нарою, – покачал головой крепыш. – Я бы, так сказать, и рад. Но детальное

исследование, увы, при всем желании...

– Это я понимаю, – кивнул Стас. – Роб, у меня к тебе просьба, старик. По старой дружбе. Я ребят отвезу на место взрыва на своей машине. А ты спустишься в гараж, пообщайся с народом. Детективы ведь не пешком туда ходили, правильно? Кто-то их отвозил, что-то видел.

– Будет сделано, – кивнул Шенкель.

– Только аккуратнее, между делом. А потом двигай к нам. Лишняя пара глаз не помешает.

– Лишняя пара глаз не лишняя, – усмехнулся Шенкель.

* * *

Ветер утих. Аэродинамические котлы уличных ущелий, зажатых между отвесными стенами небоскребов, редко давали устояться такому вот безветрию. Особенно зимой, когда роза ветров по-настоящему сходила с ума. И тем не менее случались порой такие мгновения тишины. Как перед артобстрелом, когда даже птицы умолкают, чувствуя недоброе.

В прозрачном воздухе кружили редкие хлопья снега, то ли сорвавшиеся с далеких крыш, то ли предвещающие новый снегопад. Заиндевелившие окна домов соперничали в изощренности ледяных рисунков, а любой звук казался невероятно отчетливым. Стоял тот вид утренних сумерек, вызванных непогодой, низкими облаками и ожиданием снегопада, какой бывает только в этих широтах и только в это время года. Насыщенная синева держалась долго, почти до одиннадцати, потом нехотя начинала растворяться.

Выйдя из дверей Управления, Стас прикурил, втянул воздух через нос и почувствовал, как мгновенно смерзлись все волоски в ноздрях. Медленно, прислушиваясь к скрипу снега под ногами, направился к машине. Снег скрипел, как неисправный стартер. Остальным он приказал отыскать пару термосов и наполнить их кофе. Мороз пробирался под пальто, обжигал щеки и шею, заставлял часто моргать. Горячий кофе определенно понадобится. И все же это был приятный, сухой мороз.

Стас невольно вспомнил балканский период войны, когда они штурмовали небольшое горное селение. Влага превращала воздух в льдистую субстанцию, которая вливалась в легкие и там оседала, заставляя всех содрогаться от нестерпимого мокрого кашля, сплевывать на снег желтые сгустки, хвататься за ребра. Мороз тогда положил больше хороших парней, чем пули. Причем это были хорошие парни из двух лагерей: из того, который защищался, и того, который штурмовал.

Стас забрался в выстуженный салон, завел двигатель, чтобы дать ему прогреться, и откинулся на спинку. Мысли сами собой, без всякого приказа со стороны Стаса бродили по замкнутому кругу, выхода из которого теперь, в эту минуту, не существовало.

Бруно арестовали. Бруно отпустили... Непонятно...

Стас потянулся к пепельнице, но столбик пепла слетел с кончика сигареты и рассыпался по полу.

Если арестовали не из-за Скальпеля и Алисы Картрайт, почему он не дал знать Аучу или Шраму? Не мог не понимать, что этот арест заставит их предполагать худшее, а значит, понимал, но не дал знать. Почему? Если все же из-за Скальпеля и Алисы, то почему, черт побери, отпустили? Предположим, Бруно смог отговориться, алиби у него, как и у всех остальных, было приготовлено заранее. И теперь он, опасаясь, что за ним могут следить, решил не выходить на связь с остальными, чтобы не подставить их. Это возможно... Точно так же, как и то, что его отпустили, надеясь выйти на остальных. Это тоже возможно. Но Бруно понимает еще и то, что кто-нибудь из тех, кто ждал этим утром, попытается выйти с ним на связь. Так почему не дал знать, не оставил никаких намеков, никак не показал, в чем причина ареста? Как быть?

Двери одна за другой открылись, и в салон заглянули Душка Джи, Беби-Бум и Хворостов. Душка Джи и Хворостов держали в руках по термосу. От крышек термосов валил

пар. Хворостов был в старомодном котелке и крылатке. И это было одновременно забавно и естественно.

– Запрыгивайте, – кивнул Стас.

Усевшись на переднее сиденье, Хворостов снял котелок, нахлобучил его на термос и спросил:

– Скажите, Станислав, если это дело прикроют, можем ли мы быть уверены в перспективности группы?

– Можем, – уверенно кивнул Стас. Он и правда был в этом уверен. – Сейчас зима, на уголовном фронте затишье. Так всегда бывает. Но весной начнется обвал. Весна часто сводит людей с ума. Понадобятся все существующие группы.

– Мы просто прикинули, – пояснил с заднего сиденья Беби-Бум, – что ежели дело прикроют, то мы могли бы, так сказать, параллельно с другими делами, не афишируя, продолжать набирать по нему материалы. Можно сказать, в частном порядке.

Стас обернулся к нему, вздохнул и ответил:

– Не думаю, что получится. Не могу сейчас объяснить, возможно, позже. Но... Скажем так: те, кого интересует это дело, будут страшнее любого упыря. Так что, не афишируя, тут не выйдет. Но дело пока не прикрыли, время у нас есть. Так что давайте попытаемся выяснить хоть что-нибудь.

«Что-то припозднился я сегодня. Наверное, многие из вас реш... (помехи)...рина Халли опять проспал начало эфира, но нет, мерзавцы! Я нынче смотрел в окно и так крепко задумался, что время пролетело незаметно. Как пуля. И даже быстрее. Как такси, когда оно нужно, но всегда пролетает мимо раньше, чем вы успеваете поднять руку. Да, дорогие мои, да, иногда и на старого диджея наваливается меланхолия. В частности, я думал о том, что, когда мы с вами отправимся в далекий край большой охоты, здесь, в этом долбаном мире, все так же будет падать снег. Разумеется, это будет совсем другой снег, кто бы сомневался, но... Все-таки он будет падать. И будет стоять мороз, и кто-то обязательно отморозит свою задницу. И если повезет, то это будет какая-нибудь важная задница, про которую напишут газеты. Об этом узнает весь мир. Кроме вас, потому что на том свете газеты не выходят. Наверное, там нет бумаги. А если процесс отмораживания задницы будет связан с героическими обстоятельствами, то про это еще и песню напишут. И ее услышит весь мир, и даже вы, в мире ином, услышите, ведь музыка не знает границ. Но вряд ли вас обрадует такой привет с родины. Кому интересно слушать героические песни об отмороженных задницах? Ну и, наконец, мож... (помехи)...

Как бы там ни было, сейчас, пройдох, можете быть спокойны, на волнах рэйддио «Хоспис» никогда не звучало песен об отмороженных задницах, разве что эта задница служила подставкой под две симпатичные дыньки, или, скажем, два грейпфрута, или, в крайнем случае, под два невероятно вкусных мандарина... Так, о чем бишь я? Вечно меня сбивает с толку фруктовая тема... Ах, ну да, черт побери! Я хотел сказать, что сейчас в эфир прольется прекрасная «Walking After Midnight» музыкального коллектива «High-Way Ramblers». И будь я проклят, если эта вещица не пройдет по всем кругам ада и по всем райским облакам. И вот что я вам скажу. Она везде будет кстати, но особенно здесь, в этом безветрии, снежной феерии и... ладно, к черту, давайте слушать музыку... А я пойду прогуляюсь. У меня тут одно дело наклюнулось».

Когда они, покинув жилые кварталы, въехали на территорию складских помещений, хранивших необходимый для города запас продуктов, горюче-смазочных материалов и всего остального, от бильярдных шаров до ниток с иглами, замершее безветрие стало еще более очевидно. Здесь почти не было людей, встречные и попутные машины попадались крайне редко, а мельтешащие над бетонными оградами жирафы шеи подъемных кранов казались чем-то не принадлежащим миру людей.

Стас остановил «студ» на развилке, недалеко от полосатого шлагбаума, увенчанного

знаком «STOP» и табличкой «Проезд только по спецпропускам». Из будки неторопливо вышел укутанный в громоздкий тулуп сторож и издали настороженно посмотрел на их машину. На поясе сторожа висела расстегнутая кобура, в которой ничего не было.

– Немудрено, что на черном рынке столько товаров, – проворчал в усы Хворостов.

Стас пытался вспомнить, куда поворачивать. Зимой здесь все выглядело иначе. Наконец он неуверенно повернул направо.

Когда «Студебеккер» подъезжал к воронке, Беби-Бум вытянул шею, вглядываясь через лобовое стекло, и пробормотал:

– Мать честная... Это что же, так сказать, здесь рвануло?

– А вот это, – ответил Стас, – я бы хотел от тебя услышать.

Воронка была не менее двадцати метров в длину и не намного меньше в ширину. Дальняя ее часть была значительно глубже той, к которой подъехал «Студебеккер». Присыпанное снегом место взрыва теперь ничем не напоминало о том, как оно образовалось, напротив, эта яма казалась вполне естественной. Здесь могли рыть котлован под фундамент, или это мог быть небольшой карьер для забора песка или щебня. Это могло быть что угодно, но на место, где погибли несколько человек, эта яма не была похожа...

– Странно, – все так же оглядываясь, пробормотал Беби-Бум.

– Что именно странно?

– Взрыв-то был вон какой мощный. А забор, смотрите, не поврежден. И следов гари на плитах нет...

– Может, забор поменяли с тех пор? – надевая котелок, спросил Хворостов.

– И поставили старые плиты? Столько усилий... Тем более странно. Ладно, я пошел, огляжусь на месте.

Снег начал усиливаться, но словно бы и не пытаясь перерасти в полноценный снегопад. Большие снежные хлопья в продолжающемся безветрии равнодушно кружили в воздухе, отчего непривычная тишина становилась все отчетливее.

Они вышли из машины. Стас запер двери и бросил ключи Беби-Буму, уже спускавшемуся вниз. Остальные разошлись, надеясь найти кого-то, кто еще помнил тот взрыв.

* * *

Очень скоро выяснилось, что не только найти кого-то конкретного, а вообще отыскать хоть одну живую душу в этом лабиринте из бетонных плит почти невозможно. В закрытую зону допуска складов не пропускали даже с удостоверением Управления, нужен был специальный приказ. Стас, знакомый с бюрократической машиной своего ведомства не понаслышке, вполне обоснованно подозревал, что документ этот будет стряпаться не один день. А у них было всего несколько часов.

Стас без особой надежды останавливал выезжающие со складов грузовики, расспрашивал водителей. При этом приходилось все время размахивать значком, поскольку все грузовики имели сопровождение из двух-трех вооруженных человек. Разумеется, никто из водителей ничего не знал, не видел, да и вообще находился в это время в другом месте.

Хворостов отправился в близлежащий жилой сектор, намереваясь расспросить жителей верхних этажей, которые могли что-то видеть. Душка Джи, отводя глаза, сказал, что поищет по-своему, Стас не стал возражать. И вот сам он уже битый час бродил тут, у официально неприступной территории. Время шло.

Он озяб, пальцы в перчатках заledenели, отзывались болью на каждое движение. Болит – значит, не отморозил, говорил когда-то его комбриг. Там, на балканских высотах. Стас устал. Тяготы прошлой ночи, безумная гонка, потом утреннее ожидание, арест Бруно... Все это выгоняло из организма силы, заменяя их, казалось, мрачными мыслями. Здесь ничто от них не отвлекало: тишина, безлюдье, безветрие...

А потом вернулся ветер, он налетел внезапно, как хлесткая пощечина, ударил в стены, в

бетонные плиты заборов, потом срикошетил в лицо, заставив прижать перчатки к губам и сделать судорожный вдох. Ветер вцепился в шею под воротником, просквозил порточины брюк, словно их и не было. А хлопья снега, так безмятежно кружившие всего несколько минут назад, вдруг обратились ледяными иглами. Да и пошло оно все, зло подумал Стас, развернулся и двинулся обратно к машине.

И тут же ветер утих, лишь кружил в воздухе потревоженный снег, как сажа после взрыва...

Стас замер. Дьявольская погодка сегодня, подумалось, не слишком ли символично? Делай дело и не суйся туда, куда не следует, что-то подобное пытается сказать весь окружающий мир. Но как же он может не лезть, как может развернуться теперь? Бежать от врага не зазорно, бежать порою нужно. Но бежать, прикрываясь спинами друзей, – вот что такое позор, вот с чем жить потом невозможно.

К тому же... Было в этом что-то ненастоящее, словно бы он ухватил краем глаза эпизод незнакомого фильма, но тут же забыл, о чем говорили с экрана. Осталась в памяти только неотчетливая картинка, как блик солнца на сетчатке глаза, который остается жить в зрачках, когда солнце уходит за тучи... Стас не верил в судьбу, в знаки, в миссию, в то, что все написано, расписано и определено. Он и в Бога-то верил не сознательно, а просто потому, что верил всегда, может, потому и верил, что никогда об этом толком не задумывался. Но сейчас ему показалось, что это именно знак, символ, отрезвляющая пощечина ветра.

Но он тут же отбросил эти мысли, потому что, поверив в символы и знаки, он должен был поверить и в то, что десяткам парней, замерзшим на балканских дорогах, было предписано так погибнуть. А это неправильно, никто не должен умирать в промежутке между харкающим кашлем и ледяным вздохом. Потому что... Потому что не должен...

Он развернулся на месте и снова пошел туда, куда шел, хотя здесь, в этом лабиринте, направления особого значения не имели.

Но стоило ему сделать несколько шагов, как ветер вновь поднялся и с удвоенной силой ударил его в грудь, по щекам, заставил дыхание сбиться. Стас прижал обе руки к лицу и упрямо шагнул вперед. В то же мгновение наверху, там, где над дорогой нависала крыша одного из складов, что-то затрещало, и впереди, всего в нескольких шагах, в землю вонзились, тут же рассыпавшись крупными осколками, несколько огромных сосулек, похожих на вековые сталактиты. Стас отскочил в сторону, поднял голову. Вся крыша была увешана этими жуткими орудиями зимы.

Снова ударил было ветер, но тут же спал, как будто кто-то набрал по ошибке твой номер и, не говоря ни слова, бросил трубку...

– Выстрел в воздух, – сказал кто-то слева от Стаса. – Тебя предупредили. Или что-то вроде того.

Стас обернулся и увидел в окне склада человека. Он был одет в серое пальто, на голове шляпа с широкими полями, пальто распахнуто, виден модный костюм и яркий галстук. Эдакий свинг-югенд. Вот только возрастом, пожалуй, не вышел, ему было к сорока, а может, уже и за сорок... ровесник.

– Ты Бекчетов? – спросил человек, опираясь на подоконник.

– Я...

– Еле нашел тебя здесь, – криво усмехнулся человек.

– А вы, собственно, кто? – спросил Стас, удивившись неуверенности собственного голоса. А вот голос незнакомца он явно где-то слышал. Но где? Память безрезультатно искала подсказки в прошлом, но не находила.

– А вот это не важно, – сказал человек и нахмурился, посмотрев куда-то вверх. – Ты вот что... Передай своему другу Готфриду, чтобы он все, что видел, пока забыл и ничего не копал. До поры до времени. Поверь мне, Бекчетов, так будет лучше для всех...

– Понятия не имею, о чем идет речь, – мгновенно, услышав фамилию друга, успокоился Стас. – И, кстати, от кого мне это передать?

Человек снова посмотрел куда-то вверх, но на этот раз, скорее показывая, насколько

надоедлив его собеседник, какие глупые вопросы он задает.

– Слушай внимательно, Бекчетов. Прямо я не могу говорить... Пока. Ты вопросов больше не задавай. А насчет ответов... Кое-что найдешь в папочке твоего приятеля, Гейгера. Если постарайся. Самого Гейгера ты теперь вряд ли увидишь, его уже никто никогда не найдет, даже я. Но папочка сохранилась. Тебе ее передадут. Ты, если хочешь выяснить, как погибли твои друзья, а заодно помочь тем, кто еще жив, эту папочку найди. Понял?

– С чего вы решили, что я вам доверюсь?

– Да я вроде как помочь пытаюсь, – покачал головой незнакомец.

– И почему неизвестный мне человек вдруг взялся помогать?

– Потому что кое-что из происходящего мне не нравится, парень, – ответил незнакомец, поправляя шляпу. – И это нам всем еще не раз аукнется. До тебя мне особого дела нет, но вот если особисты прихватят Готфрида Уоллиса, я буду, мягко говоря, расстроен. И тут наши с тобой интересы совпадают. Ты парень сообразительный, вот и соображай, что к чему. Ну а если прижмет, вспомни про лабораторию отца. Такие дела. Увидимся, Бекчетов...

Он развернулся и скрылся в глубине склада. Тут же начал подниматься ледяной ветер. Впрочем, он был уже не так жесток и не казался символичным. Обычный зимний ветер...

* * *

– Ну и вид у вас, Станислав! – Беби-Бум стоял у «Студебеккера», похлопывая руками в перчатках по бокам и притоптывая. – Как будто привидение увидели. Оптимизма, так сказать, не внушает. Что-нибудь интересное нашли?

– Да как сказать...

– Ну, так я кое-что интересное вам расскажу.

– Давай на «ты» уже.

Стас озябшими руками открыл дверь «студа». Внутри было не намного теплее, но в салон не пробирался ветер. Неуверенно заурчал мотор, загудела печка. Стас достал неловкими пальцами пачку сигарет, прикурил от протянутой Беби-Бумом зажигалки.

– Выкладывай.

– Тут такое дело... – Беби-Бум снял перчатки, потер руки. – Взорвался, видимо, водород. Большие объемы.

– Здесь была какая-то любительская лаборатория, – кивнул Стас, – не исключено, что...

– Вот как раз и исключено, – покачал головой Беби-Бум. – Вы видели воронку? Она, так сказать, каплевидной формы.

– И что это должно мне сказать?

– От взрыва таких не бывает. От обычного то есть. Думаю, – Беби-Бум потер подбородок и нахмурился, – что источник водорода упал сверху. По косой, так сказать.

Стас посмотрел на подчиненного.

– То есть как это сверху? Что могло сверху упасть? Биплан?

– Конкретнее не скажу. Но не биплан. Возможно, дирижабль. Тут все подчистили, обломков никаких я не нашел. Но что, так сказать, могло упасть, да еще с таким количеством водорода?

Стас откинулся в кресле. Сигарета так и дымилась в его руках, пережигая бумагу и табак в пепел. Интересно, мелькнуло в голове у Стаса, мелькнуло совсем некстати, не в контексте, был табак и была бумага, а стал просто пепел. Интересно... За стеклами салона гудел ветер, неся змеящуюся поземку по безлюдному белому миру, закручивая ее в чудные спирали, кидая оземь и вновь подбрасывая. Казалось, что ветер – это хорошо выпавшийся сытый кот, а поземка – измученная и ко всему готовая белая мышь, потерявшая всякую надежду выжить в его когтях... Салон постепенно прогревался. Стас было подставил руки под поток теплого воздуха, но тут же убрал. Руки и ноги начинали болеть, согреваясь.

– Не понимаю.

– Я тоже не понимаю, – кивнул Беби-Бум. – Нигде про такое падение не говорилось. Я бы запомнил. Упал-то, конечно, не пассажирский, они огромные, тут бы еще и склады, так сказать... Но даже энергосборники когда падают, во всех газетах пишут. А тут – тишина. И я вот что прикинул. Снайпер-то ваш тоже откуда-то сверху работал. Так, может, так сказать... Не случайность?

– Что не случайность? Таран дирижаблем?

Стас открыл дверь, выбросил окурок. В лицо ударил ледяной ветер. Стас поторопился закрыть дверь.

– Бред какой-то.

– Может, и бред, только я руку на отсечение даю, что это был энергосборник.

Через четверть часа явился Хворостов. Сел в машину, потянулся к термосу с кофе.

– Все бесполезно, – сказал он, сделав долгий глоток, – все слышали взрыв, но никто ничего не видел. Из интересного... Две семьи съехали. Практически в считанные дни, хотя до этого никуда не собирались. Скажи, Стас, – Хворостов говорил все это, почти не меняя интонации, все внимание, казалось, отдав дымящемуся кофе, – насколько высоко сидят те, кто хочет прикрыть это дело?

– Достаточно высоко, – ответил Стас, протягивая Хворостову сигареты и пытаясь прочесть хоть что-то в его скупой мимике.

– Я так и думал, – кивнул русский, угощаясь. – Семьи уезжали на больших грузовиках. Думаю, армейских. В один и тот же день.

Они помолчали. Стас включил радиолу и покрутил ручку настройки. Но то ли складские бастиионы, то ли какие-то иные особенности местности не пускали в эфир озябшего на краю белой каплевидной ямины «Студебеккера» радиоголоса... Стас снова выключил радиолу и откинулся в кресле.

– Знаете, что я сейчас чувствую, так сказать?... – вклинился в разговор Беби-Бум. – Помнится, во время войны, бывало, наткнешься на незнакомую мину... Ну вот как есть незнакомую, а делать нечего, сапер обязан расчистить путь пехоте... Так вот, раскручиваешь ты это чудовище и все время ждешь взрыва. Все время кажется: вот именно в это мгновение... А оно все тянется и тянется, и ничего не происходит. Мне повезло, взрыва так и не случилось, но многим ребятам из моей роты не повезло, так сказать... Не так, как мне.

– К чему ты это сейчас? – протягивая ему термос, спросил Хворостов.

– Благодарствую... А к тому, что у меня вот как раз сейчас ощущение, что я раскручиваю мину, и мина эта мне, так сказать, совершенно незнакома. А мгновение все тянется и тянется, и ничего не происходит...

Они снова замолчали. Стас подумал, что каждый из них прожил уже достаточное количество лет, чтобы забить склады своей памяти под самую завязку прекрасным, смешным и стоящим запоминания, но почему-то все эти мирные дни и недели легко перебиваются краткими, но незабываемыми воспоминаниями о мгновениях войны. Как будто, как бы далеко ни уходили люди от нее, она все время сидит, притаившись за спиной, готовая выйти и наложить свою костлявую руку на твое прошлое, настоящее и будущее...

В салоне было накурено, пахло кофе и потом. Думая о своем, о странной встрече в лабиринтах складов, о странном падении дирижабля (если Беби-Бум прав), о той ночи на блокпосту, когда Гейгер сообщил ему о смерти группы Югиры, Стас пробормотал, сам того не замечая, вслух:

– Мне бы немного времени, чтобы разобраться во всем этом...

– А вот времени-то у нас, так сказать, нет, – поняв его по-своему и все же правильно поняв, проговорил Беби-Бум. – Кофе?

– Нет... Для Душки Джи оставьте глоток. Что-то его долго нет.

Стас оглянулся вокруг и вдруг увидел въезжающую на пяточок черную машину. Сердце екнуло.

– Неслучайные гости, – пробормотал Хворостов.

– Не исключено, что по нашу душу, – предупредил Стас остальных. – Если что, мы

пять минут назад приехали. Сидим, кофе пьем, собираемся воронку осмотреть.

– Там мои следы, – вполголоса пробормотал Беби-Бум, – натоптал.

– Ну... значит, воронку уже осмотрели и греемся. Выводов пока никаких не делали.

Машина подъехала вплотную к «Студебеккеру» и остановилась. Из салона неторопливо вышли двое: один в дорогом гражданском пальто и шляпе, которая стоила больше месячного оклада Стаса, второй – в черной форме ополченца. Стас опустил окно.

– Что-то ищем, джентльмены?

– Хотели задать вам тот же вопрос, господин...

– Бекчетов. Станислав Бекчетов, детектив Управления юстиции. – Стас протянул в окно портмоне со значком.

– Ясно. – Тип в гражданском скользнул равнодушным взглядом по значку, но в руки брать не стал.

Ополченец и вовсе не смотрел в их сторону. Крутил головой, как заведенный, как будто надеясь высмотреть что-то и в то же время опасаясь высмотреть. У него было стандартное, незапоминающееся лицо. Может, у них по каким-то особенностям внешности принимают, подумалось Стасу, чем меньше индивидуальности, тем лучше?

– Детектив, вы давно здесь? – задал вопрос гражданский, опираясь о крышу «студа» и заглядывая в салон. – Добрый день, джентльмены.

– Да нет, не долго. Минут, наверное, двадцать, – покачал головой Стас. – Кофе желаете?

– Нет, благодарю. Кроме вас, тут кто-нибудь еще был?

– Нет... Ну, в смысле парнишка с нами еще есть, из стажеров. Отлить, извиняюсь, пошел... – Стас вдруг заметил, что в разговоре с гражданским невольно копирует слегка простоватую, провинциальную манеру Спайкера.

– А кроме ваших людей?

– Да тут вообще никого не было, – покачал головой Стас. – А, простите, могу я узнать, с кем имею дело?

– Не можете, – вдруг рывкнул, оживая, ополченец и зло глянул на Стаса. Однако за этой злостью Стас легко разглядел удивление и неуверенность...

– Тогда почему я должен отвечать на ваши вопросы? – холодно ответил Стас. – Вы кого-то ищете? Ну и ищите. Или мне стоит приказать своим ребятам задержать вас? За препятствие следствию, так сказать... Для выяснения, так сказать.

Ополченец неуверенно посмотрел на гражданского, явно ожидая поддержки и указаний, но тот даже в лице не изменился. Заговорил тем же тоном, что и раньше, как будто всего произнесенного Стасом не звучало вовсе:

– Так, значит, говорите, никого здесь не было?

– Нет.

– Ну что ж... Не смею вам мешать. – Гражданский прикоснулся к полам шляпы, потом, обернувшись, приказал таким тоном, что сразу стало понятно, что тип этот такой же гражданский, как и его напарник, а то и куда менее: – В машину!

Черный автомобиль развернулся и скрылся в складской улочке. Как и не было...

– Неслучайные гости, – повторил Хворостов.

Едва скрылась черная машина, появился Душка Джи. Он вышел из-за угла и, настороженно глядя в ту сторону, куда скрылись «неслучайные гости», подбежал к «студу».

– Еле дождался, когда эти у-уедут, – забираясь в салон, пробормотал Джи, – думал, совсем зам-мерзну.

– Смышленный парень, – кивнул Хворостов.

– Я кое-что вы-яснил...

– Давайте убраться отсюда, по дороге расскажешь, – сказал Стас, берясь за рулевую баранку. Тугая пощечина ветра как прощальный знак метнула в лобовое стекло «Студебеккера» горсть мелкого снега...

«Студ» рывками продвигался в пробке на Бейлис-авеню. Время приближалось к полудню, обеденный перерыв влил в неутихающий уличный поток дополнительные элементы, отчего из движения испарилась медлительная плавность и проявились болезненные судороги. Открыть окно в этот час казалось сумасшествием: смрад от сотен работающих двигателей внутреннего сгорания проникал даже в салон с наглухо задраенными окнами.

Стас покрутил ручку настройки радиолы, но в эфир проникали только удушливо предсказуемые рулады правительственных радиостанций, пропитанные, как носовой платок мокротой, маршевыми ритмами и заполонившей все черно-белой пропагандой. Эфир радио «Хоспис» отозвался неровным белым шумом.

Застрав между нелепо голубого цвета «Шевроле» и черным «Фольксвагеном», «Студебеккер» Стаса печально вздыхал на холостых оборотах. Стас вспомнил о растущих ценах на бензин. В последнее время инфляция все ощутимее давала о себе знать, вторгаясь в такие чувствительные области, как продуктовая корзина и ГСМ.

По обе стороны от дороги высились монументальные гиганты самой ранней городской застройки. Старый ампи́р цвета векового песчаника был закован в стальные конструкции старого образца, казавшиеся теперь слишком громоздкими и тяжеловесными. Надстроенные этажи отличались и цветом, и качеством строительства, что в радиусе центрального кольца, но в удалении от непосредственного центрального офисного конгломерата было не редкостью. Высоко над крышами замерших в пробке автомобилей тусклым лезвием просвечивал небесный раскол. Уличные фонари горели неуверенно и неуместно.

Полуденные пробки, присыпанные неутихающим мелким снегопадом и окутанные в шероховатую безнадежность белого шума, имеют свойство низводить сознание человека до пассивного равнодушия. Того самого, позволить себе которое в этот день Стас не мог. Он встряхнулся, огляделся по сторонам. Поймал момент, когда между зазевавшимся «Шевроле» и двинувшимся вперед «Фольксвагеном» образовалось достаточное для юркого «Студебеккера» пространство, вклинился в него, а потом ушел с дороги под арку высотного дома. Прогнав машину сквозным двором, выскочил на Бьюгл, где движение было немногим лучше, зато имелась подвальная закусочная «Баядерка», в которой Стасу порой приходилось обедать. К тому же он однажды предупредил хозяина этой забегаловки о намечающемся визите налоговой инспекции. Исключительно бескорыстно, в качестве благодарности за местную кухню. Если бы «Баядерка» располагалась чуть ближе к Управлению или дому Стаса, он числил бы себя в его завсегдатаях.

– Как насчет обеденного перерыва? – спросил Стас, не оглядываясь.

В закусочной было тепло, пахло квашеной капустой и жареным мясом. Народу было достаточно, но отыскать пустой столик удалось. Стульев в этом заведении не держали, столы были высокие, посетители ели стоя. Стас, имея определенное понятие о местной кухне, сделал заказ за всех. Уже через несколько минут на столе дымились тарелки с тушеной капустой, в которой тут и там возвышались аппетитные утесы свинины и белели плоскодонки мелко нарезанного чеснока. К капусте были поданы легкое ситро и ароматные ломти пшеничного хлеба.

– А ведь я мог умереть на войне, не узнав об этом месте, – покачал головой Хворостов, берясь за ложку.

Когда тарелки были тщательно выскоблены, а кружки опустошены лишь наполовину, Стас обернулся к Душке Джи:

– Так что там видел твой друг?

– Ну... не то чтобы ви-идел. В общем, он там... своими делами занимался. Как раз на крыше с-склада. – Душка Джи отодвинул кружку и рассказывал, разглядывая потрескавшийся керамический набор из солонки, перечницы и подставки для зубочисток. – Тот склад еще только достра-аивался, и там охраны не было, а он там ночевал иногда,

потому что по-од крышей всяко...

– Ближе к делу.

– Ну... значит, в тот день, ближе к вечеру, он у-услышал крики. Как раз у этих гаражей. Ну, он сначала затаился, потому что кричали фараоны... ну, как мы, в общем, из У-управления. Они так сами сказали, вроде «о-откройте, Управление». А и-из гаражей тишина. Никто не отвечает. Кричали долго. Моему зна-акомому стало интересно, ну он подполз к щели и как раз увидел, что к гаражам подъезжает еще о-одна машина. По описанию – вроде той, что к вам сегодня в складах подкатила. Из машины вышли два человека, подошли к тому, кто кричал. Сначала они просто го-оворили, потом начали ругаться, махать кси-ивами. В смысле... удостоверениями. Потом человек из Управления побежал звонить, там как раз на углу га-аражей автомат висел раньше. А какой-то высокий парень полез через забор. Тогда из гаражей тоже начали кричать, что-то типа «ничего вы не получите»... А потом тот, кто побежал звонить, начал что-то говорить и по-оказывать на небо. Вот и все...

– Как все, – переспросил Беби-Бум, – а взрыв?

– Он го-оворит, потом все начало греметь, визжать... Он спря-атался. Взрыв слышал, но ничего не в-видел.

Стас отставил пустую кружку. Достал из кармана пачку, но, не прикуривая, положил ее на стол.

– Тот, кто звонил, – это Югира, – пробормотал он, поднимая глаза к грязному полукруглому окну под самым потолком. – А высокий парень – Спайкер.

– А те, кто к ним подъехал, – проговорил Хворостов, крутя между огромными лопатами ладоней кружку, – надо полагать, из Особняка.

– Надо, – кивнул Стас. – И тогда я вообще ничего не понимаю. Правительственная лаборатория в гаражном комплексе? Что за бред?

– Но с причиной взрыва я, похоже, угадал, – пробормотал Беби-Бум, – что-то рухнуло с неба. И я продолжаю думать, что это, так сказать, был дирижабль.

– Мне нужно кое-что проверить, – решил Стас, отодвигая кружку. – Поехали.

– Стас, – остановил его Хворостов. – Если что, рассчитывайте на нас.

– Да я еще не уверен, что к чему. Как бы всем нам дорого не вышло.

– А мы знали, на что идем, когда значки получали. Наше дело искать правду. Такая работа.

«...(помехи)... не так просто, как хотелось бы. Но мы не унываем, мы, так сказать, наблюдаем свысока за суетой нулей, за суетою единиц.

А ну-ка, бездельники, оторвите свои задницы от офисных кресел. Давайте, подойдите к окну, посмотрите на белый свет, а еще лучше распахните окно и вдохните морозного воздуха. Чувствуете эту смесь свежести и мяты? Это, родные мои, свобода. То, от чего вы отказались, приняв на себя бремя быть. Я вас не обвиняю, я и себя не обвиняю...

Что, слюнтая, распустили сопли? Черта с два. А ну-ка, джентльмены, распушили перья, дамочки... о, дамочки, держите крепче ваши сумочки. И трусики заодно. Потому что сейчас рванет натуральный рок-н-ролл, а там всякое может случиться... И с сумочками, и с трусиками. «One night», или, как говорят русские конферансье, сейчас вам что-то будет...»

В машине все невольно расплылись в улыбках.

– Сукин сын, – покачал головой Хворостов, – прямо в эфире такое выдал.

– А ты думаешь, почему мы его до сих пор не арестовали? – пожал плечами Стас. Но улыбка быстро исчезла с его лица, слишком многое занимало мысли. Говорят, беда никогда не приходит одна. Верно говорят.

Во время войны Стасу некоторое время пришлось повоевать в рядах небольшого сербского отряда, практически партизанского подразделения, если не попросту банды, которая называлась почему-то «Дунайская речная флотилия». Из-за языкового барьера и недолгого пребывания в отряде Стас так и не собрался узнать почему.

К тому времени как разрозненные части разбитой в пух и прах армии гардемаринов Сардинии рассеялись по Европе и северо-западной области Африканского континента, «Дунайская речная флотилия» успела победить в нескольких крупных сражениях и заработать репутацию силы, способной менять любые расстановки. А заодно приобрести то, чем обрастает любое крупное человеческое объединение, – характерным фольклором. В частности, сербские речные бойцы были уверены, что менее трех убитых в день не бывает. Их может вообще не быть, но, если уж нашла кого-то пуля, жди еще двоих. Как минимум. Тогда это выражение – «беда никогда не приходит одна» – имело какое-то жуткое, едва ли не осязаемое физическое воплощение.

И вот теперь, на полпути от подвальной забегаловки «Баядерка» к Управлению юстиции, спустя множество зим после окончания войны, Стасу вспомнились заснеженные предгорья Джердапа, дунайские берега, продуваемые студеными евразийскими ветрами, и это войсковое суеверие.

Спустя полтора месяца после того, как Стас прибил к «Дунайской речной флотилии», она столкнулась с не менее существенной силой – «Украинским сводным фронтом». В результате столкновения этих переполненных кровавой инерцией человеческих потоков (оно продолжалось ровно сутки, ранним утром начавшись и ранним же утром следующего дня закончившись) обе силы практически перестали существовать, а Стас получил первое в этой войне ранение. Когда бойня кончилась, добивать раненых было уже некому...

Беда не приходит одна. И не важно, стынешь ли ты посреди ледяной пустыни с пульей в правом плече или сидишь в теплом «Студебеккере», застрявшем в очередной пробке. Собственно, человеческий фактор здесь вообще был всего лишь частью декорации в гигантской постановке абсурда.

Кстати, о пробке. В этот раз, по всей видимости, встали крепко, машины не двигались вот уже минут двадцать. Стас приоткрыл окно, впуская свежий воздух, закурил и предложил сигареты остальным. По дороге в обратном направлении прошел мужчина средних лет в бобриковой шапке и с крайне недовольным выражением лица. У соседней со «Студебеккером» машины, старого, довоенного «ЗИСа», он остановился и обернулся к Стасу.

– Каково, а? – спросил он раздраженно. – По главной площади, видите, идут хоругвеносцы! Простите, вот я вас спрошу, молодой человек, на чьи налоги обувают и одевают этих ваших хоругвеносцев?

– Почему же наших? – Стас пожал плечами. – Я не имею, слава богу, никакого отношения к...

– А! Все мы имеем к этому отношение, – отмахнулся недовольный Бобрик. – Но дело не в этом. Налоги, юноша, в частности, идут на все это безобразие из моего кармана. А как я, простите, могу выплачивать налоги, когда меня вынуждают простаивать в пробках из-за их шествий? Когда вообще этому городу зарабатывать деньги, если большую часть времени он занят маршировками, а оставшиеся часы посвящает выдумыванию новых лозунгов? Лозунгами сыт не будешь, юноша, так и знайте!

Выговорившись, Бобрик впихнул свое упитанное тело в салон «ЗИСа» и хлопнул дверью.

– Вот, черт бы тебя побрал, – покачал головой Стас, – этот тип своего добился. У меня теперь такое ощущение, что это я виноват в черно-белом вирусе! Каково, а?

– Он по-своему прав, – покачал головой Хворостов, – все мы в этом виноваты. Вы когда-нибудь слышали об этом заболевании – раке?

– Что-то читал, но...

– Мой старший брат был врачом. До войны. А после войны стал запойным алкоголиком, но суть не в этом. Это заболевание имеет несколько стадий. И до последней стадии, когда опухоль растет, надежда на спасение путем хирургического вмешательства сохраняется. Но когда наступает последняя, надежды не остается. А характерна она тем, что опухоль перестает питаться какой-то определенной частью организма и принимается

распространяться. Это называется метастазы. Так вот, – Хворостов неопределенно качнул головой, – на мой взгляд, метастазы очевидны.

Издали, с той стороны, откуда только что явился недовольный Бобрик, донеслись приглушенное басовитое пение и барабанная ритмика. Хоругвеносцы – наиболее религиозная часть черно-белого братства, точнее, ее христианская ветвь, испытывающая какую-то необъяснимую страсть к уличным шествиям, гигантским черным полотнищам и распеванию библейских псалмов под барабанные ритмы. Слова псалмов нередко прерываются истошными воплями, в которых понятия «будущее», «праведная кровь» и «искупление грехов» сливались в какой-то пугающий милитаристский бред. Стас поднял стекло.

– Помнится, в городке Бертон-апон-Трент... Это, так сказать, в Британии, – проговорил Беби-Бум, – занимались мы разминированием моста через собственно реку Трент. А в этом самом Бертон-апон-Тренте имеется совершенно замечательное пивоваренное производство. Там делают пиво «Пэйл Эль». А сам городок... ну так, дыра дырой, но возник вокруг аббатства. И вот ползем мы еле-еле через этот, так сказать, мост. А наших ребят там полегло на всяких растяжках и прочих сюрпризах – не счесть. Ползем, значит, так, что лишнее движение боимся сделать, потому что мало того, что сам к богу в гости, так сказать, отправишься, так еще и всех остальных с собой прихватишь. Проходит час, другой, половина работы вроде бы как сделана, и вдруг слышу, кто-то псалмы поет. Хорошо поет, громко, чисто, и ни одной ноты мимо. Поднимаю голову и вижу, как по мосту с той стороны, так сказать, идет монах, в одной руке кружка пивная, другой размахивает, как дирижер. А пьян при этом, мерзавец, был так, что мотало его, аки флюгер, разве что не крутило, так сказать. Ну, мы, само собой, замерли, боимся пошевелиться, а у меня, прямо скажем, одна мысль, чтоб этот божий человек наварлся на мину как можно дальше от нас. Но этот, так сказать, сукин сын прошел через весь мост, лавируя, как самый ненормальный велосипедист, и не задел ни одной растяжки... А у меня первые седые волосы появились. С тех пор, стоит мне услышать псалмы, сердце замирает и совсем нехорошо становится с желудком. По мне, лучше уж, так сказать, полная тишина.

– Аминь, – кивнул Стас.

Шествие хоругвеносцев, по всей видимости, миновало перекресток с Кайзер-плац, машины медленно двинулись вперед.

– Аминь, – повторил Стас, снимая «студ» с ручного тормоза.

– А снег-то перестал, – задумчиво пробормотал Хворостов.

Стас усмехнулся. Он только что решил одну из давивших на него с самого утра проблем. Он понял, каким образом сможет встретиться с Бруно...

* * *

По приезде в Управление Стас отправил Хворостова и Беби-Бума в архив. Падение дирижабля, даже не пассажирского, не могло не оставить следов. Это было очевидное направление расследования. Беби-Буму предстояло перерыть документы, связанные с крупными финансовыми затратами авиаэскадрилий, которые могли соответствовать приобретению дирижабля. Подобные операции должны были производиться через налоговое подразделение Управления. Что касается Хворостова, то его задачей было поднять сводки о пропавших без вести, погибших на производстве и так далее – короче, любые документы, которые могли бы сообщить информацию о погибшем пилоте, буде такой вообще существовал. Ну а Душка Джи, у которого, судя по всему, в знакомых числилось две трети города, сам нашел себе работу. Он собирался объехать городские офисы авиаэскадрилий и порасспрашивать на месте.

Сам Стас вернулся в каморку в дальнем углу кафедры отдела убийств, закрыл поплотнее дверь и запер ее на смешной оконный шпингалет. На двери, на той стороне, что была до этого обращена к фанерной перегородке, висело еще несколько пожелтевших

фотографий. На одной, видимо самой старой, несколько человек в форме пограничного корпуса Периферии стояли, окружив пулемет Гатлинга-Фендера модели прошлого десятилетия. Фоном группе служила стена из крупных блоков серо-желтого цвета. Эту стену и эту кладку узнает любой человек, обитающий в любом из Периметров государства человеческого. Стена, день ото дня сдерживающая напор обезумевшей природы. Каких-то десять-пятнадцать лет тому назад казалось, что эта стена – символ чего-то нового, не просто стена между миром смерти и миром жизни, но и некая отпавшая нерушимая граница, отделившая время войны от благословенного времени мира. Но ни черта подобного не случилось, и теперь, спустя десятилетие, это очевидно. Вновь цветут буйным цветом, несмотря на студеные зимние ветра, милитаристские настроения, маршируют молодчики в стандартном обмундировании, теле- и радиоэфир полны пафосного хлама и призывов к военному походу, а в целом – к восстановлению пошатнувшегося самолюбия цивилизации.

Стас аккуратно поддел фотографию ногтем и убрал ее в портмоне. Он и сам не смог бы сказать, для чего.

Стас Бекчетов, воспитанный приемным отцом, потомственным аристократом Анатолем Бекчетовым, не имел ничего против и восстановления утраченного самолюбия, и военного похода. Рано или поздно человечество должно было прийти к этому, поскольку перенаселение и беднеющий запас ресурсов в противном случае послужили бы толчком к деградации людского сообщества. Новая война, война против природы, против чудовищных ее порождений была неизбежна. Но зачем же неизбежность облекать в пурпурные тона великой миссии, зачем грязной и кровавой мачехе Войне приписывать благородство, зачем идеализировать? Ведь как минимум 60% процентов живущих сейчас людей помнят и кровь, и смерти близких, и гнивающие раны, и дизентерию, и вшей, и голод, и смерть надежды, и безумие, и равнодушие, и очерствение, и еще тысячу эпитетов смерти.

Да, мечта о мире оказалась фата-морганой, каких много было в истории человечества. Все эти мечты о всеобщем равенстве, о цивилизации любви или цивилизации труда, о неясном, но светлом будущем, о рае... Все это были фата-морганы. Спору нет, обидно осознавать, что мечта обростает тленом несбыточности, но, черт побери, зачем обманывать себя новым мифом, зачем позволять кому-то делать из себя идиота? Почему просто не жить? Почему просто не заниматься своим делом? Почему нужно вновь и вновь вставать под знамена, под штандарты, под хоругви?..

Стас не мог поверить, что дело только в страхе одиночества. В том, что большинство боится оказаться в стороне, вне общества, а значит, вне защиты, вне строя. Скорее, дело было в другом, в надежде на увиденный кем-то смысл, кем-то изложенный, пусть и неправдоподобно, но разъясненный, поданный тебе на блюдечке с голубой каемочкой, а значит, ты вместе со всеми увидел его, значит, он не мираж – существующий. Не могут же обманываться все! Да, наверное, людей можно понять, но Стас понимал и другое. В тот день, когда их, гардемарин, выгнали на плац и держали на солнцепеке, тогда ведь тоже умирала одна идея и рождалась новая. Он сейчас уже и не вспомнит, какая именно, – этих идей, этих осмыслений за годы войны было множество, и все они легко умирали от холода, голода, отсутствия боеприпасов и медикаментов, в петлях и в дизентерийных бараках... Обычная пуля была куда надежнее любой идеи, да и смысла с достоверностью в ней было куда больше. Когда-то это казалось очевидным. А теперь?

А теперь по городу возникают пробки из-за шествий хоругвеносцев, из-за парадов черно-белых батальонов, из-за митингов и манифестаций. А бывший русский офицер, получивший статус младшего детектива Управления юстиции в обмен на боксерские перчатки, говорит о раке и метастазах.

* * *

Стас вновь, как и этим утром, прошел на кухню кафедры отдела убийств. Там у темно-зеленого настенного телефонного аппарата он вновь замер на мгновение, повторив про себя

немногочисленные этапы плана. Он был в целом прост, этот план.

Наборный диск скрипел.

Трубку на этот раз взял сам Шрам.

– Привет, Шрам! Это Стас.

– А... Привет. – Голос звучал глухо и словно издалека. Стас не знал, в чем причина, в самом аппарате или в том, что кто-то снял параллельную трубку.

– Слушай, я себе всю голову сломал, – продолжил Стас, – как называлась та песня, которую отзвонил на свадьбе твой кузен?

Кузенов у Шрама не было, но был знакомый автотехник, который подрабатывал в православной церкви. Ее купола были видны из окон квартиры Бруно. Автотехника звали Петр, а фамилия у них со Шрамом была одна на двоих – Чадов, хотя никакой родственной связи между ними не было. Ну и закрепилось у них это обращение друг к другу – «кузен». Как-то Шрам рассказал во время пятничной встречи в «Долине» следующую историю. Однажды, будучи в сильнейшем подпитии, «кузен» Петр во время чьей-то свадьбы отзвонил вместо обычного в таких случаях звона мелодию довольно похабной песенки, имевшей хождение в то время. «Кузена» хотели уволить, но по какой-то причине не уволили, и он по сей день подрабатывает звонарем в той церкви.

– Э-э-э... Кажется, это была «Маленькая родинка – веселая вдова», – весело ответил Шрам. Он, несомненно, уже понял, что Стас в сложившейся обстановке не стал бы просто так затевать разговор экивоками, да еще приплетать «кузена».

– Вот черт, ну конечно! А у меня в голове крутилась «Мой друг когда-то был певцом». Ты просто спас мою бедную голову, приятель! Спасибо!

– Да не за что, – ответил на том конце провода просто лучащийся радостью голос Шрама. Он все понял, а значит, Стасу не придется сочинять новых экивоков.

Идея была не в том, что такой разговор не привлечет внимания, если Стаса действительно прослушивали. Идея была в том, чтобы услышанное никому и ничего не дало.

Эту солдатскую песенку, «Мой друг когда-то был певцом», раньше пели многие. Стасу приходилось слышать ее на сербском, английском, русском и французском языках. Уж больно навязчивая у нее была мелодия, а текст до слез жалостливый. Она рассказывала о погибшем на поле боя солдате, который когда-то был певцом.

В их роте в Сардинии был такой паренек – Йозек Данек. Он не был певцом, но мечтал им стать. Однако у родителя Йозека, богатого промышленника, заработавшего миллионы на производстве оружия и военной техники, были иные планы. Йозек Данек пошел в гардемарины, а в их роте песня «Мой друг когда-то был певцом» приобрела совершенно иной смысл, далекий от слезоточивости.

Война унесла множество жизней, единицы дошли до мирных времен, но Йозек выжил. Правда, певцом он так и не стал. Теперь он носил черную сутану и управлял небольшим церковным приходом в пригородной полосе. Все они об этом знали и даже пару раз смогли вытянуть бывшего сокурсника в «Долину». Впрочем, Йозек пил только слабое вино и оставался ненадолго. Циничный Скальпель однажды предложил пригласить на такую встречу девочек из заведения, в котором работал вышибалой Бруно, но они так и не пришли к единому мнению по поводу этой аморальной авантюры. То есть насчет девочек были согласны все, но так и не сошлись во мнении, сколько и каких именно приглашать. Однако именно тогда все они заключили дружеский пакт о том, что, если и произойдет у них помутнение сознания и очерстевшие души потребуют исповеди, все они пойдут к Йозеку, а исповедь начнут словами: «Приятель, я облажался»...

Расчет был прост. Услышав колокольный звон на мотив песенки «Мой друг когда-то был певцом», Бруно отправится в церковь Йозека Данека и «исповедуется», а тот, так или иначе, сможет передать информацию остальным.

Стас задержался на кухне, чтобы сделать себе кофе. Пока закипал на маленькой электроплитке чайник, Стас стоял и разглядывал киноафиши годичной давности: «Круиз для неизвестного» Пьера Монтезеля, «Музыка в темноте» Ингмара Бергмана и «Похитители

велосипедов» Витторио де Сика. Ни одного из этих фильмов Стасу так и не удалось увидеть. Теперь, стоя на кухне, он вспомнил вдруг, как один английский парень, с которым его однажды свели военные дороги, сказал душным августовским вечером: «Как только наступит мир, пойду в первый попавшийся кинотеатр, на первый попавшийся фильм... Буду смотреть, как рушатся чужие жизни, и понимать, что все это ложь». Стас не помнил, как звали этого парня, зато хорошо помнил, как тот погиб.

Впрочем, на последний фильм – «Похитители велосипедов» – Стас не пошел сознательно, прочитав в какой-то газете рецензию. Просто не захотел вновь переживать послевоенное отчаяние, даже понимая, что сюжет выдуман...

Стас выходил из кухонного закутка, когда увидел входящих в помещение Моралеса и двух незнакомых человек, один из которых был одет в гражданскую одежду, второй – в черно-белую униформу. Дежавю... Стас остановился, прислонился к перегородке и стал ждать. Как ни странно, он был совершенно спокоен, лишь где-то глубоко внутри свербило что-то неприятное, но, в конце концов, было бы просто странно, если бы в создавшейся ситуации ничего не свербило. Интересно, почти лениво подумал Стас, по какому из двух дел?

– Бекчетов! – оглушительно рявкнул Моралес, глядя в сторону выделенной группе Стаса каморки.

– Да здесь я, шеф, – сказал Стас, отталкиваясь от фанерной перегородки и подходя к начальнику Управления и особистам.

– Тут... – Моралес кивнул на Гражданского и Черно-Белого, – джентльмены желают с тобой пообщаться. Удели им *немного* времени.

Стас смог сдержать усмешку, когда Моралес абсолютно четко выделил слово «немного». Гражданский нахмурился, также уловив эту артикуляцию, но Моралес уже повернулся и двинулся прочь, громя ботинками и громко отдуваясь. Встречные торопились прижаться к стенам.

– Станислав Бекчетов? – спросил зачем-то Черно-Белый, а впрочем, Стас давно заметил, что есть ряд уполномоченных лиц, которые страдают привычкой спрашивать об очевидном.

Гражданский смерил спутника презрительным взглядом и сказал мягким тоном, обращаясь к Стасу:

– Вы тут хозяин. Где бы мы могли поговорить... относительно спокойно?

– Пойдемте в допросную, – ответил, пожав плечами, Стас.

Допросная располагалась через коридор от кафедры отдела убийств. Точнее, их было четыре, однако в двух шел ремонт, а еще в одной стоял неистребимый запах рвоты, источник которого никак не могли выявить вот уже месяц. Четвертая же была снабжена зеркальной стеной, за которой мог незамеченным оставаться наблюдатель. Именно так понял направление шефа Управления детектив Бекчетов.

Стас сел (автоматически, лишь постфактум отметив про себя этот момент) лицом к двери, то есть в то кресло, куда обычно усаживали допрашиваемых. В отличие от них на руках Стаса не было наручников с продетой сквозь отверстие в столе цепью, но по спине невольно пробежал холодок: наручники надеваются легко...

– Итак, – сказал Стас, – чем могу быть полезен?

Черно-Белый резко подался вперед всем корпусом, однако, осаженный все тем же презрительным взглядом Гражданского, тут же обмяк и промолчал. По всей видимости, он собирался выдать что-нибудь типа: «Вопросы здесь задаем мы...»

– Мы бы хотели поговорить с вами, Станислав, о вашем бывшем начальнике, – проговорил негромко Гражданский. – О Марке Гейгере.

Вот это было неожиданностью. К такому повороту Стас себя не готовил.

– Э... Да, пожалуйста. А могу я уточнить...

– Можете, но не стоит, – покачал головой Гражданский. – Скажем так, это не в ваших интересах. Поверьте мне. Сейчас вокруг бывшего старшего инспектора Гейгера много

всего... нехорошего. Не ровен час, замараетесь.

Стас отметил это «бывшего», но виду не подал.

– Ну что ж, я готов ответить на любые вопросы.

Черно-Белый усмехнулся, но промолчал. Скорее всего, ему еще не приходилось встречать людей, которые были не готовы отвечать на вопросы.

– Скажите, Станислав, – стелил тем временем Гражданский, – чем мог быть вызван такой... хм... настойчивый интерес Гейгера к делу снайпера?

– Ну, инспектор Гейгер считается специалистом по серийным убийствам, – проговорил Стас, ожидая, что кто-нибудь из этих двоих поправит его «считается» на «считался». Но те промолчали. – А дело изначально выглядело именно так.

– Как так?

– Как... серийные убийства.

– А как оно выглядит теперь? – спросил Гражданский. При этом он наклонил голову и посмотрел на Стаса исподлобья.

– Теперь оно выглядит неоднозначно, – ответил Стас, не отводя глаз. – Именно поэтому я попросил начальника Управления...

– Да-да, – кивнул Гражданский, – я понимаю, о чем вы. Но, полагаю, вы являетесь... хм... лицом, заинтересованным в продолжении расследования, поскольку... хм... погибли ваши товарищи.

– Да, – кивнул Стас, – заинтересованность есть. Но она не столько мешает делу, сколько способствует. Мне хотелось бы, чтобы смерть моих товарищей не оказалась напрасной.

– Любая смерть на благо отечеству не может считаться напрасной, – отчеканил Черно-Белый.

Гражданский на мгновение крепко зажмурился.

– И тем не менее... А какая заинтересованность могла быть у Гейгера?

– Хм... Не совсем понимаю вопрос, – сказал Стас, и это было чистой правдой.

– Хм... Гейгер настаивал на продолжении расследования, был против закрытия дела, затем, когда дело все-таки закрыли, именно он уговорил вас обратиться к Моралесу с просьбой о возобновлении. Странное поведение для такого опытного сыщика, который к тому же имел в качестве балласта другие нераскрытые дела. Мне видится в этом некая... хм... личная заинтересованность. Но в отличие от вас, Станислав, я не думаю, что дело в человеческих привязанностях или, по крайней мере, не в привязанности к погибшим во взрыве людям. Отсюда и мой вопрос. В чем, как вы считаете, была действительная заинтересованность Гейгера?

Стас долго смотрел на Гражданского. Черт побери, он действительно не понимал, что от него хотят услышать эти двое, но ему все меньше и меньше нравилось направление, которое принимал разговор.

– Слушайте, я... Я просто не знаю, что вам ответить. Не знаю, что вам известно, но у меня не было никаких доверительных отношений с Гейгером... Я вообще сомневаюсь, что у него были с кем-то доверительные отношения. И я... думаю... мне кажется... что он просто... Ну, он просто не верил, что дело закончено, и для него было важно... закончить его. И другой заинтересованности я не...

– А упоминал ли он при вас когда-либо имя Георг Гейгер?

– Н-н-нет... Кто это?

– Брук Вайнер?

– Нет...

– Ну а про родственников своих рассказывал?

– Да нет, конечно! – воскликнул Стас. – Мы же говорим о Марке Гейгере. Я знаю, что у него была жена, но он вроде развелся. А так...

– Понимаю, – кивнул Гражданский. – Ну а про Алису Картрайт он заговаривал?

– Хм... – Стас почувствовал, как на мгновение его сердце дало сбой. – Разумеется. Она

проходила по делу в качестве свидетеля, и...

– Нас интересует, не упоминал ли Гейгер эту даму в ином контексте?

– В каком именно?

– В каком-либо ином?

– Да нет... Абсолютно точно нет. Если честно, все мое общение с Уб... с Марком Гейгером сводилось к деталям расследования. Так что разговоров в *ином контексте* мы не вели.

– Это мы проверим и... – попытался вставить Черно-Белый, но Гражданский не дал ему договорить.

– Хорошо, – он вдруг поднялся и улыбнулся Стасу, – это все вопросы, какие у нас были. Если вы вдруг вспомните что-то, вот моя визитка. И да... – Гражданский положил визитку на стол и сказал, глядя в сторону: – Мы вынуждены забрать у вас дело. Его... хм... неоднозначность, как вы верно заметили, по всей видимости, затрагивает интересы нашего... хм... учреждения.

Стас сидел, глядя в спину идущему к двери особисту. Черно-белый напарник тем временем, хоть и поднялся со своего стула, нерешительно переминался на месте, глядя то на Гражданского (и тогда в его взгляде сквозили такие подбострастие и нерешительность, что, казалось, они вот-вот прольются на пол медовыми слезами), то на Стаса (и тогда Стасу становилось не по себе оттого, что как живое существо его, видимо, не воспринимают).

У самых дверей Гражданский остановился, медленно повернулся и, словно о мелочи, которая выскочила из памяти и вот вдруг вспомнилась, спросил:

– Скажите, Станислав, а когда в последний раз вы общались с вашим другом Готфридом?

Вот оно. Стас вцепился под столом в колени.

– Виделись мы в прошлую пятницу. Сразу после церемонии вручения значков.

– Угу, – сказал Гражданский, – понимаю. И он тоже ничего не говорил про Алису Картрайт?

– Так он же не был в курсе расследования... Мы, конечно, друзья, но посвящать в подробности расследования запрещено.

– Понимаю, – еще раз сказал Гражданский. Помолчав, смерил Стаса равнодушным взглядом и добавил: – Но визитку все же сохраните. Мало ли...

Сказав это, он покинул допросную, а вслед за ним мелькнул суетной тенью и растворился в коридорах Управления черно-белый особист.

Стас разжал пальцы на коленях и медленно выдохнул. Оглушительно стучало сердце.

В чашке с остывающим кофе испуганно отражались потолочные лампы.

«Рабочий день в самом разгаре, запыленные вы мои. И это закономерно, ведь нужно набивать государственный кошелек, страдающий в последние дни от дополнительных расходов. Знаете, сколько стоит штандарт «Испанской фаланги»?⁹ Задайте этот вопрос Хосе Антонио Примо де Ривере¹⁰. Гвардейцы человечества, славные легионеры, они позиционируют себя надеждой цивилизации, и потому их униформа, штандарты и прочая фурнитура, разумеется, изготавливается за счет налогов, с цивилизации взимаемых. Это же касается других подразделений славного черно-белого воинства: русской РФП¹¹,

⁹ «Испанская фаланга» (*исп.* Falange Española) – крайне правая политическая партия в Испании. Основана в 1933 году, при режиме Франко.

¹⁰ Хосе Антонио Примо де Ривера-и-Саэнс де Эредиа (*исп.* Jose Antonio Primo de Rivera y Saenz de Heredia) (24 апреля 1903, Мадрид, – 20 ноября 1936, Аликанте) – испанский политик, основатель партии «Испанская фаланга».

¹¹ РФП – русская фашистская партия образовалась на базе ряда профашистских молодежных организаций в

итальянской НФП¹², немецкой НСНРП¹³. И идут красиво, однотипно, но с иголки одетые юноши в черно-белых цветах будущего человечества выбивают снег из мостовой и пыль из бюргерской массы. В целом я не против, мне в целом глубоко плевать на это убогое военизированное бессилие, выраженное в блеющем стаде под штандартами. Но, друзья мои, обратите внимание, что спустя столько лет вынужденного совместного проживания просто человек вновь появились русские, испанские, японские, итальянские подразделения. Вам это, родные мои, глупые, равнодушные, инертные массовики-затейники, ничего не напоминает? Ну, тогда мне вас жаль. А что касается дополнительной статьи расходов, так это как раз привычно. Давно известно, что благородный труд совершается для того, чтобы породить другой благородный труд, и цепочка эта неразрывна, более того, именно она соединяет рождение и смерть. Правда... хм... то же самое касается и неблагородного труда. Что характерно.

Ладно, что вам поставить, бедолаги? Будучи пастырем стада человеческого, состоящего, как давно известно, из агнцев, баранов и номенклатуры, я бы хотел как-то... подбодрить вас, что ли...

«Blue Days, Black Nights»!!! Да, пусть счастливый очкарик Бадди Холи подкрасит этот суетный день рок-н-роллом. Хуже уже все равно не будет».

– Таким образом, – констатировал Хворостов, довольно нелепо смотревшийся на колченогом табурете, – мы можем с известной долей уверенности предполагать, что в районе складов рухнул дирижабль полужесткого типа Gross-Basenach. Управлял им, по всей видимости, пилот Карл Хайнц, который, если принять во внимание сведения, представленные Джи, находился под воздействием неких наркотических или психотропных веществ.

– Да бросьте, – покачал головой Беби-Бум, – то, что парень не отвечал на приветствия и у него были, так сказать, глаза красные, еще не значит, что он был наркоманом. Возможно, он просто не выспался или был в плохом расположении духа.

– Не спорю, – кивнул Хворостов.

– Или морально готовился совершить самоубийство. – Стас с силой потер уши. Не было еще и пяти часов дня, а голова казалась уже такой тяжелой, как будто в нее залили свинец. – И на этом все. Больше мы ничего не можем предположить, исходя из имеющихся сведений, а новых нам найти не дадут. Джи, ты сходил в делораспределитель?

Душка Джи, высунувшись из-за массивной спины Беби-Бума, стоявшего в дверях, помахал тощей папкой:

– Двойное убийство в доках и два убийства в результате семейных ссор.

– Уныло, – покачал головой Беби-Бум, – потенциальные висяки.

– Это пока, – неожиданно пришел на помощь Стасу Хворостов. – Группа должна себя зарекомендовать. Судя по всему, много времени нам для этого не потребуется.

– Согласен, – кивнул Стас.

За фанерными перегородками снова стрекотали пишущие машинки. Под куполом кафедры блуждал неясный, но непрекращающийся гул. Управление юстиции, любая его часть, любой отдел, любая наугад взятая группа представлялись сейчас частью чего-то

среде русской эмиграции в 1931 году в Харбине на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, где проживала большая русская колония.

¹² НФП – национальная фашистская партия (*итал.* Partito Nazionale Fascista; PNF), итальянская политическая партия, основанная в 1921 году Бенито Муссолини.

¹³ НСНРП – национал-социалистская немецкая рабочая партия (*нем.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; сокр. НСДАП, *нем.* NSDAP), политическая партия в Германии, просуществовавшая с 1919 по 1945 год.

целого, большого и важного, сама причастность к которому выделяла человека в некий клуб Людей-Занятых-Важным-Делом. Но сидя в самом сердце этого гудящего механизма, составленного из людей, бумажных кип, телефонного треска и множества других элементов, Стас чувствовал себя как никогда обособленно. Капля масла в огромном пресном озере.

– Значит, доступа к другой информации у нас нет... – повторил Стас.

– Я бы сказал, что у нас нет прямого доступа к информации, – пожал плечами Хворостов, сделав недвусмысленное ударение на слове «прямого».

– К тому же, – добавил Беби-Бум, – речь идет о взрыве и жертвах, так сказать, снайпера. Но есть масса косвенной информации. К примеру, наверняка в гаражи делались заказы оборудования, препаратов и, так сказать, комплектующих для... что они там исследовали?

– Вот как раз этого нам и не дадут узнать, – усмехнулся Стас. – И все эти жертвы снайпера, и рухнувшие дирижабли – все это... досадные мелочи. Фактически центром всей этой детективной ерунды является некое научное открытие, которое то ли было, то ли не было сделано в гаражах. Так я это вижу.

– Тем не менее косвенная информация...

Стас вдруг встал, окинул каморку пустым взглядом. Беби-Бум замер на полуслове. В то же мгновение замолчала пишущая машинка за перегородкой, раздался скрипучий скрежет, с которым лист вырывают из каретки, и сразу вслед за этим сыпуче ударил в высокие стекла аудитории брошенный порывом ветра снег.

– По закону, – проговорил Стас, – мы имеем право потребовать продолжения дела, если у нас на руках будут неоспоримые доказательства. Верно?

– Верно, – кивнул Хворостов, с интересом глядя на своего непосредственного начальника. – Но как раз именно их у нас нет. Я имею в виду не трупы, оставленные снайпером. Я имею в виду доказательства, противоречащие принятой версии, согласно которой убийца погиб во время взрыва.

– Но у принятой, так сказать, версии также нет неоспоримых доказательств, – покачал головой Беби-Бум.

– А вот это демагогия, – усмехнулся Хворостов. – У принятой версии есть главное и неоспоримое превосходство – она результативна, задокументирована и положена на полку. К тому же нет смысла отрицать тот факт, что после взрыва убийства действительно прекратились. Для того чтобы просто расшатать это сооружение, понадобились бы ураганные доказательства. А учитывая, *кто* стоит против продолжения расследования...

– Все это верно, – кивнул Стас. – Вопрос в другом. Если у нас на руках все же окажутся доказательства, что убийца не погиб во взрыве, а сами убийства были спланированы...

– Нас уничтожат, – проговорил Хворостов, глядя в потолок.

– Согласен, – кивнул Беби-Бум, нахмурясь. – Ставлю на автокатастрофу.

Все замолчали. Неутомимый стенограф за перегородкой вновь проскрежетал кареткой, тинькнул колокольчик, и клавиши застучали с прежней энергией.

– В конце концов, – пожал плечами Хворостов, – если подумать, то мы ничего не добьемся, подняв вокруг этого дела шум. Нас закопают, и это ничего не изменит. Надеюсь, среди нас нет идеалистов, полагающих, что доказательство преступной деятельности государственной системы способно что-то изменить внутри системы?

– Глупо даже так думать, – пожал плечами Беби-Бум. – Формулировкой «государственные интересы» можно прикрыть что угодно.

– Вот именно. Система меняется только тогда, когда ее существование в прежнем виде становится невозможным. Но при этом она остается все той же системой, просто поданной под другим соусом. Идеология, особенно политическая, рассчитана на потребителя, как и любая внешняя сторона любого продукта. При всем том эта внешняя сторона, как правило, не имеет никакого отношения к самому продукту, точнее, имеет, но только в сознании потребителя. К химии или, скажем, вкусовым особенностям непосредственно продукта это все не имеет никакого отношения. Другими словами, продукт всегда остается практически

одним и тем же.

– Та же, так сказать, лошадь, только сбоку, – согласно кивнул Беби-Бум. – Только, я бы сказал, у этой лошади тяжелые копыта.

– Верно. И переть против этих копыт глупо, да и бесполезно, – продолжил размышлять Хворостов, все так же глядя в потолок. – Но... вряд ли мы кому-то навредим, если, не афишируя, узнаем правду для себя лично.

Стас вздохнул. Откуда-то снова потянуло запахом кофе. Этот день оказался стремительным, насыщенным и на удивление нерезультативным. Если не считать загадочной встречи в складах.

– Тут такое дело... – покачал головой Стас. – Сегодня, когда мы были в складах, я встретился с одним человеком. Точнее, он меня встретил. Ну, не важно. Он... Он передал мне кое-какую информацию. У меня нет никакой гарантии, что эта информация достоверна, а даже если и так... Я не уверен, что она нам что-то даст. Но возможно – только возможно! – что благодаря ей мы получим доказательства.

Они в очередной раз замолчали. Все смотрели на Стаса. А ему вдруг показалось, что сама обстановка этой каморки начинает привыкать к внезапным приступам тишины. Стас только не смог ответить самому себе, хороший это знак или нет.

– Мы же ничего не теряем, проверив эту информацию? – осторожно спросил Хворостов спустя долгую минуту молчания.

– Кроме собственной головы – ничего.

– Невелика потеря, – проговорил Беби-Бум. – Я ее раз пять терял. Правда, в основном из-за женщин...

– А могут и не поймать, – снова выглядывая из-за плеча Беби-Бума, проговорил Душка Джи. – Не пойман – не вор... Т-так ведь?

– Кстати, а где Шенкель? – спросил Хворостов.

Все зачем-то стали оглядываться, словно Роберт вполне мог оказаться и в каморке.

– Он должен был ждать нас по приезде, – проговорил Стас. – Джи, дружище, пробегись до гаража. Если он там, пусть поднимется.

– А я пока кофе сделаю, – решил Беби-Бум. – Очень, так сказать, хочется кофе.

* * *

Они разошлись, и Стас вновь остался один в кабинете. Хворостов отправился навести справки по делу о двойном убийстве в доках у группы, которая вела его ранее. Понятно, что дело, скорее всего, мертвое, но надо было создать хотя бы видимость работы по навязанному направлению. Стас закрыл глаза и откинулся в кресле.

Этот бесконечный день тянулся бесконечно долго. Все, что Стас предпринимал, никак не сказывалось на происходящем. Так что можно было просто откинуться на спинку кресла и закрыть глаза.

Он так устал, что готов был сдаться и позволить дреме увлечь его туда, где бродят мрачные существа, порожденные сном разума. Он бы и сдался, пусть на жалкую четверть часа, но неумолкающая дробь пищащей машинки, перебиваемая синкопами движения каретки, навязчивым игольным колокольчиком вклинивалась между дремой и реальностью. Это препятствие напоминало танковые ежи, которые казались несерьезными и неспособными остановить устремленную грудю брони на гусеничном ходу, однако же останавливали. Ворвалось мгновенное, преодолевшее преграду печатной дроби полусон-полувоспоминание: заснеженные склоны холмов, напоминающие спины мигрирующих черепах посреди песчаного, покрытого редкой сухой травой океана. По этим холмам навстречу восходящему ледяному солнцу двигалась пунктирная линия бронированных машин. Стальные панцири тускло отсвечивали кровавым, а озябшие пальцы в облепленных катышками снега перчатках сжимали приклад противотанкового ружья «Танкгевер-Греко», которое умело сплевывать стальные бронебойные патроны с характерным металлическим

звуком порванной струны. Стас открыл глаза и смотрел некоторое время в потолок, пытаясь вспомнить, где же это было. Он точно знал, что это был единственный бой, в котором ему пришлось взять эту громоздкую конструкцию – «Танкгевер-Греко», и вроде бы именно поэтому память должна была сохранить подробности того боя. Она и сохранила: дисковый «Лель» по правую руку, противотанковые же гранаты «Behringer» по левую, сумка с громоздким, старой модели противогазом через плечо и труп бойца, который до того стоял с «Танкгевер-Греко» на этом самом месте, а потом рухнул и больше уже не вставал. Это все Стас помнил в мельчайших подробностях, так же как помнил смерзшийся песок перед глазами и дыхание, паром вырывающееся из рта. А вот где проходил этот бой, вспомнить никак не получалось. Ясно, что это было еще в первой половине войны, поскольку во второй Стас воевал в экваториальном поясе, где вряд ли могли быть такой смерзшийся песок и перчатки в катышках снега.

Пришел Беби-Бум, принес на старой папке с грубо оторванным ярлыком четыре чашки чая. Пробормотал: «А Шенкель пусть сам варит. Так сказать». Они посидели молча, глотая горький напиток. Пришел Хворостов, взял чашку и встал, прижавшись плечом к дверному косяку.

– А знаете, – сказал Беби-Бум, – мне в целом понравился сегодняшний день. Я, так сказать, примерно это себе и представлял, когда пошел на курсы детективов. А ты что скажешь, Дмитрий?

– Ну... Погодка, конечно, подкачала, – глядя в чашку, ответил русский, – но в целом да, согласен.

Душка Джи явился, когда кофе успел остыть. Он заглянул неуверенно, казалось бы, еще неувереннее, чем всегда, и проговорил:

– Роберта Шенк-келя убили. И еще одного водителя... За-астрелили.

* * *

Стас припарковал «Студебеккер» на муниципальной автостоянке в квартале от места преступления. Зимние сумерки, наполненные оглушающей синевой, превращали все, что терялось выше света уличных фонарей, в стремящуюся к бесконечности пустоту. И хотя светились окна верхних этажей, их свет уже не принадлежал к чему-то человеческому, скорее он был тяжеловесным придатком к неразличимому, но постоянно ощущаемому городскому небу. Просто балласт, но балласт неперемный и почти такой же постоянный, как созвездия, форма которых помнится скорее по школьным учебникам, нежели по собственному зрительному опыту.

Морозило. Сильные порывы ледяного ветра попеременно набрасывались абсолютно со всех сторон, и не спасали ни глубоко надвинутая шляпа, ни поднятый воротник, ни надвинутый до глаз шарф. Однако снегопада не было, и воздух был кристально прозрачен.

Они прошли быстрым шагом, ссутулившись, спрятавшие руки в карманы, глядящие исподлобья. Мимо еще работающей булочной (около нее в прошлом году была застрелена при ограблении семейная пара, Стас хорошо помнил то дело), мимо кафе «Доминион», где подавались блюда пресной английской кухни, и, наконец, мимо темных витрин банка-банкрота «Леонская доля», владелец которого повесился полтора месяца назад. Затем свернули в переулки, узкие, как это было характерно для всех внутренних улочек центральной части города, и невероятно запутанные для новичка. Стас тем не менее шел уверенно, хорошо знакомый с местными лабиринтами. Не отставал от него и Душка Джи. Хворостов и Беби-Бум топали, насупившись, следом.

Вокруг места преступления уже были натянуты желтые «дэд-полис-лайн», дежурили мрачные маршалы. Обычных для подобных происшествий зевак, в силу жуткого холода, не было.

Старший детектив Илиас Волгов, этакий вечный юноша с лицом стремительно спивающегося интеллигента, кивнул маршалам, разрешая группе Бекчетова пройти за

ограждение.

– Осмотритесь сами, – проворчал Волгов. – Тела уже увезли, аналитики тоже закончили. Мы сворачиваемся минут через пятнадцать. И это... – Волгов глазами показал куда-то влево. Стас неторопливо оглянулся. Там под ночным фонарем стояли неподвижно две фигуры. – С самого начала тут крутятся.

– Особисты?

– Да. Приехали раньше нас. Но не вмешиваются, просто стоят, как надсмотрщики. Делать им больше нечего по такой погоде.

Волгов стянул зубами перчатку, раскрыл папку и, покопавшись в ней, извлек стандартный лист, исписанный мелким угловатым почерком под копирку.

– Протокол осмотра. Копия.

Стас благодарно кивнул Волгову, который не только не был обязан предоставлять другому детективу сведения по делу, но и не должен был пускать их на место преступления. Учитывая присутствие двух особистов, Волгов сознательно шел на должностное нарушение.

Автомобиль Управления был припаркован около арки во двор-колодец многоквартирного дома, многие из помещений которого сдавались жильцами под офисы. Обычная практика у тех, кому повезло иметь жилую площадь в центре города. Первый этаж по левую сторону от арки занимала муниципальная библиотека, а по правую – небольшое букмекерское бюро. Обычная практика для всего человечества.

– Машина припаркована, – пробормотал Хворостов. – Двери закрыты.

– Вижу, – кивнул Стас. – Они приехали именно сюда и остановились именно здесь не случайно.

– Думаешь, по нашему делу?

– Не знаю.

Стас поднял лист протокола, повернул его так, чтобы свет фонаря осветил текст. Согласно протоколу, Шенкель и второй водитель были расстреляны из пистолета-автомата, предположительно – «Зауэр-Грейтч». Древняя вещица, еще довоенная...

– А винтовка у снайпера тоже была «Мусима»? – глухо спросил Беби-Бум.

– Да...

– Стреляли в упор, а ни Шенкель, ни Гарьен даже оружия не достали, – пробормотал Хворостов. – Они знали убийц, подпустили их.

– Или не знали, но ждали, – кивнул Стас. – Это могла быть назначенная встреча.

Подошел Душка Джи, который сразу по прибытии отделился от общей компании и отправился осмотреться.

– В арке нат-топтано, – доложил Джи, – много окурков. Но убивали уже во дворе. Выезда со двора н-нет, все подъезды с той стороны сквозные. Судя по следам, кто-то пришел из двора и, видимо, позвал Роберта и Г-гарьена. Там куча гильз.

– Все это есть в протоколе, – кивнул Стас.

– А еще про двоих в прот-токоле есть? – уточнил Джи.

– Еще двоих?

– Да. В подъезде на третьем этаже пол еще мокрый, а весь день шел снег. Ну и ок-курки опять же. Двух видов. «К-кэмел» и «Мальб-боро».

– Уверен, что это были не Шенкель и Гарьен?

– Со двора только одни следы в проходной по-одъезд. Не т-тот, в котором были эти двое, в другой.

– Ясно... Кто-то стоял и смотрел, как их убивали. Но в Управление не стал звонить. Почему?

– Потому что, – поправляя воротник, проговорил Хворостов, – пришел именно для того, чтобы увидеть то, что увидел. Есть, конечно, вариант, что просто испугался...

– Слабо верится, да? – пробормотал Стас, оглядываясь на особистов.

– Да. – Хворостов тоже бросил быстрый взгляд на две фигуры под ночным фонарем. – Этих, кстати, тоже двое.

– Ну, это уж... – пробормотал Беби-Бум. – Вот это вот, так сказать, и есть, я бы сказал, демагогия. Нельзя же так сразу...

– С сегодняшнего дня все ходят с оружием, – приглушив еще больше голос, приказал Стас. – Даже в сортир. Если есть возможность переночевать не дома, не ночуйте. И где бы ни ночевали, запирайте двери на все, что есть.

* * *

На автостоянке Управления они расстались. Хворостов и Беби-Бум отправились на остановку вахтенного автобуса. А Душка Джи неожиданно, по всей видимости, для всех пересел в собственный новый сияющий спортивный «Мазерати».

– Этот парень еще всем нам носы утрет, – пробормотал, прощаясь, Хворостов.

Они все, не сговариваясь и все же по какому-то молчаливому договору, не упоминали больше о смерти Шенкеля. Придет время и для этого, но не сейчас, не в этот момент. Стас понимал, что Роберт погиб именно из-за того, что начал работать в его группе. Больше того, и это Стас осознавал не менее отчетливо, Роберт погиб из-за его просьбы поговорить с водителями автопарка Управления. Видимо, Шенкель что-то узнал. Что-то важное. Но почему не посоветовался с ним? Почему решил действовать самостоятельно? С другой стороны, доложись Шенкель, в том дворе могли лежать не только два трупа.

Какая теперь разница? Уже сейчас его мертвое тело лежит на столе в прозекторской, и кто-то делает совершенно бессмысленное вскрытие. А кто-то другой, точнее, двое других, скорее всего, составляют отчет об увиденном в окно подъезда. Кровавые пятна замечает змеящейся поземкой, но по большому счету и это не имеет значения. Человек умер, человека убили, и Стас не мог не ощущать собственной вины в случившемся.

Во всем должен быть смысл, он должен не просто присутствовать, он должен направлять и оправдывать, объяснять и внушать веру. Но смерть, во имя какой бы цели она ни произошла, всегда тянет за собой гигантскую телегу сомнений. Как можно поверить в то, что смерть – не бессмысленна, что за ней скрывается какая-то подоплека? Смерть ребенка, смерть солдата или смерть гения. Да черт с ним, с гением. Обычный человек выполняет свое дело, выполняет хорошо, выполняет с удовольствием, выполняет, черт побери, потому, что видит это правильным, – его смерть как объяснить, чем оправдать? Стас устал, он уже не мог искать ответы, но кончились и другие силы, те, что давали возможность отгонять вопросы, отмахиваться, отворачиваться от них. Уже не получалось быть равнодушным.

Круглобокий автобус поравнялся с остановкой и забрал Беби-Бума и Хворостова. Урча мотором, скрылся автомобиль Душки Джи.

Стас остался один. Голову распирало от обилия информации, от ощущения вины, от усталости, от недосыпа, от непонимания, от того, что ей сегодня то и дело приходилось нырять из тепла в ледяной влажный воздух. От всего этого суетного, казавшегося бесконечным дня. Стас опустил голову на руки, сложенные на рулевом колесе, зажмурил глаза... Где-то в тысячах миль, спрятанных за каркасом грудной клетки, едва слышно билось сердце. словно чужое.

Стас снова поднял голову, заставил дворники пробежаться по стеклу, смахивая снег.

День заканчивался. Это читалось во всем. В забитых до отказа автобусах, в пробках на дорогах, в том, как гасли окна госучреждений и принимались, каждое на свой лад, отражать маяки ночных фонарей. В том, что на стоянке почти не осталось машин. В том, что далеко вверх, на фермах несущих конструкций небоскребов, загорелись красные предупреждающие огни. И организм, доверяя этим неизменным, ежедневным признакам, требовал заслуженного отдыха. Он знал, что по всем законам, устоявшимся, опробованным, доказанно действующим, Стас должен был вырулить со стоянки и отправиться домой, с каждой минутой сокращая отрезок времени между собой и кроватью.

Вот только Стас этого не знал. Он не знал, должен ли он сейчас поехать домой, правильно ли это будет, или должен встретиться со Шрамом или Арчи, или даже самому, не

привлекая внимания, отправиться в церковь Данека. Или все-таки домой, потому что за ним могут следить: и те, кто убил Шенкеля с Гарьеном, и те, кто арестовал Бруно. А может быть, это одни и те же люди, если поверить незнакомцу, встреченному в лабиринте городских складов.

К черту все. Надо выспаться, иначе он начнет совершать ошибки.

* * *

Дома было прохладно. Стас устало скинул пальто прямо на табурет, прошел на кухню и зажег все конфорки. Поставил чайник. Включил телевизор, но довольно быстро выключил. По двум каналам базлали проформенные одутловатые морды с черно-белыми свастиками на лацканах пиджаков, а по третьему шел фильм «Бегство в Алжир»¹⁴, который Стас уже видел несколько раз.

Две последние сигареты в пачке оказались сломанными. В коробке уныло грохотала последняя спичка. Этот день и правда подходил к концу, и не было, наверное, смысла оттягивать его финал. Стас заставил себя встать, выключил так и не вскипевший чайник, выключил конфорки, прихватил пепельницу и ушел в комнату.

Повалившись на жалобно скрипнувшее кресло-кровать, дотянулся до валявшегося на полу блока, вынул пачку, выбил сигарету, закурил. Почему-то вспомнился давний пьяный вечер в гараже из тех времен, когда Стас еще работал водителем в автопарке Управления. Роберта Шенкеля тогда не было среди участников застолья, Стас даже не был уверен, что тот уже работал в Управлении. Кажется, праздновали чей-то день рождения... А среди водительского состава был тогда такой Йозеф Азеф, то ли поляк, то ли австриец польского происхождения, без разницы, но вроде как в прошлом, до войны, учитель в закрытой частной школе классического образования. И вот теперь, этим вечером, в гулкой тишине квартиры, где даже не подведенные часы, остановившись, не издавали своего заполняющего пространство клацанья, Стасу вспомнилось, как Йозеф, пьяный в хлам, раскричался ни с того ни с сего, нес чушь какую-то, угрожал всем отсутствием будущего, в общем, вел себя по-свински, но довольно безобидно. А потом сказал, так же внезапно утихомирившись, что вообще-то волчицами в Древнем Риме называли проституток и даже публичные дома назывались лупанарии. А значит, и крылатая фраза «*Homo homini lupus est*»¹⁵, возможно, имеет совершенно иное значение. Высказав это, Йозеф Азеф как-то сник, потерял интерес к миру сущему и очень быстро уснул. К радости большинства собравшихся.

Стас вдавил окуроч в пепельницу и несколько мгновений пытался заставить себя раздеться. Потом все же встал, побросал одежду прямо на пол, лег и мгновенно уснул.

* * *

Верил ли Стас снам? Трудно сказать, но да, пожалуй, он верил в то, что сны – это нечто большее, нежели бессмысленная смена сюжетных обрывков на обратной стороне век. Однако стоило ли верить в то, что сны несут, стоило ли пытаться докопаться до истинного значения этих видений? Откровенно говоря, Стас никогда всерьез не задумывался об этом.

Той ночью он спал беспокойно, то и дело просыпаясь. То ли оттого, что ветер набрасывался на дома, лупил в стекла и выл, как перепивший футбольный болельщик, то ли напряжение минувшего дня не давало нервам покоя... Так или иначе, сон был рваным, как

¹⁴ «Бегство в Алжир» (англ. «Pursuit to Algiers», 1945) – американский художественный фильм Роя Уильяма Нила, двенадцатый из серии фильмов, посвященных приключениям Шерлока Холмса и доктора Уотсона с участием Бэзила Рэтбоуна, Найджела Брюса.

¹⁵ Человек человеку волк (лат.).

старый истлевший парус «Марии Целесты». А в памяти сохранилось и того меньше.

То Стасу казалось, что он бредет в толпе испуганных людей, покидающих захваченный город. Кем захваченный? Проснувшись, он не мог вспомнить точно, то ли просто бандой уголовников, и тогда это было понятно, тогда это как-то увязывалось с десятком подобных эпизодов из собственной жизни Стаса, когда города, захваченные бандами вооруженных отморожков, потерявших человеческое лицо, покидали обездоленные жители. И где бы это ни происходило: в Хорватских горах, под жестоким солнцем испанской сиесты, не знающей разницы между войной и миром, на неверных, заносимых песком дорогах Ливийской пустыни, – везде, где испуганное человеческое стадо покидало насиженные, родные, вросшие в души места, он видел это выражение лиц, пустоту в глазах... А потом ему вдруг начинало казаться, что город захвачен и не людьми вовсе, а некоей тварью, чудовищем... И, наверное, у этого варианта тоже было свое значение, но думать об этом не хотелось. Наспех стянув одежду, Стас заснул, воспоминание рассыпалось в пыль, которой утром уже нельзя было придать форму. Его место занимали другие сны.

Снежная пустыня без конца и края, ледяное небо, усеянное звездами, похожими на проколы в черном полотнище. И ужас от осознания, что он не знает, куда идти, что, куда бы он ни пошел, вокруг будет все та же ледяная пустыня. Стас снился себе ребенком, впервые за долгое время. Но в детстве он редко видел снег. На зиму его всегда отправляли в Кению, где у Анатолия Бекчетова имелись друзья в христианской миссии – богатые, влиятельные и образованные. Сейчас все это кажется бессмысленным набором слов: Кения, миссия, образование... Проснувшись и пристально глядя в темноту перед глазами, все еще чувствуя остатки ледяного ужаса, Стас пытался понять: а это-то что могло значить? И, разумеется, не понимал.

Лишь под утро приснился интересный сон, но, открыв глаза, Стас не смог вспомнить его содержания, лишь сохранился в памяти веселый выпивоха в каком-то убогом баре, который знал тысячу историй, любил их рассказывать, но еще больше любил выпивку. Стас проснулся, улыбаясь, и только потом понял, что пробуждение не было естественным. Кто-то стучал в дверь. Сон слетел как не бывало, но страх не пришел. Стас вдруг понял, что все, абсолютно все его достало и, кто бы там ни пришел, ему не удастся уже пропихнуть даже крошку страха сквозь глухую стену этой всепоглощающей усталости.

Да, в последнее время все чаще ходили слухи о каких-то арестах по ночам. Якобы от Особняка после полуночи разъезжаются в разные районы города черные машины, а потом кто-то не выходит на работу, кого-то не могут отыскать родственники и так далее. Не то чтобы Стас абсолютно не доверял этим слухам, просто он знал, что в тревожные минуты, а именно такие, очевидно, настали для человечества, городские легенды полнятся самыми тревожными образами, а совершающееся зло многократно увеличивается в размерах за счет слухов, баек полупешепотом, мрачных разговоров на пьяных кухнях. К тому же машины у особистов были не черные, а самые разные. Был даже точно такой же, как у Стаса, «Студебеккер». Несомненно, политические перестановки и следующие за ними кадровые пертурбации всегда приводили к тому, что прежнее порой удалялось самыми жестокими способами, порой доходившими до откровенной бесчеловечности. И все же в повальные ночные аресты Стас не верил. Единичные – возможно. Вот только он, Стас, сам того не желая, видимо, таки перебежал дорогу людям, разъезжающим на самых разных машинах. Так иногда бывает, когда пытаешься спасти невиновных, докапываться до истины, делать свое дело. Причина проста (и это Стас также понимал четко): понятия «вина», «истина» и даже «дело» для общественной системы не имеют значения, только для ее элементов. Потому что система – это механизм вроде разностной машины Управления. Ее вращает лишь одна сила – функциональность.

И лишь подойдя к двери, Стас вдруг понял, что стук совершенно не характерен для тех, кто приходит допрашивать, арестовывать и в целом чувствует себя хозяином жизни. Стук был неуверенным, робким, словно тот, кто стучал, делал это, оглядываясь и, скорее уж, боясь разбудить соседей, чем добудиться до хозяина.

– Кто там?

Приглушенный женский голос ответил из-за двери:

– Откройте, пожалуйста, меня прислал отец Карл.

Отец Карл – такое имя принял Йозек Данек, надев сутану. Стас открыл дверь, оставив лишь цепочку. Выглянул. В коридоре, опасливо вглядываясь в открывшуюся щель, стояла девушка лет двадцати пяти в черной одежде храмовой прислуги. Стас смутно помнил из рассказов Йозека о том, что при храме работало несколько семей, не монахи, именно прислуга.

– Одну секунду, – попросил Стас, чувствуя себя идиотом, стащил с вешалки осенний плащ и, надев на голое тело, запахнулся. Скинул цепочку и кивком предложил зайти.

– Нет, – сказала девушка, замотала испуганно головой. Что-то протянула. Лист бумаги.

– Зайдите, – настойчиво проговорил Стас, – я вас не съем. Я давно перестал питаться человечинной.

Глаза девушки распахнулись, и Стас понял, что с чувством юмора у бедняжки сейчас сильные недопоставки. Впрочем, ее можно было понять.

– Я пошутил, – вздохнул Стас. – Извините. Заходите уже.

Девушка помялась мгновение, но потом все же вошла. Прошла мимо Стаса в коридор, смотрела под ноги, даже не огляделась. Симпатичная. Щеки красные. Может, все-таки монашка? Нет, вряд ли, Стас заметил на губах едва заметные следы помады. Монашки не красятся. Хотя что мог Стас знать о монашках? Закрыв дверь, размышляя, как бы улизнуть одеться и стоит ли это делать. Потом запахнул плащ еще плотнее, завязал пояс. Вспомнился нехстати извращенец, за которым как-то пришлось гнаться по улицам центральной части города. Тот – быстрый и ловкий сукин сын – бежал в плаще на голое тело и успевал периодически задирать полы, показывая преследователям филейную часть.

– А где сам Данек? – спросил Стас, разворачивая переданный лист бумаги. Записка, почерк Бруно.

– Кто?

– Отец Карл.

– Внизу, в машине. Он боится... Боится, что за нами могли следить.

– Хорошо. Подождите секунду.

Стас встал под тусклую лампу. Ее давно пора было поменять, и сами лампы есть, в коробке под турником, но все руки не доходили. Пробежал глазами текст.

«Болею, лежу. Простудился, когда ездил отдохнуть за город. Встретил людей, говорят, знают тебя, передали подарок. До вечера не приходи, заразишься. Б.». Вот так вот... Перечитал, потом еще раз. Начало, фраза про болезнь, а также предупреждение о возможности заражения – с этим все ясно. Бруно говорит, что после возвращения из Второго Периметра в город его арестовали и теперь сохраняется опасность того, что кто-то следит за ним, а значит, есть шанс подставить тех, кто решит его навестить. Мало того, слежку он заметил еще до возвращения в город («Простудился, когда ездил отдохнуть за город»). Этими нехитрыми шифрами они пользовались еще в мореходке.

Но что за «друзья», что за «подарок»?.. Или речь о Скальпе и Алисе? Тогда, возможно, «подарок» значит, что все прошло удачно. С другой стороны, зачем писать, что он их встретил, зачем писать «говорят, знают тебя»? Или не стоит себя накручивать и искать за словами подсылы?

Дьявол...

Стас включил свет на кухне, посмотрел на часы. Три пополудни. Время, когда заумь Хлебникова понимается лучше, чем нормальная речь.

– Что мне передать отцу Карлу? – спросила девушка. Стас посмотрел на нее. Теперь она стояла так, что свет от кухонной лампы попадал ей на лицо. Совсем юное. И совсем перепуганное. Смотрит исподлобья, как будто удара ждет. Хочется по голове погладить.

– Передай... А человек, который принес эту записку, он еще придет?

– Не знаю. – Даже в ответах настороженность. Что же случилось в жизни этой

девчонки (сколько ей – 20? 25?), перепугавшее ее однажды и навсегда заставившее прибиться к церкви? И почему тогда, с этой тенью за спиной, она все же не ушла в монашки, раз уж прячется за святым словом. Непонятная.

– Передай Карлу, что я обязательно зайду к нему и отблагодарю. Передай, что... Ладно. Ради такого дела передай, что я исповедаюсь. Да, так и скажи. Зайду исповедаться.

Каблуки простучали по ночному подъезду. Стас стоял и долго ждал, пока еле слышно где-то глубоко внизу, в колодце лестничного пролета, не хлопнула входная дверь. Закрыв свою, постоял, пытаясь сообразить, что теперь делать и нужно ли что-то делать именно сейчас. Перечитал записку.

Нет, не имело смысла пытаться что-то сделать именно сейчас, среди ночи, с плохо соображающей головой, после дикого дня. Пошел в комнату, лег и почти мгновенно провалился в переполненный суетными образами сон, похожий на осколки взорвавшейся рядом гранаты, которые чудом прошли мимо, не оставив на тебе даже царапины.

* * *

Стас проснулся за несколько секунд до звонка будильника. Успел смириться с неизбежностью нового дня, с твердыней потолка над собою, с тем, что аргументы бодрости серьезнее, чем бессмысленная, наивная защита сна. Потом опустил руку на будильник и, когда тот подал голос, тут же его заткнул. За окном сыпал снег. Огромные хлопья. В полном безветрии они летели вниз, как тополиный пух. Здесь, наверху, на уровне окна Стасовой квартиры безветрие было редкостью: высота здания, незначительность расстояния до следующего дома и общая длина улицы, составленной из однотипных домов-небоскребов, все это в совокупности создавало условия для настоящих термодинамических штормов. Так что безветрие представлялось чем-то вроде местного катаклизма. Шторма тишины.

Стас поднялся и босиком пошел на кухню. Нужно было выпить кофе, выкурить первую сигарету и отправить свой организм в душ. Вряд ли стоило надеяться, что день выпадет менее суетным, менее напряженным, чем вчерашний. Вдруг нахлынули самые страшные воспоминания вечера: кровь на снегу, обрывающиеся следы, мертвые глаза оконных стекол. Стас поспешно схватился за дверной косяк, прижался лбом к обоям. И, словно получив сигнал, в окно ударил порыв ветра, раскраивая планирующую стаю снежных хлопьев, меля ее в крупу. Крупа эта сыпалась в окно, как будто стороны и направления поменялись местами и стекло квартиры находится на дне, а стена противоположного дома стала небом.

Стас несколько раз ударил кулаком в стену, потом открыл глаза и увидел следы крови. Рассадил кулак, идиот. И ударил еще раз. Боль помогла. Он прошел на кухню, чувствуя босыми ногами крошки на полу. Наполнил чайник до половины, поставил на плиту. Сполоснул заварочный чайник, насыпал заварку. Сел. Поискал глазами пачку, вспомнил, как вечером отнес ее в комнату, вспомнил, как сидел, уронив голову на руль, на стоянке Управления, вспомнил вечно готовое расплыться в усмешке лицо Шенкеля. Чайник засвистел. Стас залил кипятком заварку, сходил в комнату за сигаретами, сел, закурил. Выгнутое зеркало телеэкрана отражало холостяцкую неуютную кухню, ссутулившегося за столом человека в трусах и растянутой майке, край окна. Все это придавлено куполом пожелтевшего от табачного дыма потолка, который Стас ни разу не мыл с тех пор, как въехал в эту квартиру. Картина безнадежности. В этом доме счастья никогда не было, как, наверное, не могло быть счастья в заваленных углем товарных вагонах. Или на вокзальных лавках. Эта квартира не предусматривала собственно обитания, существования, бытия, она была только перевалочным пунктом между тем, что уже прошло, и тем, что вот-вот наступит.

Стас взялся за чайник, потом опомнился, встал, взял с полки банку с кофе, поискал глазами турку. Лежит немытая в раковине. Ладно... Ладно. Налил чая, пусть будет чай, ладно. Дотянулся до розетки, включил телевизор. Удивленное лицо старлетки, зачитывающей прогноз погоды. Она была очень похожа на ту девушку, что принимала у

него плату за парковку... не так давно, всего лишь пару тысячелетий назад. Чуть меньше, чуть больше – смешные понятия, все эти числительные, превосходные степени, прочая чушь. Рядом с тем, что не поддается исчислению. Смерть в единицах, в процентах, в количестве смысла. В громкости лозунгов или состоятельности обрекающей на смерть идеологии? Что за бред.

Ладно. Стас пил чай, крепкий до четко ощутимой кислинки. Есть не хотелось. Ладно.

Долго стоял под душем, едва теплым. Потом долго натирался полотенцем, до красноты. Брился, то и дело протирая полотенцем запотевшее зеркало. Можно было открыть дверь, но тогда прохлада квартиры ворвется в ванную. Добрился, разобрал станок, убрал в ящик-стойку. На фанерной задней стенке висела деформированная от сырости вырезка из какой-то газеты, приклеенная три года назад. Интервью с писателем Юджином Дойчем. Интервью было скучнейшее, Стас вырезал его ради двух фраз: «Ничто так не нарушает права человека, как религиозные устои. Хотите создать правовое государство, поставьте инспекторов по правам человека и психиатров около церквей, мечетей и синагог, только не забудьте придать им регулярные части военизированных атеистов». Стас верил в Бога. Всегда. Не формулируя, просто верил. Но в силу слова он верил тоже.

К тому времени как он вышел из ванной, старлетку в телевизоре сменил одутловатый мужичок, рассуждающий о творчестве Клаудио Монтеверди и в целом о музыке эпохи барокко. У отца была пластинка с несколькими произведениями Монтеверди. Стас как-то пытался их прослушать. Не понравилось.

Чистых рубашек не осталось, пришлось долго стоять у окна, разглядывая воротники, рукава, карманы, выбирая наименее грязную. Вернулся в ванную, чтобы, стоя у зеркала, повязать галстук.

Привычные действия, привычные настолько, что не приходится говорить себе, что надо сделать, как надо сделать. Ты просто делаешь – и все. И занятно выходит, смерть сильнее всего, но этот обыденный автоматизм сильнее смерти. Потому что вчера умер человек, а сегодня ты стоишь у окна и выбираешь наименее грязную рубашку. И, может быть, это неправильно, но спорить с этим бессмысленно, потому что так есть, так всегда было и, вероятно, всегда будет. Потому что можно лицезреть гибель империй, парады планет, взлеты и падения, все, что угодно, но до тех пор, пока ты не перестанешь коптить небо, ты будешь стоять у окна и выбирать рубашку.

Ладно...

Он вышел позже обычного, прокручивая в голове путь к Управлению, возможности объезда тех мест, где стопроцентно будет пробка... Скорее всего, в любом случае вовремя не приехать. Ладно.

Часть четвертая

Утро

Моралес ждал его, полусидя на капоте своего гигантского желто-черного «Ситроена ТА». Красное от мороза лицо, хмуро насупленные брови, самая большая из когда-либо виденных Стасом сигар. На голове котелок, черт побери, ну, разумеется, котелок с белым снежным околышем, и ниже – целые горные насыпи снега на плечах тролля. Младшие детективы его группы, топчущиеся вокруг «Ситроена», выглядели недорослями рядом с гигантом Моралесом. Даже высоченный Хворостов, даже широкоплечий Беби-Бум.

– Бекчетов, ко мне в машину, – рывкнул Моралес и отправил сигару в сугроб. На мгновение Стасу показалось, что сигара растопит весь снег на улице.

«Дьявольски славное доброе утро, бездельники! Давайте продирайте глаза, я сегодня рано, и какого черта вы все еще дрыхните, если я, всеми признанный лежебока, уже на ногах, уже в своей рубке, уже, мать вашу, кричу вам из динамиков, что долбаное прекрасное утро настало? И если вы проспите и его, ну... Тогда мне не о чем с вами говорить, вы

безнадежны, вы не стоите моей заботы.

Да, да, да. Я произнес это слово – «забота». Пусть кинет в меня камень тот, кто скажет, что это не так. Пока государство и профсоюзы заботятся о ваших кошельках, холодильниках, пенсионных накоплениях и прочей херне, диджей Халли на волнах рэйдио «Хоспис» заботится о вашей душе. И вот я говорю вам, дети мои, продерите свои долбанные глаза и посмотрите в окно. Пусть кружит снег и в воздухе уже стоят намеки на запахи хвои, апельсинов, и водки, и даже затушенных в шпроты сигарет, черт с ними, куда же без них. Пусть! Вы думаете, это просто атмосферное явление? Просто, мать вашу, перепады температуры в верхних слоях атмосферы? Нет! Физика, математика, химия – все это фундаментальная, обоснованная, просчитанная чушь собачья, не имеющая никакого отношения к тому, что вы, несчастные неудачники, можете сейчас увидеть за окном.

А в качестве саундтрека к этой красоте я, пожалуй, поставлю старую добрую «Let It Snow!» в исполнении Дина Мартина. Помните еще этого пропойцу в «стетсоне»?»

Занятно было услышать голос государственного преступника в машине руководителя Управления юстиции. Впрочем, гигантские сардельки пальцев Моралеса мгновенно заткнули ему рот.

– Бекчетов, – начал Моралес (и по тому, как мягко это было сказано, Стас понял, что сейчас его будут пользоваться по полному списку совершенных и несовершенных грехов), – я правильно понимаю, что вчера вечером погиб человек из твоей группы?

– Так точно. Роберт Шенкель. Был застрелен...

– Я в курсе подробностей, черт побери! – гаркнул Моралес. – Почему не поднялся ко мне вчера? Почему не доложил лично?! До того, как поехать на место преступления? Почему...

– Виноват...

– Не перебивай меня!!! Будешь говорить, когда я скажу, понял?

– Так точно...

Моралес наклонился к Стасу, и тому вдруг показалось, что кто-то одним махом выкачал из салона «Ситроена» половину кислорода. Стало душно, выступил пот. Отведя глаза, Стас увидел, как обеспокоенно топчутся на улице Хворостов и Беби-Бум. Душки Джи видно не было, наверное, сидел, спрятавшись в своей машине. Стас был готов к крику шефа. И потому, когда Моралес отстранился и заговорил усталым, надтреснутым голосом, понял, что все будет еще хуже:

– Бекчетов, я получил свой первый значок, когда ты еще под стол пешком бегал. Еще до войны. А это хренова, мать ее, куча времени тому назад. Это охереть как давно, Стас...

Теперь он назвал его по имени. Увольнение, скорее всего, лишение лицензии, а там и вылет из Периметра – кому он тут нужен без значка? Разве что удастся вернуться за баранку. Если повезет. Очень хотелось сказать что-то в свое оправдание, но вот беда, Стас не мог понять, в чем он должен оправдываться. В том, что, услышав о смерти члена своей группы, стремглав ринулся на место преступления? В том, что не доложил о случившемся поздно вечером? Ерунда. Тем более, шеф не стал бы лететь ради этого на дом к сотруднику. Было очевидно, что Моралеса задело что-то другое. Но что?

– Ты должен понять, – продолжал Моралес, глядя куда-то в пространство кружащихся снежных хлопьев, – что мне нет интереса до большинства дел, производимых в Управлении, только до статистики. Дело закрыто – хорошо. Меня это устраивает. Есть десяток-другой людей, моих подчиненных, которые обязаны рассматривать качество и сроки проведения работы, это их дело забивать себе голову такими вещами. Но когда при расследовании дела гибнет бо́льшая часть оперативной группы, затем гибнет еще один человек, а потом приходят долбанные засранцы из Особняка и говорят, чтобы мы на хрен подавились и отвалили от этого дела, черт побери, Бекчетов, вот это уже касается непосредственно меня. И ты должен был подняться ко мне, как тогда, когда попросил о возобновлении дела, и сказать, что из-за этого дела погиб член твоей команды и какие-то долбанные ублюдки отнимают его у

тебя. Потому это одна из гребаных причин, по которым я вообще сижу на своем месте. Понимаешь?

– Понимаю.

– Рассказывай.

– Что именно?

– Все. С самого начала. И то, что было в деле, и то, что ты или Гейгер решили в дело не вносить. Всю долбаную муть, понимаешь меня, Бекчетов? Я должен знать, как прикрыть ваши задницы, если в них вцепятся ублюдки из Особняка. Потому что, мать его, что-то происходит. И мне не очень нравится то, что происходит. И я не знаю, каким образом, но сначала Гейгер, а потом ты все время оказываетесь в этой куче дерьма.

– Вы говорили с Гейгером?

– Пытался... – Моралес поморщился. – Его нигде нет.

– Как это?

– Ты мне сейчас вопросы будешь задавать?! – тут же с полоборота завелся Моралес. – Я тебе сказал: что-то, мать его, происходит, Бекчетов! Не выводите меня из себя!

Ветер бросил в лобовое стекло «Ситроена» горсть снежной крупы. Где-то глухо ударила подъездная дверь. Стас вспомнил узкую улицу, зажатую между бетонных плит забора, рифленые листы складских стен, человека в окне. «Что-то происходит...»

И тогда Стас рассказал все. С самого начала, с того момента, как был откомандирован в объединенную группу под руководством Гейгера, через взрыв на складах и ночной побег Скальпеля и Алисы до вчерашнего вечера, окровавленного снега и обрывающейся цепочки шагов.

Моралес молчал долго. Хворостов и Беби-Бум еще в середине рассказа Стаса спрятались в машину Душки Джи. На улице крепчал ветер, он кидался снегом уже без всяких церемоний, вел себя, как распоясавшийся пьяница, на которого не было управы. Моралес сидел весь набычившись, словно готовился принять мощный удар, смотрел исподлобья, но вряд ли видел что-то конкретное. По его огромному лбу пролегли гигантские барханы морщин.

В конце концов он положил свои ладонищи на руль и сказал:

– Иди разогревай свою машину. Покажешь, куда ехать...

– Куда ехать? – не понял Стас.

– К этому твоему другу... Бруно.

– Бруно?

– Господи, мать твою, Бекчетов, ты что такой непонятливый сегодня?

– Я действительно не понимаю, – покачал головой Стас. – Зачем вам ехать к Бруно?

– Затем, что, во-первых, если это имеет отношение к делу и к тому, что происходит, я собираюсь быть в курсе. Во-вторых, если кто-то решит вас остановить, им сначала придется остановить меня, а я свою задницу прикрыл давным-давно. Им придется круто, мать их, повозиться, чтобы достать меня. А если я тоже не буду сидеть сложа руки, а я на хрен не стану сидеть сложа руки, то черта с два они меня достанут! Иди грей машину, я сказал!

Стас взялся за ручку двери, помедлил, потом снова повернулся к Моралесу:

– Нужно позвать Шрама с Арчи. Они в этом деле с самого начала, так что, если что-то случится, их тоже заденет.

– Давай, звони своим парням, и поехали, только, ради бога, не тани долбаное, мать его, время! – раздраженно ответил Моралес.

* * *

Они медленно ехали по забитым магистралям: «Студебеккер» Стаса впереди, мощный ящероподобный «Ситроен» следом, а юркому спортивному «Мазерати» Душки Джи приходилось плестись последнему едва ли не в треть своих лошадиных сил. Ветер не утихал ни на минуту, лишь время от времени менял направление, налетая с неожиданной стороны.

Низкое, цвета селедочной спины небо, мрачные в этих застывших сумерках стены городских ущелий, безрадостная медлительность забитой грязными машинами улицы. Снежная каша собиралась к краям дороги подобием рвотной массы, а там, где автомобильному потоку удавалось набрать хоть какое-то подобие скорости, снег летел из-под колес мокрыми брызгами. Самыми мрачными штрихами этого утра были витрины магазинов – особенно дорогих магазинов – вдоль дорог, беспощадно забрызганные грязной снежной кашей. Горящий внутри свет неуверенно пробивался наружу.

На выезде с площади Анталии их остановили. Черный «Порше» обогнал по тротуару «Студебеккер» Стаса и затормозил, собственным корпусом перегородив улицу. Благо движение было крайне затрудненным, столкновения не произошло. Стас остановил машину и дважды моргнул аварийками, подавая знак Моралесу. И не удивился, когда из «Порше» появилась стандартная парочка: первый – в хорошо пошитом гражданском пальто, второй – в форме ополченца. Кое-что, однако, выходило за стандарты последних дней: оба особиста держали в руках автоматы «Хаммер», направив их, впрочем, тусклыми тупомордыми стволами в землю. Стас попытался вспомнить, сколько патронов влезает в толстый блин магазина этого автомата. Не смог. Он, однако, помнил, как один русский парень по имени Сергей сказал ему, что «Хаммер» не любит грязи. Что-то там у него легко забивается, и тогда стрельба идет с задержкой. Стас оглянулся, думая о том, что нужно было узнать, что это значит – «с задержкой», какова эта задержка, сколько длится, и увидел пышущего нескрываемой злобой и гигантской сигарой Моралеса, шлепающего, не глядя под ноги, к «Студебеккеру». Брызги грязного снега разлетались так, как будто по дороге двигался не человек, а медлительный внедорожник. Сигара в эту минуту напоминала большую трубу парохода, которую давно не красили, запустив до ржаво-коричневого цвета.

А вот особисты, по всей видимости, встречи с легендарным боссом Управления юстиции не ожидали, по крайней мере, когда Стас снова посмотрел на них, в их взглядах читалась явная неуверенность.

– Какого черта! Вы что, мать вашу, совсем на хрен мозги проели, идиоты? Вы кому перекрыли долбаную дорогу, сукины дети? – Сигара, которую Моралес не выпускал из зубов, абсолютно не мешала ему исторгать проклятия, напротив, дым и слетающие порою искры добавляли гиганту демоничности.

– Господин Моралес... – попытался вставить что-то ополченец, который традиционно был глупее своего гражданского коллеги, но тут же заткнулся, поскольку поднявший цунами грязного снега Моралес навис над ним и гаркнул во всю силу своих легких: «Я вас спрашиваю!!!» – явно не подразумевая никаких ответов.

Ополченец съехался, вминаемый в асфальт проезжей части тяжелым взглядом Айка Моралеса, однако особист в гражданском уже пришел в себя и спокойным, твердым и уверенным голосом проговорил, едва стих грохот вопля Моралеса:

– Прошу прощения, господин Моралес, но у нас приказ. Мы обязаны задержать детектива Бекчетова и препроводить...

– Ты, мать твою, задницу свою сейчас удержишь и препроводишь! – не дал ему договорить Моралес. На какое-то мгновение голова особиста практически полностью скрылась в сигарном дыму.

– При всем почтении...

– И почтение туда запихаешь, идиот, шакал, солдафон! – Последнее Стасу особенно понравилось услышать из уст исполненного фельдфебельского вдохновения Моралеса. – Убери к долбаному дьяволу свою долбаную машину, иначе, клянусь своей долбаной душой, я тебя лично вкочую в ее долбаную выхлопную, мать твою, трубу!!!!

– Мы вынуждены будем доложить нашему непосредственному руководству... – отступая к «Порше», пробормотал побледневший особист в гражданском. Окончание его фразы потонуло в новом потоке брани, не особенно филигранной, но достаточно действенной.

Когда «Порше», разбрызгивая снег, развернулся и бесцеремонно вклинился в поток,

идуший в обратном направлении, Моралес наклонился к окну и бросил Стасу:

– Пересаживайся ко мне, быстро.

Стас передал ключи Хворостову. В салоне «Ситроена» стоял тяжелый сладкий запах сигарного дыма.

– Надо выехать на Мемфис-стрит и по ней до перекрестка с Варшавской.

Моралес кивнул и повернул ключ зажигания. Спустя какое-то время Моралес заговорил таким тоном, как будто не случилась несколько минут назад встреча с людьми из Особняка.

– Так, значит, особысты тебя спрашивали про Георга Гейгера?

– Когда? – не понял Стас.

– Когда допрашивали у нас в допросной. Удачная, кстати, идея была привести их в допросную.

– Да я, в общем... Ну да, по-моему, спрашивали. Я точно не помню, как звучало имя.

– Зато я помню, – кивнул Моралес, поворачивая «Ситроен» на Варшавскую улицу. – Георг Гейгер, кстати, брат твоего бывшего непосредственного руководителя. А еще упоминался Брук Вайнер. Ты сказал, что ничего о них не знаешь. Действительно не знаешь?

– Я эти имена в первый раз тогда услышал.

– Точно?

– Точно.

– Ясно...

На Варшавской было свободнее, по крайней мере на той полосе, что вела от центра города. Стас достал из кармана пачку, закурил, слегка повернув форточку, чтобы стряхивать пепел (автомобильная пепельница Моралеса была переполнена).

– Как ты куришь это дерьмо? – покачал головой шеф Управления.

– Привык. И дешевле.

– Ясно... О научной работе отца что-нибудь знаешь?

– Отца? – Стас удивленно посмотрел на Моралеса. – Чьего отца?

– Твоего, Бекчетов! Про какого отца я еще могу спрашивать?! Анатоля Бекчетова! Варшавская кончается, куда ехать?

– Прямо... Я не понимаю, при чем тут мой отец.

Моралес притормозил на светофоре, наклонился к рулю, выглядывая наружу. Эта часть Варшавской когда-то располагалась в деловой части города. Но со временем центр города сместился, и некогда популярные бизнес-центры Варшавки были разобраны по каморкам фирмами среднего и малого звена. Нижние этажи гигантских коммерческих муравейников, как и прежде, были заняты магазинами различной направленности. Правда, изменился их уровень. Теперь это были второстепенные ретейлеры, в основном продуктовые, рассчитанные не только на деловых людей средней руки, но и на тех, кто жил в расположенных в глубине квартала жилых домах. На Варшавской было по-центральному чисто, но явно небогато.

– Твой отец, – сказал Моралес, когда «Ситроен» снова тронулся, – работал и с Георгом Гейгером, и с Бруком Вайнером. Ты не должен был этого знать, поскольку долбаный проект был секретным. И сейчас остается. Но отец может легко забыть о секретности, общаясь с сыном, понимаешь, Бекчетов?

– Понимаю, – кивнул Стас, – но мне нечего добавить. Мы с отцом не так много общались в последние годы. Я был занят работой, он своей биологией, а у меня к ней никогда душа не лежала. Мы и встречались-то раз в полгода...

– Переписывались?

– Да. Но я никогда не интересовался конкретными моментами его работы. Интересовался иногда, как продвигается, будут ли экспедиции... Но я толком даже не знаю, в чем была цель этих экспедиций. Что-то вроде сбора образцов новых видов с целью изучения, видимо.

– Что-то вроде того, да. Куда теперь?

– На Лейпцигскую.

Стас с нескрываемым интересом смотрел на Моралеса. Тот жевал кончик погасшей сигары и выглядел так, как если бы они говорили о партии в бильярд в прошлую пятницу. И когда он начал наконец говорить, то ни разу не взглянул на Стаса:

– Короче говоря, если не вдаваться в долбанные подробности, вместе с Гейгером и Вайнером твой отец обнаружил какую-то хрень, что-то в крови упырей. Как это называется, я понятия не имею, я вообще не знал, что у упырей есть кровь, пока мне не сказали про это дело. В общем, по всему выходило, что эти твари вымирают... Ну или вот-вот начнут вымирать.

– Отец ничего не говорил мне, – пробормотал Стас. Пораженный, он то смотрел, ничего не видя, на дорогу, то на своего босса.

– И не мог сказать, – пожал плечами Моралес, – исследование сразу засекретили.

– Почему?

– Потому что поддержание напряжения снаружи выгодно для развития долбаной военной машины. Когда нетопыри передохнут к гребаной матери и мы сможем выйти из-за Стены, мы должны быть готовы. Так *они* считают.

– Готовы к чему?

– К тому, что мы, возможно, не единственное объединение людей, которому удалось выжить.

Остаток пути ехали молча, лишь изредка Стас говорил, куда повернуть. Уже у подъезда дома Бруно Стас спросил:

– Айк... Если бы кто-то еще выжил, мы бы наверняка знали. Авиация, радио...

– А если они на другом континенте и не сохранили технологий? Или намеренно скрываются, не желая до определенного момента показывать уровень своего развития, в том числе военной промышленности? Почему они должны отличаться от нас?

– Вы так думаете?

– *В Особняке* так думают, – пожал огромными плечами Моралес, – вот что главное. А я не считаю это невозможным. Это долбаная политика, понимаешь, там как в самой глубокой жопе самого дерьмового гетто: выживает тот, кто бьет первым, причем желательно в спину. При этом все остальные делают вид, что ничего не происходит. Есть два человека: Герман Геринг и Герман Вирт. Слышал о таких?

– Нет. Не помню. – Стас покачал головой.

– Еще услышишь, поверь мне. Короче, эти двое заняты тем, что собирают что-то вроде секретного института, рассчитанного как раз на эту ситуацию. Насколько мне известно, твоего отца также пытались привлечь к работе в проекте, но он то ли отказался, то ли не успел согласиться. Когда эти парни пришли первый раз и намекнули, что я должен закрыть глаза на дело Гейгера, я согласился. Скажем так, в тот момент моя задница была недостаточно прикрыта, чтобы бодаться с ними. Теперь все, мать их, по-другому. Теперь у меня по-настоящему пуленепробиваемая задница. И поэтому, когда особисты решили отстранить Управление от этого дела второй раз, я решил навести справки.

– Относительно чего?

– А вот это не твое дело, Бекчетов. Это, мать его, даже не мое дело, понимаешь? Так что не суйся в эту степь, или на хрен тебя сжуют, проглотят, высрут и забудут, как звали. Ты меня понял?

– Понял.

– Скажу одно, если люди вроде Геринга и Вирта добьются своего, то будет уже не важно, как и чья задница прикрыта. Оставь кого-нибудь из своих людей дежурить снаружи. И пусть прихватят оружие.

* * *

Душка Джи и Беби-Бум вызвались дежурить у подъезда.

Хворостов, прихватив из машины явно новый, блестящий хромированными деталями винчестер «Лес Пол: восемь колец» и патронташ, присоединился к Моралесу и Стасу. Уже открывая дверь подъезда, Стас обратил внимание, что Беби-Бум и Душка Джи вытащили из багажника точно такие же винчестеры. При этом здоровяк подмигнул Стасу и похлопал рукой по узкому прикладу. Неожданное воспоминание, как это всегда бывает с такими воспоминаниями, выплыло из ненастных сумерек, неуместное и бессмысленное: Ник Спайкер, с детским восхищением разглядывающий служебный автомат. Подумалось, каким светом загорелись бы глаза Спайкера, окажись в его руках новенький блестящий «Лес Пол: восемь колец». Снег стремительно носился между машиной и оставшимися ждать людьми, ничем не обязанными ему, Стасу, лично, но обладающими таким рудиментом человеческого естества, как чувство справедливости. Снег кружился, отделяя вчерашний день от сегодняшнего, то, что уже сделано, от того, что, возможно, произойдет. И было очевидно как никогда, что если он, Стас, сделает шаг в полутьму подъезда, то обратной дороги не будет уже ни ему, ни тем, кто идет рядом, кто остался в машине и кто, скорее всего, уже ждет наверху, в холостяцкой квартире Бруно.

– Ну, так и будешь тарашиться, Бекчетов? – со свойственной ему грубостью, но несвойственно ему тихо спросил Аик Моралес. А потом добавил громче: – Я сейчас себе задницу на хрен отморожу!

В гулком колодце подъезда стояла особая ледяная сырость, мгновенно пронизывающая и заставляющая невольно передергивать плечами. Как от брезгливости. Стены, до половины выкрашенные в темно-зеленый цвет, лестничные клетки, заставленные в нарушение пожарных норм различным домашним скарбом, которому не нашлось места в квартирах, побелка в подпалинах от брошенных мальчишками спичек. На одной из межэтажных площадок на подоконнике – нелепый яркий горшок с остатками какого-то погибшего растения. Поднимались долго, Моралес тяжело дышал в спину. Лифты в этом районе должны были появиться лишь через полтора года. Квадраты грязных окон, забранных, даже на верхних этажах, прочными решетками, ржавые ставни, порою висящие на одной петле. Решетки нужны на тот случай, если нетопыри прорвут все существующие уровни обороны города и войдут на улицы. Ставни – если понадобится превратить дом в запертое убежище. Это была старая система. В доме Стаса не было ставен, но у каждой квартиры имелась стальная дверь. В квартирах должны были скрываться женщины, старики, дети. Через оконницы подъездов должны были защищать город и собственный дом способные держать оружие мужчины.

Арчи с сигарой ждал на лестничной площадке. Стас обратил внимание на то, как топорщится в районе левой подмышки его пижонский пиджак. Похоже, этим утром никто не покинул дом невооруженным. Никто, кроме самого Стаса. Его кольт «Беринджер» так и остался лежать в картонной коробке под турником.

Арчи пожал Стасу руку и молча кивнул, когда тот представил спутников. При входе в квартиру ритуал представления повторился. Шрам ждал в прихожей. На полу – прислоненная к стене охотничья винтовка «Маршал» из тех, что до войны использовались в африканских сафари. Под пиджаком Шрам был подпоясан потертым кожаным патронташем. Стас не помнил, чтобы у Андрея было ружье или чтобы он увлекался охотой, но, кажется, его отец был увлеченным охотником. Сам Бруно встретил их в дверях комнаты. Он был одет в штаны из грубой кожи, белую сорочку и из той же кожи безрукавку. Обычно он так одевался, когда в борделе в его дежурство ожидалась какая-нибудь буза. Штаны, безрукавка, а также спортивный пиджак, висящий теперь на спинке стула, были пошиты по заказу Бруно. А испытывали их все участники пятничных заседаний в «Долине» – по очереди пытались пробить кожу ножами. Кожа выстояла. Стас усмехнулся, вспомнив, как едва державшийся на ногах Скальпель набросился на жилетку с вилкой и требовал у Арчи принести консервный нож. Это было два года назад, с тех пор минуло множество тысячелетий.

– Уверен? – спросил Шрам, бесцеремонно кивнув на Моралеса и Хворостова.

– Абсолютно, – ответил Стас.

Моралес, как ни странно, промолчал.

Они прошли в комнату. Арчи заглянул в прихожую, потребовал чашку горячего кофе и снова скрылся в коридоре. Шрам отправился на кухню.

Моралес и Хворостов сели на старый, с потертой обивкой диван, Бруно сел на подоконник, отчего в комнате повисли характерные сумерки, ничего не скрывающие, но все превращающие в безрадостное подобие самому себе. Бруно вопросительно посмотрел на Стаса.

– Я еще не все понимаю, – сказал ему Стас, – но, судя по всему, дело, которым я занимаюсь в Управлении, и побег Скальпеля как-то связаны. Не знаю как, но... Мне нужно то, что передали тебе якобы мои знакомые.

– Возможно, я знаю, где связь, – пожал плечами Бруно. Он начал говорить, и, черт побери, это была самая длинная речь Бруно за все время, что Стас его знал. Бруно говорил спокойно, почти без интонаций. Просто ставил присутствующих перед набором фактов.

Во время пути к бару «Дорожная станция 01» Скальпель рассказал Бруно о том, из-за чего оказался сначала в опале, а потом и беглецом, разыскиваемым самым жутким ведомством государства. Все началось два года назад, когда Готфрид в ряду нескольких других ученых был привлечен к секретной военной программе. Об этом привлечении он не рассказывал никому, даже своим лучшим друзьям, не имел права. В частности, Готфрид был привлечен к разработке новых видов медицинских препаратов, в том числе тех, которые можно было бы использовать в качестве сыворотки правды. Скальпель оказался наиболее успешен в этой области; осознав, что подобные препараты снизят необходимость пыток до минимума, он с головой окунулся в исследования. И вскоре достиг того, к чему шел, – создал сыворотку, наиболее действенную из всех существующих. Наконец были проведены испытания на людях. Прежде всего на двух заключенных одной из тюрем Третьего Периметра, приговоренных к смертной казни. Испытания прошли успешно, и тогда руководители проекта потребовали от Готфрида использовать сыворотку на некоем ученом-преступнике, совершившем, как объяснили Скальпу, ряд преступлений против человечества. Конкретики не было, тем не менее Скальп согласился, поскольку, согласно его исследованиям, никакого существенного вреда для организма допрашиваемого сыворотка не представляла. Помимо самого Готфрида на допросе присутствовали еще двое особистов (иначе впоследствии Скальп решил бы, что все происходившее было всего лишь галлюцинацией). Особисты зачитывали заранее составленный список вопросов, целью которых, по сути, было выяснить, над чем именно работал допрашиваемый ученый. Сыворотка понижала волю человека, лишая того возможности скрывать правду, однако допрашиваемый мог отвечать лишь на прямо поставленные вопросы. Во время двух первых испытаний все было просто: преступникам делали инъекцию, далее кто-то зачитывал вопросы, допрашиваемые отвечали. Благодаря серии правильно поставленных вопросов и полученных ответов складывалась четкая картина совершенного преступления. Однако с ученым сразу, как показалось Скальпу, что-то пошло не так. Он нес какую-то околесицу о цифрах, об их влиянии на развитие как человечества, так и отдельных людей. Допрашиваемый умудрялся даже угрожать, что теоретически под действием сыворотки было невозможно. Он утверждал, что он и его коллеги вышли на иной уровень познания существования, недоступный обычным людям. Мало того, ученый умудрился в ряде мест, вопреки действию сыворотки, вместо ответа на заданный вопрос ответить что-то типа «человечество на данном этапе своего развития не готово к подобному знанию», после чего вновь шел упомянутый бред о цифрах и их влиянии. Допрос продолжался несколько часов, и в какой-то момент Готфрид потребовал перерыва, поскольку срок действия сыворотки был ограничен, а повторный прием в течение одних суток неизбежно привел бы к нарушениям работы мозга допрашиваемого. То, что случилось дальше, Скальп помнил плохо. У него вдруг закружилась голова, не исключено, что на какое-то время он потерял сознание. По крайней мере, пришел в себя Скальп лежащим на полу. И, по всей видимости, то же самое произошло со всеми, кто присутствовал при допросе. Готфрид пытался подняться, но

почувствовал, что не способен даже пошевелиться. Он лежал с открытыми глазами, пребывая в сознании, но абсолютно инертный, ни на что не способный самостоятельно. И видел, как исчез допрашиваемый ученый. Мгновенно. Его просто не стало в том помещении, где все они находились и в котором ничего не изменилось, лишь исчезли человек и кресло, к которому тот был пристегнут суровыми кожаными ремнями. Затем в комнату вошли два человека. Скальпель лежал к ним спиной и потому не видел, да и мозг его был затуманен, однако он практически был уверен, что одним из говоривших был сам Герман Геринг. Он сказал второму, что, по всей видимости, именно это исчезновение и нужно считать положительным результатом. После чего приказал сначала допросить, а потом уничтожить всех присутствовавших на допросе. Также было приказано уничтожить лаборатории. Изначально Скальп решил, что речь идет о лабораториях, в которых разрабатывалась сыворотка, но из дальнейшего разговора понял, что это не так. Спутник Геринга, голос которого был Готфриду не знаком, спросил: «Как именно уничтожить?» И тогда руководитель проекта сказал: «Быстро и чисто».

В этом месте Хворостов произнес:

– И тогда они решили, что чище и быстрее, чем рухнувший энергосберегающий дирижабль, под завязку забитый водородом, не существует.

– Не факт, – покачал головой Стас.

– Согласен с Бекчетовым, – кивнул Моралес. – Вывод напрашивается, но нет долбанных доказательств. Во время взрыва убило и долбанных особистов. Я закурю?

Бруно кивнул и протянул Моралесу зажигалку.

– Подождите. А в каком смысле допрашиваемый исчез? – пробормотал Стас.

– Скальп сказал, просто исчез. Как будто не было.

– Растворился в воздухе? Как привидение? Не понимаю.

– Он тоже не понимает. – Бруно подошел к столу, взял старую глиняную кружку без ручки, использовавшуюся, сколько помнил Стас, исключительно в качестве пепельницы, и протянул ее Моралесу.

– Оставим пока это, – беря кружку, сказал руководитель Управления, – все могло быть и не так, в конце концов, ваш друг был не в себе, верно? Он только что потерял сознание, очнулся на полу, может, ударился. Черт его знает. Как бы там ни было, допрашиваемый исчез в тот период, когда этот ваш... Скальпель? Скальпель. Когда он был без сознания или сразу после того. Меня вот что интересует. Как этот ваш Скальпель сумел бежать из комплекса? Потому что если я правильно понимаю, о чем идет речь, то войти в это здание проще, чем выйти.

Бруно снова пожал плечами. Моралес перевел взгляд на Стаса.

– Я тем более не знаю, – сказал Стас. – Так получилось, что нам особенно некогда было разговаривать перед его отбытием. Он хотел что-то сказать, но... Честно говоря, я думал, что чем меньше я знаю, тем лучше. На тот случай, если меня арестуют.

– Понимаю, – кивнул Моралес.

– Как мы вывели Скальпеля и Алису, рассказывать? – спросил Бруно, глядя на Стаса.

– Не надо, я уже рассказал.

– Насчет этих твоих информаторов мы еще пообщаемся, – проворчал Моралес. – Не думай, что я, мать его, упустил этот момент.

Они помолчали. Тяжелый сигарный дым неторопливо рассеивался по комнате. Стас достал из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет, подошел к окну и закурил. Между двумя оконными рамами расстилалась миниатюрная долина мертвых, усеянная сухими телами насекомых. Интересно все-таки, каким образом они залетают на такую высоту?

– Продолжай, – попросил Стас, поворачиваясь к Бруно.

Когда тот возвращался в город, его машину остановили. Двое в штатском, выправка военная, на вид – сорок – сорок пять каждому. Разумеется, Бруно, так же как и дожидавшиеся его Арчи и Шрам, так же как немногим позже Стас, решил, что они из Особняка. Однако эти двое только отдали Бруно папку, сказали – передать ее Стасу, якобы

от общего знакомого. Потом исчезли, и он их больше не видел.

Бруно вновь с сомнением посмотрел на Моралеса и Хворостова, потом дотянулся до отверстия воздуховода, снял решетку и вынул старую, потертую папку. На лицевой стороне знакомым почерком явно второпях было выведено: «Бекчетову. От Гейгера».

* * *

С кухни донесся нарастающий свист вскипевшего чайника. Шрам вышел из комнаты, потом отнес Арчи парящую чашку кофе.

Единственный в квартире стол был выдвинут на середину; пепельница, стопка старых газет, развернутых на страницах с кроссвордами, томик «Евгения Онегина» (заставивший удивленно вздернуться бровь Шрама), несколько пустых, полупустых и неоткрытых пачек сигарет были перемещены на пол и подоконник. Их место заняли аккуратно разложенные листы из папки.

В основном это были выданные из записной книжки страницы, заполненные неудобочитаемым убористым почерком, один лист протокола допроса (текст самого допроса был старательно вымаран), исписанный с обратной стороны, пара салфеток, записи на которых расплылись практически до нечитаемого состояния. Всех этих на бегу, второпях, за обедом, или в машине, или в ходе другого дела сделанных записей было огромное множество, папка раздувалась, тесемкам с трудом удавалось сдерживать этот бумажный напор.

Многие записи сводились к таинственным: «Р. Дж. Б. – комплекс 1011, строительство, судьба неизвестна», «К? Почему К?», «З. и Г. были знакомы ранее? Интересно!» – и т. д. Подобных записей было больше всего, и, очевидно, разобраться в них на данном этапе было невозможно, по крайней мере без самого Гейгера. Посему их складывали отдельной стопкой в стороне. Были записи и другого характера, более пространные, но не менее загадочные, напоминавшие скорее дневниковые. К примеру, на одном из выданных из блокнота листов было записано следующее: «Г. я вывел, а младшего не нашел, но, похоже, он каким-то образом сумел покинуть комплекс. Куда мог направиться? Старый дом? Библиотечный комплекс? Других мест не знаю. А те, что знаю, – за забором. Хотя, может, именно туда? И именно поэтому. Волнуюсь за него. И за то, что он узнал. Мог узнать. За Г. и А. не волнуюсь, Б. голова. Молодой, но голова. Хотя пока еще дурак. Рассчитывать больше не на кого».

– Похоже, это про тебя, Стас, – передавая лист, проговорил Хворостов. – Если это так, то ясно, каким образом ушел ваш Готфрид.

Пробежав текст глазами, Стас передал лист Моралесу. Директор прочитал, ненадолго задумался, потом выпустил густое облако дыма и пожал плечами:

– В принципе возможно. Учитывая послужной список и место предписания Ублюдка, допуск у него был не меньше моего. И если Б. – это Бекчетов, то младший – это Георг Гейгер, сводный брат Ублюдка по отцу. Он был ученым. О нем спрашивали у Бекчетова особы. Да, не исключено. В этом долбаном деле вообще ничего нельзя исключать. И я, мать их, начинаю скучать по второму году после войны, когда я мотался по всему Периметру, пытаюсь поймать и надрать задницу сукиному сыну по прозвищу Бумажка. Потому что тогда я знал, кто будет связываться с этим сраным ублюдком, а кто нет. Я знал, что этот пижон никогда не остановится в городе, где меньше трех улиц и нет игорного дома. Я знал, что можно исключить и что нельзя. А здесь... Мать твою так, долбаный Гейгер, чтоб ты себе легкие выкашлял, честное слово!

Шрам и Бруно удивленно уставились на Моралеса, в то время как Хворостов продолжал методично раскидывать записки Гейгера. Сообразив, что друзьям просто еще не приходилось слышать директора в амплуа «надрать долбаную, мать его, задницу», Стас тоже вернулся к записям.

– Как бы там ни было, – сказал он, откладывая очередной лист («С. И., может быть, и прав. Все эти деньги»), – пока эти записи нам ничего не дали. За исключением, возможно,

побега Скальпеля. Толку-то...

– Смотрите, – Хворостов отложил в сторону кипу листов и протянул Стасу конверт. Обычный конверт, на сложенный втрое стандартный лист, с вензелем какой-то гостиницы в верхнем левом углу лицевой стороны. Конверт был тщательно заклеен, никаких надписей на нем не имелось. Стас взял его двумя руками и потер большими пальцами.

– Думаешь, Гейгер отправил тебе таким, мать его, загадочным образом карманные деньги? – раздраженно вскинулся Моралес. – Вскрывай этот долбаный конверт!

Стас поискал глазами ножницы, но их могло и вовсе не быть в квартире Бруно. Тогда он аккуратно оторвал полосу с правой стороны конверта и вытянул лист. Бледно-синей краской, едва заметные, по всему листу были раскиданы все те же гостиничные вензеля. Стас без труда представил, как Гейгер стоит у стойки гостиничного портье и, макая ручку в стандартную непроливающуюся чернильницу, пишет, бросая редкие взгляды в сторону вращающейся входной двери. Как обычно, ссутуленный, шляпа рядом на стойке, на плечах светло-серого пальто – темные пятнышки тающего снега.

«Бекчетов, как это ни банально, но если ты вскрыл этот конверт, значит, я влип в неприятную историю. И я бы хотел обратиться к кому-нибудь другому, более опытному, не такому горячему, не к парню, который вылетает на нетопырей, светя голой задницей, хотел бы, да не к кому. Мы с тобой почти ровесники, Бекчетов, но ты все еще мальчишка. И поверь, это не оскорбление, потому что я тебе искренне в этом завидую. Я даже не помню, был ли я когда-нибудь таким. Но все эти качества скорее помеха в деле, которое я собираюсь на тебя свалить, и потому я заранее прошу прощения. Эту папку тебе передадут мои друзья, люди, которым я могу доверять. И ты можешь, если что-то приключится. Вот им бы я доверился, но они не детективы, Бекчетов, а ты – детектив. Мы очень разные, но кое в чем мы очень похожи. Нам обоим нужно *знать*, нужно вскрывать секреты, и мы не умеем успокаиваться. Я бы очень хотел сейчас, в этой записке, как можно подробнее изложить тебе суть дела, разжевать, что к чему, разложить по полочкам. Но в том-то и дело, что я и сам толком ничего не знаю, все эти разрозненные элементы тебе придется сложить самостоятельно. Только так ты сможешь понять, как и почему погибли твои друзья: Югира, Польшер, Спайкер; только так ты сможешь узнать, как дело твоего отца, Анатоля Бекчетова, и дело твоего друга, Готфрида Уоллиса, связано с делом нашего снайпера. И только так ты сможешь довести расследование преступления до конца. Так, как и должно у нас, детективов. Надо ли говорить, что содержимое папки не для чужих глаз? Я догадываюсь, что твои друзья из «Долины» увидят их, но постарайся не пускать информацию дальше этой группы людей. Впрочем, при всем мальчишестве ты далеко не дурак и наверняка уже все понял сам. Это еще одна причина, по которой я не стану излагать здесь свои соображения по поводу нашего дела. Не думаю, что посторонние должны быть с ними ознакомлены. Надеюсь, у меня хватит времени закончить все самому. Но я реалист, Бекчетов, так что удачи тебе, детектив. И пусть тебе повезет больше, чем мне. Марк Гейгер».

– При чем тут мой отец? – прохрипел Стас, опускаясь на табурет. Ветер внезапно накинудся на окно, ударил и тут же осыпался снежной крупой. Все повернули головы и посмотрели на бледный квадрат, в котором, как в дешевой раме, застыла картина безрадостного зимнего полудня.

* * *

Моралес и Хворостов снова уселись на диван, каждый со своей кипой записок, Бруно сидел на подоконнике, Шрам вышел в подъезд и сменил Арчи. Тот отправился на кухню отогреться и готовить всем чай.

– Надо бы сменить Душку Джи и Беби-Бума. – сказал Стас, глядя перед собой.

– Кого? – вскинул голову Моралес, и Хворостов вполголоса начал объяснять директору, кого имел в виду Стас. Моралес что-то проворчал в ответ. Бруно подошел, сел на край стола, протянул Стасу пачку. Стас вытянул сигарету, закурил.

– Ты эту записку имел в виду? – спросил Стас.

– То есть?

– Этой ночью Йозек Данек прислал ко мне девушку. Она передала твои слова...

Бруно медленно встал со стола и странно посмотрел на Стаса. Потом оглянулся на Моралеса и Хворостова.

– Что-то не так, Бруно?

– Я не был там.

– Где там?

– Я не был у Йозека.

Стас какое-то время смотрел на Бруно, потом вскочил и выбежал в коридор. Шрам, плотно закутанный в полупальто с поднятым воротником, стоял, опираясь на перила.

– Шрам, твой «кузен» прозвонил, как мы договаривались?

– «Мой друг когда-то был певцом»? Нет, я так и не сумел его найти. Наверное, запил. А потом ты позвонил с утра, и было уже не до того и ни к чему вроде как. А что?

– Не знаю пока, – покачал головой Стас, – но, похоже, ничего хорошего.

Вернулся в комнату.

– Айк, у нас проблемы. Возможно, серьезные.

Пока он говорил, в комнате как будто все замерло. Умолк шелест перебираемой бумаги, перестал пытеть Моралес, все застыли там, где стояли, даже Арчи с подносом стоял в дверях и молчал. Лишь когда Стас закончил рассказывать о ночной гостье, толстяк сказал:

– Я так понимаю, это очень плохо.

Стас не успел ответить.

– Я же велел все мне рассказать! – пророкотал Моралес.

– Вылетело из головы, – соврал Стас.

– И много еще из твоей долбаной головы вылетело?

– Не знаю, – устало пожал плечами Стас, – откуда я могу знать, если оно вылетело, Айк?

Бруно, не говоря ни слова, подошел к стулу, начал одеваться.

– Он прав, – кивнул Моралес. – Собирай бумаги, отсюда надо убираться.

– Они все равно знали, где мы, – сказал Стас. – Не просто же так нас остановили по дороге.

– Они еще и про папку знают, – сказал Моралес, – а это все меняет к долбаной матери. Вам надо выбираться из города. Поедете к своему Скальпелю, там найдешь возможность со мной связаться. Не стой столбом, Бекчетов! Бумаги в папку. Возьмешь с собой и будешь ломать голову, пока не решишь эту долбаную задачу! И доложишься! Понял меня?

Стас подчинился, бросился к столу и стал беспорядочно собирать бумаги в папку. Арчи с сожалением посмотрел на парящие чашки с чаем и понес их обратно на кухню.

– Вообще-то, между нами, – ворчал Моралес, натягивая гигантских размеров пальто, которым легко можно было укрыть две трети «Студебеккера» Стаса, – вообще-то все, что я здесь услышал, – не что иное, как косвенные доказательства преступления. И не просто, мать его, преступления, а государственной измены. И, как порядочному директору Управления юстиции, мне стоило бы всех вас пересажать к чертовой матери по клеткам и держать на воде и хлебе. Но я, мать вашу, не просто директор Управления, я, к сожалению, еще и Айк Моралес, и своей печенке я доверяю больше, чем всем доказательствам. Ясно? Так вот что говорит мне моя печенка. – Он сунул руку во внутренний карман и с грохотом припечатал к столешнице перед Стасом два картонных пропуска категории А1. Машину с таким пропуском на лобовом стекле не имели права без специального ордера останавливать и досматривать. – Это тебе и твоему зоопарку. За блокпостами сами разберетесь.

– А вы?

– Я? А я сюда даже не доехал! – Моралес сердито запахнул пальто и нахлобучил котелок так, что, казалось, его поля оторвутся и лягут на плечи, если, конечно, не застрянут на мясистых ушах. – У меня, между прочим, дел выше крыши, понял? К тому же, – Моралес

вдруг усмехнулся и стал похожим на вставшего на дыбы бегемота, – запомни, сынок, у Моралеса слишком большая задница. Одного укуса ей будет мало, а до второго я что-нибудь придумаю. Конечно, если мне прикажут непосредственно, я приложу все возможные усилия, чтобы отыскать вас и вставить по заслугам. Но ведь ты знаешь нашу долбаную бюрократию. Ордера, разрешительные документы, то-се, пятое-десятое и так далее... Все, шевели ногами, Бекчетов! Убирайся с глаз моих долой, пока я не передумал! И Бог нам всем в помощь.

«Время летит, время покоя не знает и знать не хочет. В отличие от вас, неудачники. Вы же, ну признайтесь мне, старому диджею Халли, вы же все только и думаете, как отсидеть еще часок на своей проклятой работе, убить время до вечернего пойла, да так, чтоб делать как можно меньше, а получить как можно больше. Я прав, а, лодыри? Уже небось мозоли на задницах насидели, но с пути не свернем и своего добьемся, да? Тьфу, смотреть на вас противно, слава богу, это радио, а не телевидение.

Господи, и этим людям я спасаю души? Поверить не могу, но, увы, надо принимать факты такими, какие они есть. Ты, Боже, сам посуди. Они же не просто жизнь свою просиживают, что мне до их жизни? Они просиживают вообще все! Новое налоговое право – просидели, набег упырей – просидели, только шею поглубже в плечи втянули, но от своего не отказались, первый снег, Господи, и тот просидели. А ведь я им в самые уши кричал: смотрите, мол, первый снег! Нет, какое там, надо работать, причем так, чтобы не работать, а это требует усидчивости. Да-да, Господи, уж Тебе-то я врать не стану, хоть про меня и ходят слухи, что, дескать, атеист. Это неправда, я знаю, что Ты есть, а вот верить ли в Тебя при этом, это уж мое святое право, гарантированное, между прочим, конституцией.

Так что же нам делать с этими несчастными бедолагами, Господи? Предпринять еще одну попытку, чтобы спасти их жалкие бессмертные души? Думаешь? Хм... даже не знаю. Ну ладно, ладно, уговорил. И что это будет на этот раз? Ага? Что Ты говоришь?... Ну что ж, одобряю, а точнее, подчиняюсь, ибо я, как известно, сын послушный.

Слушайте, вы, там, у динамиков. Мы тут пообщались с Господом Богом и решили, что сейчас, на волнах рэйдия «Хоспис», последнего нормального радио летящей в адское пекло цивилизации, вы услышите Роя Гейнса с песней «Skippy»! Let's rock! И чтоб вы знали, я поручился за вас, бездельники. А это дорогого стоит!»

* * *

Они проводили взглядом желтый с синим верхом «Ситроен» Моралеса и двинулись в путь. «Студебеккер» впереди, спортивный «Мазерати» Душки Джи позади. Таким порядком они проехали по выделенной полосе из города, без помех миновав блокпосты. На заднем сиденье хохотнул Арчи, глядя, как постовые отдают машине честь. Чем дальше продвигались от города, тем быстрее становилось движение. В одном из широких мест «Мазерати» обошел «Студебеккер» и, набирая скорость, легко оторвался. Еще у подъезда было решено, что они так поступят. Спортивный автомобиль с Душкой Джи за рулем и вооруженными Хворостовым и Беби-Бумом быстро скрылся из поля зрения, чтобы выяснить обстановку на трассе и при случае предупредить пассажиров более медленного и неповоротливого «Студебеккера».

– Не машина, а песня, – тоскливо пробормотал, глядя вслед улетающему «Мазерати», Шрам. – Знали бы вы, братцы, что это за машина, вы бы к другим даже близко не подошли. Ауч, друг ты мой, вспомни свою «Татру» и посмотри на эту машину. Стас, а почему у тебя не такая машина?

– Потому что у нас с Душкой Джи очень разное прошлое, – ответил Стас.

Чем дальше они отъезжали от города, тем хуже становилась дорога и тем безжизненнее становилось вокруг. За городом еще встречались тут и там производственные гиганты вроде асфальтового завода или фабрики «Мишлен», чье вредное производство не давало им возможности примоститься к городским укреплениям. Эти предприятия напоминали

крепости, да и были ими. Окруженные высокими заборами, ощерившиеся пулеметными вышками и имеющие автономные источники энергии, они могли выдержать многодневную осаду.

Но позже перестали попадаться и они. Иногда вдали от трассы мелькали небольшие частоколы, окружающие фермерские поселки. Стасу приходилось бывать в них, он помнил ров у частоккола, поднимающиеся мосты, вооруженных до зубов жителей, правящих свой собственный закон.

Через два часа миновали блокпост Периметра и оказались в Третьем Кольце. Как на другой планете. Разбитые дороги, мусор на обочинах, дома без охраны, с обитыми ржавыми стальными листами стенами. На окнах решетки, лестницы вынесены на внешнюю сторону стен. На невысоких бетонных, а кое-где и просто деревянных столбах натянуты тросы, к которым были привязаны идущие от крыш жестяные трубы диаметром до метра. Это воздухопроводы или дымоходы от газовых плит, выведенные на сторону. При необходимости их легко можно было отсоединить. Труб на крышах не было.

Летом эта картина была менее безрадостна. Большинство домов окружали площадки, засыпанные гравием, и участки посадок вокруг. Картофель, иногда пшеница для домашней выпечки, зелень. Но зимой в глаза бросались только заброшенность, одиночество, ржавчина на стенах... Немногие дома были обнесены заборами, да и не было в них необходимости. Заборы той высоты, какую могли построить хозяева этих домов, упырей не сдержали бы. Стас лично видел, как нетопыри подскакивали на высоту метров в пять-шесть и какое-то время парили там, раскинув лапы и ловя ветер перепонками, тянущимися от тела к локтям. Нет, заборы бы их не сдержали. Проще было превратить дома в крепости. Мощные ставни, стальные листы на стенах, решетки и несколько дверей на входе. Одно время было принято протягивать оголенные провода в прихожих, запирающихся на ночь. Стас не знал, делали ли так до сих пор, впрочем, он не видел причин отказываться от этой меры.

В салоне стало жарко. Стас убавил жар печки и, поочередно меняя руки на руле, стащил с плеч пальто. Кто-то сзади, то ли Шрам, то ли Арчи, вытянул пальто из-под него. Стас бросил, не оглядываясь:

– Спасибо.

– А этот ваш Моралес, – сказал Арчи, – грозный тип.

– Ты даже не представляешь, – покачал головой Стас.

– А мне он руку пожал, – вставил Шрам.

Деревьев вдоль дорог не было. Их вырубili, местные следили за тем, чтобы лес и подлесок не приближались к шоссе. Просто облысевшая земля, и все. Рукотворный лишай.

Промелькнул дорожный указатель: «Бэйкед Брик. 3 км». Стас знал этот городишко. Он вырос вокруг большого завода по обжигу кирпича – основного поставщика всех строительных компаний. В этом городе в любое время года дороги были унылого оранжевого цвета от кирпичной крошки. Если бы Стас не сдал свой первый аттестационный экзамен на проживание во Втором Периметре, он отправился бы крутить баранку в этот самый Бэйкед Брик. Распределение действовало жестко, если ты собирался работать на государство. А поскольку Стас мало что умел делать собственными руками, да и коммерческой жилкой не обладал, кроме государственной службы ему ничего не светило. В отличие от Шрама, к примеру, у которого руки были золотые, способные подчинить себе душу любого автомобиля, вне зависимости от марки, стоимости и пробега. Или, к примеру, в отличие от Арчи, у которого была эта самая предпринимательская жилка, позволившая ему от грязной забегаловки в районах доков вырасти до владельца ресторана «Долина», одного из лучших в своем классе. Ничем подобным Стас не владел, душа не лежала. Зато за время войны он стал отличным водителем. Так что в графе «желаемая профессия» он без раздумий так и написал. А все, что случилось далее, по большому счету можно считать чередой удачных стечений обстоятельств. В автопарк Управления его назначили временно, в качестве замены попавшего в аварию водителя. Но тот так и не выкарабкался, остался прикованным к постели инвалидом. Стаса приняли на постоянную работу – работу, которая

ему понравилась, к которой он начал испытывать настоящую страсть, постепенно выросшую до желания пройти дополнительную аттестацию и курсы детективов. За свой счет, разумеется. Деньги тогда одолжил Арчи, а готовили его все вместе, перед сдачей у него вечно кто-то сидел из друзей, а то и все вместе собирались и гоняли, гоняли его без устали по вопроснику. Сдал бы Стас аттестацию без этой заботы верных друзей? Возможно. Но какая разница? Им было не наплевать, вот что главное.

А потом однажды его откомандировали в группу Марка Гейгера, и все полетело к чертовой матери...

Стас ослабил галстук. Бруно приоткрыл форточку и закурил. Протянул пачку Стасу, тот покачал головой.

– Я знаешь чего не могу понять? – сказал Стас. – Каким образом Алиса оказалась втянута в это дело вместе со Скальпелем. Мне и раньше казалось, что их встреча – это какое-то слишком натянутое совпадение. А теперь мне в это вообще не верится.

– На ее отца испытывали сыворотку Скальпа, – стряхивая пепел в форточку, ответил Бруно. – Тот, что исчез. Это ее отец. Приемный.

«Студебеккер» вильнул на дороге. Не сильно, но достаточно, чтобы вызвать удивленный возглас Шрама.

– Я что-то не понимаю, – покачал головой Стас, – или в хронологии запутался. Из твоего рассказа я понял, что ученого допрашивали как раз перед тем, как Скальп кинулся в бега.

Бруно кивнул.

– Но отчим Алисы к тому времени был уже убит. Несколько месяцев. С него все и началось.

Бруно пожал плечами.

– Ладно. – Стас кивнул и уставился на дорогу. Низкое небо, укутанное в промозглое облачное покрывало, летело, намертво прицепившись к «Студебеккеру». – Нет смысла ломать над этим голову сейчас. По крайней мере, пока я не поговорю с Готфридом.

Дорога делала поворот, плавно огибая высокий холм. На вершине холма высилась покосившаяся сторожевая вышка. Наверное, где-то неподалеку раньше было фермерское хозяйство или общинное поселение, Стасу приходилось слышать о таких. Как правило, это были религиозные общины. Впрочем, судя по состоянию вышки, община давно перестала существовать.

Когда «студ» вывернул на прямую трассу, Шрам спросил из-за спины:

– Это не твои ребята возвращаются?

По встречной полосе на высокой скорости приближался «Мазерати» Душки Джи.

– Началось, господа гардемарины, – пробормотал Арчи, который никогда не был гардемаринном. Только в эту минуту Стас понял, что именно старина Ауч теряет больше всех их: «Долину», сбережения, надежду на расширение заведения, спокойную жизнь удачливого предпринимателя. Даже проклятую гору льда... Впрочем, все они что-то теряли, всем в эти минуты приходилось перечеркивать часть прожитой жизни. Это было важно, это не было чем-то не имеющим значения, но четверо старых солдат и пятый, где-то там, впереди, они понимали, что рано или поздно судьба выкинет сигнальный флажок и все, что было, придется оставить и двинуться с насиженного, обжитого окопа, не важно куда, это как раз значило меньше всего. Обидно и жалко, но такова судьба, и говорить об этом вслух никто не собирался.

Машины остановились форточка в форточку. С пассажирского места выскочил Хворостов. Бруно открыл дверь и вышел, уступая ему место.

– Дорога впереди перекрыта, – сказал, усаживаясь, Хворостов. Казалось, русский абсолютно спокоен, но Стас заметил, как он барабанил пальцами по колену. – Вокруг холмы, на «Студебеккере» не уйти. Да и на «Мазерати» тоже. Вариант только один – прорываться. Вы погоните дальше, а мы останемся и прикроем, задержим их какое-то время.

– Не может быть и речи, – покачал головой Стас, – вы тут вообще ни при чем.

– Все мы тут при чем, – пожал плечами Хворостов, – дело ведь не только в тебе, Стас. К тому же никто не собирается героически жертвовать собой. Мы их слегка поддержим, дадим вам уйти. Потом оторвемся. У них там армейские «Бьюики» и еще какие-то родстеры. А мы на «Мазерати». Им нас не догнать. Душка Джи говорит, что знает этот район...

– А чего он не знает? – хмуро вставил Стас.

– Там дальше есть развилка. Вам направо, в сторону Стены. А мы уведем их налево. Потом вернемся в город. Пойдем сразу к Моралесу, в его интересах нас прикрыть. А если что, скажем, что выполняли твои приказы. Мы же подчиненные.

– Можем попытаться вернуться и найти другую дорогу?

– Где гарантия, что ее тоже не перекрыли? Чем дольше вы здесь болтаетесь, тем больше у *них* шансов взять вас. Подтянут силы, если придется, могут задействовать полицейскую авиацию. Нельзя давать им это время, Стас. Поверь, я не герой, но другого выхода не вижу.

– Он прав, – сказал с заднего сиденья Арчи.

Стас обернулся и увидел, как толстяк достает из внутреннего кармана пальто черный короткоствольный револьвер. Шрам, переломив ружье, вставлял патроны.

– Он прав, – повторил Арчи, – надо прорываться. Правильно думает.

«Не надо аплодисментов, леди и джентльмены. Это я в очередной раз заглянул в ваши дома через динамики радиол. Кто такой я? Боже, что за глупый, черт побери, вопрос. Меня знают все, меня любят все, за исключением тех, кто должен меня ненавидеть в силу служебных обязанностей. Потому что я славный парень, я душа общества и сердцебиение вечеринок. И хотя еще не вечер и время для первой стопки водки не настало, к черту, делайте динамики погромче! Мы будем веселиться прямо сейчас, потому что через час может быть поздно. Через час может случиться все, что угодно, и то, что случится, может запросто стать несовместимым не только с весельем, но и с жизнью в целом. Давайте, парни, давите на газ, гоните тачки своей жизни навстречу судьбе, и будем, мать вашу, смеяться в ее потное упырье рыло, будем вращать задницами под запрещенную музыку и жить этим мгновением. Оно уже наступило, оно в ваших долбанных руках. Держите крепче баранку и пускайте под колеса все ухабы. Мы крутые парни, и нас не остановить. Это говорю вам я, диджей Халли, голос последнего нормального эфира этого долбаного мира, рэйдио «Хоспис». Запомните это название, потому что последнее, что услышит этот мир, летя в дьявольскую жаровню, это «Бае кон диос», сказанное на волнах этого радио.

И пусть смешной дуэт из Карла Перкинса и Джона Фогерти сыграют нам свою «All Mama's Children». Почему? Да потому что я так хочу! Мне нужно немного свежего воздуха. А кто запретит?»

* * *

Уже смеркалось, когда две машины выскочили из-за поворота, слепя пространство перед собой врубленными на дальний свет фарами. Впереди неся тяжелый мордастый черный «Студебеккер» с белым верхом. За ним – юркий красный «Мазерати». Двое дежурных в черно-белой форме ополченцев едва успели отскочить в сторону, когда тупой нос «Студебеккера» снес шлагбаум. В нескольких метрах от шлагбаума поперек дороги были раскатаны полицейские ленты с шипами. «Студебеккер» тяжеломерно, с визгом тормозов ушел в сторону, объехав это место по плоскому боку придорожного холма слева, несущийся следом «Мазерати» проделал тот же маневр по правому склону.

Возвращая машину на дорогу, Стас успел заметить, как из небольшого краснокирпичного строения выскакивают люди в гражданской одежде с короткоствольными «Хаммерами» и начинают стегать от живота трассирующими хлыстами очередей. Со звоном лопнуло пассажирское стекло. Застучала жестяная дробь, пули били в корпус машины. Почти в то же самое мгновение раздались два оглушительных выстрела из гладкоствола

Шрама. Рой дроби устремился навстречу трассирующим очередям. С заднего сиденья «Мазерати» тоже открыли огонь. Стас не видел, кто именно. Он стремительно перебрал рычаг передач, вдавил педаль газа и с диким прокрутом шин по холодному дорожному покрытию пустил «Студебеккер» в сторону оглушающе далекого горизонта. Некогда было оглядываться, некогда было даже смотреть, все ли целы в салоне. Сейчас нужно было уйти от погони, дать пространство для ребят в «Мазерати». Хворостов сказал, что они остановятся после первого поворота и будут отстреливаться. Несколько минут, не больше. За это время Стас должен был как можно дальше увести неповоротливый, не предназначенный для погонь «Студебеккер» в сторону развилки. До нее было почти два километра.

Миновали поворот, огни «Мазерати» полоснули по холмам (ребята разворачивались, чтобы перекрыть дорогу и не дать преследователям проскочить за «Студебеккером»). Только бы не повредили машину Душки Джи, подумал Стас, сжимая до побелевших костяшек баранку, иначе ребятам не уйти. Вдруг что-то оглушительно взорвалось там, сзади, у поворота. Зарево на мгновение осветило дорогу и тут же опало. Что это? Что это могло быть? Не граната, нет, у гранаты не такой оглушительный звук. Некогда, не сейчас, время для мыслей еще настанет. Давить на газ, правая рука на ручке переключения скоростей, левая на баранке, глаза напряженно всматриваются в стремительно темнеющую даль. Снова взрыв, там же, уже не такой оглушительный, звук скрадывается расстоянием. Фары вырывают из темноты щит дорожного знака. Развилка! Визг тормозов, «Студебеккер» уходит вправо, на Стаса грузно валится Бруно, что-то липкое просачивается сквозь ткань пиджака и рубашки. Бруно не пытается подняться, Стас слышит тихий стон сквозь сомкнутые зубы. Потом Бруно хватается за ручку над бардачком и с рычанием поднимается. Стас позволяет себе бросить в его сторону взгляд: голова Бруно безвольно качается, руки вцепились в шею. Затем четыре руки перехватывают его сзади и начинают вытягивать на заднее сиденье.

Дорога! Следи за дорогой! Бруно крепкий сукин сын, он дотянет до мотеля. А там Скальпель, один из лучших врачей этого долбаного мира. Военных врачей. Стас вырубает дальний свет, гонит, почти опустив голову к рулю, вглядываясь, вглядываясь, вглядываясь в темень. Надо успеть, иначе все напрасно – и ранение друга, и те люди, которые остались прикрывать их уход и с которыми уже сейчас могло случиться все, что угодно. Двигатель «Студебеккера» почти воет. Выдержит? Должен!

Низкое небо, черные облака, пронизанные светом луны, как кровавые раны, сочащиеся светом.

Они ждали у мотеля, фары «Студебеккера» высветили две сиротливые фигуры и сумки на земле. Скальпель понял все мгновенно, бросился к задней двери, на ходу скидывая пальто. Стас попытался открыть дверь, но что-то заело. Он перегибается и бьет по двери ногой. Потом выскакивает, пытается заглянуть Скальпу за плечо, но видит только бледное в свете барного фонаря лицо Шрама. Возвращается на водительское сиденье, перегибается. Скальпель поднимает голову, Стас видит, как по его лицу текут слезы. Слышит, как тихо плачет Арчи.

– Артерия, – хрипло, с дрожью говорит Готфрид и пытается вытереть слезу. По лицу тянется кровавый след. – Он уже умер... Я не могу помочь, уже не могу... Он умер.

Арчи вдруг замолчал, наверное, зажал себе рот руками. Где-то далеко залаяла собака. Выл ветер, и скрипел, качаясь на ветру, фонарь. Кулак ударил в торпеду раз, другой, третий... Сзади глухо плакал Андрей.

– Я не могу помочь, – снова прошептал Готфрид, – он уже умер. Пуля... перебила артерию, я не могу... Не могу.

* * *

Машину следовало сменить. Да и не протянул бы верный «Студебеккер» долго, погоня и пули сделали свое дело. Хрипя загнанным двигателем и гремя разбитым простреленным

корпусом, он уносил их от бара в глубину Третьего Периметра. Это была последняя его дорога, так же как это была последняя дорога для лежащего на коленях друзей Бруно. Они сидели на заднем сиденье, безучастно глядя в пространство. Скальп придерживал голову мертвого друга. Они все были в крови Бруно, но никто этого не замечал.

Дорога летела навстречу машине, устремляясь пунктиром разделительной полосы под колеса. Погони не было. Хладнокровный Хворостов, стеснительный Душка Джи, добродушный крепыш со смешным прозвищем Беби-Бум выполнили данное слово. Никто не знает как, какими жертвами, и Стас даже не надеялся, что представится возможность выяснить это в ближайшее время. Он вел машину в единственное место, которое пришло ему на ум, единственное место, где можно было укрыться, где их не станут искать, а даже если и станут, найти будет непросто. В то самое место, о котором говорил незнакомец в складах.

Иногда Стас снимал с руля руку, чтобы вытереть глаза. Слезы все текли и текли, хотя тело больше не выгибалось в мучительных судорогах. Слезы человека, который поверил в утрату, который больше не отказывался принимать правду, он смирился, но не мог не оплакивать...

– Почему вы ждали снаружи? – тихо спросил он. Слишком тихо. Алиса не расслышала. Она сидела рядом с ним, сложив руки на коленях, и изредка оглядывалась назад. Испуганная, но собранная, готовая ко всему.

– Почему вы ждали снаружи? – повторил Стас.

– Мы? – Алиса посмотрела на Стаса. – Мы собрались, как ты велел.

– Я?

– Да. Записка... – Алиса сунула руку в карман тонкого, не по погоде, пальто и достала сложенный лист бумаги. Развернула его и показала Стасу записку.

– Это мой почерк, – кивнул Стас, – но я этого не писал.

– Что значит – не писал? – спросил Скальп. Его голос дрожал, у них у всех дрожали голоса.

– Как вы ее получили?

– Прошлой ночью, уже под утро, пришла девушка...

– Темные волосы, черная одежда, лет двадцать пять?

– Да.

– Ясно.

Стас коротко рассказал о ночном визите в свою квартиру и записку, которую якобы написал Бруно. Замолчал. Все это случилось прошлой ночью. Совсем недавно...

– Это значит, что за нами могут следить, – сказал Шрам.

– Значит, – кивнул Стас, – но я не заметил погони. Машин за нами не было от бара, я в этом уверен. Трасса прямая.

– Куда мы едем? – спросила Алиса, и только теперь Стас понял, как должно быть ей страшно. Бедная девушка, с головой окунувшаяся в непонятную для нее череду событий, закружившую водоворотом, унесшую слишком далеко от дома, от привычной жизни, от всего, что она знала.

– В особняк моего отца, – ответил Стас и бросил быстрый взгляд на ее лицо. Даже теперь, в этой обстановке он не смог не подумать, как она красива. Особенно теперь, когда болезненный контраст от идущей корпус в корпус с искореженным черно-белым «Студебеккером» бедой делал все очевиднее...

– Там могут ждать, – сказал Скальп.

– Могут, – кивнул Стас. – Но если не ждут, мы укроемся в лаборатории отца. Она хорошо спрятана, так просто ее не найти.

– Пусть ждут, – глухо прошипел Арчи, – пусть ждут, сукины дети. Шакалы...

Замолчали, думая об одном и том же. О том, что, возможно, все бесполезно и не важно, воздастся ли виновным, восторжествует ли капризная правда и на чьей стороне она окажется в этот раз. Полетят пули или нет, все неважно. Бруно мертв, старого верного друга, с которым они прошли большую часть жизни рука об руку, не вернуть. Сердце, которое они

могли не слышать, но всегда ощущали рядом, не бьется. И старый, доживающий последние часы автомобиль летит в слепую зимнюю ночь – зря.

– Мне нужен пистолет, – тихо сказала Алиса. – Я умею стрелять, но у меня нет своего пистолета.

Арчи протянул между сидений свой короткоствольный револьвер.

– Вот, возьмите, Алиса. Я возьму кольт Бруно.

Остаток пути ехали молча. Не о чем было говорить. Только выл, не утихая, умирающий мотор «Студебеккера», стремившийся отслужить последнюю службу для вцепившегося в руль хозяина. Да подхохатывал ветер, совсем лишившийся рассудка.

По небу расплескалась алая дымка рассвета, когда что-то застучало в капоте и «Студебеккер» судорожно задрожал, теряя скорость.

– Ну вот и все, – сказал Стас, – теперь пешком. Тут недалеко. Я знаю эти места как свои пять пальцев. За час доберемся.

– А что с Бруно? – спросил Арчи.

– Сожжем машину, – ответил за Стаса Готфрид. – Бензина хватит?

– Хватит, – кивнул Стас. – Должно хватить. Для Бруно точно хватит.

Солнца еще не было видно, и Стас знал, что до настоящего рассвета еще очень долго, знал, что розовые всплески на горизонте могут быть обманчивыми. Он вышел, снег закрипел под ногами. Стояла мертвая тишина, и погасшие фары «Студебеккера» смотрели в сторону недалекой Стены. Стас попытался захлопнуть дверь, но та лишь громко хлопнула и с жалобным скрипом отскочила обратно. Как будто просила, чтоб ее больше не мучили. Вот и все. Стас присел на корточки и заплакал. Горько и сухо, заталкивая ладонями крик обратно в горло.

* * *

Они уходили по тропе, которой не видели. Стас просто знал, что она есть, решил довериться памяти. В спину им светило неверное пламя погребального костра. Бензина оказалось меньше, чем он ожидал. На всю машину не хватило. Он облил тело Бруно и расплескал остатки по салону. Вчетвером они оттолкали машину в холмы, Шрам быстро скрутил номера, но вряд ли это кого-то надолго задержит. Вокруг не было ни одного деревца. С аэроплана машину обнаружат очень скоро, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сложить одно с другим. Стас зажег спичку и кинул в салон. Отшатнулся, когда полыхнуло. Вот и все. Еще один окоп позади. Оставлен навсегда, без всякой надежды вернуться. Они плакали, не стесняясь друг друга.

Стас развернулся и пошел в темноту. Ноги сами находили направление.

Они шли чуть меньше часа, сначала по холмистому пригороду. И чем дальше отходили от дороги, тем труднее было идти. Конечно, никакой тропы давным-давно уже не было, никто не ходил и не жил здесь, в непосредственной близости от Стены и в стороне от воинских казарм. Все чаще попадались деревья, а то и целые рощи. Потом пошел застроенный пригород, покосившиеся, заброшенные дома. Друзья достали оружие, все, кроме Стаса, у которого не было с собой ничего, кроме прихваченной из машины монтировки. Снег хрустел под ногами. Это было то, что упустил Стас, – следы на снегу. По ним их без труда отыщут. Он оглянулся, увидел понуро бредущих друзей. Снова поднялся ветер и принялся бросаться на них, как будто изголодался по человечине. «Ветер в спину». Если повезет, ветер занесет следы. Если нет... Черт, если нет, то менять что-то уже поздно. Где-то невероятно протяжно завывала собака, и тьма стала еще темнее. А может, не собака. Стас давно не слышал, как воют собаки.

Алиса догнала Стаса, взяла под руку.

– Можно?

– Да, пожалуйста.

– А то жутко. И я не переобулась, на каблуках... Другой обуви нет. Не подумала.

– Ничего, скоро придем. Держитесь, Алиса.
– Здесь кто-нибудь живет?
– Нет. Почти нет. Все перебрались в глубь Периметра. Тут бывают только войсковые патрули.

– Страшно.

– Да, мне тоже. Ничего, уже почти пришли.

Дворы некогда богатых особняков заросли, сами дома или превратились в руины, или походили на склепы. Окна без стекол. Двери сорваны с петель. Кое-где на каменных стенах черные следы пожаров. Хозяева, покидая навсегда эти места, сжигали свое хозяйство. Стены выдерживали. Крыши проваливались внутрь и сгорали со всем остальным.

– Стас...

– Тссс...

Они дошли до соседнего с особняком Анатоля Бекчетова владения. Стас дал остальным знак остановиться, сам осторожно прошел вдоль каменного забора до неровного, словно выкушенного провала в кладке. Когда-то тут была калитка, соседи жили мирно, запросто ходили друг к другу в гости. Когда-то. Стас ступал медленно, чтобы осыпавшийся кирпич не хрустел под ногами. Все обледенело. Долго стоял, вглядываясь в темноту, напряженно прислушивался. Ничего. Вроде бы ничего. Если их кто-то ждал, то ничем не выдавал себя. Осторожно шагнул во двор, перебежал до стены, снова замер. Тихо. Присел на корточки и вгляделся в сторону летнего домика. Там в подвале была спрятана лаборатория отца. Следов на снегу нет, значит, в последнее время к летнему домику не ходили, но это не значит, что не ходили вовсе.

Перебежал обратно к забору, махнул друзьям. Вереницей, пригибаясь, с оружием наготове, они проделали тот же путь: к провалу в заборе, потом через двор к стене. Стас знаками показал Шраму, что побежит к летнему домику, велел прикрывать. Шрам понимающе кивнул и вскинул винтовку. Стас еще раз оглянулся, потом изо всех сил побежал через двор. Снег оглушительно скрипел под ногами.

Летний домик. На двери амбарный замок. Стас присел, сунул руку за доску. Ключ на месте. Махнул рукой остальным. Сначала Скальпель с Алисой за руку, потом Арчи и последним Шрам перебежали двор.

Замок заклинило. Стас до боли в пальцах жал на ключ, пока тот не повернулся. Дверь открылась только наполовину, намертво сцепившись со вздувшимися досками пола. Внутри было холодно и темно. Слепо шаря перед собой руками, Стас прошел к дальней стене, нащупал посудный шкаф. Сделал шаг в сторону. Зашарил по ледяной, покрытой инеем стене. Нащупал бронзовый кронштейн, на котором раньше крепилась выносная лампа. Уперся плечом в стену и с силой повернул кронштейн влево до щелчка, потом так же вправо, потом вернул в прежнее положение. Ничего не произошло.

– Черт!

– Что случилось? – обеспокоенно спросил из темноты Скальпель.

– Не знаю. Подожди.

Снова уперся плечом в стену, на этот раз повернул кронштейн сначала вправо, потом влево, потом вернул в прежнее положение. Внизу, под полом, глухо загудело. Алиса тихо охнула.

– Спокойно, – предупредил Стас, – так должно быть.

Часть стены начала уходить внутрь, и в образовавшуюся щель хлынул тусклый желтый свет. Щель расширялась до тех пор, пока не открылся достаточный проход, за которым была видна верхняя площадка винтовой чугунной лестницы, уходящей спиралями в выложенную кирпичом шахту. Свет шел снизу, он включался автоматически, тем же механизмом, который открывал потайную дверь.

– Давайте вниз, быстрее.

Анатолий Бекчетов устроил эту секретную лабораторию уже после войны. Тогда этот район еще не был покинут, но увядание уже витало в воздухе. И многие вели разговоры о том, что рано или поздно придется перебраться к центральной части контролируемой людьми территории. Это было давно, ни о каких аттестационных экзаменах тогда и знать не знали.

Нынешняя Стена в то время была всего лишь вспомогательной, а главная проходила в двадцати километрах дальше. Но все знали, что это временная мера, предпринятая для того, чтобы возвести действительно надежные защитные сооружения здесь. Там, на дальней границе, война и не думала прекращаться, но на этот раз люди не воевали против людей, сама природа Земли восстала против кровопролития и братоубийства, она изменилась, изменила себя для того, чтобы уничтожать людей. Стас знал о том, что происходит на границе, из рассказов Скальпеля. Он руководил одним из полевых госпиталей. Сам Стас отказался участвовать в защите границы, хотя ему и настоятельно предлагали во время постановки на учет. И все же он отказался. С него хватило войны, хватило по горло, хватило на долгие годы, если не навсегда. Так же поступили и Шрам с Бруно. Арчи они тогда еще не знали. Стас уже перебрался в город и звал к себе отца, но тот отказывался покидать этот особняк. Он купил его еще до войны, когда Стас был на первом курсе. Однако в силу того, что криминальная обстановка послевоенного времени была похожа на погоню мышей за лисицей, проникшей в чужой курятник (немногие знаменитости послевоенного сыска вроде Айка Моралеса были не в состоянии самостоятельно исправить положение), Анатолий Бекчетов решился на постройку этой лаборатории. По сути, она же была и тайником, где, помимо всего прочего, хранились семейные драгоценности (довольно быстро, впрочем, истаявшие в голодные послевоенные годы), особенно дорогая часть библиотеки и кое-какие деньги. Также в случае опасности хозяин мог и сам скрыться в подвале на какое-то время. Тогда здесь хранился небольшой запас еды, в основном солонина, консервы и сухофрукты. Осталось ли от них что-то, и если да, то можно ли их еще употреблять в пищу, Стас не знал.

Они спустились по винтовой лестнице. На последней спирали Стас повернул рычаг в кирпичной кладке, и потайная дверь с громким скрипом закрылась.

Лаборатория состояла из трех помещений: большой полукруглой комнаты, в которой они оказались, заставленной столами с ретортами, колбами и прочим оборудованием, необходимым для отцовских опытов, собственно кабинета Анатолия Бекчетова и холодной кладовой для продуктов. Стас участвовал в строительстве, насколько мог в силу занятости, потому неплохо знал, как здесь все устроено. Электричества хватит на сутки, оно работало от дизельного генератора, вделанного прямо в стену. Возможно, оставались запасы соли, стоило поискать...

Шрам выдвинул стул, подставил Алисе. Та опустилась почти без сил. Все они устали, были на пределе. Слишком много произошло, слишком многое от них потребовалось.

– Надо отдохнуть, – сказал Стас.

– А что потом? – глухо спросил Скальпель. Он стоял, опираясь на спинку стула Алисы, смотрел в пол.

– Я не знаю, – честно признался Стас. – Отдохнем, потом подумаем, как быть.

– Это из-за меня, – Скальп покачал головой, с силой провел ладонью по лицу, – из-за меня застрелили Бруно, из-за меня вы все здесь, и еще твои ребята... Неизвестно, что с ними, и это все тоже из-за меня.

– Скальп...

– Это правда! Сыворотка... Мне никто не приказывал ее делать, я сам вызвался. Показалось, что это интересная работа, хороший шаг для ученого, понимаешь? Это было интересно и выгодно, в плане карьеры выгодно.

– Скальп! – Шрам подошел к другу, обнял его за плечо. – Ты не мог знать, как все обернется, ты просто делал то, что должен был. А Бруно погиб не из-за твоей сыворотки, не она его убила. Он просто был твоим другом, и он прикрыл тебя так же, как ты бы прикрыл

его. Как мы прикроем тебя, если придется, потому что знаем, ты подставишься вместо нас, не задумываясь. Стас прав, надо отдохнуть. Сейчас мы ничего путного не придумаем. И не надо себя изводить.

– Надо вас покормить, – устало проговорила Алиса, – я взяла с собой немного продуктов.

– Где-то должен быть примус, – проговорил Стас, оглядываясь. Вспомнил, подошел к стенной нише. Плоский примус стоял на нижней полке, рядом с банкой керосина.

Арчи подошел, взял примус. Обернулся к Алисе:

– Где ваши продукты? Я займусь едой. – Алиса хотела что-то возразить, но Арчи покачал головой и сказал: – Мне так проще, нужно чем-то заняться, чтобы в голову не лезли мысли. Вы не волнуйтесь, Алиса, я неплохой повар, клянусь...

Стас тяжело огляделся. Посмотрел на друзей, на дверь, ведущую в кабинет отца. Поднял руки ладонями вверх, незнакомые, грубые. Заметил полосу засохшей крови и медленно, с силой начал тереть одну ладонь о другую.

Осколки жизни. Город, оставленный жителями перед наступлением. Еще не тронутые бомбежкой и артобстрелами улицы, стены домов без выщербленных подписей уличных боев, оконные стекла отражают небо, все как всегда, только людей нет. Обреченность слышится в каждом шаге по безлюдной мостовой, и снежная пыль – это только пыль.

Скальп в пальто с темными пятнами от крови Бруно сидит на вращающемся стуле. Взгляд пустой, взгляд солдата, которому больше некуда отступать, а сил на наступление нет, да и неоткуда им взяться. Врач, который взялся за оружие, которого вынудили взяться. Мелькнула страшная мысль, что, если наступают времена, когда врачи берутся за оружие, значит, время любой надежды, даже самой незначительной, вышло... А то, что грядет, пугает даже таких старых солдат, как сам Стас... Алиса сидит у стола, положила голову на руки, она устала. Бедняга, словно саженец, вырванный из земли, она бы и рада найти себе новое место, но есть ли еще места, где сажают новые рощи, ведь роща – это надежда на завтрашний день, на время, которое нужно для того, чтобы успеть протянуть ветви к солнцу... Иногда Алиса приподнимает голову и смотрит на Готфрида. Шрам, дружище Шрам, наивный и слегка не от мира сего, так и не выросший, в отличие от них всех, из гардемаринского бушлата. В его взгляде есть надежда, но это надежда без уверенности, надежда на то, что случится нечто, случится само собой и все изменится, все будет хорошо... Это надежда на чудо, а Стас давно перестал доверять чудесам. Арчи ссутулился у углового стола, открывает консервные банки, на сковородке уже начинает потрескивать масло. Арчи прагматик, он живет этим моментом, этой необходимостью. Есть дело – хорошо, есть чем занять руки и голову, а потом – потом будет видно. Но и на его одежде, и на одежде Андрея кровь друга, сожженного в саркофаге умершей машины. Так что там может быть *потом*? Не важно, даже если и будет это потом, и даже если оно будет выглядеть так, как выглядело до всей этой катастрофы, на самом деле все будет совсем иначе. Будет не так... Люди не вернутся в эти руины, они будут искать что-то новое. Надежду? Их можно понять, никто не желает возвращаться туда, где умирала надежда...

Я хотел бы знать, подумал Стас, дадут ли нам передышку? Дадут ли нам хотя бы намек на то, что наша война, ворвавшаяся на плац перед мореходным училищем тысячу лет назад, сломавшая наши жизни, укравшая наши юности, забившая пылью забвения имена друзей на могильных камнях, эта война однажды закончится? О многом ли я прошу в эту минуту, Господи? Счастья? Нет я не прошу счастья. Только веры. Ведь, Господи, мы бились за завтрашний день на Твоей земле, мы умащивали ее собственной кровью и слезами, так пусть он будет, Господи. Пусть настанет этот завтрашний день, а со счастьем мы как-нибудь сами разберемся. Пусть не все мы, пусть только один из нас, мы заслужили это, заслужили, чтобы один из нас был счастлив... Это и есть надежда, Господи.

Стас тоже устал, руки дрожали, голова гудела, болели глаза, но он не мог заставить себя даже сесть. Бруно прав, надо что-то делать, надо как-то забить этот момент, завалить его, как заваливают двери рассеянные группы защитников, удерживающие уже даже не

рубежи, а одно-два здания. Завалить двери, оттянуть момент последней стычки лицом к лицу, дать время остыть раскаленному стволу автомата, пересчитать пули, пересчитать друзей. Вспомнить имена тех, кого не досчитался. Надо найти ребятам одежду, подумал Стас, они все в крови, надо найти, во что им переодеться. Да, надо...

Он вошел в кабинет отца, осмотрелся. Здесь ничего не изменилось: мегалит стола, книжные шкафы со стеклянными дверцами, за стеклом книги, папки, тетради. Некоторые дверцы приоткрыты. Все покрыто тонким слоем пыли. В помещении было сухо, оно хорошо вентилировалось, но пыль – куда ж от нее спрятаться... Иногда пыль – это признак одиночества, щетина пространства, оставленного хозяином, запустившего себя, неприбранного. У дальней стены – старый комод и одежный шкаф, там, в шкафу, хранилась одежда отца. А на комод... Первый кубок Стаса, с первого курса, – на выгнутом матовом боку две скрещенные рапиры. Стас попытался вспомнить соревнование, но не смог, дороги памяти были забиты отступающими войсками, брошенным скарбом, обездоленностью. По этим дорогам еще не скоро удастся вернуться, если вообще удастся. Рядом с кубком фотографии. Стас обошел стол, подошел к комоду, медленно стал брать один за другим эти снимки, подносить дрожащими руками к воспаленным глазам. Групповой снимок, весь курс, учителя. Стас в четвертом ряду, в белой парадной форме, крылья полосатого воротника на плечах. Форма чуть великовата. Зато бескозырка уже с заломом, слегка – но только слегка, все-таки это первый курс – сдвинута на левый бок. Пацан. Лицо гладкое, он тогда еще не брился. Бруно и Шрам в третьем ряду, сразу под ним. Скальпеля на фотографии не оказалось. Стас закрыл глаза, попытался вспомнить почему. Не смог. Как их собрали, заставили вынести на плац стулья и столы, как он забирался на стол и как Бруно со Шрамом бросили на стулья бескозырки, занимая места, это помнил. А почему не было Готфрида, не смог вспомнить.

Другой снимок. Они со Шрамом в городе, напротив кинотеатра «Taodue Film», смуглые от загара, довольные, как черти. Почти бесконечное лето Сардинии, юность, в глазах бесстрашие и ожидание, сумасбродное солнце над головой, карусель начала жизни, готовой вот-вот развернуться спиралью дней и лет, неомраченных, неукраденных, не заполненных болью. Горный серпантин, который бежит в любом направлении, не важно куда, вверх или вниз, главное, что он ни в коем случае не обернется пустыми взглядами друзей, лишенных надежды на будущее, прячущихся в спрятанном, верящих, что все, что может прийти извне, несет беду, знающих, что могут рассчитывать только на тех, кто рядом.

Третий снимок, кажется, начало второго курса. Жгучая осень, бесстыдная в своей откровенности, заставляющая все вокруг заливаться румянцем стыда. Наверное, как раз в момент съемки подул ветер, потому что за их спинами застыли в кружении листья. На этом снимке они вместе. Хохочущий Скальпель в старой куртке, выданной Анатоном Бекчетовым (да, это помнилось, это вдруг оказалось где-то рядом, на еще не оставленных территориях: они приехали на день раньше, отец не ждал, не прислал на вокзал машину, и они добирались своим ходом, страшно промокнув под ливнем), Шрам вповалку на куче огненной листвы, с граблями в руках, отец, серьезный, но с искрами смеха в глазах. И Бруно... Самый крепкий из них, самый уверенный в себе, с неподражаемым еврейским носом, который, казалось, случайно приставили к лицу, да так и забыли поменять. Сам Стас делает гордый профиль за Шрамом с граблями, все они смеются, листья кружат, и с безоблачного неба смотрит будущее.

Вдруг заболело сердце. Стас подвинул стул, сел. Схватился за грудь. Почти сразу отпустило. Впервые сердце дало сбой. У отца была какая-то наследственная проблема с сердцем, несерьезная, но порою доставлявшая беспокойство. Он часто говорил, что сам факт приемного родительства хорош уже тем, что сердечная боль не будет передана по наследству. Но вот же...

Стас протянул руку, поставил фотографию на комод, обвел остальные взглядом. Общие снимки курса, фотография их футбольной команды, снимок, на котором Стас стоит между преподавателем по астрономии и старшиной Лефковичем, обучавшим их основам навигации.

Фотографий много, и на каждой мальчишка Бекчетов, приемный любимый сын. Анатолий любил его всем сердцем, всей душой, и, хотя проявлять чувства в их семье было не принято, они все же проявлялись. В этих фотографиях рядом с рабочим столом, в скупых, кратких письмах, в том намеке на улыбку, которым освещалось лицо отца, когда Стас приезжал на каникулы...

– Скучаешь по нему?

Стас обернулся. Скальпель стоял в дверях кабинета, прислонившись плечом к косяку. Он уже снял пальто, и теперь в крови были только манжеты рукавов и воротник рубашки. Готфрид перевел взгляд на фотографии.

– Мне его не хватает, – кивнул Стас. – Я не особенно часто вспоминал отца в последнее время, но иногда как будто что-то наплывает и... – Стас развел руками, подыскивая слова.

– Я понимаю, – кивнул Скальп. – Так и должно быть... В последнее время жизнь мне кажется чем-то вроде рулона автобусных билетов. Такого, знаешь, как на сумке кондуктора. Каждый день едешь, едешь куда-то, билеты отрываются, ты их выбрасываешь, потому что в основном это... это просто билеты. Но иногда попадаетесь счастливый, ты его прячешь в карман, забываешь, но иногда натыкаешься, и это уже не просто билет.

– Да, – Стас устало улыбнулся, – похоже.

Они помолчали. Скальп обошел стол, наклонился к фотографиям.

– Я думаю, все еще будет, – сказал он неожиданно, не оборачиваясь, глядя на фотографию их футбольной команды. Стас в первом ряду, с почти сошедшим синяком на скуле – память о походе в городской парк на танцплощадку. Бруно во втором ряду в центре, в кепке и перчатках вратаря. Скальпель и Шрам в третьем ряду слева. Скальпель тоже мог быть вратарем, но его преподаватели запретили ему даже думать об этом, требовали беречь руки будущего хирурга. Он уже тогда подавал надежды.

– Я думаю, все еще будет, – повторил Скальп, ставя фотографию на место.

Интересно, подумал Стас, он правда в это верит или говорит для него? Так, как и должен поступать доктор, для которого страдание другого важнее своего собственного страдания.

– Надо найти вам одежду, – сказал Стас.

– Да, было бы неплохо.

Стас встал, открыл шкаф. Вместе они выбрали три старых, слегка поеденных молью пальто, два пиджака и свитер с кожаными заплатами на локтях.

– А тебе? – спросил Скальп. – У тебя тут тоже...

Он показал на плечо, Стас обернулся. Он и не заметил, что его плечо тоже в крови. Видимо, тогда, на повороте, когда уже раненного Бруно бросило в его сторону...

– Да, пожалуй...

Стас сунул руку на верхнюю полку шкафа, отодвигая стопку рубашек. И увидел шкатулку. Он ее не помнил, небольшая, деревянная. Очень простая. Снял с полки, открыл. В шкатулке лежали его письма. Письма из мореходки, письма с фронтов, письма из госпиталя, письма из города. Наверное, все, какие он написал отцу. Их было немного, Стас никогда не любил писать. Снова тисками сдавило сердце, Стас прислонился лбом к холодному ребру верхней полки, судорожно выдохнул сквозь сжатые зубы.

– Все нормально? – Скальп поддержал его под локоть, попытался заглянуть в лицо.

– Да. Просто... Да, все нормально.

Стас снова посмотрел на шкатулку и только теперь заметил приклеенный к обратной стороне крышки конверт. Без марок, без штемпелей. Размашистым почерком отца было написано: «Сыну».

Стас осторожно оторвал конверт. Не заклеен. Скальпель похлопал Стаса по плечу и вышел из кабинета. Стас сел, вынул из конверта лист, развернул.

«Здравствуй, Станислав. Надеюсь, что необходимости в этом письме не будет и мне удастся рассказать тебе все лично. Однако я обязан учитывать и иные обстоятельства. С недавнего времени я заметил, что за мной следят.

Полагаю, причина в следующем. Два года назад я был приглашен в числе прочих ученых принять участие в научном проекте, целью которого было изучение новых видов жизни и способов борьбы с ними или их контроля. Мне удалось достаточно далеко продвинуться в своей области изучения мутации животных, выявить ген, ответственный за изменения. В частности, мне удалось доказать, что изменения большинства живых видов обратимы, причем в естественном порядке. Другими словами, спустя несколько поколений эти виды должны были вернуться к изначальному, предшествующему мутациям состоянию. Что же касается других видов, а их немного, и в основном это относится к наиболее агрессивным, то, хотя их изменения и являются необратимыми, они – тупиковая ветвь, стремительно идущая к вырождению. Я рискую предположить, что спустя десять, максимум пятнадцать лет виды, которые часто называют упырями или нетопырями (в действительности они удивительно разнообразны и по-своему весьма интересны), вымрут полностью. Их репродуктивная функция ущербна, и даже если им удастся произвести потомство, то в основном оно погибает в младенчестве. Полагая, что это прекрасная новость, я поспешил доложить о ней непосредственному руководителю проекта, Герману Герингу. Я просил как можно раньше обнародовать эту информацию, поскольку, безусловно, она дала бы людям надежду на более благоприятное будущее. Однако мои исследования мгновенно засекретили, и лично мне запретили распространять данную информацию. Мне не ясна причина этих действий, более того, она видится мне лишенной всякой логики. Я отказался от дальнейшего участия в проекте. И уже на следующий день обнаружил слежку. Мало того, я оказался в списке тех, кто не имеет права на выезд из Периметра. Я пытался звонить тебе, но с моим телефоном что-то происходит, полагаю, тоже не случайно.

В силу всех этих обстоятельств я и решился написать тебе это письмо.

В эту нелегкую минуту мне очень не хватает тебя, мой мальчик.

Твой отец

Анатолий Б.».

Ниже дата. За три дня до смерти...

Стас медленно сложил лист и убрал его в конверт. Долго сидел, глядя на бумажный прямоугольник. В голове теснились мысли, но они не задерживались, проносясь транссирующими пулями.

Потом в кабинет вошел Шрам с папкой Гейгера в руках. Сел напротив Стаса. Заглянул в глаза.

– Ты как, старик?

– Плохо, – признался Стас. – Похоже, мой отец умер не сам. Похоже, это не было случайностью...

– Да... Этот твой... Гейгер. Он то же самое сказал.

– Да...

– Ты знаешь, мы тут с Алисой покопались в папке. Не против?

– Нет, конечно.

– Так вот, мы нашли кое-что. Это интересно.

Шрам открыл папку, вынул несколько листов.

– Тут про брата Гейгера. Точнее, про его исследования. Вообще-то это какая-то философия, но почему-то эта область в проекте считалась приоритетной.

– И что там?

– Вот, слушай. Несколько ученых, в том числе Георг Гейгер, занимались... как это назвать? Ну, короче, вроде как разработкой нового взгляда на мироздание. Но это были не просто слова, Стас, они на полном серьезе говорили о возможности им управлять. То есть, исходя из этих выкладок, тот, кто мог влиять на мироздание, получал практически неограниченные возможности. Становился богом, понимаешь?

– Бред какой-то...

– Вот, и Гейгер пишет, что это бред. Но его брат верил в этот бред безоговорочно. Он и

еще какой-то... секунду... – Шрам пробежал глазами текст, – какой-то Тесла. Слышал о нем?

– Нет.

– Не важно. В общем, судя по всему, они сумели добиться каких-то результатов. Тут непонятно написано, но вроде как они сумели мгновенно переместить предмет на огромное расстояние. Или заставили поверить в это наблюдателей, тут мутно. В общем... Не знаю кто, но, похоже, сам Георг Гейгер дошел до мысли, что эти возможности не должны попасть в руки людей. В смысле люди же не боги. А теперь самое интересное. Готов?

– Не тяни, Шрам.

– Сейчас. Терпение. – Шрам порылся в папке и выудил блокнотный лист. – На, читай.

Стас взял лист, поднес под свет настольной лампы. Убористым почерком Гейгера было написано: «Взрыв в гаражах. Не успели. Тесла? Он мог покинуть проект, мог скрываться. Георг прав?»

– Черт побери...

– Это, я так понял, твои парни, по твоему делу, – кивнул Шрам. – Наверное, те ученые в гаражах, они как раз и были из проекта, та группа, что работала вместе с братом Гейгера... А значит...

Алиса вбежала в кабинет, Стас увидел ее лицо и вскочил. Она была бледна, руки прижаты к груди, губы дрожат.

– Что случилось?

– Там, наверну... – Алиса оглянулась. – Там открывают дверь.

* * *

Арчи, Шрам и Скальпель стояли в зале, прижавшись спинами к столу с ретортами, направив оружие на спираль винтовой лестницы. Стас судорожно заряжал охотничий карабин отца. Алиса застыла в дверях кабинета с кольцом в руках. Стас и сейчас не мог не заметить, что, несмотря на страх, ее руки не дрожат. Эта сильная женщина могла за себя постоять.

Когда стих рокот механизма, открывающего потайную дверь, Стас вогнал в патронник последний патрон и присоединился к друзьям.

По лестнице спускались. Несколько человек. Стас попытался на слух определить, сколько именно, но не смог. Ладонь на цевье карабина вспотела. Приклад плотно уперся в плечо, палец сразу на двух курках. С такого расстояния плотный рой дроби способен снести человеку голову.

Шаги приблизились, затем на лестнице показались ноги первого спускающегося. Точнее, спускающейся. И когда она показалась полностью, Стас узнал ее.

– Вы? – произнесли они одновременно с Алисой и Скальпелем.

Ночная гостья, монашка. Теперь она, впрочем, вовсе не выглядела монашкой. Походный костюм военного кроя, высокие, до колен, ботинки с тугой шнуровкой, темно-синий бушлат, перехваченный португеей, кобура. Впрочем, в руках только погашенный электрический фонарь. Вместе с одеждой монахини исчезла и неуверенность, напротив, она смотрела на людей, направивших на нее оружие, спокойно и даже без тени страха.

– Добрый вечер, джентльмены, – сказала она так, словно глядящие в ее сторону стволы были лишь естественным, но малозначительным дополнением к окружающей обстановке. – Надеюсь, вы не распаковывали вещи.

Вслед за монашкой по лестнице спустился невысокий щуплый парень – латинос. Он был одет в длинный незастегнутый плащ и свитер с высоким горлом. В руках у латинуса покачивался короткоствольный крупнокалиберный кольт марки «Уорвик», жуткая машинка, способная проделать в груди человека дыру размером в кулак. В дуло «Уорвика» запросто помещался большой палец взрослого человека. Стас перевел ствол карабина на парня, заметил, что стоящий рядом Шрам сделал то же самое.

– Станислав, будет лучше, если вы и ваши друзья опустите оружие, – сказала монашка,

поднимая руки, – мы вам не враги.

Она обернулась и произнесла несколько слов, видимо, на испанском. Латинос посмотрел на нее, потом на Стаса и явно нехотя убрал «Уорвик» в кобуру.

– Повторяю, – сказала девушка, оборачиваясь, – мы вам не враги.

– Наверное, вы нам друзья, – ответил Скальпель, и в его тоне было столько сарказма, что, если бы его поместили в банковскую ячейку, ее бы просто разъело изнутри.

– Я этого не сказала. – Девушка покачала головой. – И будь моя воля, в данное время я бы занималась другими делами, которые считаю более важными, чем спасение ваших жизней. Но... человек, на которого я работаю, считает иначе.

– Ах, так вы наши жизни спасаете, – сказал Скальпель тем же тоном. – А мы и не заметили.

– Именно. Не заметили. Именно мы передали папку вашему другу и сообщили об этом Станиславу Бекчетову. – Девушка кивнула на Стаса. – Именно мы сообщили вам и Алисе Картрайт, что ваши друзья спешат на помощь. К слову, если бы вы не поспешили покинуть тот бар, все завершилось бы иначе. Уже через сорок минут там были люди из Особняка. И именно мы, когда вашим друзьям, оставшимся прикрывать ваш отход, стало совсем туго, помогли им уйти, и в данный момент они уже сидят в кабинете Айка Моралеса. И, к слову, именно мы намекнули Айку Моралесу обратить пристальное внимание на это дело. И, наконец, как это ни смешно, именно мы – ваша последняя надежда. Рано или поздно сюда отправят поисковую группу, и как считаете, много им понадобится времени, чтобы найти эту лабораторию? А даже если они окажутся глупее, чем мы думаем, сколько вы собираетесь отсиживаться здесь? Год, два, всю жизнь? Так что да, мы вас спасаем, но, если вы откажетесь, лично я не стану возражать, займусь насущными делами. Скажете «нет» – и мы развернемся и уйдем отсюда.

– А кто это «мы»? – спросил Стас. – И кто тот человек, на которого вы работаете? И, кстати, каким образом вы собираетесь нас спасти?

– Я уполномочена ответить только на последний вопрос, – тряхнув вороной гривой волос, ответила девушка. – Мы намерены вывести вас за территорию, контролируемую вашим сообществом людей.

– Вашим? То есть выжили и другие?

– Да, но ваше наиболее развитое в техническом и научном плане. Остальные поселения практически скатились до уровня феодального строя, потеряли большую часть научных и технических достижений, к тому же находятся под постоянным давлением агрессивной фауны, поскольку гораздо хуже защищены, – четко, заученно проговорила девушка.

– И в одно из таких мест вы нас собираетесь вывезти?

– Я этого не говорила, я лишь ответила на ваш вопрос. Мы намерены вывезти вас к человеку, на которого работаем.

– И что, мы должны вам просто поверить?

– А у вас есть идея лучше?

– Интересно, – сказал Скальпель, – а каким образом вы собираетесь нас вывезти за Стену? И каким образом провезти по территориям, забитым до отказа... агрессивной фауной?

Девушка пожала плечами:

– У нас есть дирижабль.

– О да, дирижабль! Отчего же не аэроплан?

– Аэроплан производит много шума. А дирижабль может пройти бесшумно. К тому же граница патрулируется дирижаблями пограничных войск. У нас дирижабль той же модели.

– И почему мы должны вам поверить? – спросил Стас. – Откуда нам знать, что вы не из Особняка?

– Если бы мы были из Особняка, зачем такие сложности? У этого подвала есть вентиляция. Куда проще было бы запустить через вентиляцию усыпляющий газ. Спросите вашего друга Готфрида Уоллиса, он входил в группу, которая разрабатывала этот газ.

– Секунду, – сказал Скальпель, – а откуда у вас эта информация? Проект был засекречен.

– Нам передал ее Марк Гейгер. Откуда он сам получил ее, понятия не имею. Возможно, это известно нашему работодателю.

По подвалу начал распространяться запах подгоревшего масла.

– Бобы сгорели, – пробормотал Арчи. И Стас усмехнулся, потому что в голосе старого толстяка было куда больше горечи, чем тогда, когда он слышал его голос в последний раз. Другими словами, тот факт, что их жизни вошли в крутое пике и все нажитое нелегким трудом было им потеряно в один день, огорчал его куда меньше, чем подгоревшие бобы.

– Так где, вы говорите, ваш дирижабль? – спросил Стас.

* * *

Ближе к рассвету на улице похолодало еще сильнее. Они уже час как покинули теплый подвал и медленно продвигались среди руин на север, вдоль Стены. Их вел тот самый латинос, спутник «монашки», вел не по дороге, а дворами оставленных домов. К удивлению Стаса, он периодически видел в окнах некоторых домов свет, который проникал сквозь не всегда плотно пригнанные ставни. Тогда латинос уводил их в глубь застроек, обходя жилые дома стороной. А Стас-то был уверен, что этот район давно покинут людьми... Он попытался представить, каково это – жить здесь, и ужаснулся. Оторванные от всех, от самого хода жизни, потерянные.

Он как-то читал книгу, самиздат, нашел ее на складе запрещенной литературы Управления. Автор – некий Эрих Мария Ремарк. Он писал о людях, переживших войну, голод, инфляцию, про таких, как сам Стас. Очень хорошо писал, Стасу так и не удалось понять, почему этого автора внесли в список запрещенных. И ни одной другой книги этого Ремарка Стасу так и не удалось найти ни среди изданных, ни в самиздате. Парень мог стать известным писателем, он и правда был чертовски талантлив. Он назвал таких, как Стас, тех, кто прошел те же дороги, лишился юности, навсегда какой-то очень важной частью своей души остался на войне, потерянным поколением. Он был прав, он был чертовски прав, этот Эрих Мария Ремарк, Стас узнавал в его героях самого себя, узнавал своих друзей, выживших и недошедших, вернувшихся к подобию нормальной жизни или спившихся, потерявших лицо или нашедших что-то новое. Все они были потерянным поколением, все они потеряли самих себя, и даже если их новая жизнь напоминала нормальную, это было только напоминанием, а не реальностью, а их новые лица не были их старыми, настоящими лицами, всего лишь масками, чем-то вроде респираторов, которые помогали им дышать в новых условиях. Им изредка удавалось вернуться к самим себе, настоящим. Нечасто, и только в кругу тех, кто прошел этот путь рядом, плечом к плечу. Именно так было и с ними, со Стасом и его друзьями, именно для этого они собирались каждую пятницу в «Долине», и, хотя не все время они были вместе, а с Арчи познакомились уже после войны, их души легко опознавали друг друга, как будто бы знали пару «пароль – отзыв». Так что да, Ремарк был прав. Но были еще и те, кто отказался возвращаться, кто так и остался там, в том времени, врос в него и не смог или не пожелал вернуться. Их окна и светились этой ночью, их дома обходил стороной проводник-латинос. Вырванные из жизни, не принявшие ее, навсегда оставшиеся в прошлом, постепенно обрастающем руинами настоящего.

Морозило не на шутку. Пальцы начинало ломить в перчатках. Стас обернулся. Алиса шла, поддерживаемая под руку Арчи, следом шли Скальпель и Шрам. «Монашка» замыкала их группу. Стас споткнулся и чуть не упал. Скальп обогнул Арчи и поддержал Стаса.

– Ты как, гардемарин?

– Все в норме, док, просто споткнулся.

– О'кей... Ты считаешь, что мы правильно поступаем? Я имею в виду этих ребят. То, что мы доверяем им.

– А я им не доверяю, – пробормотал Стас, – но ведь она права. Что у нас есть? План?

Никакого. Прятаться в лаборатории вечно мы не сможем. Она права, это временное укрытие, рано или поздно лабораторию найдут. А все ведет к тому, что прятаться нам придется долго. Как минимум до того момента, пока я не смогу решить свое дело.

– Думаешь, сможешь решить?

– Не знаю. В любом случае не скоро, Скаल्प. У Марка Гейгера были и время, и относительная свобода передвижения. Но Гейгер не смог разобраться. А он был крутым сукиным сыном в своем деле, поверь. Я ему и в подметки не гожусь.

Латинос остановился, подал знак остальным, потом достал из кармана блокнот, полистал, посмотрел на часы. Обернулся и что-то сказал по-испански.

– Надо переждать, – объяснила девушка. – Через десять минут тут проедет патруль. Укроемся в развалинах.

– Еще немного на этом холоде – и меня нужно будет скалывать с асфальта ломом, – проворчал Шрам.

– Мы почти дошли. Но нужно переждать.

Они вошли в темноту руин. Казалось, там было еще холоднее, как будто стены конденсировали холод, не давая ему растекаться.

Крыша особняка давным-давно обвалилась внутрь, так же как перекрытие между первым и вторым этажом. Им пришлось карабкаться по груде мусора. Стас снова оглянулся на Алису. Та перебиралась через обломки спокойно, с естественной грацией. Только время от времени поднимала воротник, который почти тут же снова падал. Стас попытался рассмотреть в темноте ее лицо, но не смог.

Он нашел относительно ровный участок, встал, опираясь рукой на косо упавшую балку. Вот это все сейчас обрушится, будет весело. Особенно если как раз в тот момент, когда мимо будет проезжать патруль. Было тихо, дыхание облаком пара вырывалось наружу. Жутко хотелось курить, аж легкие сводило. Как всегда, когда не было возможности. А была бы, и не захотелось бы, наверное. Стас опустил на корточки, ноги гудели. Чертову уйму времени он не ходил столько пешком, как в эту бесконечную ночь. Это плюс к тому, что они не спали, не ели и вымотались все, как собаки. Но у усталости были и свои плюсы, усталость не давала чувствам развернуться. Можно было просто сидеть на корточках, бездумно смотреть в темноту и чувствовать, как болят от усталости ноги и от мороза – руки. Вообще болело все, что-то сильнее, что-то слабее. Стас вдруг отчетливо понял, что ему уже сорок, и если сам он отказывался в это верить, то его тело давным-давно смирилось со старением. Кто-то сказал, что жизнь – это медленное умирание. Сам-то Стас не чувствовал, что чем-то отличается от того мальчишки-гардемарина, что приезжал в эти места на каникулы. По крайней мере до этого момента...

Скаल्पель перебрался через балку, осмотрелся и уселся на груды кирпичей. Тронул Стаса за рукав, привлекая его внимание, и прошептал на самое ухо:

– Я гляжу, ты с Алисы глаз не сводишь?

Это было неожиданно. Стас повернул голову, но лицо друга скрывалось в тени.

– Просто беспокоюсь, – ответил он, пожимая плечами. – Мы-то старые солдафоны. А она девчонка.

– Она женщина, старик. Давно уже не девчонка. Женщина, которой многое пришлось пережить, и она это пережила. Сама, без чьей-то помощи. Чертовски сильная. Может, даже нас всех стоит.

– Да... к чему ты это?

– Ну, я ж говорю, ты с нее глаз не сводишь.

Стас вздохнул:

– Готфри, дружище, если ты беспокоишься за свою женщину...

– Она не моя женщина...

– Ну, я имею в виду...

– Тс-с-с, – зашипел латинос и махнул им рукой. Стас замолчал и тут же услышал нарастающий рокот мотора. Он приближался с севера, от блокпоста. Стас обернулся, чтоб

посмотреть на остальных, увидел Алису и поспешно отвел глаза.

Звук мотора приблизился, поравнялся с руинами и начал удаляться. Они ждали, пока не наступила полная тишина. Латинос сказал что-то, обращаясь к девушке, та перевела:

– Они доедут до поста дежурных и будут возвращаться. Надо подождать.

– Еще ждать? – мрачно переспросил Шрам.

– Недолго. Пятнадцать минут, может, двадцать.

– Двадцать минут на таком холоде – это «ненедолго»?

– Надо подождать, – твердо сказала девушка.

Стас переместил вес на другую ногу, потом посмотрел на Скальпа и перебрался на ту же кучу кирпичей.

– Ты мог и не заводить этот разговор, – прошептал Стас, наклонившись к другу. – Мы друзья, и нет ничего важнее этого.

– Потому и завел, – так же шепотом ответил Скальп. – Она не моя женщина. Мы оказались в одной лодке в силу обстоятельств, и это все. То есть я бы, конечно, был рад, но... Я однажды завел с ней разговор на эту тему, и... кажется, я не тот человек. За все это время я заслужил всего один поцелуй. По-дружески, в щеку.

– Я все еще не понимаю, – прошептал Стас.

– Ну, она спрашивала про тебя. И я заметил, как ты на нее смотришь. Или я не знаю своего старого друга, а?

Латинос снова махнул рукой. Они ждали молча какое-то время, потом машина патруля проехала в обратном направлении.

– Мы еще договорим, – прошептал Стас.

– Нечего говорить, – ответил Скальп. – Или ты всю жизнь собрался проспать на кресле-кровати? Было бы неплохо, если бы хоть кто-то из нас обзавелся нормальной семьей.

– Это точно, – проговорил неизвестно откуда взявшийся Арчи. – Тогда не только мне придется кормить этих вечно голодных мерзавцев.

– Ты подслушивал? – попытался возмутиться Стас.

– Ну да. Интересно же. В кои-то веки вы говорите не о политике и машинах. Нормальный мужской разговор о женщинах.

– Ты хитрый толстый шпион! – проворчал Стас.

– Я владелец ресторана, дорогой. Это почти то же самое. Думаешь, если бы я не умел подслушивать, сумел бы управиться с «Долиной»? При такой-то конкуренции. И девушка славная...

– Идиоты, мы сидим в развалинах под Стеной, нас ищет секретная служба, скорее всего, мы уже объявлены государственными преступниками. И вы пытаетесь устроить мою личную жизнь?

– Раньше руки не доходили, – пожал плечами Арчи.

– Вы кретины, – покачал головой Стас. – Абсолютные, непроходимые тупицы.

– Мы твои друзья, – ответил Скальп, – и ты прав, нет ничего важнее дружбы. В такие моменты особенно.

Девушка-проводница встала, обменялась с латиносом несколькими словами и обратилась к остальным:

– Пора выходить.

– Наконец-то, – ответил за всех Шрам. Встал и принялся колотить себя руками по бокам, заслужив неодобрительный взгляд латинуса.

Они шли еще около четверти часа. Солнце начало подниматься над неровным горизонтом руин. Морозило по-прежнему, но ветер перестал. А когда они дошли до большого, очень старого котлована, пошел снег.

По всей видимости, котлован рыли под фундамент, много лет назад кто-то собирался здесь строиться. Но потом эти планы, как и многие другие, перечеркнула война. Там, в котловане, присыпанное снегом, неуклюже примостилось тугое тело баллона дирижабля. Стас разглядел на его боку эмблему пограничных войск.

– Как видите, я вас не обманывала, – сказала девушка, подходя к Стасу.
– Да, по крайней мере до этого момента, – ответил за Стаса Готфрид. – Как вас зовут?
– Татьяна.
– Знаете, Татьяна, у меня возникло несколько важных вопросов относительно нашей экспедиции. – Скальпель приобнял девушку за плечи, и они вместе начали спускаться в котлован. Кажется, девушка покраснела, но, скорее всего, это было от мороза.
– Вот хитрый лис, – проворчал, проходя мимо, Шрам.
Стас поднял лицо, дав нескольким снежинкам упасть на щеки. Подошла Алиса. Остановилась на краю котлована.
– Давай я помогу, – сказал Стас, протягивая руку. Алиса устало улыбнулась и взяла его под локоть.
– Скоро все это закончится, – сказал Стас, помогая Алисе спуститься, – так или иначе.

* * *

Когда багровое, ослепительно-злое солнце взошло над горизонтом полностью, они были уже далеко от Стены. Впрочем, их никто не преследовал. Кажется, за всю историю существования Стены ни один преступник не пытался искать спасения за ее границами.

Дул попутный ветер, и над Стеной они прошли, не включая моторов. В какой-то момент их поймали в перекрестье лучей огромных прожекторов, но потом сразу отпустили, наверное, увидели эмблему на боку баллона. Внизу раскинулась чужая земля, каждая пядь которой была пропитана лютой ненавистью к человеку и всему, что им создано и создается. Стас почувствовал, как мурашки бегут по его спине. А потом на его ладонь легла ладонь Алисы.

– Страшно, правда? – прошептала она.
– Да. Жутковато. Но на такой высоте нам нечего бояться.
– Правда?
– Правда. Мой отец был ученым. Изучал нетопырей. Он мне как-то рассказывал, что агрессивные мутации коснулись только сухопутных животных и части морских. Ни рыб, ни птиц изменения не коснулись.
– Слава богу.

Гондола дирижабля не была предназначена для путешествия с комфортом. Кабину пилота отделяла от общего салона тонкая металлическая решетка. Два ряда кресел располагались у внешних переборок, между ними шел узкий проход. Дирижабль был предназначен для перевозки десяти человек – по пять кресел с каждой стороны прохода. Татьяна, девушка-проводник, заняла место пилота, а ее напарник – латинос спустился в кабину для бортового стрелка. Попасть в гондолу и покинуть ее можно было только через квадратный люк в задней части. По бортам располагалось несколько круглых иллюминаторов.

– Надо же, мы летим совсем немного, а уже такое ощущение, что оторваны от всего человечества, – прошептала Алиса, глядя в иллюминатор.

Стас развернулся ногами в проход, взял ладони Алисы в свои руки.

– Это не важно, Алиса. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

– Мы все не позволим, – наклоняясь к ним, подтвердил Шрам, потом наткнулся на взгляд Стаса, побледнел и пролепетал что-то вроде: – В том смысле, что мы поможем всеми силами Стасу не позволить. То есть не Стасу не позволить, а... Ну, вы понимаете...

– Я понимаю, – улыбнулась Алиса. – И ни секунды в вас всех не сомневалась.

В полу рядом со Шрамом открылся люк, и показалась голова латинуса. Он что-то сказал, показывая руками на ящик в глубине салона, и снова скрылся в кабине бортового стрелка.

– Что он сказал? – поднимая глаза на Стаса, переспросил Шрам.

– Понятия не имею.

– Зато, похоже, я имею, – оживился Арчи, сидевший за спиной Стаса. Толстяк встал и направился в глубь салона, по пути объясняя: – Был у меня один поставщик, испанец. Вечно увлекался в разговоре и переходил на свою тарабарщину. И одно слово, очень важное в моей профессии... – Арчи опустил перед ящиком, открыл его, и физиономия толстяка осветилась счастливой улыбкой. – Да. Так я и знал! Так вот, одно слово я запомнил. Camida! По-испански – еда.

Все оживились, а Арчи тем временем перечислял:

– У нас имеются сыр, копченое мясо, хлеб, яблоки, какая-то зелень...

– Неси все, – велел Скальпель, – а то я уже начал присматриваться к своим ботинкам.

* * *

После еды на всех напало утомленное осоловление. Шрам и Арчи задремали. Алиса, кажется, тоже. Скальпель перешел вперед, уселся на стальной поручень, отделяющий кабину пилота сбоку, и о чем-то негромко разговаривал с Татьяной. Иногда оттуда доносился довольный смех девушки.

Стас смотрел в иллюминатор, прильнув щекой к холодному стеклу. Сплошное море деревьев, черное или бурое в это время года. Если они и пролетали над теми местами, где когда-то были города, то разглядеть ничего не удавалось. Кое-где встречались редкие хвойные пятна темно-зеленого и желтого цвета. Стас на секунду прикрыл глаза, пытаясь сориентироваться в пространстве, представить, в каком направлении летит дирижабль и насколько они отделились от Стены. Когда-то он неплохо знал окрестности, но теперь воспоминания были похожи на вырезанные из газет фотографии. Попробуй теперь, спустя более чем двадцать лет, вспомнить, какие статьи эти фотографии иллюстрировали. Ни черта не выходило.

– Тебе уже приходилось летать? – тихо спросила Алиса.

Стас обернулся. Она сидела, обхватив себя руками и прислонившись боком к переборке. В салоне было прохладно, хотя, конечно, намного теплее, чем снаружи. Алиса улыбнулась и показала пальцем на его лоб.

– Смешная складка. Там, где прижимался к стеклу.

– Ну, – Стас пожал плечами, – по крайней мере эта морщина рано или поздно разгладится. В отличие от остальных.

– Не напрашивайся на комплименты, – покачала головой Алиса, – на старика ты не похож.

Стас усмехнулся и снова повернулся ногами в проход между креслами. Опять хотелось курить, но он не знал, можно ли курить в гондоле дирижабля.

– Я пару раз летал на военных самолетах. Даже с парашютом прыгал. А на дирижаблях пока не приходилось. Отец собирался взять меня как-то в экспедицию на большом дирижабле, знаешь, такие, с твердым корпусом. Но не сложилось, у нас в мореходке тогда объявили карантин, и все осенние каникулы мы просидели в казарме.

– А я летала, – сказала Алиса. – У пароходства был туристический дирижабль. Огромный, двухпалубный, с танцевальной залой, большой столовой, каютами. Как-то раз туда набирали официантов на замену, а у меня было окно в рейсах, и я согласилась. Думала, полетаю, посмотрю, как это... – Алиса грустно улыбнулась.

– Ну и как?

– Даже в иллюминатор ни разу не посмотрела, некогда было. Только и бегала с подносом между кухней и столовой. Так что даже не знаю, считается ли тот полет.

– Да уж... – Стас покачал головой. – Знаешь, а зато вот Шраму... Андрею пришлось полетать. Во время войны он почти полгода на грузовом дирижабле пролетал между Суматрой и каким-то островом. Не помню названия.

– Ого... Как у Жюль Верна.

– Что-то вроде того.

Стас неожиданно для самого себя протянул руку, взял холодную ладонь Алисы и, поднеся к губам, стал на нее дышать. По ее щекам растекаясь румянец, и Стас подумал, что вот сейчас она отнимет руку. Но Алиса подняла вторую и поднесла к его губам.

– Так лучше? – спросил Стас.

– Намного.

Он притянул ее к себе, наклонился. Она не сопротивлялась, подалась вперед и подставила губы. Они были сухие и горячие.

* * *

На самом деле полет дирижабля вовсе не был бесшумным. Переборки то и дело принимались поскрипывать, что-то постоянно завывало наверху, в узком пространстве между гондолой и баллоном, винтовые рули меняли направление не плавно, а резко, с характерными громкими щелчками. И все же ни один из этих звуков не способен был заглушить биение сердца Стаса. Он смотрел на Алису, которая, укутавшись в его пальто, задремала на своем месте. Задремала, но так и не отпустила руку. Сидеть так было неудобно, но Стас боялся пошевелиться. Все это – полет на дирижабле, первый за долгое время поцелуй, рука женщины в его ладони – это напоминало сон. Одно движение – и сон рассеется...

Страшно было даже думать об этом. Эти мысли, мысли о женщине, это было... незнакомо. Странно. Жизнь вдруг закружилась снежным бураном, понеслась поземкой вдоль только ей известной дороги. А куда? Бывало, часы растягивались в бесконечность, а тут вдруг дни стали ужиматься в часы, и в каждом часе было что-то чужое, опасное, неизвестное. Но это-то как раз и не пугало, это было привычно, он словно ждал перемен с тех пор, как перемены в его жизни почти перестали происходить, а все, что происходило, было похоже на пологую лестницу – ступень за ступенью он куда-то шел и знал, что будет еще одна ступень, и еще, и еще. Они, эти перемены, были неизменны, как день сменяет вечер, а вечер ночь. Он знал, что будет утро, он знал, что будет еще ступень. И все же в этой рутине смены дня и ночи всегда было что-то временное. Он словно чувствовал, что рано или поздно налетит ураган и солнца не станет посреди дня. Чувствовал, что еще придется закинуть за спину вещмешок и выйти на дорогу. Кто-то скажет слово. Кто-то подпишет приказ. Кто-то вскроет пакет. И вот уже идут по новым дорогам старые солдаты, а на дорогах все та же пыль, пропитанная потом, усталостью, размеренностью шагов, кровью, жаждой. Войной. Да, он ненавидел ее, ненавидел эту пыль, всей душой отрицал свою причастность к размеренной поступи солдатских ботинок. Но что толку в этом отрицании? Вот он, на той же дороге, и вот оно, осознание: здесь его место. Не в теплом кабинете, не за рулем машины, не в родовом особняке и даже не за дружеским столом. А здесь, в пыли, в незнании, в ожидании приказа судьбы, в том, что завтра может настать, а может и не настать. И это, увы, не пугало, хотя хотелось бояться именно этого.

А мысль о женщине пугала. Заставляла оглядываться через плечо. Словно искать чьего-то совета, словно говорить: как же так, разве это мое, разве могло случиться это в моей жизни? Но кто ответит? Дорога? Так ей все равно. Друзья? Но они такие же, как и он сам, они растеряются от такого вопроса и не найдут что сказать. Тогда, может, Бог? Стас вздохнул, глядя в иллюминатор за плечом уснувшей Алисы. Бог хорош тем, что к Нему всегда можно обратиться. Беда в том, что, когда спрашиваешь у Бога, отвечать приходится самому.

Стас осторожно высвободил свою руку из ладоней Алисы, откинулся в кресле. Вдруг навалилась усталость. Он закрыл глаза и стал проваливаться в сон.

И уже через мгновение шагал по залитому осенним солнцем саду, и на крыльце его ждал отец.

Стас проснулся внезапно. Рывком, как от пощечины. Вскинулся, оглядываясь. Все спали. Алиса поджала ноги, каким-то образом уместилась в кресле, укрывшись пальто Стаса.

Шрам спал, смешно откинувшись, запрокинув голову, приоткрыв рот. На лице как-то четче обычного выделялся белесый шрам, нанесенный офицерской шашкой. Арчи, кинув свое пальто на пол, растянулся на корме. Как раз уместился поперек салона. Вот с шириной у толстяка была проблема. Едва влез между последними креслами и переборкой.

Что же все-таки его разбудило? Стас оглянулся в сторону носа гондолы. На передних креслах, перекинув длинные тощие ноги через проход, спал, надвинув шляпу на глаза, Скальпель. Даже в этом было что-то пижонское, и Стас, не удержавшись, усмехнулся.

Невольно поискал глазами Бруно, потом одернул себя. На мгновение сбилось дыхание. Стас выдержал это мгновение, глядя перед собой. Потом вдохнул полной грудью. Бруно сгорел вместе с верным «Студебеккером», он там, на безжизненной дороге, ведущей в оставленный почти всеми прежними жителями район под Стеной... Впрочем, нет, это уже не Бруно. Бруно здесь, в сердце, в памяти, в оборванных на полуслове диалогах, в хриплой печали. И теперь так будет всегда. Можно, конечно, дать горечи овладеть собой, но сам Бруно этого бы не понял, не одобрил бы. Он укоризненно взглянул бы из-под насупленных бровей и молча покачал головой.

Осторожно, чтобы не разбудить Алису, Стас поднялся с кресла, присел на корточки и открыл люк в кабину стрелка. Латинос спал, уронив голову на стальное ложе пулемета. Внизу, под стеклянным полом, текло и текло бесконечное море зимнего леса, изредка прерываемое белыми просеками. Похоже на бумажные ленты, которые, крест-накрест клеили на стекла окон во время войны. Если где-то рядом взрывалась авиационная бомба или артиллерийский снаряд, стекла начинали вибрировать и нередко лопались. А бумажные ленты предохраняли от этого.

Стас закрыл люк, поднялся. Снова огляделся. И вдруг понял.

Тишина. Исчезло ровное гудение моторов, приводящих в движение винты на корме и по бокам гондолы. Стас прошел через салон, перешагнул через ноги Скальпеля. Тот что-то пробормотал во сне. То ли на латыни, то ли просто невразумительно выругался.

Татьяна не спала, но было заметно, как она устала. Сидела в кресле пилота, облокотившись о стальное колесо штурвала. Перед нею на обитом бронзовыми пластинами приборном щитке вертели стрелками все эти гироскопы, авиатермометры, вариометры... Бронза между круглыми зрачками циферблатов была щедро усеяна оспинами окисления.

– Почему моторы не работают? – тихо, чтобы не разбудить спящих, спросил Стас.

Девушка подняла голову, ответила, пожав плечами:

– Ветер попутный. Горючее надо экономить. К тому же здесь за нами некому гнаться.

– А я думал, у вас и без нас дел полно, – вспомнив слова Татьяны, сказал Стас.

– Дел полно, – кивнула девушка. – Вы даже не представляете, насколько их много. Но сегодня уже не успеем, так что торопиться некуда. К вечеру прибудем в запретный район. А уж завтра займемся делами.

– В какой район? – переспросил Стас.

– В запретный. Позже вам все объяснят. – Татьяна тяжело вздохнула и потянулась. – Я очень устала. Действительно устала. Почти трое суток на ногах. Извините.

Стас хотел возразить, но что-то его удержало. Он понял, что доверяет этой девушке, да и что ему теперь оставалось? Его жизнь, жизнь друзей и... жизнь Алисы были в ее руках.

Он постоял, облокотившись о поручень и глядя по ходу полета дирижабля. Вдалеке, зажатые между темным покрывалом леса и по-зимнему яркой синевой небес, угадывались горы. Стас не был в горах со времен войны. Черногория...

– Прошу прощения, – проговорил Стас, – последний вопрос. На борту дирижабля можно курить?

– Вообще-то нельзя, – покачала головой девушка, потом снова устало пожала плечами, – но все курят. Два передних иллюминатора открываются. Только ненадолго. Салон выстудите.

– Я быстро, – кивнул Стас.

Он подошел к указанным девушкой иллюминаторам. Достал из кармана смятую пачку.

Впрочем, сигареты были целы, разве что слегка высыпались. Приоткрыл иллюминатор. В лицо тут же ударил ледяной воздух. Закурил, стараясь, чтобы дым выходил наружу. Естественно, ни черта не получилось.

Снова что-то громко пробормотал Скальпель, рывком поднялся, сдвинул шляпу на затылок и ословело огляделся. Остановившись взглядом на Стасе, ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Потянем, гардемарин?

– Тихо ты! – громким шепотом оборвал его Стас. – Людей разбудишь. Потянем, конечно.

Скальпель подошел, перехватил у Стаса сигарету, затянулся.

– О чем думаешь?

– Да так, – Стас пожал плечами, – ни о чем.

Потом усмехнулся и признался, кивнув в глубь салона:

– О ней думаю. Как-то это все... неожиданно.

– Не дергайся, гардемарин, – кому-то очень знакомо подражая, проворчал сквозь зубы Скальпель. В памяти всплыл толстый лысый мужичок с капральскими погонами. Как же его звали? – А я все видел, – уже своим голосом и не скрывая ехидства добавил Скальп.

– Видел, и молчи, – проворчал Стас, взял у друга сигарету и затянулся.

– А я, понимаешь, о смысле жизни думаю, – снова возвращая себе сигарету, сказал Скальпель. Сигарета почти истлела. Держа ее кончиками пальцев, Скальп сделал последнюю затяжку и хотел выбросить. Потом подумал, задрал ногу и растер о подошву. – Был бы пинцет под рукой, еще бы на затяжку хватило.

Скальпель уселся на соседнее место.

– И в чем смысл жизни? – с усмешкой спросил Стас, глядя ему в спину.

– В этом, – не оборачиваясь, сказал Готфрид, неопределенно качнув головой.

Стас посмотрел в иллюминатор. Сплошное море леса внизу расходилось вокруг каменистого островка. Еще не предгорья, а может, как раз предгорья, скрытые за маскировочной сеткой деревьев. Каменистый холм, скупое украшенный несколькими щуплыми сосенками.

– Это похоже на детскую игру, – пояснил Скальпель. – В два кирпича. Играл?

– Не помню.

– Ну, короче, у тебя два кирпича. Ты бросаешь один, прыгаешь на него, ставишь рядом второй, переходишь, передвигаешь первый. Снова переходишь, и так – кто первый доберется до условленного места. Жизнь то же самое. Ты делаешь шаг для того, чтобы сделать следующий шаг. Но отвечать можешь только за тот момент, когда стоишь на кирпиче. Смысл в настоящем, брат. А будущего не существует.

Стас оглянулся, посмотрел на Алису.

– Я с тобой не согласен, старик. Человек, конечно, отвечает только за настоящее. Но верит-то он в будущее. Не в то, которое наступит и тоже станет настоящим, а просто в будущее. Как в горизонт.

Скальп проследил за взглядом Стаса, усмехнулся. Пожал плечами:

– Это одно и то же, Стас. Просто у тебя теперь больше кирпичей. Я тебе завидую, гардемарин.

Стас вздохнул, посидел, закинув руки за голову. Проговорил еле слышно:

– Это как бог из машины у греков. Когда сюжет заходил в тупик и автор не знал, что делать, он использовал бога из машины. Тот появлялся, и все становилось понятным.

– Тебе все стало понятным?

– Нет, но это и не пьеса. Просто мне есть зачем жить. Я снова знаю, зачем вставать из окопа.

– Дурак ты, Стасище. Большой дурак, честное слово. Тебе предлагают начать фундамент закладывать, а ты все про окопы думаешь.

– Да...

Они посидели молча. Потом Скальпель отчаянно зевнул во весь рот и велел Стасу убираться на свое место. Когда Стас поднялся, Готфрид снова надвинул на глаза шляпу.

– А я думал, ты только пьяный на такие темы говоришь, – глядя на шляпу, сказал Стас.

– Так нет же ничего, – Скальп пожал плечами и снова закинул ноги на кресло. – Я бы с удовольствием.

Стас вернулся на свое место. Алиса поежилась под пальто, открыла глаза. Сонно спросила:

– Мы еще летим?

– Летим, – кивнул Стас и поправил на ней пальто.

– Не уходи никуда.

– Куда же я уйду?

– Не знаю. Все уходят.

– Я не уйду. Не бойся... А если уйду, возьму тебя с собой. Мы теперь как ветер и парус. Один без другого – никуда. И даже не теперь, давно. С того дня, когда я встретил тебя на Речном вокзале. Просто Готфрид прав, я большой дурак. Все было ясно, а я не увидел. Ты мне веришь?

– Верю. – Алиса улыбнулась, закрыла глаза. – Ты столько лет на суше, а говоришь, как моряк. Парус, ветер... Андрей прав, вы все еще гардемарины.

– Гардемарины – это курсанты мореходного училища. Мальчишки, у которых есть будущее, связанное с морем. Хотя это не важно. Главное, что у них все впереди. Мы давно повзрослели с тех пор, Алиса.

– Нет, – она покачала головой, – вы просто начали сидеть.

* * *

Когда все проснулись, Арчи снова обследовал сундуки в хвосте салона. Соорудил из остатков провизии бутерброды с вяленным мясом и листьями салата, нарезал помидоры и сыр.

– Эх, мне бы хоть какую-нибудь завалящую горелочку, – сетовал он, – вах, какую вкуснятину можно было бы приготовить. Пальчики оближешь, спасибо скажешь, потом еще раз оближешь!

– Извини, старина, – сказал ему Шрам, помогая перетащить на середину салона один из сундуков, – но прямо над нами огромный баллон, наполненный водородом. А та штука, в которой мы с тобой в данный момент находимся, по большей части... не толкай, там ножка... так вот, эта штука в основном сделана из дерева. Огонь, дерево и водород – хреновое соседство.

– Вэй, это ты мне как автомеханик говоришь, – смешно нахмутив брови, возмутился Арчи.

– Вэй, это я тебе как умный человек говорю, – в тон ему ответил Шрам.

– Ты зачем такое сказал? – тут же взвился Арчи. – По-твоему, я не умный?

– По-моему, ты недостаточно умный, старина. Взять хотя бы машину, на которой ты ездил все это время...

– Началось! – в один голос простонали Скальпель и Стас.

– Зачем он такое говорит? – тут же повернулся к ним Арчи.

– Нет, ну я же прав, – обернулся к друзьям Шрам.

– Идите к чертовой матери, – борясь с довольной улыбкой, ответил Скальпель.

– Только сначала покормите, – предупредил Стас и посмотрел на Алису. Та с восторгом наблюдала за перепалкой. – Не волнуйся, они все время так цапаются. Ничего серьезного. На самом деле.

– Да, я вижу, – кивнула Алиса.

– А я завидую Алисе, – сказал Скальпель, – в изучении этого приемного дома у нее еще все впереди.

– Ты вот это зачем сказал сейчас? – взвился с кормы голос Арчи.

– Ауч, старина, не пойми меня неправильно, но давай посмотрим правде в глаза... – отвечал Шрам.

И так далее и тому подобное. Как в добрые старые времена. Не хватало только голоса диджея Халли на фоне и всех этих его свингов, рок-н-роллов и серфов.

И Бруно... Стас посмотрел на Скальпеля. И понял, что он думает сейчас о том же. Таким беспомощным был его взгляд, как будто он только что снял очки. Но Готфрид не носил очков...

Встречные потоки воздуха заставляли поскрипывать деревянные переборки гондолы. К этому давно привыкли, и все эти скрипы и едва заметные перестукивания лишь изредка вторгались в атмосферу поднебесного пира. Бутерброды, пусть и из обычного вяленого мяса, были вкуснейшие, то ли потому, что были сотворены на свет кулинарным гением Ауча, то ли потому, что все проголодались, а скорее всего, дело было и в том и в другом. Скальпель отнес два бутерброда и бумажную тарелку с сыром и томатами в кабину пилота да там и остался есть, периодически возвращаясь, чтобы утянуть с общего стола кусок-другой. Алиса спохватилась и велела мужчинам отодвинуть сундук. Тут же приоткрылся люк бортстрелка, и, высунув голову, латинос произнес несколько фраз, далеко не безвинных, судя по тону. Однако врученный Алисой бутерброд загладил недоразумение.

Как же мы так можем, подумал Стас, как можем сидеть, есть, смеяться, спорить, когда еще и суток не прошло со смерти Бруно. Да, жизнь берет свое, конечно, и сам молчаливый дружище Бруно был бы не рад чужой печали. И все же – как? Ведь это даже не передышка, это какое-то выпадение из времени... А впрочем, не о том ли ты просил совсем недавно?

Алиса наклонилась к его уху и спросила:

– Ты что помрачнел?

– Да так, – тоже шепотом ответил Стас, – задумался.

Мгновенное понимание, словно магниевая вспышка в фотомастерской, озарило печаль. Не зря Скальпель завел свою речь о смысле жизни, и хотя, конечно, был он не прав, дело в другом. Иногда человек должен отвечать не только за себя, и, если Бруно оказался на пути шальной пули, это не значит, что смерть его была такой же шальной, бессмысленной. В ней был смысл, и, может быть, все это – полет, бескрайнее море леса внизу, надежда на завтрашний день, на еще один кирпич – все это существовало для них благодаря ему. Благодаря тому, что в темный час он оказался на пути пули, загородил их всех, это море леса, этот день, многие другие дни. И потому надо жить, потому надо смеяться, спорить, любить. Надо жить, каждую минуту осознавая, что смерть друга была не бессмысленной. Надо жить ради этого.

Стас вдруг ощутил что-то вроде присутствия. Как будто стоял кто-то молчаливый за плечом, как будто он одобрительно кивнул. Глухо загудело за бортом. Стас выглянул в иллюминатор и успел заметить, как бортовые винты пришли в движение, слегка меняя направление дирижабля. Стас посмотрел в другую сторону. Через выгнутую навстречу потокам ветра линзу носовой части увидел: дирижабль летел точно навстречу клонящемуся к горизонту солнцу. А внизу ковер леса все чаще прорывали каменистые проплешины. Они летели к горам.

* * *

Ближе к стене горного массива дирижабль начал грузно поворачивать. Над потолком пугающе застонали тросы, шум ветра усилился, гондола скрипела теперь, казалось, всеми своими частями разом. Ветер, который до этого был попутным, теперь лупил в левый борт и раскачивал гондолу. Стоять было невозможно, все расселись по своим местам.

Стас с досадой подумал, что маневр стоило начать раньше. Выйти на смену галса по плавной кривой. Потом вдруг усмехнулся. Откуда эта забытая досада, откуда эта десятки лет не всплывавшая терминология. Хотя... По сути, тот же ветер, та же методика его использования, за тем исключением, что вместо руля здесь использовались попеременно

включаемые бортовые винты. Имелись, впрочем, и кормовые винты, благодаря которым современные дирижабли способны были ходить даже против ветра, но суть не в том. Между прочим, на некоторых колесных пароходах была та же система управления, когда судно управляется попеременно запускаемыми бортовыми колесами с лопастями. А еще... Стас снова усмехнулся. Посмотрел на слегка испуганную Алису, потом обернулся к Скальпелю, понял, что смотрит на друга с совершенно идиотской усмешкой.

– Резковато зашли, да?

– Я бы ушел по плавной, – проворчал Скальпель, хватаясь за поручень переднего сиденья. Потом все понял, улыбнулся, крикнул: – Шрам! Шрам, слышишь? Стаха говорит, резковато зашли!

Шрам прищурился, выглянул в окно («Когда у него появилась близорукая привычка так щуриться? – подумал Стас. – Не помню...») и вдруг гаркнул во всю силу легких:

– Галфвинд под марселями без стеньга-стакселей? Крысы сухопутные! Шкуру спущу!

– Виноват! – в один голос гаркнули Стас и Скальп. Алиса, вздрогнув, ошарашенно переводила взгляд с одного на другого, Арчи замер с надкушенным бутербродом во рту.

– Шевели плавниками, мокрота! – гаркнул Шрам и тут же повалился назад в кресло, поскольку дирижабль вновь содрогнулся всем телом.

Алиса испуганно ахнула, но Стас взял ее руку и успокаивающе сжал. Он уже понял, что они снова меняли направление. Выглянул в иллюминатор: дирижабль уходил в широкое ущелье, разломившее стену горной гряды почти по ходу движения. Темные волны леса, обступившие предгорья плотным строем, словно ударившись о тысячелетнюю мощь каменной твердыни, откатывались теперь назад, под брюхо воздушного корабля, обнажая красно-коричневые отроги гор. И – словно от подмытого чередой приливов и отливов берега отвалился кусок и ухнул в воду – отстояла чуть в стороне от горного массива невысокая одинокая гора. Даже не гора – каменный столб, причудливая шутка природы, способной обтачивать ветром, солью и водой то, что, казалось бы, не может измениться. Каменный столб диаметром в пятьдесят-шестьдесят метров с ровной, будто срезанной лезвием вершиной рос из леса и идеально прикрывал от незнающего глаза вход в ущелье. На фоне черно-белого зимнего пейзажа он казался случайным штрихом. Да и само ущелье начиналось лишь на значительной высоте от поверхности, так что без дирижабля проникнуть в него было невозможно.

Дирижабль закончил маневр и уже плавно, без рывков шел по каменному туннелю. Судя по гудению за переборками, в ущелье было далеко не спокойно, но бортовые и кормовые винты справлялись с этими неудобствами. Надо отдать должное Татьяне, она была не самым плохим пилотом.

* * *

Полет по ущелью продолжался не дольше часа. Когда стены вдруг расступились, дирижабль начал терять скорость, а после и вовсе снижаться. Там, внизу, в практически идеальном кольце гор, пряталась небольшая долина с кольцом хвойного леса у скальных стен, белой от снега поляной и странным сооружением в центре, вокруг которого жались малыми детьми двух- и трехэтажные дома.

Большой каменный куб служил опорой для высокой башни, составленной из металлических конструкций и увенчанной чем-то вроде огромного вогнутого зеркала. В искривленной поверхности отражались пасмурное небо и клякса дирижабля.

Дирижабль сделал над долиной полный круг и перестал снижаться. Стас посмотрел вперед и увидел, что на самых малых оборотах дирижабль приближался к еще одной стальной башне, поменьше первой, не увенчанной никакими зеркалами и не бросившейся в глаза из-за своего положения: она стояла вплотную к лесу и была лишь ненамного выше деревьев. Ниже, в самом лесу, прятались стальные крыши ангаров. Швартовая башня для дирижаблей, догадался Стас.

– Видимо, мы на месте, – с излишней бодростью сказала Алиса. Стас сжал ее ладонь и, когда их взгляды встретились, кивнул: я рядом, не бойся.

За бортом что-то оглушительно ухнуло, и дирижабль, вздрогнув, замер окончательно. Грохнули, конечно, автоматические швартовы. Стас о них узнал, когда вычитывал материалы по делу снайпера. Правда, так и не смог понять принципа действия. Да и не важно это теперь.

Татьяна вышла из кабины, устало потянулась, выгнув спину. Крышка люка в полу поднялась, в салон выбрался латинос с заспанным лицом.

– Все, прилетели, – проговорила Татьяна и бросила несколько непонятных слов своему напарнику. Тот прошел в конец салона и откинул зажимы кормовой переборки. В салон хлынул ледяной воздух. Чистый, без примесей автомобильной гари, обычный зимний воздух... Стас втянул его полной грудью, впервые за долгие годы. Переборка медленно опустилась на стальную платформу вышки, обернувшись сходнями.

Стальная лестница гроыхала под их ногами. Стас шел сразу за Татьяной. Шел вполоборота, придерживая Алису под руку. Она доверчиво опиралась на его локоть, и от этого в душе что-то незнакомо щемило. Но сейчас было не до этого. Он постарался собраться, сосредоточиться, почувствовал тяжесть кольта в кармане пальто. Но еще будут моменты, теперь он знал это точно, будут минуты, у них обоих теперь будет *время*. И тогда он впервые вдохнет полной грудью, как этот морозный воздух, аромат любимой женщины. Когда-нибудь...

Они спустились, снег отозвался бодрым скрипом на их шаги. Едва заметный ветер пронесся у ног, поднял поземку и тут же скрылся в лесу.

От швартовой башни к домам в центре долины бежала, извиваясь снежной змеей, тропинка. По ней, видимо, с утра никто не ходил, и ее косой след едва угадывался под нанесенным снегом. Татьяна уверенно и не оглядываясь зашагала по тропинке, и ветер разметал ее темные волосы, такие яркие на фоне белого снега. Латинос обогнал Стаса, догнал девушку и пошел рядом, что-то оживленно говоря и показывая на башню. Татьяна устало, но довольно рассмеялась.

Стас вдруг понял, что стоит на месте, глядя вслед этим двоим, и друзья его стоят рядом и так же нерешительно глядят вперед. Настороженно замер лес в десятке шагов от них, словно прислушивался к незнакомому дыханию. Лишь изредка от снежных шапок отрывались крупные хлопья и, шелестя, падали вниз.

– Ну что, – пробормотал Стас, – пошли... гардемарины.

Все как-то вдруг подоברались. Скальпель, не говоря ни слова, сошел с тропинки и встал слева от Алисы, а Шрам, также молча, занял место справа. Толстяк Арчи, угрюмо сопя, замкнул каре сзади. Так и двинулись по двойной цепочке следов, оставленных на снегу Татьяной и латиносом. Непрошеным мелькнуло воспоминание о других следах на снегу, в гулком дворе-колодце, под прицелом слепых окон. Как ни странно, это успокоило. Стас знал почему. Там, тогда, в той ситуации он не был одинок, его прикрывали друзья. И здесь, сейчас, в этой небольшой, спрятанной в горах долине его снова прикрывают друзья. Его и ту, которую прикрывает он сам. Пришло и другое воспоминание – внезапно отяжелевшее тело друга, упавшего на плечо. Но и оно не испугало, наоборот. Так было надо. Бруно прикрыв их тогда ради этой секунды решительности. Ради этого мгновения. Ради этой неназванной верности, ради дружбы, о которой они никогда не говорили, ради того, что эти люди несли в сердцах уже долгие годы. Ради того, что было сильнее пули. Это горько, это больно, но это дружба. Приходит момент, когда ты отдаешь последний кусок хлеба, снимаешь последнюю рубашку, встаешь под пули. Потому что, какими бы громкими словами ни прикрывались войны, если нет за спиной тех, кого ты прикрываешь, и тех, кто прикрывает тебя, смысла стрелять нет и нет смысла воевать. Потому и была бессмысленной та жуткая война, укравшая их юности. Она столкнула друга с другом, погнала брата на брата, перечеркнула любовь и верность трассирующими росчерками очередей. Нет, осознал вдруг Стас, не совсем так. Даже в самые тяжелые моменты, даже там, на обледенелом горном склоне, прижавшись

щекой к прикладу противотанкового ружья, чувствуя, как ломит от холода все тело, он помнил о друзьях и каким-то краешком сознания понимал: ему нужно выжить, нужно пройти все *это*, чтобы однажды они снова были вместе. И это стоило всех выпущенных пуль.

Это стоило, война – нет.

Когда до ближайшего дома оставалось всего несколько шагов, дверь открылась, и на улицу, кутаясь в пижонское пальто, вышел человек. Стас узнал его, вспомнил, как он стоял в окне склада.

– Добрый день, – сказал Стас.

– Добрый? Ну, хрен его знает, – пожал плечами человек. – Хотя да, бывало и хуже. Добро пожаловать в нашу маленькую республику, джентльмены. И дама, разумеется. Пойдемте, я покажу вам, что тут к чему.

– А вы, собственно, кто? – спросил Скальпель.

– Я-то? Я – Халли. Кем еще я могу быть, док? Ну вы даете...

«Сегодня я не говорю вам: «Добрый вечер». Так уж вышло, родные, что правда всегда ходит рука об руку с бесчеловечностью и смрадом. Как ни страшно мне это говорить, но правда – родная сестра зла... Нет, я не скажу вам сегодня: «Добрый вечер».

Я знаю, вы слушаете мои эфиры ради музыки, но сожмите зубы и потерпите, пока я выскажу все, что знаю. И, может быть, тогда вы начнете скрипеть сжатыми зубами от злости. А может быть, равнодушно пожмете плечами. Это ваше дело, мне плевать.

А правда такова. Вас окружили Стеной, вас согнали в резервации, вас приучили жить в замкнутых пространствах, научили бояться чистого воздуха. Ведь это так просто – управлять жалким человеческим стадом, если оно само не желает покидать загон. Вы превратились в бройлерных куриц. Почему? Потому что из-за Стены на вас веет угрозой и смертью? Это правда. Так и было.

Но вот вам другая сторона этой медали: упыри вымирают. Их почти не осталось, а те жалкие особи, что блуждают вокруг вашего мира, уже не способны причинить вред. Несколько ученых во главе с Анатолем Бекчетовым обнаружили этот факт больше года назад. Но никто не поспешил сообщить вам об этом. Почему? Да потому, что все ваше существование построено на страхе того, что ждет за Стеной загон. И этот страх можно использовать. И этот страх используют. Кто же? Я назову вам два имени: Герман Геринг и Герман Вирт. Именно им стала известна правда в первую очередь. Именно они решили использовать эту правду. И именно они эту правду используют.

Но ведь все тайное рано или поздно становится явным, не так ли? На что же могли рассчитывать эти люди? О, тут все просто. Они рассчитывали на вашу инертность, на ваше равнодушие. На ваше умение шагать строем и выполнять команды. Ведь вы, бедолаги, так славно ринулись в новое увлечение строевой подготовкой, с таким наслаждением начали примерять новые военные мундиры, с такой радостью маршировали по улицам городов... Разве было у вас время оглянуться? Нет, да и зачем? Главное – вместе, главное – идти плечом к плечу. Я не стану спрашивать вас, плохо это или хорошо. Я спрошу о другом: ну и куда вы пришли? А еще лучше так: далеко ли вы умаршировали от своей рабской, полускотской жизни? Оглянитесь и поймете: все это время вы топтались на месте, идиоты.

И все же Геринг и Вирт решили подстраховаться. Потому что вдруг оказалось, что не всем нравятся мундиры, что не все готовы влиться в строй, что есть еще бессознательные граждане, для которых просто жизнь, вне политики и военной машины за плечами, жизнь, где каждый просто делает свое дело, важнее государственных интересов. Тогда они собрали в секретном институте ученых, обнаруживших, что, если подавать звук в определенной частоте, используя при этом цифровые коды, можно легко влиять на настроение людей. Правда, вот беда, не на всех. И отдельные люди осознали, что знания и технологии такого масштаба, попав в руки подковерных бульдогов, принесут лишь несчастья. Вам известно, что колючую проволоку придумали для ограждения загонов с домашним скотом, а порох –

для развлечения и фейерверков? Во что превратили эти знания геринги и вирты? Не мне рассказывать об этом *вам*, прошедшим дорогами войны, оставившим за спиной тысячи погибших, сошедших с ума, оставшихся инвалидами, спившихся... Ради надежды, ради новой жизни, ради будущего. И именно его теперь пытаются у вас украсть.

Когда группа ученых решила не передавать свои открытия правительству, а точнее, тем, кто стоит за правительством, их просто уничтожили. Как же и кто? И на это я сегодня готов ответить. Существует специальное подразделение, именуемое в реестрах как Городские Совы. Вооруженные старыми, но модернизированными винтовками, они прекрасно справляются со своими задачами, а именно: уничтожают тех, кто не вписался в строй и имел наглость этого не скрывать. Большинство ученых были убиты едва ли не на людных улицах, а следы преступления заматались так умело, что лучшие детективы долгое время не могли докопаться до истины. Даже они поверили в мифического серийного убийцу. Но когда истина все же оказалась на расстоянии вытянутой руки, детективов также попытались устранить. Вот только не вышло. Потому что охотиться на старых солдат, прошедших горнило городской преступности, оказалось в десятки раз сложнее. Потому что они, черт возьми, имели наглость сопротивляться, потому что они, черт возьми, имели наглость водить систему за нос, потому что они, мать вашу, верили друг в друга. Потому что вместе с ними, плечом к плечу, стояли не идейные соратники, а всего лишь друзья. И именно этим людям, не остановившимся на полпути, мы должны быть сегодня благодарны. Запомните эти имена: Готфрид Уоллис, Андрей Чадов, Арчи Терапетян, Алиса Картрайт, Станислав Бекчетов, Самуил Брунер, Марк Гейгер. Даст бог, прозвучат и другие, скрытые штампами секретности имена.

Знай! Уже к весне за Стеной не останется ни одного способного сопротивляться нетопыря, природа возвращается к тому состоянию, которое мы уничтожили своей войной. Она, природа, многому научилась. А вы?

Способны вы шагнуть за Стену? Решайте сами...»

Эпилог

Снег падал и падал, он кружил над одинокой горной долиной, до которой даже нетопыри не могли в свое время добраться. А снегу было плевать на препятствия, на прогнозы синоптиков, на народные приметы и вообще на все. Он кружил, заматавая едва протоптанные следы, ведущие от нескольких зданий, окружавших старую радиобашню. Три дирижабля вольготно устроились в большом ангаре. Четвертый должен был вернуться с вахты только к полуночи. Каждый дирижабль был оснащен мощным радиопередатчиком, благодаря которому голос Альберта Халли достигал городских приемников. Дирижабли постоянно меняли курс, так что запеленговать их так и не удалось. Конечно, главной задачей дирижаблей было не радио. Они ждали, следили, собирали информацию, а при необходимости устремлялись вниз. Чтобы подобрать тех, кто попал в беду, тех, чьи знания и умения пытались использовать во вред людям, тех, кто не умел маршировать строем. Но потом дирижабли вновь устремлялись к облачным небесам, а голос диджея Халли снова начинал звучать из динамиков.

...Стас наблюдал из окна сторожки за тем, как странная угловатая машина медленно ползет по центральной улице. Машина называлась трактор, и только благодаря ей городок не занесло снегом окончательно. Спроектировал ее профессор Мигель Тюринг, а собрал дружище Шрам. У машины был большой щит, приваренный к носовой части, которым и сгребался снег, а также открытый салон, так что профессор Тюринг сидел, ссутулившись, пряча голову в тень за поднятым воротником. Тюринг, разумеется, привычно ворчал, что это неквалифицированный труд, что у него своих забот не счесть, что его ждет теория полей и так далее. Но каждые несколько часов надевал свой необъятный овечий тулуп и залезал в кабину трактора. Изредка его подменял Шрам. Если удавалось сбежать из мастерской.

А здесь, в сторожке, было тепло. От буржуйки тянуло жаром, и не хотелось никуда

идти. Стас приложил к быстро замерзающему кругу на стекле ладонь и стер наледь.

– Что-то Ауч опаздывает, – вздохнула Алиса, убирая со стола посуду. Она зашла сегодня пораньше, чтобы покормить Стаса и вместе с ним пойти готовиться к завтрашнему новогоднему вечеру. Арчи сам вызвался дежурить в эту ночь. И вот опаздывал.

– За ним такое редко водится, – пожал плечами Стас. – Ты иди, не жди. Я прибегу, как только он меня сменит.

Алиса подошла, прижалась к его спине, поцеловала в шею. Стас на мгновение затаил дыхание. Потом повернулся, взял ее за талию и, притянув, поцеловал сначала в щеки, потом в переносицу, потом губами схватил волоски брови. Алиса рассмеялась, качнула головой:

– Колочий.

– Побреюсь... В этот раз точно. Ты правда иди. А я сразу за тобой. Только домой заскочу, душ приму, переоденусь. А то от меня пахнет, как от шахтера после смены.

– Мне нравятся, как пахнут шахтеры после смены, – прошептала Алиса.

– У вас ужасный вкус, мисс Картрайт. Но мы это исправим... Попроси Тюринга, он тебя подбросит.

– Хорошо. Только не задерживайся, дел много. Готфрид с Таней уже там.

Она ловко вывернулась из его рук, надела обрезанный по колено тулуп. Сунула ноги в высокие белые валенки. Торопливо прижалась губами к его щеке и выскочила за дверь, впустив облако белого пара. Стас посмотрел на дверь, достал сигареты, закурил. Потом поднял голову к потолку и благодарно кивнул.

Это были его последние дни перед полетом. Первым полетом к Стене, первым дежурством. Стас ждал этого с нетерпением. Ведь все уже нашли свое место в этом маленьком горном убежище. Шрам влился в группу технарей, чинил слегка устаревшее уже оборудование и вообще был нарасхват. А Скальпель чинил людей. У него, конечно, не было своей лаборатории и гигантских возможностей, просто маленький кабинет и примыкающая к нему операционная. Но он лечил. И кажется, ему этого хватало. К тому же черноволосая Татьяна все чаще навещала его на работе, не давая скучать. Это было прекрасно, особенно когда все вдруг освобождалось от обязанностей и собирались на квартире Арчи. Такой прекрасный повод для дружеской шутки (не одному же Стасу отдуваться). Эту квартиру, разумеется, сразу же прозвали «Долиной», и Шрам даже пообещал сварганить вывеску из ненужных арматурных прутьев. Кстати, если кого и приняли в городке с распростертыми объятиями, так это Арчи. Случилось это в первый же день в общей столовой, когда толстяк вдруг вскочил, замахал руками, как ветряная мельница, и с воплем «Ты зачем такое делаешь?!» подбежал к дежурному по столовой. С тех пор готовил только Арчи, и на него разве что не молились.

И вот пришло время Стаса. Халли дал «добро», и испанец Ансельмо берет его в следующий полет.

Узнав о намерениях Стаса, Алиса не стала отговаривать. Она просто старалась теперь как можно чаще бывать с ним. И это делало его счастливым. Пожалуй, впервые с тех пор, как молодых гардемарин выгнали на плац в последний раз...

Стас больше не отталкивал от себя это новое, горячее ощущение, когда ее рука касалась его лица, ее губы обжигали своей потрескавшейся от ветра нежностью, когда утром, чувствуя жар ее сонного тела, он боялся пошевелиться... Нет, он не отталкивал. Он впитывал каждый миг, каждый полусвет, каждый полуслеп.

Но он не мог просто существовать в этой безмятежности, он хотел быть полезным, хотел помогать этим людям. Да, наверное, ему так и не удастся вытравить из себя солдата – слишком поздно. И да, возможно, он так и будет продолжать свою собственную войну. Но теперь он знал, что ему есть куда возвращаться, знал, что его будут ждать...

...Арчи влетел в сторожку красный с мороза, замотанный в старый вязаный шарф, в гигантских валенках, в тулупе, с какими-то коробками в руках, мгновенно заполнил половину сторожки и тут же принялся махать руками, выкрикивая:

– Слушай, зачем так метет, а? Это разве погода, я спрашиваю? Нет, это не погода, это,

мамой клянусь, непонятно что вообще! А ты почему здесь? Иди отсюда, я же пришел! Мне еще торт делать, а ты мешаешься. Что ты можешь понимать в тортах, Стас! Я что задумал – вах, пальчики оближешь. Но если ты не уберешься, клянусь, уйду на пенсию, будешь есть тушенку прямо из банки руками!

Стас засмеялся, ткнул довольного Арчи кулаком в плечо и стянул с вешалки шинель. Да, так уж вышло, что тулупа на Стаса не хватило, пришлось взять на складе старую пехотную шинель с незнакомыми знаками отличия. Видимо, судьба у него такая...

Увязая в сугробах, он добрался до своего дома, с трудом открыл, отбрасывая валенками снег, тяжелую железную дверь (перчатки прилипали к железу, как в детстве).

Зайдя в тепло, Стас остановился посреди комнаты, оглядел нехитрую обстановку, медленно снял шапку. Со стены со старой фотографии на него серьезно, но с усмешкой в уголках чуть раскосых глаз смотрел отец. Стас медленно подошел, провел пальцами по отцовскому лицу.

«Какая разница, чему учила меня жизнь, папа? Какая разница, как я обманывался и в чем ошибался? Вот стоит кровать, а на подушке – ее расческа. Это и есть сейчас жизнь, смысл... Это и есть все! Осталось только принять душ, переодеться – и наш мир снова будет кружить в нужную сторону. Это еще проще, отец, чем ты думал. Это намного проще, чем всем нам казалось. Мне жаль, что тебя нет рядом, но, прости меня, в эту минуту мне нужно, чтобы рядом была она. Верю, ты бы понял меня. Верю, ты меня понимаешь...

А об остальном мне не хочется думать. Сейчас мне больше ничего не нужно. Все остальное – завтра.

Хотя нет, чуть не забыл.

Надо же побриться...»

«Эй вы, бездельники! Думаете, это все? Черта с два! Как сказал один русский по имени Илья Эренбург, никто не знает маршрутов истории. Это трамваи ходят по кругу... Ну или как-то так. И кто бы спорил! Но вот о чем я вас спрошу, бездарные вы слюнтяи. Кто-нибудь видел на лобовом стекле истории табличку «В парк»? Никто не видел? И я – верите вы или нет – не видел. А значит, нет конца вашим страданиям! Мир все еще продолжает валиться в долбаную пропасть. В самую, мать его, глубокую пропасть из всех, какие только существовали под этим равнодушным небом, которому, вот вам мое самое честное слово, плевать на несчастных слабоумных двуногих агнцев, послушно пережевывающих травку на пастбищах истории! Вы не забыли об этом? Забыли? Ну так я вам напомним. Мир делал это с самого начала начал, он падал, падал и падал, и я не вижу, почему бы ему не продолжать падать вечно. Но ведь вечность – это так долго, думаете вы, милые мои, вечность – это же чертова уйма времени! А человек такая скотина, он ко всему привыкает. Поставь на него ногу, он годик побрыкается, а на второй привыкнет. Надень на него сбрую – и через год он научится распознавать овес по урожайным годам и чавкать с видом знатока. Отними у него все – и очень скоро он объявит это свободой. Но знайте, дети мои, ибо аз есмь пастырь ваш на земле грешной, и говорю я вам из небесных эфиров: если вы привыкнете, если пригреетесь, если только приспособитесь... что ж, значит, придет время!!! Время для эфира последнего нормального радио летящей ко всем чертям цивилизации – рэдио «Хоспис»! И его бессменного ведущего, очаровательного души, певца солодовых напитков и запрещенного рок-н-ролла – диджея Халли! Кто такой Халли? Да это же я!

...Эй, детка, не спи. Я уже рядом...

А чтобы тебе не скучно было ждать, чтобы ты не остыла раньше времени, я поставлю тебе ко....

(...помехи...)

(...помехи...)

(...помехи...)

(...помехи...)

...лбанные глушилки!»

